РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

XVII

Фонетика

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2018

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 17. Фонетика. — М., 2018. — 320 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА
О. В. Антонова, канд. филол. наук (Москва, Россия) — отв. редактор
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия) — отв. редактор
Д. М. Савинов, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия) — отв. редактор
Е. С. Скачедубова, канд. филол. наук (Москва, Россия)
А. Е. Сомова, канд. филол. наук (Москва, Россия)

В оформлении обложки использована осциллограмма слова *фонетика*.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018
© Авторы, 2018

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*. Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,8. Заказ № 1574
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

XVII

Phonetics

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2018

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, No. 17. Phonetics. — M., 2018. — 320 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD
Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, PhD., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE
Olga V. Antonova, PhD (Moscow, Russia) — Chief Editor
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia) — Chief Editor
Dmitry M. Savinov, D.Sc. (Moscow, Russia) — Chief Editor
Ekaterina S. Skachedubova, PhD (Moscow, Russia)
Alexandra E. Somova, PhD (Moscow, Russia)

The oscillogram of the word *phonetics* is used in the design of the cover.

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77–57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2018
© by Authors, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Описательная фонетика и проблемы кодификации произносительных норм

О. В. Антонова
О некоторых особенностях консонантизма в старомосковском говоре 11
Н. В. Богданова-Бегларян
Фонетический ***Тяни-Толкай***:
о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста 22
И. А. Вещикова
О возрасте, типах и принципах использования фонетических компрессий в телевизионных массмедиа 32
С. В. Дьяченко, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова
Из наблюдений над фонетикой владимирско-поволжских говоров: ёканье и позиционная мягкость ***ж***, ***ш***. 41
А. В. Сапунцова
Вокализм русских омонимичных клитик как средство грамматической дифференциации. . 68
А. Д. Шмелев
Церковнославянское произношение: проблемы кодификации 83
М. А. Штудинер
Орфоэпия для журналиста. Опыт создания специализированного словаря. 91

Просодика

А. Д. Андреева
Звуковое оформление русских клитических частиц: влияние просодического выделения . . 99
Л. Л. Касаткин
Некоторые закономерности процесса смены места ударения в словах русского языка. . . . 109
О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, О. С. Смирнова
Интонационное членение и сегментирующая сила словоразделов в звучащем тексте (данные перцептивного эксперимента) 128
А. В. Кухто, А. Ч. Пиперски
Экспериментальное исследование акцентной вариативности в русских глагольных формах прошедшего времени 140
Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова, А. Е. Сомова
Из опыта работы над школьным словарем ударений: акцентуация форм прошедшего времени невозвратных глаголов 152
Т. Ю. Шерстинова
Да-да-да-да-да! и другие конструкции повседневной русской речи, состоящие из контактно повторяющихся слов, в контексте исследования просодических моделей языка 162

Фонология

Д. Д. Беляев
Отношения [г]–[γ]: от оппозиции к варьированию 176
Ю. А. Клейнер
Сегменты и границы. 184
А. А. Соколянский
Фонема как восхождение: основные положения многоуровневой фонологии 194

Методология фонетических исследований

А. В. Венцов
Экспериментальная фонетика и моделирование системы восприятия речи 217
Р. К. Потапова, В. В. Потапов
Фундаментальное исследование феномена речевой сегментологии
(с учетом когнитивной рефлексии и коммуникативно-деятельностного подхода). 225

Из истории науки

Н. Д. Светозарова
Из истории изучения русской фразовой интонации: описание С. К. Боянуса 237
И. Фужерон, Ж. Фужерон
О чем рассказывают архивы (из переписки С. И. Карцевского) 244

CONTENTS

Descriptive phonetics and problems of codification of the indicative norms

Olga V. Antonova
Some characteristics of consonantism in the old-moscow talk 11
Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Phonetic *t'ani-tolkaj*: two divergent trends in the oral text cotstruction 22
Irina A. Veshchikova
On the age, types and principles of use of phonetic compressions in the television media 32
Svetlana V. Dyachenko, Anna V. Malysheva, Alexandra V. Ter-Avanesova
On phonetics of vladimir-povolzhje dialects:
jokanje and positional softening of hissing consonants 41
Anna V. Sapuntsova
Vocalism of russian homonymic clitics as a means of grammatical differentiation 68
Alexei D. Shmelev
Church slavonic pronunciation: problems of linguistic standards 83
Mikhail A. Shtudiner
Orthoepy for journalists. On creating a specialized dictionary 91

Prosodica

Anastasia D. Andreeva
The prosodic and sound behavior of russian clitical particles 99
leonid l. Kasatkin
Some laws of the process of changing the place of accent in the words of russian language 109
Olga F. Krivnova, Sergey V. Knyazev, Olga S. Smirnova
Prosodic phrasing and wordbreaks' strength in the spoken text
(data of perception experiment) 128
Anton V. Kukhto, Alexander Ch. Piperski
An experimental study of stress variation in russian past tense verbal forms 140
Dmitry M. Savinov, Ekaterina S. Skachedubova, Alexandra E. Somova
Experience of over orphoepic dictionary:
accentuation of nonreflexive verbs of the past tense forms 152
Tatiana Y. Sherstinova
'yeah, yeah, yeah, yeah, yeah!' and the other chains of repeated words
in everyday russian speech in the light of speech prosody patterns 162

Phonology

Dmitry D. Belyaev
The relations [г]–[γ]: from opposition to variation 176
Yury A. Kleiner
Segments and boundaries 184
Alexander A. Sokolyanskiy
The phoneme as a rise: the main provisions of multilevel phonology 194

Methods of phonetics research

Anatoliy V. Ventsov
Experimental phonetics and modeling of the speech perception system 217
Rodmonga K. Potapova, Vsevolod V. Potapov
Fundamental research of the speech segmentology phenomenon (considering cognitive reflection and communicative activities approach) 225

History of science

Natalia D. Svetozarova
On the history of the study of russian sentence intonation: a description by S. K. Boyanus 237
Irina Fougeron, J. Fougeron.
What archives tell about (from correspondence of S. I. Kartsevsky). 244

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА И ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМ

О. В. Антонова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ovantonova@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСОНАНТИЗМА В СТАРОМОСКОВСКОМ ГОВОРЕ

В данной статье ставятся вопросы, относящиеся к истории русского литературного произношения: речь идет о нормативном статусе ряда явлений, квалифицируемых как отличительные черты старомосковской произносительной системы (в области консонантизма). В частности, предпринята попытка точнее определить особенности функционирования произносительных реалий на основании анализа лингвистических описаний первой половины XX в. Такой анализ позволяет выявить на рубеже XIX–XX вв. значительную вариативность (вопреки сложившемуся мнению) в произношении определенных черт, считавшихся специфически старомосковскими. Произнесение «по старомосковским нормам», уже противоречащее узусу, в ряде случаев расценивалось как предпочтительное. В течение всего XX в. движение в сторону «младшей» (по терминологии М. В. Панова) нормы закономерно усиливалось, но и в наши дни многие старомосковские варианты классифицируются как допустимые в литературном языке (с различным нормативным статусом). Очевидно, колебания в границах представлений о правильном, хорошем произношении сохраняются на всех этапах развития языка; фиксация же произносительных вариантов в синхронном срезе является лишь сигналом инициации процесса некоторого звукового изменения, и задача кодификатора — определить, на каком именно этапе этих изменений мы находимся.

Ключевые слова: история русского литературного произношения, старомосковское произношение, консонантизм

> …московская речь — буквально это вещь в себе: никто ее не видел, не знает, и в то же время все как-то знают и понимают интуитивно…
>
> *С. С. Высотский*

Среди актуальных вопросов, связанных с историей русского литературного произношения, вопрос о нормативном статусе явлений, определяемых как отличительные черты старомосковской произносительной системы, является одним

из основных (как в плане синхронии, так и диахронии). Однако сам статус таких явлений в настоящее время представляется не бесспорным. Часто даже поверхностное изучение лингвистической литературы, посвященной проблемам старомосковского произношения, позволяет точнее описать особенности функционирования некоторых произносительных явлений. Ряду таких норм и посвящена настоящая работа.

1. О термине «старомосковское произношение»

Исследователи звучащей речи на рубеже XIX–XX вв., фиксируя произносительные явления литературного языка, пользовались терминами *московский говор* или *московское наречие* (имея в виду только речь образованных людей [Высотский 1984]). К этому же периоду относится большинство известных лингвистических описаний московского говора; «приставку» *старо-* название этого явления приобрело в более поздней научной традиции. В настоящее время термины *старомосковское наречие* и *старомосковский говор*[1] широко используются в филологии.

Истории московского говора посвящен целый комплекс научных трудов, см.: [Аванесов 1947; Аванесов 1955; Котков 1974; Соболевский 1897; Соболевский 1980] и многие другие. При этом примечательно, что большинство черт, считавшихся прежде собственно старомосковскими, при детальном изучении источников, отражающих более ранние периоды становления литературного языка, можно признать не столько старомосковскими, сколько просто старыми (т. е. возникшими задолго до оформления старомосковского говора в особую произносительную систему). Объединяет такие черты не общее время возникновения, а общий период разрушения. Таким периодом разрушения условно принято считать середину XX в., так как именно на это время приходится осознание необходимости формулирования новых орфоэпических правил и сохранения традиционных представлений о хорошем произношении.

Другой любопытной особенностью оказывается то, что процесс расшатывания старомосковских норм, очевидно, берет начало в более раннем времени, чем это было отмечено исследователями. Для некоторых, казалось бы, бесспорно старомосковских черт на рубеже XIX–XX вв. вариативность в произношении была уже столь значительной, что проникла даже в лингвистические описания. Рассмотрим некоторые такие случаи.

[1] Первым, как представляется, термин **старомосковское произношение** в его настоящем виде употребил Д. Н. Ушаков в статье 1928 г. [Ушаков 1995б: 182]. Также о «старом московском» произношении в статье 1936 г. упоминал Л. В. Щерба [Щерба 1957: 111]. Вскоре термин *старомосковский* становится общефилологическим по отношению к разговорной речи москвичей, обладающей архаическими чертами. Ср.: Б. В. Томашевский в статье «Стихотворная система “Горя от ума”» пишет: «…по стилю произношения комедия Грибоедова построена на материале старомосковского разговорного языка. Многие черты этого говора ныне утрачены» [Томашевский 1946: 80].

2. Произношение согласного на месте буквы *щ* и сочетаний *жч, зч, сч*[2], а также *зж, жд, жж*

А. Х. Востоков, рассуждая о целесообразности некоторых орфографических принципов, указывал: «Букву *щ* не надлежит писать вместо *сч, зч, жч,* когда *с, з, ж,* принадлежит к предлогу или к корню слова; напр. *счастье*, а не *щастье*: *разчет*, а не *ращет*, *мужчина*, а не *мущина*» [Востоков 1859: 239], а это означает: автор предостерегает от написаний, возникающих под влиянием произношения (следовательно, на месте буквосочетаний *сч, зч, жч* произносили [шː]).

Однако не все исследователи того времени единодушны в этом вопросе. В. А. Богородицкий[3] и А. А. Александров транскрибируют [ш’ч’] на месте *зч*: у ǰ͡ізвош’ч’$_{ька}$ (*у извóзчика*), ǰ͡ізвош’ч’$_{ьк}$ (*извóзчик*); ъзвóшшък (извозчик) [Богородицкий 1887: 106, 107, 116] (ср.: Л. Л. Касаткин отмечает, что в XIX в. произношение [ш’ч’] в подобных случаях было повсеместным [Касаткин (ред.) 2013: 73]; таким образом, есть вероятность, что уже в конце XIX в. могли существовать старшая и младшая нормы).

Бывали и обратные ситуации. Петербуржец Р. Ф. Брандт фиксирует вариантное произношение ([ш’ч’] и [шː]) на месте *щ* в слове *лещ* [Брандт 1892: 8] и звуки [ш’ч’] в слове *щит* [Брандт 1892: 14][4]; В. И. Чернышев говорит о вариантах: *шьш*юка (*щýка*) и *шьч*юка [Чернышев 1915: 19], на месте сочетания *сч* у него также варианты[5]: защёт (*за счёт*) [Чернышев 1915: 101]. У Ф. И. Буслаева транскрипции аналогичны вариантам А. Х. Востокова, у него находим: *щет, щастье* (счёт, счастье) [Буслаев 1896: 18], у Р. Кошутича: *ш’итáл’* (считали) [Кошутић 1919: 47].

Д. Н. Ушаков категорически отвергал возможность произнесения на месте *щ, зч, сч, жч* согласных [ш’ч’]. Полемизируя с В. И. Чернышевым, исследователь утверждал, что «*щ* надо произносить только как мягкое долгое **ш**» [Ушаков 1995а: 165] и что согласно старым московским нормам «буква *щ* произносится как долгое мягкое *ш* (а не как *шч*): *щи, щетка* — ш’ш’и, ш’шётка. Так же произносится

---

[2] Существуют различные точки зрения относительно того, какая фонема воплощается в звуке [шː] в словах *щука, счастье, расчет*, и пр. Широко распространено мнение, что в данном случае речь идет об особой фонеме /ш’/. Некоторые лингвисты, признавая [шː] воплощением одной фонемы, для отдельных случаев допускают, что [шː] может представлять и сочетания фонем [Баринова 1966: 33; Панов 1967: 228; Панов 2002: 25–28]. Другая точка зрения предлагает считать [шː] воплощением сочетания фонем для всех случаев. Наиболее полно это мнение аргументировано Л. Л. Касаткиным [Касаткин 2006: 162–166].

[3] Необходимо только учитывать, что в речи волжанина В. А. Богородицкого, жившего и работавшего в Казани, возможно, находили отражение и некоторые региональные произносительные черты.

[4] О том, что на месте буквы *щ* нужно произносить *шти*, как транскрибирует Р. Ф. Брандт, говорили также А. Х. Востоков [Востоков 1859: 237, 238] и В. И. Чернышев (предлагавший, впрочем, на месте *щ* произносить вариантно: [шьшь] и [шьтьшь] или [шш] [шч]) [Чернышев 1915: 16, 21].

[5] В. И. Чернышев отмечает: «Группы согласных *сч, зч, сщ, зщ* звучат как *щ*, т. е. как *шьшь* или *шьч*: щем (с чем), щáстья (счастье), щитáть (считать), бещéсти (без чести), разнóщик (разносчик), бещóтки (без щетки) и т. п.» [Чернышев 1915: 42], следовательно, в его упрощенной транскрипции знак *щ* может выражать как звук [шː], так и звукосочетание [ш’ч’].

счастье, счет — ш'шяс'тье, ш'шёт» [Ушаков 1995а: 175] (и этот взгляд перекликается с мнением А. Х. Востокова.). Очевидно, такое произношение соответствовало представлениям о старой московской норме[6] в качестве предпочтительного, но в действительности более вероятным надо признать сосуществование произносительных вариантов (с различной нормативной оценкой).

В пользу вариантного произношения косвенно свидетельствует и параллельный сегмент системы: реализация согласных на месте сочетаний *зж, жд, жж*[77]. Хотя большинство исследователей говорили о звуке [ж̄'] в подобном случае, см. [Буслаев 1896: 23, 25; Кошутић 1919: 44; Корш 1902: 50; Чернышев 1915: 19, 26; Ушаков 1995а: 165, 176; Панов 2002: 99]. Однако и тут В. И. Чернышев, охотнее прочих исследователей уделявший внимание любому расшатыванию норм, признавал изредка возможным вариантное произношение подобных сочетаний, ср.: «орфографические сочетания *жж* и *зж* звучат обыкновенно как долгое мягкое *ж* или изредка как сочетание *жьдьжь*: во́жьжи, во́жьдьжи (во́жжи), уежьжя́ю (уезжаю), по́жьжи (по́зже) и т. п.» [Чернышев 1915: 41].

3. Произношение согласных на месте сочетаний заднеязычный + взрывной (*гк, гт, гч, кг, кк, кт, кч*)

3.1. Произношение согласных на месте сочетаний гк, гт, гч, кт, кч

В сочетаниях *гк, гт, гч, кт, кч* на месте первого согласного в конце XIX — начале XX в. произносили [х], например: «хто (*кто*)» [Богородицкий 1887: 29] (в современном литературном языке такое произношение сохранилось только для сочетания *гк* и *гч,* в остальных случаях на месте первого согласного произносится [к]). А. Х. Востоков отмечал, что *легко, легче, мягко, мягче, ногти* произносится как *лехко, лехче, мяхко, мяхче, нохти*, а *к тому, к чему, кто — хтому, хчему, хто* [Востоков 1859: 249].

Однако в работах других исследователей то и дело встречаются оговорки, позволяющие предполагать одновременное бытование разных произносительных вариантов с различной нормативной оценкой. К примеру, В. И. Чернышев писал: «*К* перед *т* и перед *ч* обращается в *х.* Произносим: *хто* (кто), *хт*ебе́ (к тебе), *хт*ава́рищу (к товарищу), *хч*ему́ (к чему), мя́*хч*и (пишем: мя*г*че вместо мя*к*че) и т. п. В некоторых словах мы произносим перед *т* звук *х*, полученный из *г*: но́*хт*и, ко́*хт*и,

[6] То же следует признать справедливым и для произношения звука [ш̄'] на месте буквосочетаний *штнч, здч, стч* (напр.: *весну́*[ш̄']*атый* (*весну́шчатый*), *жё*[ш̄']*е* (*жёстче*), *звё*[ш̄']*атый* (*звёздчатый*), примеры для которых не удалось обнаружить в рамках настоящего исследования. См. также [Реформатский 1995: 347].

[7] Ситуация относительно определения, какая фонема воплощается в звуке [ж̄'] в словах *дожди, вожжи, езжу*, и пр., параллельна ситуации с вопросом о том, воплощением какой фонемы является звук [ш̄']. Этот спорный участок системы подробно рассмотрен Л. Л. Касаткиным [Касаткин 2006: 162–166]. Однако в рамках настоящего исследования вопрос о фонемном составе исследуемых слов не представляется принципиальным.

дéхтю. Интересна Пушкинская рифма локти — когти, очевидно на *хти*: крепко связаны ей локти; Попадется зверю в когти. Сказка о мертвой царевне» [Чернышев 1915: 42]. Любопытно, что Чернышев абсолютно убежден в том, как именно должна звучать пушкинская рифма «локти — когти», для него это очевидно. Отдельного внимания заслуживает примечание, сделанное им на той же странице: «*Примечание*: Произношения <…> *подверглись теперь сильному книжному влиянию и грамотеям нашего времени кажутся некрасивыми* (курсив мой. — *О. А.*). В доказательство того, что они не портят русской речи, сошлюсь на прекрасное произношение покойной В. Ф. Коммисаржевской, от которой я слышал ясное и последовательное *хто*». Такое «возражение грамотеям» не потребовалось бы, если бы не существовали и *иные* варианты произношения (которые не нравились В. И. Чернышеву и расценивались им как неправильные, некрасивые).

Косвенно подтверждают гипотезу об одновременном существовании произносительных вариантов и данные исследователей более позднего времени, ср.: «Группа *кт* во многих говорах произносится как [хт]: [хт]*о*, [х-т]*ому́*, *до́*[хт]*ор*, *дире́*[хт]*ор*. Такое произношение *для некоторых случаев было не чуждо* (курсив мой. — *О. А.*) и старым московским нормам ([хт]*о*, [х-т]*ому́*)» [Аванесов 1984: 187]. О том же пишет Н. Н. Розанова: «…сочетание *кт* в *некоторых словах* (курсив мой. — *О. А.*) произносится как [хт]: *ни*[хт]*о*, [хт]*о-нибудь*, [хт]*ому дому*, *ко*[хт’]*и*, *но*[хт’]*и*, *дё*[хт’]*ю*, *де*[хт’]*ярное (мыло)*. Такое произношение было свойственно старомосковской норме» [Розанова 1984: 47].

3.2. Произношение согласных на месте сочетаний кк, кг

У Н. И. Греча есть транскрипция: *хкому* (*к кому́*) [Греч 1834: 420]; А. Х. Востоков отмечает, что *к кому* произносится как *хкому* [Востоков 1859: 249]; Ф. И. Буслаев записывает: *хкому* (*к кому́*) [Буслаев 1896: 20]; А. И. Томсон (здесь следует отметить, что в его речи возможным было проявление южнорусского субстрата) допускает вариантное произношение, отмечая, что говорят «“к кому” = к̄ому (если не произносится “хкому”)» [Томсон 1910: 237]; В. И. Чернышев фиксирует — х каму́ (*к кому́*) и далее поясняет: «Сочетание *кк* обращается в *хк*. Это так называемая *диссимиляция,* т. е. расподобление согласных. Говорят: *хк*аму (к кому), *хка́*мню (к камню)» [Чернышев 1915: 19, 42]. См. также у Н. Н. Розановой: «По старой московской норме на месте *кк, гк* произносилось [хк], [ɣг] <…> По свидетельству Р. Кошутича, произношение *х* и *ɣ* в этих сочетаниях являлось устаревшим уже для литературного языка начала нашего века» [Розанова 1984: 47]. Однако представляется целесообразным не относить эту норму к устарелым произносительным вариантам: Кошутич, транскрибируя рядом [г‿г]*о́роду* и [ɣ‿г]*о́роду*, [г‿г]*оре́* и [ɣ‿г]*оре́*, рассуждал о *частотности* замены второго варианта первым, но никак не об отсутствии вариантов типа [ɣ‿г]*оре́* в современной ему речи [Кошутић 1919: 75].

Вероятно, в начале XX в. норма, согласно которой на месте буквосочетания *кк, кг* произносилось [хк], [ɣг], сосуществовала с новой нормой, которая требовала произношения [кк], [гг].

4. Реализация фонем /ɣ/ и /ɣ’/

Н. И. Греч фиксировал, что слова *Господь, благо, Бога* произносятся со звуком, который он обозначал знаком *h*[8] [Греч 1834: 420]; А. Х. Востоков отмечал: «Мягкая[9] *г*, произносимая с придыханием, как h, обращается в *х* перед твердыми[10] согласными и в конце слов <…>, напр. *Бог, юг, чертог*, произносятся как *Бох, юх, чертох*[11]» [Востоков 1859: 249]; В. А. Богородицкий указывал, что звук [ɣ] произносится в словах *благо, Господь* [Богородицкий 1887: 17]; Н. Н. Дурново писал, что слова *легок, мягок, богатый* и слова церковнославянские произносятся со звуком [ɣ] [Дурново 1969: 145]; В. И. Чернышев отмечал, что в словах: Бо*г*а, бо*г*атый, убо*г*ий, бо*г*атырь, *Г*осподь, бла*г*о произносится «*г*, близкий к *х*» (что соответствует звуку [ɣ]) [Чернышев 1915: 21]. Итак, положение фонем /ɣ/ и /ɣ’/ в старомосковском говоре было устойчиво. В ряде случаев орфоэпическая норма (несомненно, лексикализованная) допускала произношение исключительно с [ɣ] и [ɣ’]: *бо*[х], *бо́*[ɣ]*а*, *бо́*[ɣ]*у*, *о бо́*[ɣ’]*е*, [ɣ]*оспо́дь*, [ɣ]*о́споди*, [ɣ]*оспо́день*, *бла́*[ɣ]*о, бла*[ɣ]*ода́ть, бла*[ɣ]*ода́рность, бла*[ɣ]*осклóнный, бо*[ɣ]*а́тый, бо*[ɣ]*а́тство,* [ɣ]*осуда́рь, убо́*[ɣ’]*ий, бо*[ɣ]*аты́рь*. В других случаях, особенно в речи младшего поколения было возможно вариантное произношение: *бо*[ɣ]*а́тый* и *бо*[г]*а́тый, бо*[ɣ]*а́тство* и *бо*[г]*а́тство, бла*[ɣ]*ода́рность* и *бла*[г]*ода́рность, убо́*[ɣ]*ий* и *убо́*[г]*ий, бо*[ɣ]*аты́рь* и *бо*[г]*аты́рь* [Панов 2002: 97–98].

Таким образом, мы можем видеть, что на рубеже XIX–XX вв. положение фонем /ɣ/ и /ɣ’/ в словах религиозного содержания было намного более прочным, чем в настоящее время, однако и оно пошатнулось (главным образом за счет сокращения лексикализованнного списка).

5. Заключение

Итак, мы можем констатировать, что все перечисленные произносительные рекомендации даны не в виде строгого предписания (уже современники признавали в них возможность вариативности), а с определенными оговорками. Мы встречаем такие оговорки повсеместно в научных трудах: обычно, как правило, в некоторых

[8] О том, что звук *h* соответствует [ɣ], можно судить по транскрипциям В. И. Чернышева. Он записывал рядом *Бог*а, Бо*х* и прямо указывал на возможное произношение *γ* или *h* в слове *Бога* [Чернышев 1915: 18–19]. См. также: «Согласная *г*, по двоякому произношению своему (g, h) принадлежит также к буквам, выражающим по два звука. Второй из сих звуков имеет буква *г*, не только тогда, когда употреблена вместо h в иностранных словах; напр. Гамбург, Богарне (Hambourg, Beauharnais), но и в некоторых русских словах, особенно важной речи принадлежащих, напр. Глас Господа Бога выражено было бы латинскими буквами Hlas Hospoda Boha, а не Glas Gospoda Boga» [Востоков 1859: 238]. Эти рассуждения ясно свидетельствуют в пользу того, что в данном случае *h* = [ɣ].

[9] Речь, без сомнения, идет о фрикативном звуке [ɣ].

[10] Здесь следует уточнить — смычными согласными.

[11] Очевидно, что [х] в данном случае — глухой парный к звонкому [ɣ], появившийся в позиции конца слова.

словах, в определенном круге слов… Принято считать, что в подобных случаях речь идет о некой позиционной распределенности, однако зачастую здесь нет никаких четких критериев, позволяющих выяснить, каким именно списком задается норма, каковы исчерпывающие условия возникновения именно такого варианта и пр. Всё это говорит о наличии в старомосковском говоре определенных произносительных колебаний (возникших вследствие явления, которое в настоящее время носит название *варианта орфоэпической нормы*).

Также представляется, что вышесказанное свидетельствует о более раннем (по сравнению с обычными представлениями) времени возникновения вариативности в произношении некоторых черт, считавшихся специфически старомосковскими, так как разночтения эти уже на рубеже XIX–XX вв. были довольно значительны[12]. Негативная же оценка некоторых таких вариантов со стороны современников означает, что, несмотря на пошатнувшуюся закономерность, произнесение «по (старо)московским нормам» (вопреки узусу?) и исследователями, и носителями литературного языка в большинстве случаев расценивалось как предпочтительное. Очевидно, колебания в границах представлений о правильном, хорошем произношении сохраняются на всех этапах развития языка; фиксация же произносительных вариантов в синхронном срезе является лишь сигналом инициации процесса некоторого звукового изменения, и задача кодификатора — определить, на каком именно этапе этих изменений мы находимся.

Литература

Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9. С. 109–158.

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 20–42.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 6-е. М.: Просвещение, 1984.

Антонова О. В. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 225–239.

Антонова О. В. Система старомосковского произношения и ее рефлексы в современной звучащей речи: Дис. … канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 167 с.

Антонова О. В. Позиционная мягкость согласных в старомосковском говоре // Проблемы фонетики VI / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. С. 6–24.

[12] Косвенным подтверждением этого тезиса могут служить результаты, полученные в ходе изучения других черт старомосковского произношения; например, реализация возвратного постфикса с твердым/мягким согласным [Антонова 2007; Антонова 2008] либо позиционная мягкость согласных [Антонова 2014]. Выводы о судьбе этих произносительных черт сходны с выводами настоящего исследования.

Баринова Г. А. О произношении [ж̄'] и [ш̄'] // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 25–54.

Богородицкий В. А. Курс грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887. 317 с.

Брандт Р. Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892. 146 с.

Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики. Изд. 8-е. М., 1896. 239 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики изложенная. Изд. 10-е. СПб., 1859. 320 с.

Высотский С. С. О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 22–37.

Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Изд. 2-е. СПб., 1834. 526 с.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 296 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2006. 251 с.

Касаткин Л. Л. (*ред.*). Русская диалектология. М.: Аст-Пресс, 2013. 304 с.

Кори Ф. Е. О русском правописании // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. VII, кн. 1. СПб., 1902. С. 39–94.

Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. 359 с.

Кошутић Р. Граматика руског језика. Пг., 1919. 512 с.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2002. 456 с.

Реформатский А. А. О московском произношении // Проблемы фонетики. Вып. II. Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, 1995. С. 345–349.

Розанова Н. Н. Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 37–65.

Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1. СПб.: тип. М. Меркушева, 1897. 119 с.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 193 с.

Томашевский Б. В. Стихотворная система «Горя от ума» // А. С. Грибоедов. 1795–1829 / Под ред. И. Клабуновского и А. Слонимского. М.: Гослитмузей, 1946. С. 74–109.

Томсон А. И. Общее языковедение. Изд. 2-е. Одесса: тип. «Техник», 1910. 448 с.

Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русский язык / Сост. М. В. Панов. М.: Просвещение, 1995. С. 155–177.

Ушаков Д. Н. К вопросу о правильном произношении // Русский язык / Сост. М. В. Панов. М.: Просвещение, 1995. С. 180–186.

Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Пг.: тип. ИАН, 1915. 108 с.

Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения [1936] // Избр. работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 187 с.

Olga V. Antonova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ovantonova@gmail.com

SOME CHARACTERISTICS OF CONSONANTISM IN THE OLD-MOSCOW TALK

This article deals with serveral issues related to the history of Russian standard pronunciation, in particular, the normative status of the features of consonantism which are considered specific features of the old-Moscow pronunciation. The article tries to more accurately determine the features of the functioning of certain orthoepic norms. The analysis of the linguistic works of the first half of the 20th century shows (contrary to the widely held opinion) clear fluctuation of certain orthoepic norms. The data of this study indicate that at the turn of the 19th–20th centuries the variability in the pronunciation of certain features considered to be specifically Old Moscow was quite significant. A negative evaluation of some of these options means that (despite the shaky patterns) pronouncing "according to old-Moscow norms" by the speakers of the literary language (and also by the researchers) was in some cases regarded as preferable. Throughout the 20th century the movement towards the "junior standard" (in the terminology of M. V. Panov) was naturally strengthened, but even nowadays the old Moscow variants are classified as permissible in the standard language (with different regulatory status). Thus, fluctuations within the limits of norms are preserved at all stages of language development, and the task of the codifier is to determine the amplitude of such oscillations.

Key words: history of Russian standard pronunciation, old-Moscow pronunciation, consonantism

References

Antonova O. V. [On the reflexes of the old-Moscow pronunciation in modern sounding speech]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. N 1 (13). P. 225–239. (In Russ.)

Antonova O. V. *Sistema staromoskovskogo proiznosheniya i ee refleksy v sovremennoi zvuchashchei rechi*. Dis. … kand. filol. nauk [The old-Moscow pronunciation system and its reflexes in modern-sounding speech. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2008. 167 p.

Antonova O. V. [Positional softness of consonants in the old-Moscow talk]. *Problemy fonetiki VI* [Problems of phonetics VI]. Eds. M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2014. P. 6–24. (In Russ.)

Avanesov R. I. [The issues of the formation of the Russian language in its dialects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1947. N 9. P. 109–158. (In Russ.)

Avanesov R. I. [The problems of the formation of the language of the Russian (Great Russian)]. *Voprosy jazykoznanija*. 1955. N 5. P. 20–42. (In Russ.)

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.

Barinova G. A. [About the pronunciation of [zh] and [sh]]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo jazyka* [Development of phonetics of modern Russian language]. Moscow, 1966. P. 25–54. (In Russ.)

Bogorodickij V. A. *Kurs grammatiki russkogo jazyka. Ch. I. Fonetika*. [The grammar of the Russian language. Part I. Phonetics]. Warsaw, 1887. 317 p.

Brandt R. F. *Lekcii po istoricheskoj grammatike russkogo jazyka. Vyp. 1. Fonetika*. [Lectures on the historical grammar of the Russian language. Iss. 1. Phonetics.]. Moscow, 1892. 146 p.

Buslaev F. I. *Uchebnik russkoj grammatiki*. [Textbook of Russian grammar]. Moscow, 1896. 239 p.

Chernyshev V. I. *Zakony i pravila russkogo proiznosheniya* [Laws and rules of Russian pronunciation]. Petrograd, Printing house of the Academy of Sciences Publ., 1915. 108 p.

Durnovo N. N. *Vvedenie v istoriju russkogo jazyka* [Introduction to the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 296 p.

Grech N. I. *Prakticheskaja russkaja grammatika* [Practical Russian grammar]. St. Petersburg, 1834. 526 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Ast-Press Publ., 2013. 304 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika.* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Publishing Center "Academy", 2006. 251 p. (In Russ.)

Korsh F. E. [About russian spelling]. *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk. T. VII, kn. 1.* St. Petersburg, 1902. P. 39–94. (In Russ.)

Kotkov S. I. *Moskovskaja rech' v nachal'nyj period stanovlenija russkogo nacional'nogo jazyka* [Moscow speech in the initial period of the formation of the Russian national language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 359 p.

Koshutiћ R. *Gramatika ruskog jezika* [Grammar of the Russian language]. Petrograd, 1919. 512 p.

Panov M. V. *Russkaja fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.

Panov M. V. *Istorija russkogo literaturnogo proiznoshenija XVIII–XX vv.* [The history of Russian standard pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow, URSS Publ., 2002. 456 p.

Reformatskij A. A. [About Moscow pronunciation]. *Problemy fonetiki II.* [Problems of Phonetics II]. Moscow, Russian language institute by V. V. Vinogradov Publ., 1995. P. 345–349. (In Russ.)

Rozanova N. N. [Modern Moscow vernacular and standard language (on the basis of phonetics)]. *Gorodskoe prostorechie. Problemy izuchenija* [Urban vernacular. The problems of studying]. Moscow, Nauka Publ., 1984. P. 37–65. (In Russ.)

Shcherba L. V. [About the norms of exemplary Russian pronunciation]. *Izbr. raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 187 p. (In Russ.)

Sobolevskii A. I. *Opyt russkoi dialektologii. Vyp. 1* [Experience of Russian dialectology. Iss. 1]. St. Petersburg, tip. M. Merkusheva Publ., 1897. 119 p.

Sobolevskii A. I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian standard language]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 193 p.

Tomashevskii B. V. [The poetic system "Woe from wit"]. *A. S. Griboedov. 1795–1829* [A. S. Griboedov. 1795–1829]. Moscow, Goslitmuzei Publ., 1946. P. 74–109. (In Russ.)

Tomson A. I. *Obshchee yazykovedenie* [General Linguistics]. Odessa, tip. "Tekhnik" Publ., 1910. 448 p.

Ushakov D. N. [Russian orthoepia and its tasks]. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. P. 155–177. (In Russ.)

Ushakov D. N. [To the question of correct pronunciation]. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. P. 180–186. (In Russ.)

Vostokov A. H. *Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniju ego zhe sokrashhennoj grammatiki izlozhennaja* [The Russian grammar of Alexander Vostokov on the outline of his shortened grammar is stated]. St. Petersburg, 1859. 320 p.

Vysotskij S. S. [About the Moscow folk dialect]. *Gorodskoe prostorechie. Problemy izuchenija* [Urban vernacular. The problems of studying]. Moscow, Nauka Publ., 1984. P. 22–37. (In Russ.)

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
n.bogdanova@spbu.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЙ *ТЯНИ-ТОЛКАЙ*: О ДВУХ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОСТРОЕНИИ УСТНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена описанию двух разнонаправленных тенденций в построении устного дискурса. На лексическом и синтаксическом уровнях в русском языке особенно активно и плодотворно действует закон экономии, порождая в результате сжатия, редукции, компрессии звуковой формы одних единиц — другие, новые, находящиеся на разных этапах своего пути к признанию системой языка (деструкция ведет к созиданию). Наиболее ярким примером такого созидания в результате компрессии являются лексикализованные редуцированные формы многих, в первую очередь сверхчастотных, русских слов: *тыща*, *щас*, *пийсят*, *здрасьте*, *сёдня, чек* (*человек*)*, грит* и т. п. Проявлением закона экономии можно считать также употребление в речи аппроксиматоров разного типа, заменяющих ряд перечисления или его часть, передаваемую говорящим чужую (или свою собственную, сказанную ранее) речь или опять же ее часть: *и всё такое (прочее), пятое-десятое, то-сё, бла-бла-бла*. На текстовом же, дискурсивном уровне нашей устной речи обнаруживаются явления диаметрально противоположного толка, а именно — абсолютно неэкономное расширение, приращение формы без всякого приращения смысла. Осуществляется это приращение за счет большого количество немотивированных (хезитационных) пауз, неречевых хезитативов (*э-э, а-а, м-м*), а также за счет использования различных прагматем, помогающих говорящему порождать и структурировать свою речь: это вербальные хезитативы (*это самое, как его, я не знаю, ну в общем*), паралингвистические явления (смех, вздох, кашель, причмокивание, цоканье языком и пр.) и т. п. Эти две разнонаправленные тенденции — сокращение и приращение — обеспечивают устной речи ту специфику (своеобразный речевой Тяни-Толкай), которая требует постоянного исследовательского внимания.

Ключевые слова: спонтанная речь, закон экономии, редуцированная форма, речевая компрессия, хезитация, вербальный хезитатив, прагматема

Что может быть банальнее утверждения, что главной движущей силой эволюции языка является *принцип экономии*? Ср.: в работе языка как живого организма заметно «стремление к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды» [Бодуэн

де Куртенэ 1963: 226]; в процессе развития, следуя «естественным законам эволюции», язык движется от более сложных к более простым способам выражения того же содержания [Спенсер 1986: 172]; «для языковой деятельности характерна тенденция к бережливости», «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» [Пауль 1960: 302]; язык постоянно стремится освободиться от лишнего [Passy 1990: 229]; и т. д., и т. п. Наиболее наглядно это видно именно на «оси речи» [Frei 1929], т. е. прежде всего на фонетическом уровне.

О принципе экономии писали многие, отмечая, в частности, его двойственный характер: лингвистическая экономия, являясь, по сути, *деструктивной*, оказывается в то же время и *созидательной.* Именно так, можно предположить, возникли в языке такие явления, как неполные и нечленимые предложения, аббревиатуры и сложносокращенные слова, многие лексические единицы (*Публичка*, *Ленинка*, *нетленка*), в том числе маркеры-аппроксиматоры, заменяющие ряд перечисления (*и так далее, и всё такое (прочее), пятое-десятое*) или чужую (или свою собственную, сказанную ранее) речь (*бла-бла-бла, ля-ля-тополя*).

На лексическом и синтаксическом уровнях закон экономии в русском языке действует особенно активно и плодотворно, порождая в результате сжатия, редукции, компрессии звуковой формы одних единиц — другие, новые, находящиеся на разных этапах своего пути к признанию системой языка (деструкция → созидание).

На фонетическом уровне наиболее ярким примером такого созидания являются практически лексикализованные редуцированные формы (РФ) типа *здрасьте*, *щас*, *тыща* и т. п. Анализ корпусного материала [www.ruscorpora.ru] показал, что письменная фиксация таких форм началась более 200 лет назад:

- 1790 г. — *неча* (П. А. Плавильщиков, выдающийся актер и писатель),
- 1810 г. — *мня* (А. Е. Лабзина, русская мемуаристка),
- *И отчего у* ***те болезь****?* [Ф. М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)].

Свидетельствами на наших глазах происходящей лексикализации редуцированных форм многих (в первую очередь — сверхчастотных) русских слов можно считать целый ряд признаков (см. об этом подробнее: [Стойка 2017]):

- наличие и вариативность **орфографического представления:** *ща, щас, счас, сичас, сечас*; *ваще* и *воще*;
- **морфологизация**: *ваше величество → вашество → ваше вашество*;
- **«фонетизация»**: *жизнь → жизь → жись → жысь; собсно → собсна → сопсна*;
- **«орфографизация»**: *здрастЬ* вм. *здраст*, *слушЬ* — как *отрежЬ, услышЬ*, *сЁдня* вм. *с{ег}Одня*;
- **ресемантизация → дифференциация значений** полной и редуцированной форм слова (*жизнь ≠ жысь*), ср.:

1) *Сам Жора написал где-то к тридцати годам десять рассказов. И* с *тех пор переиздал их десять тысяч раз, по-разному компонуя и подчас переименовывая (так, «****Жизнь****» превратилась в «****Жысь****»)* [В. Топоров: Большая жратва Жоры Жирняго (2008)].

По данным электронного опроса, проведенного в среде носителей русского языка [Стойка 2017], эти две формы — *жизнь* и *жысь* — действительно несколько разошлись по значению: по мнению большинства респондентов, ***жысь*** — это *трудная, горькая, обыденная* ***жизнь***.

В ходе анализа корпусного материала обнаружилась и любопытная зависимость употребления полной или редуцированной формы слова от интенции говорящего, ср.:

2) [Мужчина2, муж] *Восемьсот* ***тыщ*** *за каждого* [Юля, жен] *Восемьсот?* [Оля, жен] ***Тысяч****?* [Юля, жен] *За каждого?* [Мужчина2, муж] *Да / за каждого* [Разговоры за игрой в карты (2009)];

3) [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Где триста* ***тысяч****?* [Кирыч, муж] *Какие… какие триста* ***тыщ*** */ товарищ?* [В. Бутурлин, В. Еремин. Есть идея, к/ф (2003)].

В контекстах (2)–(3) хорошо видно, что говорящий, для которого упоминаемая в диалоге сумма не представляется слишком большой, употребляет РФ *тыща*, тогда как его собеседник, с иным отношением к этой сумме, предпочитает полную формы *тысяча*. Такой пример в материале исследования оказался отнюдь не единственным.

- **десемантизация → прагматикализация → новые слова**. В частности, результатом такого процесса могут стать м**еждометные прагматемы** разного типа:

4) *— Я те* ***щас*** *поговорю, «сбесился», — сказал хозяин* [Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965)];

5) *—* ***Щас*** *как пихнусь — костей не соберешь.* [В. Рыбаков. Трудно стать Богом (1996)];

6) [Марина, жен] *Я? Ха!* ***Щас прям****! Недостойны они этого!* [Разговор двух подруг (2006)];

7) *— В ЗАГС?* ***Щас****! — любил он повторять* [Е. Тихонова. Жениться надо на училках! (2004) // Амурский Меридиан (Хабаровск). 2004. 12.22];

8) *— Вы не хотите ин... оформить инвалидность? # Так а(:) / кто / а кто мне её (...) да... даст ? #* ***Здрасьте****! Тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек* (ОРД)[1];

[1] Основной массив иллюстраций в настоящей статье — из двух корпусов русского языка: Национального (НКРЯ) и Звукового (ЗКРЯ); последний включает два разных модуля: подкорпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД; преимущественно диалоги и полилоги) и собрание монологов «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Подробнее о ЗКРЯ см.: [Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2013; Богданова-Бегларян и др. 2015; Богданова-Бегларян и др. 2017а; Богданова-Бегларян и др. 2017б; Bogdanova-Beglarian et al. 2016; Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2016]. Об особенностях орфографического представления расшифровок (транскриптов) ОРД см.: [Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2016: 242–243].

9) *а ты же старше Сашки% / да ? *П на один год // *П # ну **здраст** / на десять лет !* (ОРД);

10) *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то ? *П чистый лист / **драсьте пожалста**!* (ОРД).

- **десемантизация → прагматикализация → новые единицы**. Результат этого процесса трудно назвать словом в общепринятом смысле этого термина. Однако данный процесс, вне всякого сомнения, приводит к появлению в речи неких новых единиц, отличающихся высокой употребительностью и воспроизводимостью в речи разных говорящих. Такие единицы также поддаются некоторой систематизации:
  - **Вербальные хезитативы:**

11) *так / **щас щас щас** я // ага / вот они* (ОРД);

12) *так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // **щас щас щас** // ну подожди / я чем *Н снова / я () да я попытался написать во всяком случае это* (ОРД);

13) *что такое ? сейчас // *П **щас щас щас щас щас** / да да да да да да да // *П шмяк / шмяк / шмяк / шмяк // так / шмяк шмяк // что у нас тут со шмяком получилось / хорошо всё* (ОРД).

  - **Аппроксиматоры** разного типа:

14) *то есть я вот / ну я вот так вот сказала / потому что / извините ребята / моя обязанность / это делопроизводство / приказы / **то-то то-то то-то то-то***;

15) *всё это *Н что когда вот @ ты понимаешь @ когда вот это планирование было / всё знаешь что всё всё это будет зарплата **тэ-тэ-тэ** / и всё это знаешь вот как бы / человек ждал / ждал / а потом е... а потом раз / **оп-оп-оп** / и ты понимаешь / что ничего такое () / оказывается не происходит*;

16) *во-вторых / компания делает только естественно для тех / в ком они видят наибольшую выгоду // *П даже независимо от того / от качества работы или **и так далее***;

17) *индейская сказка была / я помню / меня впечатлила // что (...) (э-э) раньше (...) мужчины не обладали фаллосом // а он (...) как бы () находился в земле // то есть если женщине что-то нужно / она подходит к нужному там () месту / *П стучит ногой по земле / *В вы... потом вылезает / *С и всё в порядке // а потом там что-то случилось / и его разделили на части // @ (э-э) а как же () мужчины ? *П а вот я не знаю // то есть у них видишь / *П у них в каждой () фишке у них недосмотр // # *Н ни потребности ни как бы ... я (...) как бы / () я не знаю // у них какое-то ... / ну просто недосмотрели чего-то ребята ! *С боги такие / чёрте чего творят // # **э-та-та-та-та***.

На текстовом же, дискурсивном, уровне нашей устной речи обнаруживаются явления диаметрально противоположного толка, а именно — абсолютно неэкономное расширение, приращение звуковой формы без всякого приращения смысла («сокращаясь» в одних сферах, язык обычно «расширяется» в других — [Будагов 1972: 17]). Анализ материала ЗКРЯ позволил выявить разные способы такого приращения, связанные прежде всего с общей неподготовленностью (спонтанностью) устной речи:

1) чисто фонетические средства:

- неречевые фрагменты звуковой цепи:

18) ***(э-э)*** *н... **(у-у)** ну нет ! это я в том плане что / **(э-э)** хорошо / что там его тут же где-то кто-то там чего-то всё-таки повязали / *П ну / наверно рядом находящиеся сообразительные мужчины* (ОРД);

19) *у меня такой личный вопрос / в общем **(м-м)** скажем так ... *П разрешите / я сяду* (ОРД).

- паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель, цоканье языком, причмокивание, хлюпанье и т. п.):

20) *ничего себе ! **тс(:)** / ни хрена себе ! семь мегапикселей ! ну ты даёшь* ! **П **ха-ха** *В / в три раза больше чем у меня // *П так а он большой ? он как мой или как мыльница* ? (ОРД);

21) *э-э этом летом **мп** ⌊ н ещё-ё ⌊⌊ ы-н ⌊⌊ н-н ⌊⌊ в следующем ⌊ семестре / нам ⌊ ещё нужно ⌊ сдавать ⌊ тест ⌊ третьего уровня* (САТ)[2];

22) *и вот э-э-э если они значит победят / то-о-о смогут захватить / страну целую /* (эмоционально) *под свою власть / <**смех**> / или если сами проиграют то должны подчиниться полностью / беспрекословно <**вздох**> / полностью и беспрекословно* (САТ).

- растяжки гласных и согласных (*у-у нас, н-не надо*):

23) *положил ручку **ты-ы** ∫ э-э не захотел там // печатать что-нибудь / взял ручку написал // <смех> **ну-у** не знаю мне как это м-м нет и легко как это ко всему относиться **и-и** очень я при... приспособляюсь к ра... разным ситуациям быстро и легко к народу привыкаю* (САТ);

24) *возможно собрать / а-а-а своих друзей / **с-с-с** какой-нибудь там организовать / дикий пикник / а-а-м не знаю / с танцами / с музыкой* (САТ).

- скандированное произнесение слов или частей слов (*ска-зал*);
- чрезмерная паузация, не связанная с синтагматическим членением речевого потока:

[2] Данный контекст — из блока интерферированной русской речи носителей китайского языка, который также входит в состав САТ. О хезитационных явлениях разного типа (в том числе причмокивании, представленном в контексте) в этом материале см., например: [Чэн 2017].

25) **С ну пообщались / да // ***П** потом на другую какую-то квартиру повёз // ***П** показывал там всякие скульптуры / но это ну я так понимаю / что это всё **()** для нас / изысканных людей это **()** плевать всё это да **()** а они это **()** они кичатся этим да вот этим **()** примитивным этим / ***П** искусством своим // ***П** ах(:)* (ОРД).

2) лексико-дискурсивные средства (вербализация самого процесса порождения речи):

- вербальные хезитативы разного типа (*это самое, как его, я не знаю*);
- метакоммуникативы (*знаешь, понимаешь, смотри*);
- рефлексивы (*скажем так, что называется, или как это*):
- явления самокоррекции (ср.: «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; “поправить” странным образом значит здесь “прибавить”» [Барт 1989: 541]);
- ритмообразующие единицы (*он **там** сидит **там***; *он **вот** вышел **там***);
- дискурсивы (*значит, короче, ну вот*); и ряд других.

Особый интерес представляет немотивированное на первый взгляд дублирование «синонимичных» (функционально равнозначных) дискурсивных единиц, приводящее к появлению протяженных хезитационных цепочек или комбинаций близких по функции прагматем (обычно ксенопоказателей или аппроксиматоров):

26) *а / всё ... а у меня на да... д... дача на **этом** / **как его** / на Дунае* (ОРД);

27) *и он тоже там за мной ухлёстывал и появлялся / **и так и сяк и так** подкатывал **и пятое и десятое*** (ОРД);

28) *про **этого самого** (...) **(э-э) как его ? (...) (м-м) (э-э)** судью Ди* (ОРД);

29) *колёса раскрутились / и свой в резину выскочил // *В этот / о / вот **мол типа** этот / Шумахер(:) / там ну этот / Якоб Мюллер-то* (ОРД).

Ср.: «Лаконичность, сжатость выражения может чередоваться с расплывчатостью, дублированием, излишней модификацией одного и того же» [*Кожевникова* 1985: 512].

Что в результате получается?

30) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / **тут сложнее гораздо** / @ да // @ **потому что** / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / **я же не отличу** так скажем / **таджика от узбека** что называется / @ да да да // @ да ?* (ОРД);

31) ***а ну** тут **значит тут** / **это самое** // **значит** / дед // с бабушкой сидят / беседуют / слушают радио // и обсуждают / **ох** конечные новости что по радио говорят **значит** на следующей картиночке / **э-э это самое** / **значит** старичок / смотрит / на картинку и / **э-э** хочет тоже так же прокатиться // с / с горы // **так значит** / собрал / **значит** взял лыжи / шапку / **ну вот** / и **значит это самое** / собрался / поехал // приехал **значит** / в горы / **ну вот***

одел лыжи / покатился ***значит*** *поехал на лыжах // с горы /* ***с горы*** *спустился //* ***ну вот*** */ сильно спустился // и / вдруг упал // глаза закрыл //* ***ну вот*** */ думал что разобьётся //* ***ну вот*** *свалился / прямо / в сугроб //* ***ну вот*** *сломал руку //* ***ну*** *теперь пришёл на лечение* (CAT);

32) ***ну вот*** *//* ***ну значит*** */ приметы // приметы / это дым / когда он стелется когда он* ***это*** *поднимается и когда* ***это самое*** */* ***ну вот*** *потом* ***значит*** *примета /* ***э-э значит э-э*** *роса / если роса затяжная / то к ненастью // и* ***значит*** *примета /* ***м-м это самое*** *горизонт // если горизонт /* ***ну как бы*** */* ***в общем так это*** *сжимается / то к хорошей погоде // а если /* ***значит*** */ примета /* ***э-э*** *связанная с рыбой / то* ***значит*** *если рыба затихает / то это к ненастью //* ***так вот*** (CAT);

33) *то есть они знают что (...)* ***знаешь как бы*** *это борьба за местом под солнцем # *Н всё-таки* ***ты знаешь*** *//* ***знаешь*** */ у него больше здравого смысла *Н если человек работает то он работает /* ***я не знаю*** *//* ***Де...*** *Денис / @* ***я не знаю****...@ Денис здесь такой же наёмный рабочий / как и мы с тобой* (ОРД).

Эти две разнонаправленные тенденции — сокращение и приращение — обеспечивают устной речи ту специфику (своеобразный речевой *Тяни-Толкай*), которая требует постоянного исследовательского внимания.

Литература

Барт Р. Гул языка // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 541–544.

Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Богданова-Бегларян Н. В., *Асиновский А. С.*, *Блинова О. В.*, *Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Лайка, 2016. 244 с.

Богданова-Бегларян Н. В., *Шерстинова Т. Ю.*, *Зайдес К. Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР^3-2017): Труды Седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 8–13.

Богданова-Бегларян Н. В., *Шерстинова Т. Ю.*, *Блинова О. В.*, *Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР^3-2017):

Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 14–20.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах языковых изменений // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 222–254.

Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 17–36.

Кожевникова К. О смысловом строении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. С. 512–524.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный). — Загл. с экрана.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 501 с.

Спенсер Г. Основные начала. Киев: Вища школа, 1986. 375 с.

Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты. Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2017. [Машинопись].

Чэн Ч. Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 53–62.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // Speech and Computer. 18th International Conference, SPECOM 2016. Budapest, Hungary, August, 23–27, 2016. Proceedings / A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds). P. 659–666.

Frei H. La Grammaire des Fautes. Paris, 1929. 317 p.

Passy P. Etude sur les Changements Phonetiques et Leurs Caracteres Generaux. Paris: Librairie Firmin-Didot, 1890. 270 p.

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Saint-Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg)
n.bogdanova@spbu.ru

PHONETIC *T'ANI-TOLKAJ*: TWO DIVERGENT TRENDS IN THE ORAL TEXT COTSTRUCTION

The article is dedicated to the descriptions of two trends in the oral text construction. At the lexical and syntactic levels, the law of economy is particularly active and fruitful in Russian, leading to some compression or reduction of speech units, and so creating the other ones, new, being at different stages of their path to recognition as a system of language (destruction — in a way — leads to creation). The most striking example of

such creation as a result of compression are the lexicalized reduced forms of many, especially super-frequent, Russian words: *тышcha, shchas, pijs'at, zdras'te, s'odn'a, chek* (*chelovek*), *grit* and so on. The law of economy also leads to the use in speech of approximants of various types that replace a number of enumerations, both transferred by the speaker or his own ones: *i vs'o takoe* (*prochee*), *p'atoe-des'atoe, to-s'o, bla-bla-bla.* On the other hand, on the textual, discursive level of our oral speech, phenomena of diametrically opposite persuasion are revealed, namely, absolutely uneconomical expansion, increment of form without any increment of meaning. This increment is realized due to a large number of unmotivated (hesitation) pauses, non-verbal hesitatives (*e-e, a-a, m-m*), and also by using various pragmatic units that help the speaker to generate and structure his speech: these are verbal hesitatives (*eto samoe, kak jego, ja ne znaju, nu v obshchem*), paralinguistic phenomena (laughter, sigh, cough, smacking, tongue clipping, etc.) and so on. These two different trends — reduction and increment — provide oral speech with the specificity (a kind of verbal *T'ani-Tolkaj*) which requires constant research attention.

Key words: spontaneous speech, the law of economy, the reduced form of the word, speech compression, hesitation, verbal hesitative, pragmatic items

References

Bart R. [The Hum of Language]. *R. Bart. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow, 1989. P. 541–544 (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. CHtenie. Pereskaz. Opisanie.* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] / Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). St. Petersburg, 2013. 532 p.

Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Ju. [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. *Jazyk i metod: russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka. Vyp. 2* / D. Shumska, K. Ozga (eds). Crakow, 2015. P. 357–372 (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Russkij yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznyh social'nyh gruppah. Kollektivnaya monografiya.* [Everyday Russian Language in Different Social Groups. Collective Monograph]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). St. Petersburg, Laika Publ., 2016. 244 p.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. *Speech and Computer. 18th International Conference, SPECOM 2016.* Budapest, Hungary, August, 23–27, 2016. Proceedings / A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds). P. 659–666.

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Ju., Zajdes K. D. [Corpus "Balanced Annotated Text Library": Method of Multilevel Analysis of Russian Monological Speech]. *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017): trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara.* D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds). St. Petersburg, 2017a. P. 8–13 (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Ju., Blinova O. V., Martynenko G. Ja. [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial]. *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017): trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara* / D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds). St. Petersburg, 2017b. P. 14–20 (In Russ.)

Boduen de Kurtene I. A. [On Common Causes of Language Change]. *I. A. Boduen de Kurtene*. *Izbrannye trudy po obshchemu jazykoznaniju. T. I.* [I. A. Boduen de Kurtene. Selected works on general linguistics. Vol. I.]. Moscow, 1963. P. 222–254 (In Russ.).

Budagov R. A. [Determines whether the Principle of Economy Development and Functioning of Language?]. *Voprosy jazykoznania.* 1972. No. 1. P. 17–36 (In Russ.).

Chen Ch. [Spontaneous Speech in Russian as Foreign Language: Analysis of Hesitation (a Case Study of Chinese Students' Speech)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologia*. 2016. No. 1 (33). P. 53–62 (In Russ.).

Frei H. *La Grammaire des Fautes*. Paris, 1929. 317 p.

Kozhevnikova K. [On Semantic Structure of Spontaneous Speech]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XV. Sovremennaja zarubezhnaja rusistika*. Moscow, Progress Publ., 1985. P. 512–524 (In Russ.).

Russian National Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru

Passy P. *Etude sur les Changements Phonetiques et Leurs Caracteres Generaux*. Paris, Librairie Firmin-Didot, 1890. 270 p.

Paul' G. *Principy istorii yazyka.* [Principles of Language History]. Moscow, IL Publ., 1960. 501 p.

Spenser G. *Osnovnye nachala* [Basic Principles]. Kiev, Vysshaya shkola Publ., 1986. 375 p.

Stojka D. A. *Reducirovannye formy russkoj rechi: lingvisticheskij i ehkstralingvisticheskij aspekty*. Dis. … kand. filol. nauk. [Reduced Forms in Russian Speech: Linguistic and Extralinguistic Aspects]. *PhD Thesis*. St. Petersburg, 2017. 211 p. (typescript).

И. А. Вещикова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
irinavmg@gmail.com

О ВОЗРАСТЕ, ТИПАХ И ПРИНЦИПАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ КОМПРЕССИЙ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МАССМЕДИА

Статья посвящена рассмотрению ортологической интерпретации разговорных произносительных вариантов в условиях телевизионных массмедиа. Внимание теоретической, описательной и прикладной лингвистики к данной проблематике объясняется нерешенностью вопроса, касающегося нормативного статуса «объективно встречающихся в разных условиях форм: g∧v∧rít, gəv∧rít, gə∧rít, gərít, grít и т. д.»; конфликтом между действующей кодификацией и медийной практикой; нормотворческой значимостью СМИ и медиатизацией орфоэпического знания. Для освещения поставленной темы мы полагали необходимым затронуть три вопроса: логику изучения вариантов, зависящих от ситуации речевого общения (vs социальных характеристик носителей языка); результаты обследования телевизионной речи советского периода; принципы функционирования обсуждаемых форм в условиях социально значимой коммуникации. Анализ научной литературы и эмпирического материала позволил сделать следующие выводы: 1. Включение в ТВР фонетических компрессий нельзя считать новшеством. Она стала проницаема для такого рода элементов еще в советское время. 2. ТВР в указанном плане крайне неоднородна. Здесь с самого начала стало складываться противопоставление дикторских текстов и «всех прочих», различия между которыми затрагивают и тип разговорных вариантов, и их количество. 3. Выбор фонетических компрессий зависит прежде всего от значения ситуативных переменных — амплуа работающего в эфире; типа программы, жанра и формата.

Ключевые слова: орфоэпия, разговорный произносительный вариант, фонетические компрессии, кодифицированные нормы, телевизионная речь, советская эпоха, ситуативная переменная

> Создать систему «правильности» для звучащей речи, то есть кодифицировать ее, можно, только досконально ее изучив [Лаптева 2000: 7].
>
> Нормативность явления может быть определена лишь в контексте, а не в условиях изоляции [Костомаров, Леонтьев 1966: 10].

Фонетика разговорной речи в телевизионных массмедиа — очень популярная тема последних лет, устойчивый интерес к которой теоретической, описательной и прикладной лингвистики объясняется неурегулированностью вопроса, касающегося нормативного статуса «объективно встречающихся в разных условиях форм: g∧v∧rít, gəv∧rít, gə∧rít, gərít, grít и т. д.» [Щерба 1957а: 21]; рассогласованностью между действующей кодификацией и медийной практикой; нормотворческой значимостью СМИ и медиатизацией орфоэпического знания. В этом контексте уместно напомнить, что при рассмотрении телевизионной речи (далее — ТВР) как специфической культурной практики господствует представление о том, что выход за пределы кодифицированной фонетики и обращение к разговорным произнесениям считаются приметой новейшего времени и связываются с изменением «важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации» и размыванием «резкой границы, которая проходила между неофициальным личным общением и общением официальным публичным» [Земская 2000: 13]. Соглашаясь с тем, что «ТВР испытывает огромное по силе воздействие устно-речевой стихии», иногда дополнительно отмечают, что «четкой отчетливой фонетикой среднего темпа с паузальным членением, совпадающим с синтагматическим, обладают лишь дикторы и актеры. Все остальные говорящие по ТВ, и в их числе корреспонденты, репортеры, комментаторы, в своей фонетике ближе к разговорной речи» [Лаптева 2000: 345]. Думается, что это не совсем так, причем то, что названо новым, представляет собой сложившиеся (хотя и не кодифицированные) в устных СМИ нормы. Чтобы аргументировать тезис, согласно которому элементы разговорной фонетики есть не что иное, как уже давно узуально закрепленное употребление вариантов произношения в ТВР как сфере бытования литературного языка, целесообразно затронуть три вопроса: логику изучения форм, зависящих от ситуации речевого общения; результаты обследования ТВР применительно к советскому периоду; принципы использования обсуждаемых вариантов в условиях СМИ.

Краткая историческая справка

Общеизвестно, что анализ и осмысление стилистического измерения в фонетике берет начало с известных статей Л. В. Щербы — «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» (1915) и «К вопросу о русской орфоэпии» (не датирована), в которых были очерчены контуры и задан вектор изучения темы «фонетика и стилистика». В этих статьях ученый 1) указал «на одно упускаемое при всех орфоэпических рассуждениях обстоятельство», касающееся того, что «отнюдь нельзя себе представить, что существует какой-то единый

стиль нормального произношения, хотя бы для каждого языка; возможна целая шкала разных произношений»; 2) раскрыл фонетическое содержание вариантов, связанных с использованием языка в разных условиях общения; 3) акцентировал внимание на том, что *здравствуйте* и *здрасте*, *человек* и *чек*, *говорит* и *грит* — «это лишь крайние случаи» [Щерба 1957б: 141], между которыми могут быть промежуточные ступени, несводимые к полному и разговорному стилям; 4) подвел к пониманию того, что их функционирование определяется комплексом факторов: стилем речи, степенью ее отчетливости, темпом. Несмотря на то что отношение к идеям Щербы довольно рано оказалось не лишенным противоречий, об их перспективности и важности свидетельствует тот факт, что всякий раз, когда приходится говорить о стилистических градациях на уровне произношения, выбор падает на изучение вариантов, открытых Щербой.

Следующим заметным шагом в изучении обсуждаемой темы стали работы М. В. Панова, посвященные рассмотрению стилистической шкалы «высокий — нейтральный — разговорный» и особенностей употребления маркированных единиц вообще и разговорных в частности: 1) высокий стиль востребован *там* и *тогда*, *где* и *когда* речь квалифицируется как «имеющая большое, даже всеобщее значение» [Панов 1981: 15], разговорный «уместен только в некоторых условиях общения; если он используется в официальной обстановке, в торжественных выступлениях... он режет ухо. Именно этим вызваны многочисленные нападки на произносительные особенности разговорного стиля; объективно их неприятие обозначает лишь стремление не допустить господства этого стиля там, где должны использоваться неразговорные стили произношения» [Панов 1967: 276]; 2) «как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей», причем «наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их обычно большинство) со словами одного из окрашенных стилей» [Панов 1963: 11]; 3) «связь между темпом и описанными признаками произношения вовсе не столь обязательна» [Там же: 23].

В 60-е гг. XX в. развитие фоностилистики пошло по иному пути: изучение объема и состава литературной нормы теперь строится с опорой на реальную языковую практику. Такой подход обещал решение многих проблем, хотя в полной мере этого не произошло, так как, сфокусировав внимание на речи литературно говорящего социума в условиях неофициального непринужденного персонально адресованного общения, узус той же группы лиц в общественно значимых сферах ученые оставили «в стороне». Ясно, что разное отношение к слагаемым устной коммуникации не могло не отразиться на интерпретации языковых фактов. Ее суть и содержание заключались в том, что в рамках литературного языка наряду с кодифицированной существует «особая коммуникативная подсистема: разговорный язык», который «имеет свою особую фонетическую подсистему, законы которой не совпадают с законами КЛЯ» [Панов 1990: 19, 20], используемую в сфере неофициального, неподготовленного, личного общения. Такое понимание не утратило своего влияния и сегодня, несмотря на постоянно возникающие вопросы: как квалифицировать тексты, в которых ведущими являются кодифицированные варианты, а разговорные — вкраплениями? какое место в новой системе координат занимают тексты,

на предшествующем этапе относимые к высокому стилю? можно ли считать доказанным, что особенности, именуемые разговорными, есть примета лишь неофициальной коммуникации? правомерно ли говорить о них как о едином множестве с точки зрения нормы?

И только на рубеже 1970–1980-х гг. ученые подошли к исследованию речевых сфер, обладающих культурной и общественно-коммуникативной значимостью. Их описание с позиций реальной модальности выявило, что «все типы “организованной” (по Д. Н. Шмелеву) речи... испытывают на себе влияние стихии РЯ», а «наиболее устойчивыми к проникновению фонетических черт РР... оказываются художественная и информационно-публицистическая речь» [Кузьмина 1996: 22–23]. Тогда же прозвучала мысль об актуальности «выработки понятия правильности, ошибки для художественной и специальной речи и установление качественного и количественного предела насыщенности публичной речи чертами разговорной фонетики» [Кузьмина 1996: 23]. С тех пор минуло 20 лет, но поставленная задача не решена. Причин две: публичная речь (в отличие от непубличной) так и осталась «объектом критики», а не источником выявления литературной нормы; разговорные варианты, или, лучше сказать, фонетические компрессии (далее — ФК) рассматриваются без учета давно обнаруженной их нормативно-стилистической гетерогенности [Вещикова 2007].

О возрасте и особенностях функционирования фонетических компрессий

В монографии 1990 г. Панов привлек внимание к ранее не обсуждаемой теме: «В лекции (Д. Н. Ушакова. — *И. В.*) особенно поразительно большое количество разговорных фактов, явлений некодифицированной фонетики... Ведь читалась лекция (чопорный жанр), читалась в студии, при отсутствии слушателей, то есть в очень искусственных условиях, как будто исключающих всякую разговорность (для нее нужны, наоборот, предельно естественные условия общения). Может быть, мы все-таки заблуждаемся, приписывая успехи разговорной фонетики последним десятилетиям? Не будь она обычной в желтой системе, не оказалась бы она такой частой гостьей в лекции Д. Н. Ушакова» [Панов 1990: 176]. Обследование другого корпуса текстов — выступлений (общественно значимых) профессионалов слова в 30-е — 70-е гг. XX в. [Вещикова 2007: 147–179] и записей ТВР доперестроечного периода [Вещикова 2014] — подтвердили суждение ученого о возрасте ФК и времени их проникновения в публичное пространство, тем самым опровергнув представление, согласно которому «вторжение» элементов разговорной фонетики в ТВР последних десятилетий является инновацией. Новшество видится в экспансии жанров и форматов, сделавших зримым использование ФК в СМИ, и их активность. Языковые факты, почерпнутые из текстов двух произносительных эпох, побуждают признать, что определенного типа некодифицированные произносительные средства есть неотъемлемая часть ряда сегментов ТВ СМИ. Отрицание этого обстоятельства лишь «тормозит» решение теоретических и прикладных вопросов в области фоностилистики.

Особенности орфоэпии ТВР советской эпохи

Мониторинг «“экранной жизни” слова» (выражение С. В. Светаны-Толстой) свидетельствует о том, что ФК «вполне литературны» при соблюдении некоторых условий. «В противном случае пришлось бы (как это подчас и делается!) признать не нормативным и лежащим вне литературного языка громадное количество фактов, вполне естественных в речи его носителей. Более того, надо было бы отнять титул носителя литературного языка у доброй половины образованных русских людей или прийти к парадоксальному выводу о том, что норма — абстрактный идеал, в жизни никогда не достигаемый и существующий как некий эталон для примеривания своей речи» [Костомаров, Леонтьев 1966: 5]. Как показывают записи речи Ю. Левитана, В. Балашова, А. Шатиловой, И. Кириллова и других дикторов, а также А. Бовина, А. Овсянникова, В. Овчинникова, В. Зорина, Г. Боровика и других журналистов-международников, в социально ответственных ситуациях действует ряд строгих ограничений. Большую роль играют *качественные* характеристики ФК. Каталогизация зафиксированных в эфире компрессий удивительным образом напоминает орфоэпический ландшафт публичной не собственно ТВР: если слово имеет более одной компрессии, то выбор, как правило, делается в пользу варианта, наименее отличного от кодифицированного; если для узнавания варианта требуется дополнительный контекст или знание ситуации речи, дикторы и журналисты стремятся его миновать; чем больше какая-либо компрессированная форма удалена от кодифицированной и чем больше с ней контрастирует, тем она менее приемлема в условиях СМИ. Многие из них вне направленного аудирования остаются незамеченными. При этом аудитория довольно точно улавливает, насколько работники ТВ СМИ владеют навыками их использования. Хорошо известные ремарки типа «разговорно, невнятно, скороговорка, плохая дикция» являются знаком отрицательной оценки выбора типа некодифицированных орфоэпических вариантов. Ограничения касаются и *степени представленности* некодифицированных форм в тексте. В этом плане ТВР крайне многолика: в дикторской речи при торжественно-патетической тональности («Минута молчания») они табуированы, что является одним из способов создания соответствующего эффекта; в дикторской речи при сугубо официальной тональности («Парад на Красной площади») они присутствуют как единичные вкрапления; при нейтральной тональности («Новости дня») вполне органичны и уместны те из них, которые согласованы с установкой: «…подчеркнуто-полное удовлетворение интересов слушателя — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» [Панов 1968: 14]; в произношении корреспондентов, ведущих информационно-аналитические программы («Международная панорама»), познавательные и иные авторские проекты («Слово Андроникова») их объем (реже палитра) может расширяться. Иными словами, очевидность того, что в основе официального публичного общения лежит регулируемое речевое поведение, никак не отрицает другого свойства — «даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым» [Винокур 1997: 107].

О нормативном статусе фонетических компрессий

Представляется, что в истории нормализации ФК просматриваются три этапа. Впервые вопрос о степени их литературности возник в связи с описанием коммуникативной подсистемы, используемой носителями языка в сфере частнобытового обиходного общения. Однако признание их частью литературной нормы произошло не сразу: «Первые систематические записи его (РЯ. — *И. В.*) произвели смятение, многим показалось, что это записи “некультурных” людей... Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует» [Панов 1990: 20]. Вторым этапом следует считать их недавно состоявшуюся кодификацию. Речь идет о «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук и др. 2012], авторы которого предложили их лексикографическое описание с помощью помет *в беглой речи возможно* абстракц[а]низм; *в беглой речи обычно* ты[ш’ш’]а; *допуст.* обяза[т’]ный. Основываясь на словарных предписаниях, вероятно, можно сказать, что обращение языкового социума к вариантам *тыща*, *государс(твен)ный*, *зрит(ель)ный* и т. п. не нарушает культуру текста. Однако данная констатация нуждается в детализации. Собранный к настоящему времени языковой материал позволяет сделать следующий шаг, наметив ориентиры, подсказывающие работающему в эфире, как не перейти порога, за которым наступает коммуникативный дискомфорт для слушающего. Чтобы держать разговорные варианты под контролем, не стоит игнорировать отмеченные выше традиции их использования в ТВР и, кроме того, имеет смысл присмотреться к их своеобразию: 1. Необычность компрессий заключается в том, что один и тот же вариант (*тыща, следс(твен)ный, обязат(ель)но*, *двадц(ать) пять, необыкно(в)енный*) или разные произнесения одного слова (*де(й)с(тв)ит(ель)но и действит(ель)но, ко(г)да и ко(гд)а, универс(и)тет, уни(ве)рс(и)тет, ко(г)да и к(огд)а* и т. п.) могут восприниматься и оцениваться по-разному в зависимости от статусно-ролевой характеристики представителя студии, типа программы, ТВ-формата (жанра телепередач), коммуникативного задания и т. п. В зону нежелательных и неуместных обычно попадают варианты, идентификация которых вне контекста затруднена и которые неспособны к самостоятельному употреблению (*ч(елов)ек, бу(дет), (з)десь, к(огд)а, [шъ]=что, п(ятьде)сят*). 2. По той же причине (компрессия компрессии рознь) они не могут быть подведены под единую ортологическую рекомендацию. По отношению к ФК востребованы гибкие установки, поскольку они относятся к типу норм, выбор которых носит не императивный, но скорее предпочтительный характер. 3. Если бы работники ТВ СМИ не пользовались возможностями, предоставляемыми произносительной системой языка, телевизионная реальность на уровне орфоэпии стала бы искусственным образованием. Поэтому наличие в некоторых сегментах ТРВ отдельных типов ФК вполне закономерно и законно.

Литература

Вещикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М.: Флинта; Наука, 2007. 321 с.

Вещикова И. А. Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 29–39.

Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 186 с.

Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 9–31.

Каленчук М. Л., *Касаткин Л. Л.*, *Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1024 с.

Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 3−15.

Кузьмина С. М. Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 5–23.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000. 351 с.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М.: Наука, 1963. С. 5–38.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Панов М. В. Глава первая // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Кн. 4: Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. С. 9–21.

Панов М. В. Стили литературного языка // Современный русский язык: Учебник / В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов; под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С. 14–20.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957а. С. 21–25.

Щерба Л. В. К вопросу о русской орфоэпии // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957б. С. 141–143.

Irina A. Veshchikova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
irinavmgu@gmail.com

ON THE AGE, TYPES AND PRINCIPLES OF USE OF PHONETIC COMPRESSIONS IN THE TELEVISION MEDIA

The article is devoted to normative interpretation of the spoken pronunciation variants in conditions of television media. Attention of the theoretical, descriptive and applied linguistics to this problem is due to the unresolved question concerning the normative status of "objectively found in different environments forms: gʌvʌrít, gəvʌrít, gəʌrít, gərít, grít, etc."; to the conflict between the current codification and media practice; the normative significance of the mass media and the mediatization of orthoepic knowledge. For lighting the set theme, we thought it necessary to address three issues: the logic of exploring options, depending on situation speech communication (vs. social characteristics of speakers); the results of examination of the televised speech of the Soviet period; the principles of functioning of discussed forms in circumstances of socially meaningful communication. Analysis of scientific literature and empirical material allowed us to draw the following conclusions: 1. The inclusion in a television speech of phonetic compression cannot be considered as novelty. It has become permeable to elements of spoken phonetics in the Soviet era. 2. Television speech in this regard is not uniform. Contrasted here are the announcer's texts and "all other" texts. The difference between them affects the type of conversational variants and their quantity. 3. The choice of conversational options depends on the value of situational variables — role of person working in the broadcast; the type of programme type, genre and format.

Key words: orthoepy, spoken pronunciation variant, phonetic compression, codified norms televised speech, Soviet era, a situational variable

References

Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka* [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1024 p.

Kostomarov V.G., Leont'ev A.A. [Some of the theoretical issues of speech culture]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1966. No. 5. Pp. 3–15. (In Russ.)

Kuz'mina S.M. [The status and tasks of the study of Russian phonetics in a functional-stylistic aspect]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Urovni yazyka.* Moscow, Nauka Publ., 1996. P. 5–23. (In Russ.)

Lapteva O.A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte.* [Living Russian language on television. Spoken Plast televised speech in the normative]. Moscow, URSS Publ., 2000. 351 p.

Panov M. V. [Styles of pronunciation (in connection with General problems of stylistics)]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka.* Eds. S. I. Ozhegov, M. V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1963. P. 5–38. (In Russ.)

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.

Panov M. V. [The first Chapter]. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo (sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie). Part 4. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie*. Ed. M. V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 9–21. (In Russ.)

Panov M. V. [Styles of the literary language]. *Sovremennyi russkii yazyk: Uchebnik /* V. A. Beloshapkova, E. A. Zemskaja, I. G. Miloslavskij, M. V. Panov; ed. V. A. Beloshapkova. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1981. P. 14–20. (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of the Russian literary language of 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Shherba L. V. [About the different styles of the perfect pronunciation and phonetic structure of words]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku.* Moscow, Gos. uchebno-pedagog. izd-vo ministerstva prosveshhenija RSFSR Publ., 1957. P. 21–25. (In Russ.)

Shherba L. V. [The question of Russian orthoepy]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, Gos. uchebno-pedagog. izd-vo ministerstva prosveshhenija RSFSR Publ., 1957. P. 141–143. (In Russ.)

Veshhikova I. A. *Orfojepija: osnovy teorii i prikladnye aspekty* [Orthoepy: the basics of theory and applied aspects]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2007. 321 p.

Veshhikova I. A. [Televised speech in the aspect of phonostylistic]. *Medialingvistika.* 2014. No. (5). P. 29–39. (In Russ.)

Vinokur G. O. *Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 186 p.

Zemskaja E. A. [Introduction]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. 2nd ed. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. P. 9–31. (In Russ.)

С. В. Дьяченко[1], А. В. Малышева[2], А. В. Тер-Аванесова[3]
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
svet-lan-a@list.ru[1], annamalys@mail.ru[2], teravan@mail.ru[3]

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОНЕТИКОЙ ВЛАДИМИРСКО-ПОВОЛЖСКИХ ГОВОРОВ: ЁКАНЬЕ И ПОЗИЦИОННАЯ МЯГКОСТЬ *Ж, Ш**

В работе рассматриваются два взаимосвязанных явления в восточных среднерусских окающих говорах Владимирско-Поволжской группы: ёканье и позиционная мягкость шипящих *ж* и *ш.*

Ёканье изучено на материале муромского говора деревень Татарово, Ожигово и Нулы Муромского р-на Владимирской обл.; проанализированы аудиозаписи речи 13 местных жителей 1921–1959 гг. р., сделанные в 2012 и 2014 гг. В говоре ёканье представлено в 1-м предударном слоге на месте **е, *ь, *ѣ* (*н'**о**сла́, в'**о**рну́л, б'**о**да́* и т. п.) и осуществляется в 60 % от общего числа 1100 релевантных примеров, в остальных в позиции ёканья произносятся неогубленные гласные (*н'**е**сла́* и т. п.). Помимо известных условий неосуществления ёканья, в муромском говоре оно отсутствует перед твердыми шипящими [ж], [ш], [ж:] (долгий [ш':] в говоре, как правило, мягкий), что указывает на позднее отвердение шипящих и отличает муромский говор от севернорусских. Ёканье зафиксировано в 85 основах всех частей речи (без учета приставочных образований). Разнообразие их морфонологических характеристик указывает на то, что говор хорошо сохранил результаты фонетического изменения *е>о* перед твердыми согласными на месте трех гласных, которому предшествовало совпадение их в безударных слогах (этот вывод совпадает с концепцией С. П. Обнорского, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова). Помимо исконной лексики, ёканье характерно для собственных имен церковнославянского происхождения и отдельных заимствований из европейских языков (*мъс'т'**о**ра́*). В аспекте социолингвистики ёканье принадлежит к числу диалектных явлений, сознательно устраняемых при установке говорящего на правильную речь (вывод из анализа записей речи учительницы 1925 г. р.). Что касается его связи с социальными характеристиками говорящих, то ёканье отсутствует у лиц 1946–1959 гг. р., двух учителей и работника культуры, которые сохраняют ряд других диалектных явлений

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00485а.

в речи. Низкая доля форм с ёканьем (до 20%) у людей со средним специальным образованием, представителей некрестьянских профессий, практически не зависит от возраста (1925–1944 г. р.). У женщин с неполным средним и начальным образованием, работавших на ферме, доля форм с ёканьем зависит от возраста: у лиц 1936 г. р. она составляет около 40%, а у лиц 1920-х гг. р. — 50–80%. У мужчины 1939 г. р. с неполным средним обр., тракториста, единственного из опрошенных, доля форм с ёканьем значительно выше, чем у его ровесниц, и находится на уровне архаичной «нормы» говора.

Вывод об относительно позднем отвердении *ж*, *ш* в муромском говоре, полученный путем анализа системы ёканья, подтверждается данными соседних городецких говоров. В говоре с. Соболево Юрьевецкого р-на Ивановской обл. мягкие [ж’], [ш’] отмечены в позициях перед и после мягких согласных (*ко́**ш’к’**и, ра́**н’ш’**е*) и перед гласными переднего ряда [и] и [е] (***ж’и**л, **ш’е**р’с’т’*). Смягчение шипящих в соседстве с мягкими согласными и перед [и] является для старшей разновидности говора фонетическим правилом. Это состояние сложилось в результате отвердения мягких *ж’, ш’* на конце слова, перед твердыми согласными и перед гласными *а, о, у*. Перед рефлексами **е, *ь,* за которыми следуют твердые согласные, произносятся твердые шипящие (т. е. в позиции перехода *е>о*, при том что в заударных слогах самого перехода может и не быть в силу редукции: *т’и**жо**ло́, ска́**жо**т, ко́**шъ**к*). Перед **е, *ь*, за которыми следуют мягкие согласные, произносятся мягкие шипящие. Перед конечными [е], [о] шипящие, как правило, являются твердыми (*то́**жо**, тв’о́р**же**,* но *да́**ж’и***).

Ключевые слова: русские говоры, владимирско-поволжская группа, фонетика, ёканье, шипящие согласные

В этой работе мы попытались оценить степень сохранности предударного ёканья в одном говоре Муромского р-на Владимирской обл. и проанализировать зависимость наличия/отсутствия ёканья в этом говоре от фонетических, морфологических и морфонологических позиций.

Одним из условий, ограничивающих ёканье в муромском говоре, является положение предударного гласного среднего подъема перед твердыми шипящими *ж, ш*: перед этими согласными предударного ёканья нет, тем самым *ж, ш* ведут себя в отношении ёканья как мягкие согласные. Их поведение аналогично поведению /ц/, /ч/, /ж:/, /ш:/. Фонемы /ц/ и /ч/ реализуются в муромском говоре соответственно как твердый [ц] и мягкий [ч’], долгий звонкий шипящий — чаще твердый [ж:], но встречается и мягкое произношение [ж’:], долгий глухой обычно мягкий ([ш’:]). Можно поэтому предполагать позднее отвердение *ж, ш* в муромском говоре. На позднее отвердение шипящих указывают соседние с муромскими городецкие говоры: в настоящей работе рассматриваются данные одного говора из Юрьевецкого р-на Ивановской обл., в котором /ж/ и /ш/ еще сохраняют палатализованные аллофоны [ж’] и [ш’] в некоторых позициях.

I. Ёканье в муромском говоре: позиционные особенности, количественные характеристики, социолингвистический статус

1. *Ёканьем* называют произношение [о] в безударных слогах после мягких согласных и после твердых шипящих перед твердыми согласными и на конце слова, встречающееся в севернорусских и в среднерусских говорах (*н'**о**сла́*, *з'**о**рново́й**о***, *б'**о**да́*, *ж**о**на́* и подобные примеры). В заударных слогах ёканье возможно и перед мягкими согласными (*д'ер'ёвн'**ой***) [Пожарицкая 2005: 51–53; Касаткин 2012: 41–42], такие случаи, как правило, объясняются морфологической аналогией. Фонетические и этимологические позиции, в которых встречается ёканье, и регулярность его в русских говорах не одинаковы.

В большинстве севернорусских говоров ёканье представлено во всех названных безударных позициях. Однако в значительной части костромских, южновологодских и некоторых горьковских говорах, образующих единый ареал, предударное ёканье отсутствует, а в заударных слогах оно проведено вполне последовательно и, по всей вероятности, поддерживается морфологически [ДАРЯ 1986, I, карта 3].

В подавляющем большинстве севернорусских говоров ёканье имеется только на месте этимологических **е* и **ь*, но не **ě*: *н'**о**сла́*, *з'**о**рно́*, И. ед. *по́л'**о***, но *б'**е**да́*, М. ед. *по́л'**е***. Исключение составляют отдельные говоры и небольшие ареалы — в окрестностях Никольска и в среднем течении Сухоны, где ёканье встречается на месте всех трех старых фонем переднего ряда среднего подъема (но на месте **ě* только в 1-м предударном слоге): *н'**о**сла́*, *з'**о**рно́*, *б'**о**да́* [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6]. К их числу относится тотемский говор (Шуйское и Ихалица на Сухоне), описанный Олафом Броком [Брок 1907: 22–23, 100–103].

Регулярность ёканья в севернорусских говорах неодинакова. Если в ладого-тихвинских говорах оно вполне последовательно, то в вологодских и части костромских говоров в позициях ёканья варьируют [о] и [е] [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6], а в поморских говорах в предударной позиции [о] — значительно более редкий вариант по сравнению с [е] при регулярности заударного ёканья [Гецова 1997: 139; Пожарицкая 2002: 62].

В среднерусских говорах ёканье отмечается в ДАРЯ на обширной территории от Гдова до нижегородских окраин и Мордовии. Системы с ёканьем заметно концентрируются, образуя ареалы разной величины, в говорах вокруг Ильменя (продолжением этого ареала является ладого-тихвинский), в гдовских, тверских, бежецких и, наконец, во владимирско-поволжских говорах, где ёканье представлено в большом компактном ареале и считается одной из изоглосс, выделяющих Владимирско-Поволжскую группу говоров [Захарова, Орлова 1970: 155]. В среднерусских говорах ёканье встречается только в 1-м предударном слоге (исключение составляет северная часть владимирско-поволжских говоров, где ёканье отмечается и в заударных слогах [ДАРЯ 1986, I, карта 3; Образование 1970: 349, карта 96]).

В среднерусских окающих говорах известны две основные системы предударного вокализма с ёканьем, представленные ниже в «идеализированном» виде (без учета варьирования):

(1) *пр'**а**ду́*, *с'**о**стра́*, *в'**о**рну́т*, *б'**е**да́*; *пр'**а**д'о́т*, *с'**е**стр'е́*, *в'**е**р'н'о́т*, *б'**е**д'е́*;

(2) *пр'**а**ду́*, *с'**о**стра́*, *в'**о**рну́т*, *б'**о**да́*; *пр'**а**д'о́т*, *с'**е**стр'е́*, *в'**е**р'н'о́т*, *б'**е**д'е́*.

В первой системе перед твердыми согласными различаются три гласных фонемы неверхнего подъема: /а/, /о/, /е/, а перед мягкими согласными фонемы /о/ и /е/ совпадают в [е]. В этой системе перед твердыми согласными различаются предударные рефлексы **е, *ь* (> [о]) и **ě* (> [е]), т. е. ёканье представлено только на месте **е* и **ь*. Такие системы распространены в западной части среднерусских говоров и в центре владимирско-поволжской территории (владимирские, ростово-суздальские, южные городецкие говоры [Образование 1970: 349]).

Во второй системе в 1-м предударном слоге фонемы /о/ и /е/ не различаются, совпадая перед твердыми согласными в [о], перед мягкими — в [е], и не различаются предударные рефлексы **е, *ь* и **ě*. Ёканье на месте **е, *ь* и **ě* должно свидетельствовать о древности совпадения этих трех гласных в безударной позиции. Этот тип систем с ёканьем характерен для муромских, городецких и горьковских говоров, а также отдельных гдовских, новгородских, большого бежецко-тверского ареала; как сказано выше, этот тип предударного ёканья встречается в севернорусских говорах на Сухоне и в районе Никольска [ДАРЯ 1986, I, карты 3–6].

Среднерусское ёканье отличается регулярностью, особенно в позиции этимологического **е* [ДАРЯ 1986, I, карты 3, 4; Захарова 1981: 39]. Регулярность ёканья во владимирско-поволжских говорах, в отличие от севернорусских, С. С. Высотский связывал с ритмической структурой слова, для которой характерна длительность 1-го предударного слога, равная длительности ударного или даже превышающая ее [Высотский 1977: 29–31].

С. П. Обнорский, детально проанализировав данные Московской диалектологической комиссии по произношению [о] на месте **ě* в русских говорах, пришел к выводу, что первоначально оно развилось в безударных слогах на почве древнего совпадения безударных рефлексов **е, *ь* и **ě*. Центром этой инновации являются говоры Владимирско-Поволжской группы [Обнорский 1947: 302–315]. В. Н. Сидоров также рассматривал владимирско-поволжский тип ёканья с совпадением трех гласных в [о] перед твердыми и [е] перед мягкими согласными как результат фонетического развития [Сидоров 1966: 147, 153–154]. Однако на материале, собранном для ДАРЯ, были сделаны наблюдения, что предударный [о] на месте **ě* встречается с неодинаковой регулярностью в словах и словоформах разных морфонологических и прежде всего акцентных классов, из чего следует вывод о разрушении исходной системы либо о проникновении ёканья в позиции этимологического **ě* по аналогии [Захарова, Орлова и др. 1970: 360–365; Захарова 1981; Скобликова 1962: 117–118]. Карта ДАРЯ I № 6, однако, показывает, что поведение слов разных морфонологических типов одинаково в большинстве ареалов [о] на месте **ě*; исключение составляет южная часть горьковских говоров, где предударный [о] произносится только в тех словах, в части словоформ которых [о] на месте **ě* произносится и под ударением (*гнездо, ведро, звезда*). Одной из задач настоящей работы является выяснение того, существуют ли в муромском говоре какие-либо морфологические или морфонологические ограничения реализации предударного ёканья.

2. Исследование муромского ёканья проведено на основе аудиозаписей, сделанных в 2012 и 2014 гг. в селе Татарово и деревнях Нула и Ожигово Муромского р-на Владимирской обл.[1] И. И. Исаевым, Е. В. Корпечковой и авторами настоящей работы. В ходе этих экспедиций была записана речь тринадцати местных жителей 1921–1959 гг. р.[2], среди них один мужчина, остальные женщины. В основном записывались беседы диалектологов и местных жителей на разные темы, встречаются и прямые вопросы, нацеленные на выяснение системы фонетики говора. В 2014 г. записан опрос информантки по «краткой акцентологической программе» [Николаев 1998: 162–166]; данные этого опроса использованы наравне с прочими, с определенными оговорками.

Все опрошенные жители трех деревень в той или иной мере сохраняют особенности местного говора, однако ёканье было отмечено не у всех информантов. Ёканье отсутствует у двух женщин 1954 и 1959 гг. р. — учителей средней школы, с высшим образованием; при этом в их речи сохраняются другие особенности владимирско-поволжского предударного вокализма: предударный [а] < **’a, *ę* после мягких согласных (*тр’асý, тр’ас’óт* и т. п.), предударный [е] < **е, *ь, *ě* перед любыми согласными (*н’есý, н’ес’óт, в’ернýл, т’ерп’ém’, л’есá, в р’ек’é* и т. п.); предударное оканье эпизодически появляется при общении с местными пожилыми людьми. Ёканье отсутствует также в речи женщины 1946 г. р., бывшей заведующей клубом, заочно окончившей училище работников культуры во Владимире. Ее речь отличается от речи упомянутых учителей последовательным предударным оканьем, сохранением диалектных особенностей в склонении местоимений и постпозитивной частицы *-то*, особенностей морфосинтаксиса, в частности, употреблением форм «плюсквамперфекта»[3]. Ёканье встречается у всех остальных информантов 1921–1944 гг. р. независимо от образования и профессии, но ни у кого оно не представлено абсолютно последовательно, и процент примеров с ёканьем в речи разных лиц неодинаков. Свойственные владимирско-поволжским говорам ритмическая модель слова с долгим 1-м предударным слогом и фразовая интонация при этом сохраняются у всех поколений местных жителей.

---

[1] Эти населенные пункты в XIX — начале XX в. относились к Святской вол. Гороховецкого у. Владимирской губ., в 1929–1944 гг. — к Фоминскому р-ну Горьковского края, с 1944 г. — к Муромскому р-ну Владимирской обл. В 1965–2005 гг. они относились к Татаровскому сельсовету, с 2005 г. входят в состав Борисоглебского сельского поселения Муромского р-на. В последние десятилетия население деревень бывшего Татаровского сельсовета «постарело» и численность его резко упала; в 2017 г. в Татарове поживало 326 чел., в Нуле 7, в Ожигове 60, в Ольгине 27, в Пензе 26, в Пробуждении 18. На территории бывшего Татаровского с/с не функционируют сельскохозяйственные предприятия и построенные после войны заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, практически полностью разрушена инфраструктура (закрыты школы, клубы, пекарня, фельдшерские пункты, магазины остались в Татарове и Ожигове, в Татарове имеется отделение связи). Тем не менее эти живописные места привлекли новых поселенцев, хотя их число и невелико.

[2] Сведения об информантах см. в разделе 5.

[3] Нельзя ручаться, что формы «плюсквамперфекта» совсем не употребляются учителями 1950-х гг. р., но в наших записях таких форм в их речи не встретилось.

Чтобы проанализировать сохранность ёканья и его зависимость от позиционных условий, мы обработали материал следующим образом. Из аудиозаписей речи информантов, в чьей речи присутствует ёканье[4], были извлечены все примеры с гласными [е] и [о] в первом предударном слоге после мягких согласных и после исконно мяких [ж], [ш], [ц]. С точки зрения этимологии среди примеров оказались словоформы исконных слов с предударными рефлексами **е*, **ь* и **ě*, заимствованные основы с предударными [е] и [о] после мягких согласных и словоформы с «вторичными» [е] и [о] после мягких (как правило, на месте **i*). Кроме того, были выделены все примеры с другими гласными (в нашем материале это гласные [а] и [и]) в первом предударном слоге на месте **е*, **ь* и **ě* и в заимствованных основах с предударным *е* в языке-источнике; таких примеров оказалось сравнительно немного.

Из общего массива данных были выделены все примеры, в которых предударные [е] и [о] после мягких согласных, реже — другие неогубленные гласные на месте **е*, **ь* и **ě*, находятся в позиции перед мягкими согласными. В этой позиции обычно произносится [е], гораздо реже — [и] и совсем редко — [а]. Гласный [о] между мягкими согласными в первом предударном слоге встретился 1) один раз в окончании Т. п. числительного *тр'**о**м'и́* ПЯ, где он, очевидно, появляется в силу морфологической аналогии, ср. Д. п. *тр'ом* и Р.-М. п. *тр'ох*, и 2) один раз в *кр'**о**с'т'и́ла* ПЯ, где предударный гласный «восстанавливается» из *кр'ост, кр'остá*; данная глагольная основа имеет в говоре более распространенные варианты *кст'ит'* и *кр'ес'т'и́т'*. Материал по этой позиции, записанный от четырех информантов, приводится в отчете об экспедиции 2014 г. [Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015]; в данной работе он не рассматривается, за исключением случаев произношения [о] и неогубленных гласных в особых окружениях, о которых речь в следующем параграфе.

Оставшиеся примеры, в которых [о], [е], реже — другие неогубленные гласные находятся после мягких (и отвердевших) перед твердыми (и отвердевшими) согласными в первом предударном слоге, анализируются в настоящей работе. Огубленные гласные в указанной позиции представлены в нашем материале довольно большим числом примеров. Как правило, это гласные с выраженной огубленностью и *и*-образным началом, которые мы обозначаем как *о*: [п'окла́]. Реже встречаются слабо огубленные гласные и гласные, у которых отчетливую огубленность имеет только короткая последняя фаза, мы их обозначаем как *е°*: [н'е°сла́]. Неогубленными гласными в той же позиции являются [е] среднего подъема: [с'естра́], значительно реже встречаются гласный средне-нижнего подъема, среднего или средне-заднего ряда: [н'ъсла́], гласные [а] и [и]: *фч'**а**рáс'* 7×, *фч'**а**ра́* 6×, *с'**и**мна́ццът'*, *пр'ив'**и**зла́*, (а также *н'**и** сл'ёзу*) ПЯ; *ч'ир'**а**пу́шка, фч'**а**ра́* ЕМ; *д'в'**а**на́ццът'* ЗИ; *ч'ир'**а**пу́шка,* а также *нъб'**е͡а**ра́и»у* ВС.

Эти примеры делятся на две группы. 1. Слова и морфемы, в которых ёканье стабильно отсутствует. В части таких случаев отсутствие перехода *е>о* в муромском

[4] Общая продолжительность аудиозаписей речи «ёкающих» информантов составляет около 30 часов.

говоре является общерусским, т. е. имеет параллели во всех других идиомах — разновидностях русского языка; в других случаях оно является спецификой муромского говора и, по-видимому, некоторых близких ему говоров. 2. Слова и морфемы, в которых ёканье представлено достаточно регулярно. Вопрос о степени сохранности ёканья в говоре, естественно, можно ставить только на основании второй группы примеров. В этой группе из 1100 словоформ огубленные гласные представлены в 60 % примеров, причем у некоторых лиц их не более 15 %, тогда как у других их доля приближается к 80 %.

Далее мы подробно рассматриваем эти две группы случаев.

3. В муромском говоре есть несколько морфологических, фонетических и «лексических» позиций, в которых предударный *е* любого происхождения перед твердыми согласными не переходит в *о*. В большей части этих позиций отсутствие перехода *е>о* под ударением имеет общерусский характер, в том числе в окающих говорах этот переход отсутствует в тех же позициях без ударения. Муромскому говору присущи и специфические позиции неперехода *е>о* в предударном слоге.

1) Переход *е>о* отсутствует в определенных морфологических позициях:

1а) в предлогах, приставках и частице *не*: *н'**е**да́внъ, н'**е** зна́йу, н'**е** вы́мыли, н'**е** ку́п'ит'е, н'**е** та́ит; п'ир'**е**д ва́м'и, п'ир'**е**шла́, б'**е**с са́хъру, ч'ир'**е**з два́ до́ма* ЕМ; *н'**е** жа́ркъ, н'**е** на́ды, н'**е** зна́йу* 3×, *н'**е** та́к л'и*; *п'ир'**е**кла́ды, го́л' п'ир'**е**ка́тна, о́къл п'ир'**е**хо́т* ЗИ; *н'**е**до́лго, н'**е** за́мужъм, н'**е** то́къ, н'**е** ла́з'ил, п'ир'**е**ло́мл'ьнъ-ть, б'**е**здо́мны, б'**е**з го́р'ь, ч'ир'**е**з до́м* ПЯ; *н'**е** бу́д'ет, н'**е** зна́л, н'**е** зна́йу* 2×, *н'**е** ка́ждый, н'**е** на́дъ, н'**е** про́стъ, н'**е** ста́лъ, н'**е** ста́л'и, н'**е** то́п'им, н'**е** тро́гът* ВС; *н'**е** бу́д'ит* 2×, *н'**е** бо́л'нъ, н'**е** та́к, н'**е** хо́д'ут, пън'**е**во́л'и, п'ир'**е**шл'и́, ч'ир'**е**с тр'и́, об'**е**зно́жыла, п'ир'**е**ку́р* НИ;

1б) Перехода *е>о* нет в морфемах с «вторичным» *е,* замещающим *и*:

в основах имперфективов типа *-берать: нъб'**е**[a]ра́йу, уд'**е**ра́т'* ‘удирать’ ВС; *зъп'**е**ра́имсъ, зъб'**е**ра́йт'е* (но также *нъс'т'**и**ла́им, съб'**и**ра́йт'е, пъм'**и**ра́т'*) ЕМ; *ус'т'**е**ла́йет* ПЯ; *ст'**е**ра́л'и* ЗВ; *нъб'**е**ра́им* ЗФ;

в частице *ни,* совпавшей с *не*: *н'**е**хто́* ‘никто’ 2× ПЯ; *н'**е**кто́* 3×, *н'**е**ка́к* ‘никак’ ВС; *н'**е**ка́к, н'**е**хто́* НИ.

В систему ёканья не втянуты также случаи вторичного [а] в основах *с'**а**д'и́цъ, л'**а**жы́цъ, пр'итс'**а**да́т'ил'*, где корневая фонема /а/ появляется вследствие аналогии с формами презенса глаголов *сяду, лягу* (ср. ниже о ёканье в корне глагола *лежать* и производных — аналогия с *ложить*?)[5].

2) Перехода *е>о* нет в ряде фонетических позиций:

2а) перед сочетаниями твердый + мягкий согласный: **е — с'**е**стр'и́ца* 3×, *с с'**е**стр'и́цъй, с'**е**стр'и́ч'къ,* Д. ед. п. *с'**е**стр'и́ч'к'и, с'**е**стр'е́, ф с'**е**мйе́, с'**е**мйо́й* 2×, *з'**е**мл'а́* 4×, *з'**е**мл'и́ч'къ, ч'**е**тв'о́ртъм, пр'ив'**е**зл'и́* 2×, *в'**е**зл'и́* 3×, *пов'**е**зл'и́* 2×, *п'**е**кл'и́* 6× НИ, **ь — пт'**е**пл'е́й, с'т'**е**кл'а́нна* НИ, *пъж**ы**лт'е́й* ЗФ; **ě — д'**е**фч'о́нк'и* 5×, *з д'**е**фч'о́нкъм'и* НИ; *д'**е**фч'о́нка* ЗВ; то же в собственных именах церковнославянского происхождения *Ал'**е**кс'е́й Па́влыч', Л'**е**кс'е́им зва́л'и, Вал'**е**нт'и́н* НИ;

[5] Ср. фонетический облик корня в инф. ***л'ожы́ц'ъ'е*** в устьянском говоре д. Михалёвская.

2б) перед твердым [р] в корнях структуры **СьrС* с твердыми губными и заднеязычными в ауслауте (изредка в таких корнях встречается мягкий [р’]): *св’ерка́ет* ВС; *фп’ервы́йе* 2×, *с’ерпо́м* 3×, *с’ерпы́*, *высо́к’ии в’ерха́* ЕМ; *фп’ервы́йь, с’ерпо́м* 2× ПЯ; *с’ерпа́м’и* 2×, *с с’ерпо́м, с’ерпы́, нъв’ер’ху́, с’в’ерка́йут* НИ; *с’ерпа́м’и, ч’ерво́н’ьц* НВ; в муромском говоре в этой позиции перед твердым [р] ёканье зафиксировано только в двух глагольных корнях: *св’орка́ет* ВС, *зъм’оркло́* ПЯ;

2в) перед твердым [р] в корнях структуры **СьrС* с мягкими согласными в ауслауте (чаще в таких корнях — мягкий [р’]); *п’ир’ив’ерн’о́ш, в’ерт’е́лъс, в’ер’т’а́ццъ, п’ерч’а́тк’и* 2×, *т’ерп’е́л’и* НИ; *ч’ер’т’е́й, да́й бо́х т’ер’п’е́н’йа ът ва́с* ЕМ; *нъв’ер’н’о́ш то́к йа́ т’е да́м* ‘съешь много’, *с’ер’д’и́та* ВС; *път’ер’п’е́т’, с’ер’д’е́ч’нъ* ЗИ; *т’ер’п’е́лъ* ПЯ.

В корнях (основах) структуры **СьrС* с твердыми переднеязычными согласными в ауслауте ёканье вполне регулярно: *зъм’орза́йу, зъм’орза́им, ум’орла́* 2х, *пъм’орла́* 7× ПЯ; *п’ир’в’орну́* 2× ЕМ; *ум’орла́, ум’ерла́* 5×, *ч’ерно́* ВС; *зъп’орла́, св’орну́л, убв’орну́л* НИ, *ум’орла́* 2×, *пъм’орла́* ЗВ, *ум’ерло́* 2×, *з’ерно́* 2×, *з’ерна́-тъ дава́л’и* НВ. В корне *-держ-,* однако, ёканье встречается редко (недавняя мягкость ж?): *д’ержу́, д’ержа́лъ* 4×, *пъд’ержа́лъ, д’ержа́т’, съд’ержа́л* 2× ПЯ; *д’оржа́л’и, зъд’ержа́лса* ЕМ; *д’ержа́л’и* 2× ЗИ; *д’ержа́л’и* ВС; *д’ержу́, пъд’ержы́, д’ержа́л’и* 4×, *д’ержа́т’* НИ; *д’оржа́т’, д’ержа́л’и* 10×, *д’ържа́л’и, д’ержа́т’* ЗВ; *д’ержа́л’и* 5× ЗФ (под ударением в этом корне [е]: *д’е́ржыт*).

В слове *чердак,* основа которого имеет структуру, сходную с **СьrС*, зафиксирован только [е]: *ш’ерда́к* 2×, *ч’ерда́к* ВС и другие примеры.

2г) Перед твердыми долгими шипящими [ж:], [ш:] произносится [е] или [и] (твердое и мягкое произношение долгих шипящих варьирует у всех информантов; в целом у информантов из Татарова и Нулы преобладает мягкое произношение [ш’:] и твердое [ж:], у информантки из Ожигова — твердое произношение обоих долгих шипящих): **е — ишшо́, ишши́о́* (все); *хр’еш:е́нскъ вода́* ПЯ; **ё*: *пр’ийеж:а́л, пъдйеж:а́йут* ПЯ; *пр’ийеж’:а́й* 3×, *пр’ийеж’а́йт’и* 2×, *пр’ийеж’:а́л’и* 2×, *пр’ийеж’:а́л, уйеж’:а́л’и; кл’еш’:е́й, кл’еш’:и́, л’ешш’а́, л’ешш’и́, л’ешш’е́й* ЕМ; *пр’ийеж:а́т’, пр’ийеж:а́йут* 5×, *пр’ийеж:а́й* 2×, *пр’ийеж:а́йт’и* 4×, *пр’ийеж:а́л’и, уйеж:а́йет, уйеж:а́л’и, сйеж:а́ла* НИ;

2д) Перед твердыми шипящими [ж], [ш] в большинстве примеров представлен [е], независимо от ряда следующего за твердым шипящим (старого) гласного. **е*: *п’ешко́м* 6×, *б’ир’ежо́т* ПЯ; *йежы́, йеже́й* ЕМ; *п’ешко́м* ЗН; *р’ешо́та, кър’ешк’и́, с кър’ешка́м’и* НИ; **ё*: *м’ешко́ф, полм’ешка́, пъм’еша́т’, ръзр’ешы́т, ръзр’еша́л’и, с’н’ежо́к* 2×, *б’ежа́т’* 2×, *б’ежа́л* 2×, *уб’ежа́л’и* 4×, *пъб’ежы́м, -жы́т, уб’ежы́ш* 2×, *б’ежы́т* 2×, *дъб’ежы́т* НИ; *м’ешо́к, п’ешо́ч’към, ръзр’еш ы́л, м’еша́л* ЕМ, *в м’ешо́ч’ьк, м’ешо́к* 3× ПЯ; *м’ешки́* ЗН; *пъб’ежы́ш* ЗВ; *М’ешко́ва* ЕП.

Приведенные примеры показывают, что в муромском говоре твердые [ж], [ш] в отношении ёканья функционируют как мягкие согласные. Показательно в этом отношении чередование предударных [о](/[е]) и [е] в корне *бег/беж,* сопровождающее чередование согласных *г/ж*: *б’огу́* 3× ПЯ, *уб’ога́л’и* ЗИ, *пр’иб’огу́, уб’огу́т,*

*пъб'**е**гу́т* НИ, *зъб'**е**гу́* ЕМ — *(у)б'**е**жы́т* ЗИ, *б'**е**жа́л* НИ и другие примеры форм глагола *бежать,* см. выше.

Исключением является ёканье перед твердым [ж] в корне глагола *лежать* и производном от него *лежанка* (под влиянием каузатива *ложить*?, ср. выше об [а] в корне возвратных каузативов *л'ажы́ццъ*, *с'ад'и́ццъ* под влиянием *с'а́ду, л'а́гу*): *л'**о**жу́* 2×, *л'**о**жы́т, пръл'**о**жа́лъ, л'**о**жа́ла* 3×, *л'**о**жа́ч'им,* однако *в л'**е**жа́нку* ПЯ; *л'**о**жы́т* 2×, *л'**о**жа́т, л'**о**жа́нка* 3×, однако *л'**е**жу́, л'**е**жа́ла, л'**е**жа́л, л'**е**жы́т, л'**е**жа́нка* 7×, *л'**е**жа́нку, в л'**е**жа́нк'и* ЕМ; *л'**е**жа́ла* ЗИ; *л'**о**жа́л'и, л'**о**жа́лъ, л'**о**жа́т'* ВС; *л'**о**жы́т, л'**е**жу́, л'**е**жа́ла* 2× НИ, *л'**о**жы́т* ЗВ, ЗФ; *л'**е**жа́ла* НМ, ЕП. Кроме того, [о] зафиксирован перед твердым [ш] в топониме *Л'**о**шу́н'инъ* (название деревни, на карте *Алешунино*) ПЯ.

В севернорусских говорах наблюдается иная картина перед твердыми *ж:, ш:, ж, ш.* В вологодском никольском говоре перед твердыми шипящими обычно [о]: *мёшки, бёжы, пёшеходом*, в тотемском говоре — колебание [е] и [о]: *бежать, пёшком, уежджать, поёжджай* [Брок 1907: 22–25]; то же в грязовецком говоре (примеры из [Мансикка 1915: 202–208] и [Брок 1907] приведены в транслитерации С. П. Обнорского [Обнорский 1947: 306]).

2е) Ёканье не зафиксировано на месте **е, *ь* перед кластерами из сочетаний **СьС* (в сложениях и перед некоторыми в прошлом смягчающими суффиксами): *въс'**е**мна́ццът', с'**е**мна́ццът', ш**е**сна́ц, жыр'**е**пцо́ф-та, жыр'**е**пцá, кър'**е**нны́и, кър'**е**нна́йа, Куз'**е**нко́ф* НИ; *въс'**е**мна́ццът'* ЗВ, *Ръжд'**е**ство́* ВС; *ш**е**ссо́т, въс'**е**мна́ццът'* 2× НВ.

Все фонетические позиции, в которых ёканье отсутствует, таким образом, представляют собой позиции перед сравнительно недавно или не вполне отвердевшими согласными.

3) Ёканье практически не встречается в словах, относительно недавно вошедших в говор из литературного языка, городского просторечия, «официально-делового» языка, профессиональных языков.

3а) Через посредство этих идиомов в говор заимствованы слова (основы) из европейских языков; в таких заимствованиях находим неогубленные предударные гласные перед твердыми согласными практически без исключений: *нъ п'**е**ра́цыйу, ф'ид'**е**ра́л'ныйа* 3× ЕМ; *бо́ч'ку ар'**е**ста́нтъф, д'ил'**е**га́тка* ЗИ; *д'**е**жу́рный, в Г'**е**рма́н'ии, из Г'**е**рма́н'ии-т'и, м'**е**да́л'и* 2×, Р. мн. *м'**е**да́л'ый* 2×, *г'**е**ро́й* 6×, *з г'**е**ро́йом, г'**е**ро́им* 2×, *л'**е**ктр'и́ч'свъ* 2×, *нъ л'**е**ктр'и́ч'ству,* ср. перед мягким согласным: *б'**е**л'ёт* ‘билет’ ПЯ; *из ыл'**е**ктро́дъ, къ т'**е**го́р'(ию), т'**е**ра́скъ* 2×, *нъ л'**е**ктр'и́чк'и, т'ил'**и**фо́н* 2× ВС; *т'**е**тра́дак, п'**е**ргам'интъм, ф т'**е**ра́с'и, т'**е**ра́съ* НИ; *с т'**е**ра́скам'и, за пръц**е**нта́ми* 4×, *б'**е**то́ннъй, мъс'т'**е**рску́йу* ЗВ; *ц**е**нтра́л'ных, нъм'**е**ра́м'и, в Й**е**вро́пу* НВ; исключением является [о] в И. мн. *мъс'т'**о**ра́-та*[6] ЕП.

3б) [е] представлен в исконных морфемах в составе слов, вошедших в говор из официального языка, в том числе в морфемах, имеющих церковнославянский

[6] Словоформа *мъс'т'ора́* с ёканьем встречается в ёкающих говорах других территорий, в частности в западном новгородском говоре с. Выбити Солецкого р-на.

фонетический облик: *д'**е**ддóм* ПЯ, *й**е**жóфшына* ЗИ, *ф пл'**е**нý* 2× ЗВ; *пр'идупр'**е**ждáл'и* НИ. То же в исконных морфемах в составе других слов, относительно недавно вошедших в говор: *Ч'**е**рнóбыл'* НВ; *Св'**е**тлáна* 4× ЗФ; ср. также *Н'им'**е**рóв'ич'* ЗФ.

Напротив, в заимствованиях из церковнославянского языка — именах собственных ёканье достаточно регулярно: *Й**о**гóр'ий* 4×, Р. *П'**о**трá* (а также, вероятно, *Л'**о**шýн'инъ*) ПЯ; *С'т'**о**пáн* 2× ЗИ, *Й**о**гóр'ии9* 3×, *нъ П'**о**трóв д'ен'* 2× ВС; однако *нъ Л'**е**ксáндръфск'и, Л'**е**ксáндр* ПЯ, *Й**е**гóр'ий* 3× ВС. При этом только [е] зафиксирован в образованиях от этих имен — фамилиях, отчествах, названиях отдаленных городов: *Дн'èпрп'**е**трóфск* ПЯ, *П'**е**трóф* (фамилия) ЗИ; *П'**е**трóф,* Д. ед. *П'**е**трóвнай, Г'**е**рáс'имъф* НИ; *П'**е**трóвнъ* ЕП.

3в) Только [е] зафиксировано в первом предударном слоге перед твердыми согласными в ругательствах: *х'**е**рóв'инъ, хр'**е**нáчут, хуй**е**тý* ВС; *хуй**е**тá* ЗИ.

4. Отметим две группы примеров, в которых ёканье представлено довольно последовательно.

1) Это позиция **е, *ь* после твердых шипящих [ж, ш] перед твердыми согласными: *т'ижо**о**лó* 2×, *ж**о**нá* 2× ПЯ; Т.ед. *ш**о**стóм, ш**е**стóм* 4×, *р'ишетó, ж**е**нá* 2×, *ж**е**нóй, ж**е**лáит, -ит'е, пъ ж**е**лáн'йу* ЕМ, *ж:**о**нóй, ж**о**нá, т'ижо**о**лó* ВС; *ж**о**нá, т'ижо**о**лó* 9×, *т'ижелó, рыж**о**вáты, рыж**о**вáт'ин'к'и, ш**е**стóк* 3× НИ; *т'ижо**о**лó* 7×, *тижъ**о**лó, ж**о**нáтъй* 2× ЗВ, *ж**е**ны́* НВ; *ш**е**стóво, т'ижеле́* 2× ЗФ; ср. наблюдение К. Ф. Захаровой о том, что в говорах после твердых шипящих ёканье более регулярно, чем после парных мягких согласных [Образование 1970: 383].

2) Формы ед. числа слов *гн'оздó, в'одрó, зв'оздá* с ёканьем можно рассматривать на равных правах с другими примерами ёканья. Под ударением перед твердым согласным в этих корнях в говоре произносится [е]: И. мн. *зв'éзды, в'éдры.*

5. В этом разделе приводится релевантный материал по ёканью в муромском говоре с. Татарово, д. Нула и д. Ожигово. Это все слова и словоформы, в которых предударный гласный из **е*, **ь* и **ě* находится в позиции перед твердым согласным или твердым кластером; при этом исключаются: примеры с сочетаниями **СьrС* с твердыми губными и задненебными в ауслауте, кроме *зам'оркло́, св'оркáет*; примеры, в которых указанные гласные находятся перед шипящими [ж], [ш], [ж:], [ш:], кроме *лежать* с производными и *Лешунино*; примеры производных со старыми смягчающими суффиксами типа *Рождество* и некоторых сложений типа *семнадцать*. Наряду с морфемами славянского происхождения рассматриваются заимствования из церковнославянского языка — имена собственные, но не фамилии, отчества, названия отдаленных населенных пунктов. Исключены примеры с **е* в приставках и предлогах; с [е] и другими неогубленными гласными вторичного происхождения; с [е] в заимствованиях из европейских языков (за исключением *мъст'орá*) и из официальной и профессиональной разновидностей русского языка, с [е] в обсценной лексике. Не учитываются формы слова *чердак,* встретившиеся исключительно с *е.* Примеры с [а] и [и] в позиции ёканья рассматриваются наравне с примерами с [е].

(1) Прасковья Яковлевна, 1921, Ожигово, 2 кл., работала в полеводстве и на животноводческой ферме (ПЯ).

[о] — **е*: *ч'**о**во́* 18×, *н'ич'**о**во́* 3×, *ч'**о**во́-то*, *ч'**о**во́-тъ* 2×, *ч'**о**во́-н'-тъ*, *кой-ч'**о**во́*, *дл'а ч'**о**во́*, *й**о**во́* 13×, *у й**о**во́* 3×, *фс'**о**во́* 2×, *к й**о**му́* 5×, *й**о**му́* 7×, *с'**о**стра́* 2×, Р. *с'**о**стры́*, *у с'**о**стры́*, *с'**о**стру́*, *ж**о**на́* 2×, *пт кл'**о**со́*, *б'**о**дро́* 2×, *ч'**о**ты́р'и*, *ч'ижо́л*о́, *т'ижо́л*о́, *уб'**о**ру́* 4×, *нъб'**о**ру́*, *б'**о**ру́*, *б'**о**ру́т*, *ръзгр'**о**бла́*, *пъв'**о**зу́*, *пр'ив'**о**зу́т* 3×, *пр'ив'**о**зу́* 2×, *в'**о**зу́*, *в'**о**зу́т* 3×, *пр'ив'**о**зла́* 4×, *ут'в'**о**зла́*, *н'**о**су́*, *сн'**о**су́*, *пън'**о**су́*, *пън'**о**сла́*, *пр'ин'**о**сла́* 6×, *п'ир'н'**о**сла́*, *убн'**о**сло́* 2×, *м'**о**ла́*, *пр'ив'**о**ла́*, *л'**о**гла́* 2×, *с'л'**о**гла́*, *б'ир'**о**гла́* 3×, *й**о**ло́жу*, *нъй**о**ло́з'илъс'*, *й**о**ло́з'ила* 3×, *й**о**ло́з'ит'*, *нъч'**о**ва́т'-тъ*, *нъч'**о**ва́лъ* 2×, *въй**о**ва́л'и*, *л'**о**жу́* 2×, *л'**о**жы́т*, *пръл'**о**жа́л*ъ, *л'**о**жа́ла* 3×, *л'**о**жа́ч'им*, *выл'**о**та́й*, *пъдм'**о**та́йет*, *пъдм'**о**та́т'*, *выгр'**о**ба́т'*, *выгр'**о**ба́л*ъ; [о] в словах церковнославянского происхождения: *Й**о**го́р'ий* 2×, *по́сл'и Й**о**го́р'ийь*, *дъ Й**о**го́р'ийа*, *П'**о**тра́*, *Л'**о**шу́н'инъ*;

ь*: *т'о**мно́*, *бр'**о**вно́*, *зъм'**о**рза́йу*, *зъм'**о**рза́им*, *ум'**о**рла́*, *пъм'**о**рла́* 7×, *зъм'**о**рклó;* перед мягкими согласными: *кр'**о**с'т'ила*, *тр'**о**м'и́ цар'а́м'и*;

ě*: *йо**да́*, *п'**о**со́ч'към*, *б'**о**го́м* 4×, *в'**о**дро́* 2×, *два в'**о**дра́*, *б'**о**гу́* 2×, *пъб'**о**гу́*, *усп'**о**ва́л*ъ 3×, *д'**о**ва́т'* 3×, *уд'**о**ван'ийь*;

[е] — **е*: *й**е**во́*, *б'**е**дро́* 4×, *ч'**е**ты́р'и* 9×, *фч'**е**ра́с'*, *б'**е**ру́т*, *пр'ив'**е**зла́*, *пъдн'**е**су́т* 2×, *пъдм'**е**ла́*, *л'**е**гла́*, *ъб'ир'**е**га́йу*, *нъч'**е**ва́л*ъ, *в л'**е**жа́нку*; [е] в основах церковнославянского происхождения: *нъ Л'**е**кса́ндръфск'и*, *Л'**е**кса́ндр*;

ь*: *д'е**ржу́*, *д'**е**ржа́л*ъ 4×, *пъд'**е**ржа́л*ъ, *д'**е**ржа́т'*, *съд'**е**ржа́л* 2×;

ě*: *б'е**да́* 2×, *б'**е**ды́*, *д'**е**ло́ф*, *д'**е**ло́ф-т'и*, *д'**е**ла́* 2×, *нъв'**е**су́*, *д'в'**е**на́ццт'*, *дй**е**на́цц'*, *прл'**е**за́йу*.

(2) Нина Ивановна Игонина, 1926, Татарово, 6 кл., работала в колхозе и продавцом в лавке при крахмальном заводе (НИ).

[о] — **е*: *ч'**о**во́* 13×, *н'ич'**о**во́* 4×, *ч'**о**во́-та*, *й**о**во́* 14×, *у н'**о**во́*, *нъ н'**о**во́*, *фс'**о**во́* 3×, *пч'**о**му́* 2×, *й**о**му́* 4×, *ж**о**на́*, *р'**о**бро́* 2×, *т'ижо́л*о́ 9×, *бъй**о**ва́йа*, *рыж**о**ва́ты*, *рыж**о**ва́т'ин'к'и*, *ч'**о**ку́ш'ку*, *ч'итв'**о**ры́х-тъ* 2×, *с'м'**о**та́ну*, *с'м'**о**та́ну-ту*, *св'**о**ду́*, *зъв'**о**ду́т*, *в'**о**зу́т* 2×, *пр'ив'**о**зу́т*, *н'**о**су́т*, *б'ир'**о**гу́*, *нъп'**о**ку́т*, *нъп'**о**кла́* 4×, *п'**о**кла́* 3×, *уб'**о**ру́* 2×, *нъб'**о**ру́*, *м'**о**та́л'и*, *выл'**о**та́ит* 3×, *нъч'**о**ва́л*ъ 2×, *-л'и*, *тънц**о**ва́л'и*, *въй**о**ва́л*, *л'**о**жы́т*;

ь*: *л'о**хкó*, *т'**о**мно́*, *зъп'**о**рла́*, *св'**о**рну́л*, *убв'**о**рну́л*;

ě*: *в'о**дра́ тр'и́*, *пр'иб'**о**гу́*, *уб'**о**гу́т*, *зъй**о**да́л'и*, *сй**о**да́л'и*, *ръзъгр'**о**ва́ицца*, *д'**о**ва́т'*, *д'**о**ва́й*, *д'**о**ва́тцъ*, *пъд'д'**о**ва́йут*;

[е] — **е*: *н'ич'**е**во́* 2×, *с'**е**стра́* 5×, *с с'**е**стро́й*, *св'**е**кро́в'йу*, *с'**е**ло́*, *ч'**е**ло́* 3× (устье печи), *ш**е**сто́к* 3×, *ч'ир'**е**пу́шка*, *т'иж**е**ло́*, *ч'**е**ты́р'и* 3×, *ч'**е**ты́рнъццът'*, *ч'**е**ты́р'иста*, *п'**е**ка́рн'а* 3×, *-н'и* 2×, *п'**е**ку́тца*, *л'**е**гла́*, *б'**е**ру́т*, *нъч'**е**ва́т'* 3×, *въй**е**ва́л* 2×, *тънц**е**ва́л'и*, *см'**е**та́ны-т'и*, *см'**е**та́нъ-та*, *зб'ир'**е**га́л'и*, *л'**е**жу́*, *л'**е**жа́ла* 2×;

ь*: *д'е**ржу́*, *пъд'**е**ржы́*, *д'**е**ржа́л'и* 4×, *д'**е**ржа́т'*;

ě*: *д'е**ло́ф* 2×, *в л'**е**су́*, *п'**е**сты́-т'и*, *с'**е**до́й*, *п с'т'**е**на́м-т'и*, *дв'**е**на́цц* 2×, *дв'**е**на́ццът'*, *зъл'**е**за́йу*, *зъл'**е**за́л*ъ, *утр'**е**за́иш*, *нъгр'**е**ва́л'ис*, *ръсп'**е**ва́им*, *од'**е**ва́л'ис*, *ръзд'**е**ва́йсъ*.

(3) Зоя Васильевна Холодова, 1929, Татарово, 7 кл., работала на животноводческой ферме (ЗВ).

[о] — **е*: *ч'**о**во́, н'ич'**о**во́, й**о**во́* 9×, *скор'ёй фс'**о**во́, фс'**о**во́* 4×, *й**о**му́* 2×, *с'**о**стра́-та*, *с'**о**стра́*, *т'ижо́л*о́ 7×, *ж**о**на́тъй* 2×, *т'**о**пло́*, *в'ър'т'**о**но́* 2×, *в'ър'т'**о**на́*, *й**о**ло́х* 5×

(заросли ольхи), *йолхý-ту, ув'озýт, пр'ив'озýт, пр'ив'е°зýт, пън'ослá, пр'иносла́, б'ирогý, л'ожы́т*;

*ь: *ум'орлá* 2×, *пъм'орлá, н'ил'охкó, д'оржа́т'*;

*ё: *в'одрá* 2×, *п'е°скý, нър'озáл'и*;

[е] — *е: *ч'евó* 2×, *н'ич'евó, йевó* 2×, *б'езо фс'евó, в'еснóй, пъв'езý, пов'езлó, т'ижълó, ч'еты́р'и*;

*ь: *д'ержа́л'и* 10×, *д'ържа́л'и, д'ержа́т'*.

*ё: *п'есóч'ик, л'есá* 2×, *ръзр'езáйут, н'и б'еднó, вóт так'и́ д'елá* 4×, Р. ед. *пъдв'еснóй*, И. мн. *пъдв'есны́йе, хл'евы́, с'енцá, зв'ездá* (название колхоза).

(4) Владимир Степанович, 1939, Нула, 5 кл. и курсы трактористов, тракторист (ВС).

[о] — *е: *н'ич'овó, л'иб'одá, м'одóвай, м'одóвый, д'орýц:ъ, съб'орýц:ъ, пр'ин'осý, отн'осý, пр'ив'озýт* 2×, *т'е͡окýт, м'отáт', л'отáйут* 2×, *л'ожа́л'и, л'ожáлъ, л'ожа́т', ж:онóй, жонá, т'ижолó*; [о] в основах церковнославянского происхождения: *Йогóр'ий* 3×, *нъ П'отрóв д'ън'* 2×;

*ь: *св'оркáет, ум'орлá, с в'отлы́;*

*ё: *п'е͡оскý, п'осóк, б':огý, в л'е°сý, н'дйодáит, од'овáл'ис, д'овáт'* 2×, *з'д'овáт'* (задевать);

[е] — *е: *н'ич'евó, йевó* 3×, *к н'емý, в'еснóй, с'естрá, ч'ир'апýшка, ч'етыр'е, дев'áтъм, пъл'евáйъ*;

*ь: *п'ир'в'ернýл'и, д'ержа́л'и, св'еркáет, ч'ернó*;

*ё: *б'из д'елóф, с'енцá, м'естáм'и, стр'елá* 7×, *стр'елóй* (молния), *п'есóк* 3×, *в л'есý* 6×, *в л'есý-ту,* в *л'е͡асý-ту, пъ л'есáм, р'екá, йездá-тъ*.

(5) Зинаида Ивановна Широкова, 1936, Нула, 7 кл., работала на животноводческой ферме (ЗИ).

[о] — *е: *ч'овó* 2×, *н'ич'овó* 2×, *йовó* 3×, *йомý* 3×; *л'иб'одóй, л'иб'одá, от'окáйут нóг'и-т'е;* в словах церковнославянского происхождения: *С'т'опáн* 2×;

*ё: *дв'онáц коп'éик, уб'огáл'и, вд'овáл'и;*

[е] — *е: *ч'евó* 5×, *н'ич'евó* 5×, *фс'евó, йевó* 2×, *с'евóдн'и, не'дъл'екó, дъл'екó, с'им'енá, тр'и с'естры́, л'ежа́ла*; в основах церковнославянского происхождения: *П'етрóф*;

*ь: *д'ержа́л'и* 2×, *с в'етлы́*;

*ё: И. мн. *м'естá, д'в'енáццът', д'в'анáццът', ур'езáт', вóт ы б'едá-т тá.*

(6) Екатерина Петровна Мешкова, 1936, Татарово (ЕП).

[о] — *е: *ч'овó, у йовó, нъгр'обáим,* в заимствов. основе: *мъс'т'орá-та*;

[е], [и] — *е: *тр'и с'естры́, кърч'евáл'и* 2×, *т'ижелó*; *ч'иты́р'и, л'ижáлъ.*

(7) Зоя Федоровна Киселева, 1928, Татарово, 7 кл. и бухгалтерские курсы, бухгалтер совхоза (ЗФ).

[о] — *е: *кáк йово, у йовó* 2×, *йовó* 2×, *ч'овó, с'овóдн'и, пр'ин'ослá, пр'ив'озýт, пъл'ожы́т*;

[е] — *е: *н'ич'евó* 3×, *ч'евó* 7×, *иш'ч'евó, йевó* 5×, *с'естрá* 3×, *с'естры́, с с'естрóй, шестóво,* Т. ед. *св'екрóвйу, св'екрóф', см'етáну, ис см'етáны* 2×, *пъзъфч'ерá, т'ижелó* 2×, *н'идал'екó, т'еклá* 2×, *зъл'етáл'и, нъч'евáт', тънцъвáл'и* 2×;

ь*: *д'е**ржа́л'и* 5×;

ĕ*: *п'е**сóч'към, нър'**е**за́л'и, йезды́, дв'**е**на́ццът', с'**е**ру́шк'и* (грибы).

(8) Нина Васильевна Малова, 1944, Татарово, 7 кл. и курсы телефонистов, работала телефонисткой и оператором на крахмальном заводе (НВ).

[о] — **е*: *ч'**о**во́* 2×, *йо**о**во́* 3×, *пъч'**о**му́, с'**е**°стра́, с'в'**е**°ду́т*; **ĕ*: *зв'**о**°зда́*;

[е] — **е*: *ч'**е**во́* 6×, *ч'**е**во́-ть, н'ич'**е**во́* 3×, *у н'**е**во́, й**е**во́* 2×, *й**е**му́* 2×, *пъч'**е**му́, с'**е**стра́, с'**е**стро́й* 3×, *б'ир'**е**сты́, же**е**ны́, пр'ин'**е**сла́, б'**е**ру́т, зъп'**е**ка́лъс', ул'**е**та́йут, тр'**е**па́л'и, м'**е**зга́, ч'**е**ты́р'и, н'идъл'**е**ко́, фс'**е**гда́*; **ь*: *дът'**е**мна́*;

ĕ*: *в'е**сы́, ц**е**пы́* 2×, *ц**е**па́м'и, д'**е**ло́ф, пъ л'**е**та́м, зв'**е**зда́, п'**е**сóч'към, п'**е**сóк, п'**е**ска́* 2×, *п'**е**вцы́, зъл'**е**за́л'и* 2×, *ос'**е**да́йут, ътп'**е**ва́т', ътп'**е**ва́л'и*.

(9) Елена Михайловна Баранова, 1925, Татарово, 7 кл. и педучилище в Горьком, учительница начальных классов в Горьком и в Татарово.

Первый разговор, запись 2012 г.:

[о] — **е*: *ч'**о**во́, н'ич'**о**о́, у н'**о**во́, у н'**о**о́, фс'**е**°во́, й**о**му́* 2×, *мъй**о**му́, св'**о**кро́ф'* 2×, *ш**о**сто́м, см'**о**та́ну, дъл'**о**ко́, п'ирв'**о**ду́т* 2×, *пл'**е**°ту́т, пр'ин'**о**сла́* 3×, *п'**о**ку́, нъп'**о**ку́, исп'**о**ку́, зъм'**о**ло́, одб'**о**ру́т, ул'**о**та́йут*;

ь*: *ум'о**рла́*;

ĕ*: *ъд'е**°ва́л'ис* 2×, *с'й**е**°да́йу, пъй**о**да́йут*;

[е] — **е*: *ч'**е**во* 11×, *ч'**е**во́-та, н'ич'**е**во́* 14×, *свъй**е**во́, й**е**во́* 9×, *у н'**е**во́* 9×, *из' н'**е**во́* 3×, *фс'**е**во́* 2×, *й**е**му́, й**ъ**му́, пъч'**е**му́, с'**е**ло́, с'**е**ла́* 2×, *ш**е**сто́м* 3×, *р'ишето́, же**е**на́* 2×, *же**е**но́й, св'**е**кро́ф', в'ич'**е**ра́, в'ич'**е**ра́м'и, дъл'**е**ко́* 2×, *ч'**е**ты́р'и* 2×, *ч'итв'**е**ры́х, же**е**ла́ит, же**е**ла́ит'е, пъ же**е**ла́н'йу, нъч'**е**ва́т', с'м'**е**та́на* 5×, *пр'ив'**е**зу́т, пл'**е**ту́т* 2×, *сн'**е**сло́* 2×, *зън'**е**сло́* 2×, *б'**е**ру́* 2×, *ътл'**е**та́ит*;

ь*: *ум'е**рла́* 5×;

ĕ*: *б'е**да́, в л'**е**су́, св'**е**тло́, п'**е**сóчку, дв'**е**на́ццътъй, пръс'**е**ва́л'и, сро́ду н'и й**е**да́л'и, уд'**е**ва́йуццъ, ъд'**е**ва́л'ис, ръзр'**е**за́йу, пътп'**е**ва́ла, зъб'**е**гу́, п'**е**сóч'н'ицу.*

Второй и третий разговоры, записи 2014 г. (в конце второго разговора начат опрос по вопроснику; третий разговор происходил утром следующего дня, был продолжен опрос по вопроснику).

[о] — **е*: *ч'**о**во́* 2×, *у н'**о**во́, й**о**му́, й**о**му́ бы с'ид'е́т' ф т'ур'м'е́, с'**о**во́дн'е* 3×, И. мн. *б'ир'**о**га́, с'**о**стра́,* Р. ед. *м'**о**тку́* 2×, *фч'**о**ра́* 2×, *н'идъл'**о**ко́, б'**о**ру́т* 4×, *зън'**о**сло́, нън'**о**сло́ д око́шки, пр'ин'**о**сла́, в'**о**зу́т, пр'ив'**о**зла́, пр'ив'**о**ла́, нъп'**о**кла́* 3×, *п'**о**ку́* 4×, *б'ир'**о**гу́* 2×, *б'ир'**о**гла́* 2×, *л'**о**жы́т* 2×, *л'**о**жа́т, ул'**о**та́ла*;

ь*: *бр'о**вно́, п'ир'в'**о**рну́* 2×, *д'**о**ржа́л'и*;

ĕ*: *сл'о**па́йа, утр'**о**за́й* 3×, *од'**о**ва́л'ис* 2×;

[е], [а] — **е*: *ч'**е**во́* 3×, *н'ич'**е**во́* 3×, *пъч'**е**му́, у (из, ът) н'**е**во́* 4×, *й**е**во́* 4×, *ет**ъ** й**е**во́ фс'о́, свъй**е**во́, й**е**му́, с'**е**стра́* 2×, *с'**е**ло́, от св'**е**кро́в'и, ч'ир'**а**пу́шка* (глубокая глиняная миска) 2×, *ф ч'ир'**е**пу́шк'и* 4×, *ш**е**сто́м, ч'**е**ты́р'и, фч'**е**ра́, б'**е**ру́, л'**е**жу́, л'**е**жа́нку, в л'**е**жа́нк'и, нъч'**е**ва́т', зъбъл'**е**ва́л'и; фч'**а**ра́*;

ь*: *ч'е**лно́к* 4×, *бр'**е**вно́* 2×, *кр'**е**ста́, кр'**е**сты́, зъд'**е**ржа́лса*;

ĕ*: *п'е**со́к, пе**е**ска́, пе**е**ску́, п'**е**сто́м, нъ в'**е**тру́, дв'**е**на́ццът', в'**е**дро́, цв'**е**то́ш'ицу, цв'**е**тно́й* 2× (мед), *цв'**е**то́ч'ный, цв'**е**то́ч'към'и, б'**е**со́ф, ф кл'**е**ву́, в л'**е**су́*, И. мн. *л'**е**са́,* Р. ед. *сл'**е**да́*.

6. Степень сохранности предударного ёканья в речи восьми жителей Татарова, Ожигова и Нулы представляют табл. 1 и 2, в основу которых положены данные, приведенные в п. 5. В табл. 1 представлены данные по всем «ёкающим» информантам, кроме Е. М. Барановой. Для каждого информанта указывается количество примеров с огубленными (обозначенными в таблице как [о]) и неогубленными (обозначенными как [е]) гласными в первом предударном слоге на месте **е, *ь, *ѣ* и общее число примеров с огубленными и неогубленными гласными. Также для каждого информанта указан процент примеров с огубленными гласными в позиции ёканья на месте каждого этимологического гласного и в целом. Примеры с [о] и [е] в заимствованиях подсчитаны вместе с рефлексами **е.*

Таблица 1

Количество примеров с [е] и [о] и процент примеров с [о] на месте **е, *ь, *ѣ* в первом предударном слоге перед твердыми согласными

Информант: ФИО, г. р. (нас. пункт)	**Звук в первом предударном слоге**	**е*	**ь*	**ѣ*	**Всего**
НВ 1944 (Татарово)	[о]	8 (20,5%)	0	1 (6%)	9 (15,5%)
	[е]	31	1	17	49
ЗФ 1928 (Татарово)	[о]	10 (21,3%)	0	0	10 (17,5%)
	[е]	37	5	5	47
ЗИ 1936 (Нула)	[о]	15 (42,9%)	0	3 (37,5%)	18 (39,1%)
	[е]	20	3	5	28
ЕП 1936 (Татарово)	[о]	4 (40%)	0	0	4 (40%)
	[е]	6	0	0	6
ВС 1939 (Нула)	[о]	25 (69,4%)	3 (42,9%)	9 (26,5%)	37 (48,1%)
	[е]	11	4	25	40
ЗВ 1929 (Татарово)	[о]	46 (80,7%)	5 (29%)	4 (22%)	55 (59,8%)
	[е]	11	12	14	37
НИ 1926 (Татарово)	[о]	91 (67,9%)	5 (42%)	10 (39%)	106 (61,6%)
	[е]	43	7	16	66
ПЯ 1921 (Ожигово)	[о]	143 (78,1%)	15 (62,5%)	19 (63,3%)	177 (74,7%)
	[е]	40	9	11	60

Табл. 2 показывает количественные характеристики тех же явлений в речи бывшей учительницы начальных классов Е. М. Барановой; подсчеты произведены отдельно по каждой из трех записей ее речи, сделанных при различных обстоятельствах и обнаруживающих у нее элементы литературно-диалектного двуязычия: Е. М. Баранова отчасти контролирует ёканье в своей речи.

Из таблиц и материала видно, что ни у одного информанта 1921–1944 гг. р. ёканье не представлено абсолютно последовательно; процент примеров с ёканьем у разных людей колеблется от 15–20 до 75%. Почти у всех информантов процент форм с ёканьем на месте **е* выше, чем на месте **ь* и **ѣ*, но можно заметить, что и примеров с последними двумя гласными значительно меньше, а иногда они и просто единичны; впрочем, у ПЯ и ЗИ разрыв не так уж велик.

Таблица 2

Ёканье в речи ЕМ (три разговора)

№ пп.	Звук в первом предударном слоге	*е	*ь	*ě	Всего
1	[о]	25 (22%)	4 (44%)	1 (7%)	30 (22%)
	[е]	90	5	13	108
2	[о]	25 (64,1%)	3 (42,9%)	4 (33,3%)	32 (55,2%)
	[е]	14	4	8	26
3	[о]	15 (40,5%)	1 (16,7%)	2 (18,2%)	18 (33,3%)
	[е]	22	5	9	36

Количественные характеристики ёканья сопоставимы с социальными характеристиками информантов (возраст, пол, уровень образования, профессия).

Информантов можно разделить на четыре группы.

(1) Ёканье не более чем в 20% примеров: самые образованные информанты (7 кл., курсы профессиональной подготовки), представители некрестьянских профессий. Год рождения в этой группе, по-видимому, не имеет большого значения: к ней относится и самая молодая информантка — телефонистка, оператор на крахмальном заводе 1944 г. р., и одна из старших — бухгалтер колхоза 1928 г. р.

(2) Ёканье примерно в 40% примеров: две женщины 1936 г. р. с неполным средним образованием, работавшие на ферме.

(3) Ёканье в 50–80% примеров: три женщины 1920-х гг. р. с начальным и неполным средним образованием, две из которых работали на животноводческих фермах и в полеводстве, а одна — на ферме, затем продавцом в магазине при крахмальном заводе[7], и мужчина 1939 г. р. (5 кл. и курсы трактористов, подростком работал на ферме пастухом, по окончании курсов — трактористом).

Таким образом, ко второй и третьей группам относятся женщины с начальным и неполным средним образованием без дополнительной профессиональной подготовки, представители крестьянских профессий, и мужчина-тракторист. У женщин доля примеров с ёканьем коррелирует с годом рождения. У мужчины доля примеров с ёканьем выше, чем у его ровесниц, и приближается к той, что у женщин на 10–15 лет старше его, т. е. у наиболее архаичной по языку группы людей самого старшего возраста[8]. Наиболее высока доля примеров с ёканьем у самой старшей

[7] Выбор профессии у этой группы лиц, по-видимому, был связан не столько с образованием, сколько с семейным положением: работать на низкооплачиваемой должности продавца в лавке при заводе могла себе позволить замужняя женщина, тогда как женщины, лишившиеся мужей и оставшиеся с маленькими детьми, вынуждены были содержать семью и работать на ферме (так объясняет свой выбор профессии З. Ф. Холодова 1929 г. р.).

[8] В последнее время группой студентов НИУ ВШЭ под руководством М. А. Даниэля и Н. Р. Добрушиной на материале [Язык бассейна Устьи. Корпус северно-русской диалектной речи 2013–2014] получены данные, показывающие, что в д. Михалёвская Устьянского р-на Архангельской обл. в речи мужчин 1950-х гг. р. больше диалектных черт, чем в речи их ровесниц-женщин (устное сообщение М. А. Даниэля). О корпусе и исследованиях на его материале см. [von Waldenfels, Daniel, Dobrushina 2014; Казакова, Добрушина, Даниэль 2016].

из информантов, малообразованной ПЯ 1921 г. р. (всю жизнь прожила в Ожигове; работала в колхозе и совхозе на ферме; во время войны подолгу была на принудительных работах за пределами своей деревни; много ездила, навещая родственников и знакомых).

В целом мобильность, по-видимому, не сказывается на владении говором: кроме ПЯ, много ездили и подолгу жили за пределами деревни ВС и — в молодости — ЕМ.

(4) Доля примеров с ёканьем от 22 до 55 % в зависимости от ситуации общения и установки говорящего: ЕМ, бывшая учительница начальных классов 1925 г. р. (7 кл. в Татарове и *петучилище* в Горьком, работала учителем начальных классов в Горьком все военные и первые послевоенные годы по призыву военного времени; после войны вернулась в Татарово и проработала там учительницей начальных классов до выхода на пенсию).

В 2012 г. сразу после знакомства был записан первый разговор с ЕМ (более двух часов). Доля примеров с ёканьем в этой записи небольшая: 22 %, см. табл. 2, причем число примеров с ёканьем заметно увеличилось к концу разговора (видимо, по мере того как общение ЕМ с диалектологами становилось более непринужденным). В этом разговоре ЕМ в отношении ёканья приблизилась к первой группе информантов — лицам с некрестьянскими профессиями. В 2014 г. мы дважды побывали у ЕМ, оба раза она принимала нас очень радушно, как старых знакомых. Большую часть первого разговора шла непринужденная беседа, а к концу ЕМ был предложен вопросник по склонению и ударению существительных муж. рода. В этом разговоре доля форм с ёканьем оказалась значительной: более 55 %, т. е. «на уровне» женщин ее возраста с неполным средним образованием, работниц фермы (группа 3)[9]. Утром следующего дня опрос по вопроснику был продолжен, но ЕМ уже была сосредоточена на проблемах правильности речи и в течение всей записи обсуждала с нами отличие диалектных форм от литературных. Для нее это был разговор на профессиональные темы с коллегами-словесниками. Процент форм с ёканьем в этом разговоре оказался ниже: 33 % (42 % на месте **е*), т. е. между данными по первой и второй группам информантов. Таким образом, ЕМ отчасти контролирует ёканье в своей речи: его становится меньше в ситуации «полуофициального» общения (с незнакомыми приезжими из Москвы) и в ситуации «профессионального» общения. Доля примеров с ёканьем у ЕМ при более непринужденном общении соответствует архаичной разновидности диалектного употребления.

Возможно, и другие информантки с низкой долей ёканья способны, подобно ЕМ, контролировать его употребление, однако данными об этом мы не располагаем.

ЕМ, по-видимому, свойственно литературно-диалектное двуязычие, и можно думать, что в молодом возрасте она более последовательно использовала «литературные» соответствия диалектных форм. Ее «литературный язык», по-видимому, в течение всей жизни имел диалектную окраску: не вызывает сомнения, что ее

[9] Близкой подругой и постоянной собеседницей ЕМ была в то время Н. И. Игонина.

«литературному» употреблению было свойственно предударное оканье и некоторые другие черты владимирско-поволжского вокализма. Диалектная же речь ЕМ очень богата и архаична, ср. записанные от нее данные по грамматике говора [Малышева, Тер-Аванесова 2015].

Пример ЕМ указывает на социолингвистический статус ёканья: носители говора, получившие образование, по-видимому, осознают ёканье как особенность, подлежащую устранению при установке на правильную речь. С другой стороны, пример ЕМ показывает, что у лиц с достаточно высоким уровнем образования и «некрестьянскими» профессиями возраст всё же является фактором, влияющим на устойчивость ёканья.

7. Список морфем, словоформ и слов, в которых зафиксировано ёканье, свидетельствует о том, что говор хорошо сохраняет результаты древнего фонетического изменения — перехода предударного *е* любого происхождения в *о* перед твердым согласным:

**е*: Р. *-его́,* Д. *-ему́,* (в том числе *сегодня, почему*), Р. *ветлы́, жена́, жена́тый, лебеда́, -о́й, сестра́, -ы́, -у́, свекро́вь, ело́х,* Р. *елху́,* И. мн. *берега́,* Р. *медку́, медо́вый, ребро́, бедро́, колесо́, веретено́, -а́, боева́я, рыжева́тый,* Т. ед. м. *шесто́м, четы́ре, четверы́х, вчера́, далеко́, тяжело́, тепло́, чеку́шечка, смета́на, -у, беру́, -у́т, деру́тся, гребла́, везу́, -у́т, -ла́, несу́, -у́т, -ла́, -ло́, веду́, -у́т, -ла́, мела́, -ло́, плету́т, берегу́, -ла́, легла́, пеку́, -у́т, -ла́, теку́т, лежу́, -у́т, -а́т, -а́ла, ело́зить, ночева́ть, воева́ть, танцева́ть, лета́ть, мета́ть, выгреба́ть, отека́ть;*

**ь*: *темно́, легко́, бревно́, верну́, -ну́л, замерза́ть, держа́ть, заперла́, (по-, у)мерла́, сверка́ет, замеркло́;* перед мягким согласным: *тремя́;*

**ě*: *еда́,* М. *лесу́, песо́к,* Р. *песку́, песо́чком, звезда́, ведро́,* Р. *-а́, слепа́я, двена́дцать, бего́м, бегу́, -у́т, убега́ть, (до-, за-, с-, по)еда́ть, разогрева́ть, (на-, от)реза́ть, (у-, по)спева́ть, (в-, о)дева́ть, одева́нье*;

заимствования: *Его́рий,* Р. *Петра́, Петро́в день, Степа́н, Алешу́нино;* И. мн. *мастера́*.

Таким образом, ёканье в муромском говоре равномерно осуществляется в позициях **е, *ь* и **ě*; совпадение этих гласных в предударной позиции должно было предшествовать развитию ёканья. Система ёканья такого типа характерна для многих среднерусских и отдельных севернорусских говоров и может указывать на их специфические связи с муромскими и шире — с владимирско-поволжскими говорами.

В современном говоре ёканье осуществляется с некоторыми ограничениями, бóльшая часть которых имеет общерусский характер. Владимирско-поволжской особенностью является отсутствие ёканья перед твердыми шипящими [ж] и [ш] и его последовательный характер после [ж] и [ш], что свидетельствует о морфонологизации состояния до отвердения шипящих. Специфические для говора инновационные явления лексикализации и морфологизации сводятся к ёканью в корне глагола *лежать* и в окончании Т. п. формы *треми*.

Помимо исконной лексики муромское ёканье охватывает круг старейших заимствований в говоры — имена собственные церковнославянского происхождения.

При этом говор обнаруживает тонкую дифференциацию традиционных употреблений этой лексики — личных имен, названий церковных праздников, местной топонимики антропонимического происхождения, в которых ёканье представлено вполне последовательно, — и относительно недавно вошедших в употребление или окказиональных для носителей говоров слов, содержащих церковнославянские по происхождению морфемы: фамилий, названий отдаленных городов; последним ёканье несвойственно.

II. Позиционная мягкость /ж/ и /ш/ в городецком говоре

Позиционной особенностью ёканья в муромском говоре, в отличие от северно-русских тотемского и никольского говоров, является отсутствие его перед твердыми шипящими [ж] и [ш], а также перед твердыми долгими шипящими [ж:] и [ш:] (долгие могут произноситься в говоре и мягко). Это ограничение указывает на сравнительно недавнее отвердение [ж], [ш] в муромском говоре.

В примыкающих к муромским говорам с севера городецких говорах, тоже Владимирско-Поволжской группы, согласные /ж/ и /ш/ имеют палатализованные аллофоны перед гласными переднего ряда [и] и [е] и непалатализованные — в других позициях, что можно считать остатком их непозиционной мягкости в прошлом. Городецкие говоры расположены на юго-западной окраине небольшого диалектного ареала, для которого, по-видимому, характерны и другие позиции мягкости /ж/, /ш/, а именно перед **а,* переходящим в *е* в суффиксе глаголов II спряжения типа *держать* (> *держ*[е]*ть*) [Образование 1970: 19–21, карта 2; ДАРЯ 1986, II, карта 103]. Ниже будут представлены данные по твердости/мягкости шипящих, записанные в 2015 г. С. В. Дьяченко, И. И. Исаевым и А. В. Малышевой в селе Соболево Юрьевецкого р-на Ивановской обл. от двух информантов: Хреновой Валентины Васильевны (1937, образование среднее специальное на базе 7 кл., род. в с. Соболево; далее ВВ) и Кузьминой Лидии Александровны (1938, 4 кл., род. в д. Плющиха в 4 км от Соболева; далее ЛА).

1. Фонетика городецкого говора с. Соболево очень близка муромской.

Существенным отличием городецкого говора является переход *а>е* под ударением после мягких шипящих [ш':] (/ш':/) и [ч'] (/ч'/) перед мягкими согласными в только в глагольных суффиксах **-а-*: прош. мн. *ка**ч'е**л'и* и **ě*: *в'ир'е**ш'ш'е**л'и, п'и**ш'ш'е**л'и* ВВ. Это остаточное явление в говоре. Впрочем, произношение [а] в нескольких имперфективных основах: *ни оп**ш'ш'а**л'ис, св'е**ш'ш'а**н'ьйо* ЛА, *оп**ш'ш'а**лсъ* ВВ, а также после твердого долгого шипящего: *ъбра**шша**л'ис* ВВ — может объясняться «новизной» и «официальным» характером слов. В именных основах после [ч'] переход *а > е* не отмечен: *гра**ч'а**тъ-те, **ч'а**ш'к'и* 2× и др., то же в первом предударном слоге: *ч'**а**со́ф* ЛА.

После твердых шипящих [ш], [ж], [ж:] в тех же морфологических позициях отмечен только [а]: *пъб'е**жа**л'и, уб'е**жа**т', д'ер**жа**т', п'ир'ийе**жжа**л'и* ЛА, *л'е**жа**т', л'е**жа**ла, д'ер**жа**л'и* ВВ; в имперфективных основах: *слу́**ша**й* 2×, *м'е**ша**й, м'е**ша**л, пръво**жа**л, пръво**жа**л'и, пръво**жа**т'* ВВ; то же в именных основах: *пр'ихо**жа**нък*

ВВ, другие примеры см. в разделе 3. То же в большинстве примеров — во флексиях: И. ед. ж.: *на́***шъ** 2×, *бол'***ша́**йа, *хоро́***шы**йа, *хоро́***шъ** ВВ, однако один раз зафиксировано [ж'и] < *жа* в заударной позиции: *све́***ж'и**йа ВВ.

2. В первом предударном слоге в городецком говоре — оканье и довольно последовательное ёканье на месте **е, *ь, *ѣ.* В заударных слогах на фоне господствующей системы неразличения /а/, /о/, /е/ отмечается немало случаев оканья и ёканья; в заударных слогах различению фонем способствует интонационное выделение слова в эмоциональной речи.

Предударное ёканье в городецком говоре проилюстрируем следующими примерами.

е*: [о] — *ч'*о**во́ 3×, *фс'***о**во́ 3×, *в'***о**сны́, *в'***о**сно́й-ту, *кол'***о**со́ 2×, *кол'***о**со́м, *т'***о**пло́, *ч'***о**ку́ша, *къч'***о**га́р'ила, *б'***о**ру́т 2×, *в'***о**зу́т, *пр'ив'***о**зу́т, *п'***о**ку́, *дъм'***о**та́ш, *тр'***о**па́л'и, *ноч'***о**ва́л'и, после твердого шипящего: *т'ижо***о**ло́ ЛА; *фс'***о**во́, *пч'***о**му́, *в'***о**сна́, *т'***о**пло́, *пр'ив'***о**зу́т, *пр'ив'***о**зу́, *пръв'***о**ла́, *зън'***о**сло́-то, *ътр'***о**па́л ВВ; [е] — *д'***е**ру́т, *фс'***е**во́, *ч'***е**во́, *ч'***е**ты́р'и 3×, *ш' ш'***е**ты́рнъцыт'и, *ф ч'***е**ты́рнъцът' ЛА; *в'***е**ду́т, *зъв'***е**ла́, *пъч'***е**му́, *нъч'***е**ва́т', *ч'***е**ты́рнъцът', *фс'***е**гда́, перед твердым шипящим: *л'***е**жа́л ВВ; [о] < **е* перед мягким согласным: *йежов'и́к'и* ЛА;

ь*: [о] — *ум'*о**рла́, *з'***о**рно́м, *в'***о**рну́л'ис ЛА; [е] — *д'***е**ржу́, *пътр'***е**во́жыл, *-л'и* ВВ;

ѣ*: [о] — *уб'*о**га́л, *из'д'***о**ва́л'ис, *д'***о**ва́тса ЛА; *н'и п'*е*со́к, а п'***о**со́к; *в'***о**дро́м, *ръз'***о**ва́т, *зъд'***о**ва́йут ВВ; [е] — *ът ст'***е**ны́ *дъ ст'***е**ны́, *д'***е**ла́ 2×, перед твердым шипящим: *уб'***е**жа́т', *пъб'***е**жа́ли ЛА; *зв'***е**зда́, *в л'***е**су́, *ътп'***е**ва́л, *д'***е**фч'о́нки, перед твердым шипящим: *н'и м'***е**ша́й, *м'***е**ша́л, *м'***е**ша́ит, *уйе*ж:а́т, *пр'ийе*ж:а́л ВВ.

Приведенные примеры показывают систему предударного ёканья, тождественную муромской. С муромским распределением данную систему объединяет важная особенность: позиция перед твердыми шипящими [ж], [ш], [ж:] аналогична позиции перед мягкими согласными (перед этими согласными нет ёканья).

Как и в муромском говоре, фонема /е/ ([е]) в первом предударном слоге перед твердыми согласными представлена в заимствованных основах: *в'ит'***е**ра́н, *ърд'***е**на́, *м'***е**тро́, в том числе в церковнославянизме *ф пл'***е**ну́ и в заимствовании из официального языка *пр'итс'***е**да́т'ил'; в частице *не,* замещающей *ни*: *н'***е**гд'е́ ‘нигде’, *н'***е**ка́к ‘никак’, *н'***е**кто́ ‘никто’, *кудá-н'***е**бу́т'.

Ёканье в заударных слогах в значительной степени затушёвано редукцией гласных, тем не менее зафиксированы следующие его примеры: *плем'а́ннич'***о**к, *по́гр'***о**п ВВ, 3 ед. *вы́раст'***о**т, *бу́д'***о**т, 2 ед. *фста́н'***о**ш, *здре́мл'***о**ш, *в'а́ж***о**ш ЛА; 3 ед. *ка́пл'***о**т, *роста́й***о**т, *бу́д'***о**т, *вы́раст'***о**т ВВ. Шире представлены примеры /о/ во флексиях между мягкими и на конце слова после мягких, которое является результатом проникновения показателей твердой разновидности склонения в мягкую: И. ед. *свеш'ш'а́ньй***о,** *вре́м'***о** ЛА; *мо́р'***о**, *печ'ён'й***о** ВХ; И. ед. ср. *жо́скый***о** ЛА, *хоро́шый***о** ВВ; И. ед. м. *после́дн'о***й** ЛА, *дво́й***о** ВВ. Аналогичные примеры после шипящих см. ниже.

3. Наиболее яркой особенностью консонантизма говора с. Соболево является **позиционная мягкость шипящих**. Фонемы /ш/ и /ж/ представлены как твердыми, так и мягкими и «полумягкими» аллофонами, распределенными в зависимости

от позиции. Однако мягкие [ж’], [ш’] и полумягкие [ж·], [ш·] употребляются непоследовательно: в позициях, где они отмечены, встречаются и твердые [ж], [ш].

3.1. Твердые и мягкие аллофоны /ж/, /ш/ перед согласными и на конце слова

Твёрдые [ж], [ш] наблюдаются в позициях:

а) конца слова: *поб’ега**ш*** 2×, *хо́д’и**ш**, л’а́гъ**ш**, дъм’ота́**ш**, вы́кыпа**ш**, пр’иб’ер’о́**ш**, рабо́ты**ш**, зъпр’аго́**ш**, ръзос’т’ёл’и**ш**, уб’ира́**ш**, згр’еб’о́**ш**, пъдм’ет’о́**ш**, нъс’т’ила́**ш**, копа́**ш**, пропу́с’т’и**ш**, как хо́**ш**, йе́**ш**, р’е**ш**, на**ш**, за́му**ш**, у**ш*** 17×, *фс’о́ **ш** тък’и* ЛА; *йе**ш**, помáлк’ивъ**ш**, полу́ч’и**ш**, заб’ёгъ**ш**, д’ён’е**ш**, мота́**ш**, гл’ад’и́**ш**, погл’ад’и́**ш**, пока́пл’е**ш**, прохо́д’и**ш**, хо́д’и**ш**, ид’о́**ш**, дъж·ив’о́**ш*** 2×, *в’и́д’и**ш**, ч’о хо́**ш**, над’ён’е**ш**, росто́п’и**ш**, оддá**ш*** 3×, *пъш’ч’ита́**ш**, хоро́**ш**, му**ш*** 3×, *за́му**ш*** 2×, *ро**ш**, у**ш*** 2× ВВ;

б) перед твердым согласным: *п’е**шко́**м, пъвар’о́**шкой**, карто́**шку*** 2×, *т’ел’ё**шку*** 2×, *ф кътала́**шку**, со́лны**шкъ**, ба́у**шка**, д’ёду**шка**, ф **шко́**лу* 4×, *ф **шко́**л’е, пр’и **шко́**л’е, **шко́**л’н’ик’и, ф К’и́н’и**шму**-ту* 2×, *вы́**шлъ**, пр’и**шло́**с, про**шло́**, л’и́**шно**, мо́**жнъ**, в’ёрт’и**шсъ*** 3×, *н’е су́н’и**шса*** ЛА; *ма́ту**шка**, Са́**шкъ**-тъ, ко́**шка**, ко́**шкъм*** 2×, *карто́**шку*** 2×, *карто́**шкой**, стару́**шкъ**, око́**шкъ**, ба́т’у**шкъ*** 4×, *ба́у**шкъ**, го́рну**шку**, н’имно́**шкъ*** 3×, *дру́г за дру́**шкъй**, дру**шка**́, ло́**шку**, Вал’у́**шка**, Кос’т’у́**шкъ**, ф **шко́**л’е, за**шка́**л’ивът’, о**шпа́**р’им, до К’и́н’и**шмы**, про́**шлый**, про́**шлъм*** 5×, *пъдо**шла́**, вы́**шлъ**, пр’и**шло́**с, п’ир’е**шло́**, **шла́**нк, **шла́**нг’и-т’и, шу́**шны**и* (зараженный вирусами — о клеще), *сло́**жно**, подно́**жнъм**, дру́**жны**йе, мо́**жнъ*** 2×, *слу́**жбы**, слу́**жбу*** 2×, *ка́**жду*** ВВ;

в) перед мягкими губными [б’], [м’]: *пр’и**жм’о**́т* 3× ЛА; *на слу́**жб’и*** ВВ.

Мягкие [ж’], [ш’] и полумягкие [ш·], [ж·] (наряду с твердыми [ж], [ш]) наблюдаются в позициях:

а) перед мягким заднеязычным [к’]: *кылъколу́**ш’к’и**, кылъколу́**ш·к’и**, карто́**ш’к’и*** 2×, *кълоб’а́**ш’к’и** 2×, око́**ш’к’и**, фура́**ш’к’и*** 2×, *руба́**ш’к’и**, дом’и́**ш·к’и**-т’и* ЛА; *ко́**ш’к’и*** 3×, *ба́т’у**ш’к’и*** (межд.), *ч’а́**ш’к’и*** 2×, *т’ил’ефо́н’и**ш’к’и**-т’и, ло́**ш·к’и**, задв’и́**ш’к’и**, д’ён’и**ш’к’и*** ВВ; твердые [ш], [ж] в этой позиции: *р’иб’ат’и́**шк’и**-т’е, ба́у**шк’и**, г ба́у**шк’е**, на ва́р’и**шк’и*** ЛА; *у ба́у**шк’и**, мура́**шк’и**, стару́**шк’и*** 2× ВВ;

б) перед мягкими зубными [н’], [л’], [д’]: прош. *по**ш’л’**и́, из Н’и́**ж·н’е**въ* 2×, *ръсхо**ж’д’**ён’ийа-то* ЛА; *пъдо**ж’д’**и́т’и* 5× ВВ; однако в этой позиции чаще твердые [ш], [ж]: *по**шл’**у́т, по**шл’**и́* 3×, *пр’и**шл’**и́* 2×, *на**шл’**и́, до**жл’**и́вы-т’е го́ды* ЛА; *у**шл’**и́* 2×, *вы́**шл’**и, взо**шл’**и́, ба́**шн’**у, зд’ё**шн’**а* 2×, *пъдо**жд’**и́т’е* ВВ; перед [т’] отмечен только твердый [ш]: *jе́**шт’е*** ВВ;

Мягкие аллофоны [ж’], [ш’] перед мягкими согласными (и после мягких? см. ниже о [ш’] в суффиксе сравнительной степени) в городецком говоре можно объяснять ассимиляцией.

3.2. Твердые и мягкие аллофоны /ж/, /ш/ перед гласными

Твердые [ж], [ш] произносятся в позициях:

а) перед /у/ — ***шу́**бн’ик’и* 3×, *п’и́**шут**, р’е́**жут*** ЛА; ***шу́**шныи*, ***Шу́**и*, ***Шу́**йе*, ***шу**м* 3×, ***Шу́**р’ик*, ***жу**рнали́сты*, *ка́**шу**, кры́**шу*** 3×, *ч’е́**шуцъ**, держу́* 2×, *св’а́**жут*** ВВ;

б) перед /а/ (реализациями этой фонемы [а], [ъ], [ъ^{ы}], [ы]) — *ф **ша́**хтах* 3×, *у**ша́**нка, уро**жа́**йа, пъб’е**жа́**л’и, уб’е**жа́**т’, д’ер**жа́**т’, м’е**ша́**й, слу́**ша**й, слу́**шъ**^{ы}*т’, *нъ лъ**ша**д’а́х, лъ**ша**д’е́й, лъ**ша**д’и́нна, ло́**шъ**т’* 2×, *в ло́**шъ**^{ы}т’, на ло́**шъ**^{ы}д’е* 2×, *ло́**шъ**^{ы}д’и,*

*на ло́**шы**д'и,* Р. *вз'а́ты**ша**,* И. *кырву́**шъ*** 'наседка', И. *ч'оку́**шъ**,* И. ед. ж. *хоро́**шъ**ыйъ* ЛА; ***жа́**луйъццъ, по**жа́**лустъ* 5×, ***жа́**д'н'ич'ит', **ша́**стъйу, ом**ша́**н'ик* 2×, *р**жа**ны́йе, р**жа**но́й, д'ер**жа́**л'и, л'е**жа́**т', л'е**жа́**т, л'е**жа́**л, л'е**жа́**ла, м'е**ша́**л, пръво**жа́**л, пръво**жа́**л'и, пръво**жа́**т', пр'ихо**жа́**нък, слу́**ша**й,* 3 мн. *л'е**жа́**т,* И. *Вал'у́**ша*** 2×, И. ед. ж. *на́**шъ**, н'и на́**шъ**, бол'**ша́**йа, хоро́**шы**йа, хоро́**шъ*** ВВ; однако в одном примере [ж'] — перед безударным аллофоном /а/ в окончании: И. ед. ж. *све́**ж'и**йа* ВВ;

Мягкие и полумягкие шипящие [ш'], [ш·], [ж'], [ж·] произносятся перед /и/: *ма**ш'и́**на* 4×, *н'и ма**ш·и́**на, ма**ш'и́**нкъ, нъ ма**ш'и́**нк'е, нъ ма**ш'и́**н'е, бъл'**ш'и**на́, бъл'**ш'и**нство́, му**ж'и**к'и́-т'е, му**ж'и**ко́ф, **ш'и́**л'и* 3×, ***ш'и́**л, **ж'и́**ли* 10×, ***ж'и**ла́* 5×, *пъ**ж'и**ла́, **ж'и**в'и́, п'ир'и**ж'и**ва́л'и, **ж'и́**с'* 2×, ***ж'и**вы́х* 2×, ***ж'и**в'о́т, **ж'и**въ**т**ново́цво, р'е**ш'и́**л'и, р'е**ш'и́**лас, р'е**ш·и́**л'и, пъту**ш'и́**л'и, су**ш'и́**л'и, поло́**ж'и**л'и, спра́**ш'и**въйт'е,* 2 ед. *слы́**ш'и**ш,* 2 мн. *поло́**ж'и**т'и,* Р. *р**ж'и́**, мълод'о́**ж'и*** 2×, Т. *с на́**ш'и**м,* И. мн. *на́**ш'и**, хоро́**ш'и**, бол'**ш'и́*** 2× ЛА; *му**ж'и́**к, му**ж·и́**к* 2×, *му**ж'и**к'и́* 4×, *из-зъ му**ж'и**ко́ф, му**ж·и**ка́м, **ж'и**т'* 3×, ***ж'и**ву́, дъ**ж·и**в'о́ш* 2×, ***ж'и**в'о́т* 4×, ***ж·и**в'о́т* 3×, ***ж'и**в'о́м* 3×, ***ж·и**в'о́м* 2×, ***ж'и**ву́т* 3×, ***ж·и**л, **ж'и**ла́* 2×, *пръ**ж'и**ла́, вы́**ж·и**лъ, про́**ж'и**л'и, **ж·и́**л'и* 2×, *п'ер'и**ж'и́**тъ, н'и**ж'и**лы́йе, **ж'и**ф, **ж'и**ва́, в **ж'и**вы́х* 2×, *в **ж·и**вы́х, в **ж'и́**з'н', **ж'и**с'* 2×, *в **ж·и́**з'н'и, **ж'и́**т'ел', **ж'и́**т'ил'а, **ж'и́**т'ил'и, м'е́стъ **ж'и́**т'ил'ствъ, л'е**ж'и́**т, б'е**ж'и́**т, слу́**ж'и**т, пътр'ево́**ж'и**л, пътр'ево́**ж'и**л'и, н'е л'е́**ж'и**въла, на́**ш·и**, на́**ш·и**у д'ит'е́й, н'ебол'**ш'и́**и* ВВ; твердые [ш], [ж] в этой позиции довольно редки: *ма**шы́**ну* 3×, *ма**шы́**нъ* 2×, *му**жы**ки́, **жы**в'о́м* 2×, ***жы**л, **жы**в'и́* 2×, ***жы**с', д'е́р**жы**т, д'е́р**жы**ццъ, пъло**жы́**ли,* И. мн. прилагательных *хоро́**шы**и* 2×, *хоро́**шы**,* деепр. *от'о́к**шы*** (но возможен состав суффикса -/ше/).

3.3. Более сложная картина наблюдается перед рефлексами **е, *ь,* а также вторичного **ě* (в окончаниях).

А. Твердые шипящие произносятся перед **е, *ь* «в позиции ёканья» (перехода *е>о*):

а) перед аллофонами /о/ ([о], [ъ], [ы], [е]) <u>перед твердыми согласными</u> — *на**шо́**л, по**шо́**л* 2×, *пр'и**шо́**л* 2×, ***жо́**скыйо, т'а**жо́**ла* 2×, *т'и**жо**ло́* 2×, Р. мн. *око́**шо**к,* 3 ед. *ска́**жо**т, мо́**жы**т* 3× ЛА; ***шо**л* 4×, *при**шо́**л* 3×, *ъто**шо́**л, по**шо́**л, у**шо́**л, **Шы**рны**шо́**фскъвъ до́лъ, но**жо́**нк'и, стъру**шо́**нкъм, пърн'и**шо́**нкъм, **жы**на́, муж ж **жы**но́й,* Р. мн. *парни́**шъ**к, из-за ко́**шъ**г д'еру́т, от ко́**шъ**к-ту, ну́**жъ**н* 2×, *как поло́**жы**но, пон'и́**же**но* 2×, 3 ед. *мо́**жъ**т, мо́**жы**д бы́т', в'а́**жъ**т, му́**ж-ъ**т*; Р. ед. м. *хоро́**шы**ва,* нареч. *по-на́**шъ**му, за́му**жы**м* ВВ; (также [о] перед мягким согласным: *д'е**шо́**в'ин'к'и* ВВ, по аналогии с *дешёвый*);

б) перед аллофонами /о/ ([о], [ъ], [ы]) <u>перед мягкими согласными в окончаниях</u> — И. ед. м. прилагательных: *бол'**шо́**й, ры́**жо**й, св'е́**жы**й, бы́фш**ы**й, ка́**жы**й* 'каждый' ЛА; *св'е́ж**ой**, хоро́**шы**й, ста́р**шы**й* ВВ; И. ед. ср. прилагательных: *хоро́**шы**йо*; Р. ед. ж. прилагательных: *до ка́**жы**й* 'до каждой', Т. ед. ж. прилагательных: *хоро́**шъ**й*; 2 мн. *мо́**жы**т'е* ВВ. Во всех этих морфологических позициях, кроме формы 2 мн., переход *е>о* под ударением и в безударной позиции поддерживается аналогией с формами, содержащими /о/ после твердой согласной, ср. И. ед. м. *молодо́й, си́льн**о**й,* И. ед. ср. *молодо́йо, си́льн**о**йо* и т. п.; во 2 мн. возможна аналогия с другими формами парадигмы презенса, ср. 3 ед. *мо́**жо**т, мо́**жъ**т*;

в) перед реализациями /о/ на конце слова, при наличии аналогической поддержки форм с /о/ после твердых согласных в тех же морфологических позициях: нареч. *хърошо́* 5× ЛА; *хърошо́* 8×, И. ед. ср. *на́шъ* (наше), *в на́шъ-тъ, в на́ше-тъ* ВВ;

г) перед /о/ на конце слова в независимой позиции — в частице *же*, в том числе в составе *тоже*: *этъ* ***жо****, ка́г* ***жо*** 3×*, та́г* ***жо*** 2×, *то́****жо,*** *то́****жъ****, то́****же*** 4×, *то́д* ***же*** ЛА; *ту́д* ***жо****, то́****жо,*** *то́****жъ*** 6×, *то́****жы****, ка́г* ***жы****, та́м* ***же****, мы́* ***же****, то́****же*** ВВ. Однако иначе ведет себя *-же* в составе *уже* и *даже*. В наречии *уже́* (по происхождению — комплекс энклитик, в состав которого входит частица *же*) — твердый [ж] перед [е] (/же/): ***уже́*** 10× ВВ. В частице *да́же,* которая представляет собой проклитико-энклитический комплекс с частицей *же* — сочетание [ж’и] (/же/): *да́****ж’и*** 2× ВВ.

Б. Твердые шипящие произносятся перед **е, *ь* при отсутствии перехода *е>о* в позиции перед твердым согласным в нескольких особых случаях:

в книжных словах, заимствованных в говор из литературного языка: *съв’ер-ше́ннъ* ВВ;

перед суффиксом **ьств-,* в составе которого *с* мог быть мягким в недавнем прошлом: *дъ замý****жъ****ствъ* ВВ; однако перед суффиксами *-ев-ьн-* — мягкий шипящий: *кру****ж’е****вны́е* ВВ;

в корне *шест’-* независимо от твердости/мягкости следующего согласного (синхронной, поскольку все примеры с [е] или [ы] перед твердым согласным представляют собой сложения с *шест’-,* а примеры типа *шесто́й* отсутствуют): ***ше****́с’т’иръ-тъ,* ***ше****сна́цът’и годо́ф, ф* ***ше****сна́цът’-то л’е́т* ЛА; ***ше****́с’т’* 2×, *ше́с’* 4×, ***шы****йс’а́т* 2×, *тр’и* ***шы****йс’а́д был,* ***шы****с’ти́д’ис’ит’и* ВВ.

В. Твердые шипящие произносятся перед безударными аллофонами /е/<**ĕ* в окончании м. ед. существительных I и II склонения: *ф Пу́ч’и****жъ****, ф прода́****жъ*** 2× ВВ (в этой морфологической позиции после исконно мягких согласных распространяется окончание твердой разновидности склонения **ĕ*).

Г. Мягкие и полумягкие шипящие произносятся перед неогубленными рефлексами **е, *ь*:

а) перед **е, *ь,* за которыми следует мягкий согласный или сочетания «твердый + мягкий» (перед неогубленными реализациями /о/ — гласными [е], [и]): ***ш’е****́р’с’т’* 6×; ***ж’е****н’и́лса,* ***ж’е****́н’ш’ш’ины, хоро́****ш’и****н’к’ий,* ***ш’и****в’ил’и́цца* ЛА; ***ж’е****л’ёзныйе, к одно́й* ***ж·е****́н’ш’ин’, д’е****ш’е****́вл’и, из-зъ му****ж’е****́й* ВВ; также твердые [ш], [ж] в этих же позициях**:** ***же****́н’ш’инъ* ЛА; ***же****́н’ш’ин’е* 2×, ***же****́н’ш’инъм* 2×, ***же****л’ёзныйе, хоро́****шы****н’к’и,* ***шъ****в’ил’и́лъс* ВВ.

б) в суффиксе *-sje* (/ше/) сравнительной степени прилагательных и наречий, присоединяющемся к любым бессуфиксным основам, после мягких согласных [н’], [л’], [ч’]: *м’е́****н’ш’и****, бо́****л’ш’е*** 3×, *ра́****н’ш’е*** 5×, *ра́****н’ш’и*** 3×, *ра́****н’ш·и*** 2×, *да́****л’ш’е****, да́****л’ш·е****, пода́****л’ш’и****, пото́****н’ш’е*** 2× ЛА; *ме́****н’ш’е*** 2×, *бо́****л’ш’и****, бо́****л’ш·е****, ра́****н’ш’е****, лу́****ч’ш’е****, пода́****л’ш’и*** ВВ; реже отмечается твердый [ш]: *ра́****н’шы*** 2×, *бо́****л’шы*** 2×, *поме́****н’шы*** ЛА; *м’е́****н’ше****, поме́****н’ше****, бо́****л’ше*** 2×, *лу́****тшы****, полу́****тшы****-*тъ ВВ. Варьирование [ш’] и [ш] отмечено после твердого [р]: *ста́****рш’и*** и *поста́****ршъ*** ВВ. В компаративах с суффиксом **-je* шипящий, скорее, твердый: *бли́****ж·е*** ЛА, *моло́****жы*** ВВ.

Можно предполагать смягчающее воздействие предшествующего мягкого согласного на *ш* в суффиксе сравнительной степени; [р] в *старше,* в таком случае надо рассматривать как случай недавнего отвердения.

Таким образом, мягкие шипящие [ж’], [ш’] в городецком говоре встречаются перед гласными переднего ряда [и], [е], перед мягкими согласными и после мягких [н’], [л’], [ч’]. Распределение твердых и мягких аллофонов /ж/ и /ш/ в говоре, очевидно, является результатом их отвердения в определенных позициях (конец слова, перед твердыми согласными, перед [а], [у]). Отвердение шипящих имело место и перед [о] из **е, *ь* (*т’а**жо́**ла*, *т’и**жоло́*). Однако в безударных слогах, кроме 1-го предударного, может происходить редукция и делабиализация *о*; тем не менее перед неогубленными безударными гласными из **е, *ь*, за которыми следуют твердые согласные, т. е. «в позиции ёканья», произносятся твердые [ж], [ш] (*мо́**жы**т*). Твердые [ж], [ш] произносятся перед огубленными гласными, находящимися перед мягким согласным в ряде флексий, в которых эти гласные появляются под влиянием твердой разновидности склонения (И. ед. м. *бол’**шо́**й, ры́**жо**й*); это имеет место в тех же морфологических позициях — перед безударным неогубленным гласным (И. ед. м. *св’ёж**ый***). Мягкие [ж’], [ш’] произносятся перед рефлексами **е, *ь,* если за ними следуют мягкие согласные (***ш’е**р’с’т’*; ***ж’е**н’и́лса*). Перед конечными *о* и *е* (из **е, *ь, *ѣ*) шипящие, как правило, отвердевают (если нет условий для их смягчения в виде предшествующего мягкого согласного, как в компаративах типа *бо́л’ш’е*); исключением является частица *даж’е.*

В городецком говоре отвердение шипящих перед рефлексами **е, *ь,* находящимися в позиции перед твердыми согласными, и перед гласными флексий (т. е. в позициях городецкого ёканья) должно было предшествовать распространению редукции в заударных слогах; и оно должно было происходить после обобщения окончаний твердого варианта склонения после мягких основ.

Литература

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907. 150 с. (Сборник ОРЯС; т. 83).

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 24–38.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Дьяченко С. В., Исаев И. И., Тер-Аванесова А. В. Ёканье в говоре Татарова, Ожигова и Нулы Муромского района Владимирской области // Русский язык в научном освещении. 2013. №1 (25). С. 275–284.

Дьяченко С. В., Малышева А. В. Говор Юрьевецкого р-на Ивановской области // Русский язык в научном освещении. 2016. №1 (25). С. 275–284.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. 456 с.

Захарова К. Ф. К вопросу о ёканье // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 30–44.

Казакова П. Н., Добрушина Н. Р., Даниэль М. А. Экспедиции НИУ ВШЭ: Корпус говоров бассейна реки Устьи и изучение вариативности в говоре деревни Михалёвская // Русский язык в научном освещениии. 2016. №2 (32). С. 250–257.

Касаткин Л. Л. (*ред.*) Русская диалектология. М., 2012. 304 с.

Мансикка В. Заметки о говоре Никольского уезда // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 19 (1914), кн. 4. Пг., 1915. С. 200–216.

Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Материалы по грамматике муромских говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. №2 (30). С. 231–244.

Обнорский С. П. Переход *Е* в *О* в современном русском языке // Труды комиссии по истории Академии наук СССР. Вып. 3: А. А. Шахматов (1864–1920). Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 295–315.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005. 256 с.

Пожарицкая С. К. Русские говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 59–68.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966. 160 с.

Скобликова Е. С. О судьбе этимологического ѣ в первом предударном слоге перед твердыми согласными в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая сер. Т. 3. М., 1962. С. 112–120.

Язык бассейна Устьи. Корпус северно-русской диалектной речи [Электронный ресурс]. Берн; М., 2013–2014. Режим доступа: http://parasolcorpus.org/Pushkino/login.php.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustya river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect // Компьютерная лингвистика. Интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.) / Под общ. ред. В. Селегей. Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 720–728.

Svetlana V. Dyachenko[1], Anna V. Malysheva[2], Alexandra V. Ter-Avanesova[3]
Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svet-lan-a@list.ru[1]
annamalys@mail.ru[2]
teravan@mail.ru[3]

ON PHONETICS OF VLADIMIR-POVOLZHJE DIALECTS: *JOKANJE* AND POSITIONAL SOFTENING OF HISSING CONSONANTS

The article deals with two connected phenomena in East Middle Russian dialects of Vladimir-Povolzhje group. One of them, *jokanje* in the dialect of *Tatarovo, Ozhigovo* and *Nula* (Murom region, Vladimir district), was analyzed using the data recorded in 2012 and 2014 from 13 people born in 1921–1959. *Jokanje* occurs in the pretonic syllable in the place of **e, *ь, *ě* before hard consonants (*n'**o**slá, v'**o**rnúl, b'**o**dá*) and is represented in 60 % of the 1100 relevant examples; in the rest of them the unrounded vowels are pronounced (*n'**e**slá*). Besides the well-known conditions in which *jokanje* is not realized in Russian, in Murom dialects it doesn't occur before hard hissing consonants [š], [ž], [ž:]. This points out that the hardening of these consonants took place lately in Murom dialects. *Jokanje* occurs in 85 stems of different morphological classes and morphonological types; thus the dialect has preserved the results of phonetic change *e>o* before hard consonants that took place after the coincidence of **e, *ь, *ě* in the unstressed syllables. Besides the words of Slavic origin, *jokanje* occurs in Church Slavonic proper names and in very few borrowings from European languages. In the sociolinguistic aspect, *jokanje* is a dialectal phenomenon consciously eliminated by the speakers who intend to speak correctly, as the analysis of the recordings of the teacher's speech (1925) shows. There is no *jokanje* in speech of the people born in 1946–1959, the teachers and the director of the club, who preserve some other dialectal features. People with specialized secondary education, with non-peasant professions, independently of the date of birth (1925–1944), have small quotas of words with *jokanje* (below 20 %). The quota of *jokanje* examples in the speech of women who studied for seven years or less and then worked in the farm depends on the date of birth: women born in 1936 have 40 % of *jokanje* examples, in 1920s — 50–80 %, and so does a man born in 1939 who studied for 5 years, finished the courses and worked as a tractor operator. The man belongs to the group of the most archaic speakers, and not to the group of women of his generation.

The late hardening of *ž, š* in Murom dialect is concluded from the analysis of the system of *jokanje* and proved by the data from the neighboring Gorodec dialects. In the dialect of Sobolevo (Jurjevec district, Ivanovo region), the soft *ž', š'* occur before and after the soft consonants (*kó**š'k'**i, rá**n'š'**e*) and before front vowels [i], [e] (***ž'il, š'e**r's't'*). This situation is a result of hardening of *ž', š'* in the end of the word, before hard consonants and back vowels *a, o, u.* Hard hissing consonants are pronounced before **e, *ь* "in *jokanje* position", and soft hissing consonants — before **e, *ь* followed by soft consonants.

Key words: Russian dialects, Vladimir-Povolzhje group, phonetics, *jokanje*, hissing consonants

References

Brok O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoj chasti Totemskogo uezda* [Description of one dialect from the south-western part of the Totma Uyezd]. St. Petersburg, 1907. 150 p. (Sbornik ORYaS. Vol. 83.)

Vysotskij S. S. [The sound of speech in context]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological research in the Russian language]. Moscow, 1977. P. 24–38. (In Russ.)

Gecova O. G. [Dialectal differences of Russian Arkhangelsk dialects and their linguogeographic characteristic]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya. Vyp. VII. Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'* [Questions of Russian linguistics. Vol. VII. Russian dialects: history and modernity]. Moscow, 1997. P. 138–197. (In Russ.)

Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti Rossii. Iss. I. Fonetika [Dialectological Atlas of the Russian language. Center of the European part of Russia. Vol. I. Phonetics]. Moscow, 1986.

D'yachenko S. V., Isaev I. I., Ter-Avanesova A. V. [Jokanje in the dialect of Tatarovo, Ozhigovo and Nula of the Muromsky district of the Vladimir region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. (25). P. 275–284. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Malysheva A. V. [Dialect of Yurievets district of Ivanovo region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 1 (25). P. 275–284. (In Russ.)

Zaharova K. F. [On the issue of jokanje]. *Dialektologiya i lingvogeografiya russkogo yazyka* [Dialectology and linguogeography of the Russian language]. Moscow, 1981. P. 30–44. (In Russ.)

Zaharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Ju. *Obrazovanie severnorusskogo narechija i srednerusskih govorov* [Formation of the North Russian dialect and Central Russian dialects]. Moscow, 1970. 456 p.

Kazakova P. N., Dobrushina N. R., Daniel' M. A. [Expeditions of NIU VShE: The corpus of dialects of the Ustja river basin and the study of variability in the dialect of Mikhalevskaya village]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshcheniii*. 2016. No. 2 (32). P. 250–257. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (Ed.) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2012. 304 p.

Mansikka V. [Notes on the dialect of Nikolsky Uyezd]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*. Vol. 19 (1914), part 4. Petrograd, 1915. P. 200–216. (In Russ.)

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Materials on the grammar of the Murom dialects]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 2 (30). P. 231–244. (In Russ.)

Obnorskij S. P. [The transition of E to O in modern Russian]. *Trudy komissii po istorii Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Commission on the history of the USSR

Academy of Sciences]. Iss. 3: A. A. Shahmatov (1864–1920). S. P. Obnorskij (ed.). Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. P. 295–315. (In Russ.)

Pozharickaya S. K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2005. 256 p.

Pozharickaya S. K. [Russian dialects outside the DARYa line. On the question of the dialectal division of the Russian language]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 8. Vostochnoslavyanskaya dialektologiya, lingvogeografiya i slavyanskij kontekst* [Research on Slavic dialectology. Vol. 8. East Slavic dialectology, linguogeography and Slavic context]. Moscow, 2002. P. 59–68. (In Russ.)

Sidorov V. N. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka* [From the history of Russian sounds]. Moscow, 1966. 160 p.

Skoblikova E. S. [About the fate of the etymological e in the first pretonic syllable before hard consonants in the dialects of the Vladimir-Volga group]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. Novaya seriya* [Materials and research on Russian dialectology. New series.]. Vol. 3. Moscow, 1962. P. 112–120. (In Russ.)

Yazyk bassejna Ust'i. Korpus severno-russkoj dialektnoj rechi [The language of the pool Mouth. Corpus of North Russian dialect speech]. [Elektronnyj resurs]. Bern; Moskow, 2013–2014. Rezhim dostupa: http://parasolcorpus.org/Pushkino/login.php

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustya river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Komp'yuternaya lingvistika intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (Bekasovo, 4–8 iyunya 2014 g.)*. Ed. V. Selegej. Iss. 13(20). Moscow, Izd-vo RGGU Publ., 2014. P. 720–728.

А. В. Сапунцова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
asapuntsova@gmail.com

ВОКАЛИЗМ РУССКИХ ОМОНИМИЧНЫХ КЛИТИК КАК СРЕДСТВО ГРАММАТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Статья рассматривает качественную редукцию гласных в парах и рядах омонимичных русских клитик в аспекте взаимодействия грамматики и фонетики. Русские клитики относятся к нескольким частям речи, как служебным, так и знаменательным, и некоторые клитики-частицы и клитики-союзы — дериваты наречий и местоимений; таким образом, в русском языке существуют ряды безударных функциональных омонимов. При этом в реализации гласных фонем в клитиках наблюдается вариативность. Чтобы проверить гипотезу о влиянии частеречного статуса на реализацию гласных фонем в клитиках, был проведен эксперимент, в ходе которого носителям русского языка было предложено прочитать вслух не связанные друг с другом предложения, содержащие клитики, причем контексты были составлены так, чтобы отражать различные влияющие на редукцию гласных переменные. В результате аудирования обнаружены две основных тенденции: контраст между служебными и знаменательными частями речи и дифференциация внутри служебных частей речи. В целом меньшая вариативность соотносится с меньшей грамматической «автономностью» единицы. Несколько пар клитик, относящихся к разным служебным частям речи, демонстрируют минимальные различия в уровне вариативности или отсутствие таковых: это объясняется их функциональной близостью. Фонетический облик клитик также отражает переходные явления в рядах функциональных омонимов с помощью плавного изменения вариативности.

Ключевые слова: вокализм, клитика, редукция, функциональные омонимы, фонетика

0. Введение

0.1. Определение понятия «клитика»

Во вступлении к работе «Clitics: An Introduction» Andrew Spencer и Ana Luís замечают, что «попытка точно установить понятие клитики несколько сродни попытке ловить пескарей голыми руками» (“pinning down the notion of clitic is a little like

trying to catch minnows with your bare hands" [Spencer, Luís 2012: xiii]). Отдельные лингвистические словари вовсе отказываются от этой попытки: так, статьи «клитика» (или «энклитика», «проклитика») нет в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой [Ярцева (ред.) 1990] и в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [Ахманова 2004]. "The Consice Oxford Dictionary of Linguistics" [Matthews 2014] определяет клитики самым общим образом: как любую единицу языка, которую нельзя однозначно определить как слово или морфему ("any grammatical unit that is not straightforwardly either an affix or a word on its own"). Это определение, хотя не дает представления о составе и поведении класса «клитики», указывает на положение клитик в общей топологии языковых единиц; сама необходимость их выделения обусловлена тем, что в языке не существует четко оформленного противопоставления «словоформа» — «морфема» и существует класс переходных феноменов, располагающихся «на шкале линейно-синтагматической свободы примерно посередине между ее крайними точками» [Плунгян 2003: 28].

Как отмечает Judith L. Klavans в статье "The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization" [Klavans 1985: 116–117], в большинстве работ, посвященных клитикам, нет четких определений того, что считается клитикой, или того, что клитикой не считается; вместо этого находим список тенденций, общих характеристик и типичных черт клитик. Критерии выделения клитик, как названные в классических работах 1980-х гг. [Zwicky, Pullum 1983; Zwicky 1985], так и описанные в более поздних работах, можно условно разделить на две группы: связанные с просодией и связанные с синтаксисом. Более традиционное и более популярное [Anderson, Zwicky 2003] направление в исследованиях клитик рассматривает ее как элемент, не имеющий своего ударения и потому объединяющийся в одну тактовую группу (фонетическое слово) с опорным словом (host), т.е. основывается на акцентном и фонологических критериях по [Zwicky 1985]. Первый состоит в том, что клитика неспособна иметь самостоятельное ударение и, как следствие, формировать тактовую группу. Это не значит, что клитика всегда безударна, однако комплекс, образованный клитикой и опорным словом, должен иметь только одно ударение [Плунгян 2003: 29]. Акцентная несамостоятельность клитик — ядро подавляющего числа определений [Зализняк 2008; Касаткин (ред.) 2001; Мельчук 1997; Жеребило 2010; Цыхун 1968; Плунгян 2003; Crystal 2008; GoLT 2004; Franks, King 2000]. Именно критерий акцентной несамостоятельности использовался для выделения клитик в этой работе. Итак, клитика — это безударное слово, не имеющее словесного ударения.

0.2. Абсолютные и относительные клитики

Вторая группа критериев обобщена Zwicky [Zwicky 1985: 286] как отличие фонетического слова от фразы. Речь идет уже не об акцентных, а о звуковых тенденциях. Так, клитика стремится подчиняться законам внутреннего сандхи, тогда как элемент, подчиняющийся законам внешнего сандхи, должен быть признан отдельным самостоятельным словом. Клитика также ведет себя как часть лексического слова в отношении тона, качественной редукции и долготы звуков, подчиняется

законам гармонии гласных и т. п. Этот фонетический критерий для русских клитик оказывается необязательным. Он соблюдается в тех клитиках, которые Л. Л. Касаткин называет абсолютными: они, «примыкая к основному слову, сливаются с ним в одно фонетическое слово, где гласные и согласные звуки произносятся как в одном лексическом слове» [Касаткин (ред.) 2001: 332]. Тем не менее клитиками признаются и так называемые относительные клитики, не соответствующие фонетическому критерию. Разделение на абсолютные и относительные клитики было предложено С. С. Высотским [Высотский 1997].

0.3. Редукция гласных в относительных клитиках

Говоря об относительных клитиках, Л. Л. Касаткин прежде всего выделяет именно несоответствие редукции гласных формуле Потебни: «…обычно это (фонетические признаки самостоятельного слова. — *А. С.*) отсутствие качественной редукции гласных в тех позициях, где она закономерна внутри одного лексического слова» [Касаткин 2006: 74]. Кроме того, возможна редукция не в той степени, какая предусмотрена внутрисловными фонетическими законами: в качестве примеров приведены в том числе союз *да* и частица *так*, в которых произносится [ə] вне зависимости от положения по отношению к ударению [Касаткин 2006: 74]. Отмечено, что одна и та же клитика может иметь разное фонетическое оформление и выступать то в качестве относительной, то в качестве абсолютной: это происходит, например, с союзом *что*, в котором возможно как произношение [ə], так и [о] [Касаткин 2006: 74] или с частицей *хоть* и союзом *хоть*, в которых могут произноситься [о] и [ə] [Касаткин 2006: 75].

0.4. Частеречная принадлежность русских клитик

Русские клитики относятся к разным частям речи, и служебным, и знаменательным. Так, например, С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова говорят о предлогах, частицах, местоимениях и союзах [Кодзасов, Кривнова 2001: 306]. Некоторые из частиц и союзов-клитик образованы способом перехода других клитик, некоторые — от наречий и местоимений. Те, в свою очередь, могут иметь безударные формы или обладать особым акцентным статусом, как бы находясь в переходной зоне между клитиками и ритмически самоударными словами [Кодзасов, Кривнова 2001: 306].

0.5. Омонимичные русские клитики

В результате словообразовательных процессов, обозначенных в пункте 0.4, можно наблюдать в русском языке пары и ряды безударных омонимов, относящихся к разным частям речи. Различное или сходное поведение членов пар обычно более или менее кратко характеризуется в рамках более общего анализа фонетики клитик. Так, Л. Л. Касаткин упоминает различие в реализации гласного в наречии *так* и частице *так* [Касаткин 2006: 74], а также вариативность в частице *хоть*

и союзе *хоть* [Касаткин 2006: 75]. В разделе «Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики» книги «Русская фонетика в развитии. Фонетические “отцы” и “дети” начала XXI века» описаны в том числе модальная и усилительная частицы *да* и союз *да*, союз и частица *хоть* [Каленчук 2013]. Нужно отметить, что контраст между частицами и союзом *да* очевиден и проявляется в вариативности реализации гласного /а/; и в частице, и в союзе *хоть* отмечена вариативность, но провести сравнение на материале раздела не представляется возможным.

0.6. Редукция гласных и частеречный статус

Зависимость фонетической реализации слова от его частеречной принадлежности применительно к разным языкам обсуждалась во многих работах. Kelly доказывает наличие корреляции между несколькими фонетическими признаками и частеречной принадлежностью для английского языка [Kelly 1992] и описывает ряд фонетических критериев, позволяющих различать глаголы и существительные [Kelly 1996]. Исследуя вероятностное распределение и используя критерии, выделенные Kelly, Durieux и Gillis описывают взаимодействие фонетики и морфологии для слов разных частей речи в английском и нидерландском, подтверждая вывод Kelly о влиянии частеречного статуса на фонетический облик слова и влиянии этих закономерностей на перцепцию и освоение языка [Durieux, Gillis 2001].

Еще одно исследование на материале нидерландского языка посвящено уже только вокализму [Bergen 1993]. Van Bergen изучает влияние частеречной принадлежности на редукцию нидерландских гласных в аспекте противопоставления знаменательных и служебных частей речи. В результате проведенного эксперимента van Bergen установил сильное влияние частеречного статуса на редукцию гласных: фонологически ударные гласные в служебных словах могли редуцироваться больше, чем фонологически безударные — в знаменательных. Тем не менее на основании собранных данных он не может точно утверждать, вызвано ли это семантикой и функциями служебных слов или их частотностью.

Схожий эксперимент Daniel Szeredi на материале венгерского языка обнаружил значительно бóльшую редукцию гласных в служебных словах, чем в знаменательных [Szeredi 2009: 10–16]. Для того чтобы проверить, насколько велика в этом роль высокой частотности служебных слов, Peter Rasz и Daniel Szeredi провели еще один эксперимент, в котором измеряли влияние частотности на редукцию гласных в знаменательных словах [Rasz and Szeredi 2009]. Гипотеза о прямом влиянии частотности на редукцию гласных для венгерского была опровергнута, а то малое влияние частотности, которое наблюдалось для отдельных гласных, легко перекрывалось другими факторами (например межслоговой ассимиляцией). Таким образом, для венгерских служебных слов можно предположить именно влияние семантики и функций на редукцию гласных.

Итак, наблюдается кросслингвистическая тенденция к фонетической дифференциации разных функциональных классов слов за счет разной степени редукции гласных.

1. Эксперимент

1.1. Гипотеза

На основании теоретических выкладок, кратко представленных во введении, можно предположить, что в русском языке безударные функциональные омонимы могут быть фонетически дифференцированы, в том числе за счет разных типичных моделей редукции гласных. Было предположено, что 1) безударные формы слов знаменательных частей речи контрастируют с клитиками, относящимися к служебным частям речи; 2) внутри служебных частей речи существуют разные тенденции редукции гласных, разграничивающие грамматические омонимы, т. е. редукция гласных в союзах отличается от редукции гласных в частицах и т. д.

1.2. Структура эксперимента

Чтобы проверить гипотезу, был проведен эксперимент, в ходе которого носителям русского литературного языка было предложено прочитать вслух не связанные друг с другом предложения, содержащие 138 тактовых групп, включающих в себя клитики. При составлении предложений учитывались различные контекстные переменные, способные влиять на редукцию гласного, и опорные слова были отобраны с помощью базы данных StimulStat [Алексеева и др. 2015; Ляшевская, Шаров 2009]. Прежде всего была важна возможность отследить, в каких клитиках система языка допускает вариативность, даже если она проявляется в редких случаях при сочетании различных контекстных факторов; кроме того, меня интересовало, есть ли пары и ряды омонимичных клитик, в которых члены отличаются набором влияющих на редукцию факторов. Было записано и прослушано более 4 тыс. произнесений тактовых групп с клитиками. Список исследованных клитик см. в табл. 1.

Таблица 1

Исследованные клитики и их частеречная принадлежность

	ведь	**да**	**как**	**так**	**хоть**	**что**
наречие			образа действия, времени	+		
местоимение						+
союз	+	соединительный, перечислительный, противительный	сравнительный, изъяснительный	+	+	+
частица	+	модальная, усилительная		+	+	

1.3. Контекстные переменные

При составлении предложений для эксперимента учитывались следующие контекстные переменные: пост- и препозиция, отдаленность клитики от ударного слога или близость к нему, наличие или отсутствие зияния и условий для межслоговой ассимиляции, наличие/отсутствие просодического выделения, а также частотность опорного слова. Все они имеют потенциал влияния на редукцию гласного.

То, выступает ли словоформа в качестве проклитики или энклитики, может влиять на реализацию гласных фонем: так, в работе [Каленчук 2013] описан случай частицы *ведь*, всегда выступающей в качестве абсолютной проклитики, но демонстрирующей вариативность в постпозиции, а также частицы *вот*, в которой в зависимости от положения по отношению к опорному слову меняется степень вариативности.

Удаленность от ударного слога способствует появлению качественно нередуцированного гласного в клитике. Так, возрастание доли произнесений нередуцированного гласного при удалении от ударного слога описано для частиц *ведь, мол, хоть* и для ряда предлогов [Каленчук 2013]. Для эксперимента были рассмотрены позиции от четвертого до первого предударного слога для проклитик и от первого до третьего заударного слога для энклитик.

Позиция зияния, согласно работе [Кузнецов 2007], является в определенной мере аномальной. С артикуляционной точки зрения оно «является сочетанием звуков, требующим от говорящего дополнительных речевых усилий». Резкий рост количества нередуцированных реализаций конечной фонемы в предлогах в позиции зияния отмечен в работе [Каленчук 2013].

Говоря о межслоговой ассимиляции, Р. Ф. Пауфошима отмечает, что «в современном русском литературном произношении широко распространено уподобление слабых редуцированных гласных более “сильным” соседям — гласным соседних слогов, как правило, последующих слогов» [Пауфошима 1983: 44]. Ассимиляция гласных может быть фактором, поддерживающим реализацию гласной фонемы в качественно нередуцированном звуке.

Просодическое выделение способствует более отчетливому произнесению (особенно в тех случаях, когда включает в себя темпоральный акцент). Увеличение доли произнесения нередуцированного гласного в союзах при акцентном выделении опорного слова описано в работе [Каленчук 2013].

Наконец, низкая частотность опорного слова может способствовать замедлению темпа речи и «побуквенному» чтению всего фонетического слова, усиливая вероятность произнесения нередуцированного гласного звука. М. В. Панов пишет, что для редких в обычной речи слов особенно существенно влияние письма (тогда как для частотных слов ведущим фактором является влияние повседневной речевой деятельности, а для слов средней частотности — действие орфоэпической традиции) [Панов 2007: 279]. Малоупотребительные слова были подобраны с опорой на «Частотный словарь современного русского языка» [Ляшевская, Шаров 2009].

1.4. Социолингвистический профиль информантов

Все участники эксперимента — москвичи, носители русского языка. 10 информантам на момент записи 18–35 лет, 10 — 36–50 и 10 — больше 50 лет. Восемь участников эксперимента — студенты и студентки университета, остальные — выпускники высших учебных заведений.

Результаты эксперимента

2. Знаменательные vs служебные части речи

2.1. Так: наречие, союз и частица

По результатам аудирования ясно обозначился контраст служебных и знаменательных частей речи. Оказались резко противопоставлены наречию *так* союз и частица *так*. Если в союзе и частице невозможно произнесение нередуцированного гласного (см. 3.1), то в наречии количество произнесений [а] достигает 49 % (90 % в позиции просодического выделения).

Отметим, что *так* служебное — дериват *так* знаменательного. В главе «Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре» «Исследований в области русской просодии» С. В. Кодзасов отмечает, что для такого типа дериватов максимальная редукция гласного нормативна [Кодзасов 2009: 329]. Он пишет, что «при переходе слова в разряд служебных или полуслужебных редукция может усиливаться», а при трансформации значения некоторых служебных слов «полная редукция является, как представляется, нормой произношения».

2.2. Что: местоимение и союз

Другой яркий пример разграничения знаменательного и служебного омонимов — пара местоимения *что* и изъяснительного союза *что*. Для эксперимента были выбраны сложные предложения, в которых местоимение и союз оказывались в сходных позициях, вводя придаточное предложение, т. е. местоимение выступало в роли союзного слова. В обоих словах наблюдается вариация, возможны [о] и [ə] (но не [aˢ]), при этом частота реализации с [о] в позиции второго предударного слога поднимается с 26 до 58 % при просодическом выделении в *что*-местоимении и с 20 до 30 % в *что*-союзе. В целом в местоимении нередуцированный гласный был произнесен почти в три раза чаще, чем в союзе: 33 и 12 % соответственно, что можно интерпретировать как указание на более автономный статус местоимения.

2.3. Роль частотности

Является ли фонетическая дифференциация слов служебных и знаменательных частей речи действительно следствием их семантических и функциональных различий или просто результатом влияния частотности? Высокая частотность слова способствует более высокой степени редукции, и в среднем частотность служебных слов значительно выше частотности слов знаменательных. Взглянем, однако, на частотность исследованных клитик и вариативность редукции гласного (данные о частотности даны по «Частотному словарю современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» [Ляшевская, Шаров 2009]) (табл. 2).

Действительно, частотность союза *что* больше чем в два раза выше частотности местоимения *что*, и можно было бы предположить, что меньшая степень вариативности и тенденция к максимальной редукции обусловлены именно этим. Однако

Таблица 2

Частотность и редукция: *так* **и** *что*

Параметры	**Частица** *так*	**Союз** *так*	**Наречие** *так*	**Союз** *что*	**Местоимение** *что*
Частотность, ipm	5.8	–	3440.4	8354.0	3810.2
Произнесение нередуцированного гласного, %	0	0	49	12	33

частотность частицы *так* почти в 600 раз ниже частотности наречия *так*, хотя общая тенденция к большей редукции гласного в служебном слове сохраняется. Привлекая дополнительно данные из других языков (например, описанные во введении результаты эксперимента [Rasz and Szeredi 2009]), можно сделать предварительный вывод о семантической и функциональной природе дифференциации.

3. Функциональная дифференциация служебных частей речи

3.1. «Частицы-союзы»

В ходе аудирования обнаружилось, что несколько пар клитик демонстрируют минимальную фонетическую дифференциацию, несмотря на их различный частеречный статус (табл. 3).

Таблица 3

Редукция гласного в «частицах-союзах»

Частица *ведь*	**Союз** *ведь*	**Частица** *так*	**Союз** *так*	**Частица** *хоть*	**Союз** *хоть*
2 % [в’эт’]	1,3 % [в’эт’]	–	–	69 % [хот’]	69 % [хот’]
98 % [в’иᵊт’]	98,7 % [в’иᵊт’]	100 % [тэк]	100 % [тэк]	31 % [хэт’]	31 % [хэт’]

[э] вместо [иᵊ] было произнесено в 2 % случаев в частице *ведь* и в 1,3 % случаев в союзе. И в союзе, и в частице наблюдается увеличение числа произнесений с нередуцированным [э] с удалением от ударного слога в постпозиции, однако количество таких реализаций очень мало.

В паре *хоть*-союза и *хоть*-частицы в обоих случаях произнесение [о] вместо [ə] было зафиксировано в 69 % случаев. Ни в одном из слов не допускается [аᵊ], в том числе в первом предударном слоге, вопреки формуле Потебни. В обоих словах доля нередуцированных реализаций гласной фонемы повышается в случае просодической проминентности: до 73 % в союзе и до 83 % в частице.

Наконец, в союзе *так* и в частице *так* единственная возможная реализация /а/ — [ə], в том числе в первом предударном слоге (*так он, так тут*), в позиции просодического выделения и пр.

Такая малая степень различения отражает функциональную близость единиц. Интересно, что «Русская грамматика» под редакцией Н. Ю. Шведовой вообще не различает частицу *ведь* и союз *ведь*, частицу *так* и союз *так*, частицу *хоть* и союз *хоть*, включая их в общий список «частиц-союзов», которые «совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов» [Шведова (ред.) 1980: 729].

С. М. Колесникова в книге «Русские частицы: семантика, грамматика, функции» относит их к единицам с синкретичным значением, к зоне переходных явлений: она описывает их как принадлежащие к группе «союзных частиц» [Колесникова 2012: 79–81, 92–94]. В этой группе клитик не удалось обнаружить явной зависимости фонетического оформления от того частеречного статуса, который традиционно им приписывается, но это объясняется условностью этого частеречного статуса и отсутствием резкой семантической и функциональной дифференциации.

3.2. Функциональная дифференциация частиц: да

Максимальная степень редукции наблюдается в союзе *да* — во всех его значениях и во всех позициях, а также в усилительной частице *да*. Это противопоставляет союз и усилительную частицу модальной частице *да*, в которой [а] вместо [ə] зафиксирован в 13 % случаев. Однако [а] в модальной частице возможен только в условиях межслоговой а-ассимиляции; кроме того, нередуцированная реализация фонемы была отмечена единожды в позиции зияния (*да учит*). Впрочем, необходимо отметить, что этот единственный случай может быть ошибкой говорящего: несколько информантов, читая предложения с листа вслух, не прочитав их прежде про себя, трактовали модальную частицу *да* или союз *да* как *да* утвердительное, произносили слово с [а] (часто, но не всегда, ударным) и после этого исправляли сами себя.

С. В. Кодзасов рассматривает комплекс **да** как иллокутивный шифтер, несущий переменную модально-иллокутивную информацию. Анализируя не только союз и модальную и усилительную частицы *да*, но и всегда ударное утвердительное *да*, он интерпретирует редукцию гласного как показатель полной утраты словом иллокутивной функции [Кодзасов 2009: 330–332]. Действительно, эта функция не полностью утрачена модальной частицей *да*, но полностью утрачена союзом *да* и усилительной частицей *да*.

4. Сложный феномен: *как*

Ряд омонимов **как** представлен сравнительным союзом (*стук раздавался, как начало погрома*), изъяснительным союзом (*не заметил, как это обсуждать закончили*), наречием времени (*буду у них, как в Петербург поеду*) и наречием образа действия (*я не представляю себе, как звучит фагот*). В предложениях для эксперимента наречия, как и союзы, вводили придаточные предложения, т. е. выступали в роли союзных слов. Ряд клитик **как** объединяет разные вышеописанные модели редукции гласного (табл. 4).

Сравнительный союз *как* демонстрирует наименьшую степень вариативности, сближающую его с союзом и частицей *ведь*. Модель редукции, наблюдаемая в изъяснительном союзе *как* и наречии времени *как,* ближе всего к союзу *что* — это может быть свидетельством переходного статуса наречия времени *как*, скорее уже не союзного слова, а союза. Наконец, наречие образа действия *как* можно уподобить наречию *так* — как в фонетических, так и грамматических характеристиках. Наибольшее число нередуцированных реализаций гласной фонемы в наречиях

Таблица 4

Ряд омонимов *как*

Качественно нередуцированный гласный	**Сравнительный союз**	**Изъяснительный союз**	**Наречие времени**	**Наречие образа действия**
	2%	6%	6%	30%

приходится на позицию просодического выделения (для союзов сложно сделать вывод о тенденциях в связи с малым числом произнесений нередуцированного [а]). Интересен случай фразы *я не представляю себе, как звучит фагот*: в ней также зафиксирована большая доля произнесений [а], и это вызвано, вероятно, ритмической структурой. *К**а**к звуч**и**т фаг**о**т* фактически представляет собой три хореических стопы, и такое мерное чередование сильных и слабых мор в придаточном, по-видимому, поддерживает произнесение качественно нередуцированного гласного.

На этой основе мы могли бы построить нечто вроде шкалы вариативности для набора **как**: от наречия образа действия — к наречию времени и изъяснительному союзу — к сравнительному союзу. Эта шкала может быть наложена на шкалу переходности, разработанную В.В. Бабайцевой для описания семантики и грамматики функциональных омонимов: шкала переходности «позволяет показать “трудные случаи” частеречной квалификации слов, случаи возможных неоднозначных решений» и «наглядно доказывает, что не все слова русского языка легко распределяются по частям речи, что в существующих классификациях частей речи (без учета переходных явлений) много сомнительных, дискуссионных случаев, которые представлены в зоне синкретизма на шкале переходности» [Бабайцева 2005: 358]. Шкала переходности в полном виде выглядит как А → Аб → АБ → аБ → Б, где крайние члены А и Б — «члены оппозиции, обладающие полным набором дифференциальных признаков», а средние члены «характеризуются синкретизмом свойств» [Бабайцева 2005: 356]. Шкала фонетической вариативности для союзов и наречий *как* совпадает со звеньями Аб-Б шкалы Бабайцевой, использованной при описании «звукового комплекса *как*», т.е. в основном с зоной синкретизма [Бабайцева 2000: 352–358]. Здесь член А — союзное слово, каноническое местоименное наречие, Б — канонический союз. Плавное изменение фонетической вариативности отражает переходные явления.

5. Заключение

Суммируя результаты исследования, можно выделить две важных крупных тенденции: контраст между словами знаменательных и служебных частей речи и отражение функциональной дифференциации внутри служебных частей речи. Фонетические различия между частями речи не объясняются различиями в частотности, и отражают семантические и функциональные особенности клитик. Типичные модели редукции не могут быть поставлены в жесткое соответствие с такими большими и разнородными классами, как части речи, однако они отражают значительно более тонкие функциональные различия между омонимами. В целом уровень вариативности соотносится с «автономностью» языковой единицы и ее относительной многофункциональностью. Переходные явления отражены плавным изменением вариативности.

Литература

Алексеева С. В., Слюсарь Н. А., Чернова Д. А. StimulStat: база данных, охватывающая различные характеристики слов русского языка, важные для лингвистических и психологических исследований // Труды 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». М., 2015. С. 12.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Бабайцева В. В. Понятие о функциональных омонимах // В. В. Бабайцева. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. К. Э. Штайн. М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 351–358.

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 27–28.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 152–162.

Касаткин Л. Л. (*ред.*). Русский язык. Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / Под ред. Л. Л. Касаткина; Л. Касаткин, Е. Клобуков, Л. Крысин и др. М.: Академия, 2001. 768 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2006. 256 с.

Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 494 с.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.

Колесникова С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография. М.: Флинта; Наука, 2012. 112 с.

Кузнецов О. А. О способах реализации зияний в русской речи // Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова / Под ред. Е. А. Земской, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 316–322.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I / Пер. с фр.: И. А. Мельчук; предисл. А. Е. Кибрика; общ. ред. Н. В. Перцова. М.–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах; Прогресс, 1997. 416 с.

Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983. 110 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Цыхун Г. А. Синтаксис местоименных клитик в южно-славянских языках. Минск: Наука и техника, 1968. 136 с.

Шведова Н. Ю. (*ред.*). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Ярцева В. Н. (*ред.*). Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Anderson S. R., Zwicky A. M. Clitics // International Encyclopedia of Linguistics: Vol. 1. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 81–85.

Bergen D. R. van. Acoustic Vowel Reduction as a Function of Sentence Accent, Word Stress, and Word Class // Speech Communication. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1993. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–23.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th Edition. Hoboken: Blackwell Publishing Ltd, 2008. 529 p.

Durieux G., Gillis S. Predicting grammatical classes from phonological cues: An empirical test // J. Weissenborn, B. Höhle, eds. Approaches to bootstrapping: Phonological, lexical, syntactic and neurophysiological aspects of early language acquisition. Amsterdam: John Benjamins, 2001. Vol. 1. P. 189–229.

Franks S., King T. H. A Handbook of Slavic. Oxford: Oxford University Press, 2000. 403 p.

Glossary of linguistics terms / Gen. ed. E. E. Loos; E. E. Loos, S. Anderson, P. C. Jordan et al. SIL International, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www-01.sil.org/linguistics/GlossaryOflinguisticTerms/Index.htm.

Kelly M. H. Using sound to solve syntactic problems: the role of phonology in grammatical category assignments // Psychological Review. 1992. Vol. 99, No. 2. P. 349–364.

Kelly M. H. The role of phonology in grammatical category assignment // J. Morgan, K. Demuth, eds. From Signal to Syntax. Hillsdale: Erlbaum, 1996. P. 249–262.

Klavans J. L. The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization // Language. 1985. Vol. 61, No. 1. P. 95–120.

Matthews P. H. The Consice Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford University Press, 2014. 443 p.

Rasz P., Szeredi D. Testing usage-based predictions on Hungarian vowel reduction. Poster presented at the 17th Manchester Phonology Meeting. Manchester, UK, 2009. 8 p.

Spencer A., Luís A. R. Clitics: An Introduction. Cambridge University Press, 2012. 369 p.

Szeredi D. Functional phonological analysis of the Hungarian vowel system. Budapest: Eotvos Lorand University Faculty of Humanities, 2009. 65 p.

Zwicky A. M. Clitics and Particles // Language. 1985. Vol. 91, No. 2. P. 283–305.

Zwicky A. M., Pullum G. K. Cliticization vs. Inflection: English N'T // Language. 1983. Vol. 59, No. 3. P. 502–513.

Anna V. Sapuntsova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
asapuntsova@gmail.com

VOCALISM OF RUSSIAN HOMONYMIC CLITICS AS A MEANS OF GRAMMATICAL DIFFERENTIATION

The study investigates qualitative vowel reduction in sets and pairs of Russian unstressed homonyms to explore morphological impact on clitics' phonological appearance. Russian clitics belong to several parts of speech, such as particles, prepositions, conjunctions and pronouns, and many Russian particle and conjunction clitics derive from adverbs and pronouns, which leads to functional homonymy. To analyze the impact of word class on vowel phonology in Russian clitics, an experiment was designed. Unrelated sentences constructed to illustrate different contextual variables and containing clitic groups were read out loud by Russian native speakers, and vowels in the clitics were then audially analyzed. Main findings include two general tendencies: contrast between content and function words and functional differentiation among function words. Both are reflected through different degrees of variation in reduction rate, a lower degree of variation generally corresponding to a less 'autonomous' grammatical status. Several pairs of clitics belonging to different parts of speech demonstrated minimal or no contrast in vowel reduction rate; however, this fact reflects functional proximity of the units. Phonological appearance of the clitics also reveals complex threshold phenomena in sets of clitics through a smooth change in variation rate rather than sharp contrast.

Key words: clitic, functional homonyms, phonology, qualitative reduction, Russian, vowels

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd edition, stereotypical. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 571 p.

Alekseeva S. V., Slyusar' N. A., Chernova D. A. [StimulStat: the database covering different characteristics of words of Russian language, that are important for linguistic and psychological studies]. *Trudy 21-i Mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoi lingvistike "Dialog"* [Proc. of the 21st International conference in computational linguistics "Dialogue"]. Moscow, 27–30 May 2015. Moscow, 2015. P. 12. (In Russ.)

Anderson S. R., Zwicky A. M. Clitics. *International Encyclopedia of Linguistics: Vol 1.* 2nd edition. Oxford, Oxford University Press, 2003. P. 81–85.

Babaitseva V. V. [The notion of functional homonyms]. *V. V. Babaitseva. Izbrannoe. 1955–2005: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei* [V. V. Babaitseva: Selected works. 1995–2005: scientific and methological articles]. Ed. K. E. Shtain. Moskow–Stavropol', Izdatel'stvo SGU Publ., 2005. P. 351–358. (In Russ.)

Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Threshold phenomena in Russian grammar]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.

Bergen D. R. van. Acoustic Vowel Reduction as a Function of Sentence Accent, Word Stress, and Word Class. *Speech Communication*. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1993. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–23.

Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics.* 6th Edition. Hoboken, Blackwell Publishing Ltd, 2008. 529 p.

Durieux G., Gillis S. Predicting grammatical classes from phonological cues: An empirical test. *Approaches to bootstrapping: Phonological, lexical, syntactic and neurophysiological aspects of early language acquisition*. J. Weissenborn, B. Höhle, eds. Amsterdam: John Benjamins, 2001. Vol. 1. P. 189–229.

Franks S., King T. H. *A Handbook of Slavic Clitics*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 403 p.

Kalenchuk M. L. [Function words: phonology-grammar interface]. *Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskie "ottsy" i "deti" nachala XXI veka* [Russian phonetics in progress. Phonetic "fathers" and "sons" of the beginning of 21st century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013. P. 152–162. (In Russ.)

Kasatkin L. L. ed. *Russkii yazyk. Uchebnik dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [Russian language. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 768 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 256 p.

Kelly M. H. The role of phonology in grammatical category assignment. J. Morgan, K. Demuth, eds. *From Signal to Syntax*. Hillsdale: Erlbaum, 1996. P. 249–262.

Kelly M. H. Using sound to solve syntactic problems: the role of phonology in grammatical category assignments. *Psychological Review*. 1992. Vol. 99. No. 2. P. 349–364.

Klavans J. L. The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization. *Language*. 1985. Vol. 61. No. 1. P. 95–120.

Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies in the domain of Russian prosody]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 494 p.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonology]. Moscow, RSUH, 2001. 592 p.

Kolesnikova S. M. *Russkie chastitsy: semantika, grammatika, funktsii: monografiya* [Russian particles: semantics, grammar, functions: the monograph]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2012. 112 p.

Kuznetsov O. A. [On realizations of hiatus in Russian speech]. *Zhizn' yazyka: pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova* [The life of language: in memoriam of Mikhail Viktorovich Panov]. Eds. E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur; Znak Publ., 2007. P. 316–322. (In Russ.)

Loos E. E. gen. ed. *Glossary of linguistics terms*. SIL International, 2004. Available at: http://www-01.sil.org/linguistics/GlossaryOflinguisticTerms/Index.htm (date of accesse 20.04.2017).

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of Russian language (based on the data of National corpus of Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p.

Matthews P. H. *The Consice Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 443 p.

Mel'chuk I. A. *Cours de morphologie générale, vol. 1* [Course in general morphology. Vol. 1]. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions, 1993. 412 p. (In Fr.) (Russ. ed.: Kurs obshchei morfologii. T. I. I. A. Mel'chuk; preface A. E. Kibrik; N. V. Pertsov ed. Moscow–Vienna, Yazyki russkoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh; Izdatel'skaya gruppa Progress Publ., 1997. 416 p.)

Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. I* [Works in general linguistics and Russian language. Vol. I]. Eds. E. A. Zemskaya, S. M. Kuz'mina. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 568 p.

Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh* [Phonetics of word and phrase in Nothern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 110 p.

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie* [General morphology: Introduction to problematics: Teaching manual]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.

Rasz P., Szeredi D. *Testing usage-based predictions on Hungarian vowel reduction*. Poster presented at the 17th Manchester Phonology Meeting, Manchester, United Kingdom, 2009. 8 p.

Shvedova N. Yu. (Ed.) *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Spencer A., Luís A. R. *Clitics: An Introduction*. Cambridge, University Press, 2012. 369 p.

Szeredi D. *Functional phonological analysis of the Hungarian vowel system*. Budapest, Eotvos Lorand University Faculty of Humanities, 2009. 65 p.

Tsykhun G. A. *Sintaksis mestoimennykh klitik v yuzhno-slavyanskikh yazykakh* [Sintax of pronominal clitics in South Slavic languages]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1968. 136 p.

Vysotskii S. S. [Sound of speech in context]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies of Russian language]. Moscow, 1977. P. 27–28.

Yartseva V. N. (Ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 683 p.

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edition. Nazran', Piligrim Publ., 2010. 486 p.

Zwicky A. M. Clitics and Particles. *Language*. 1985. Vol. 91, No. 2. P. 283–305.

Zwicky A. M., Pullum G. K. Cliticization vs. Inflection: English N'T. *Language*. 1983. Vol. 59. No. 3. P. 502–513.

А. Д. Шмелев
Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ*

В статье на примере церковнославянского языка рассматриваются теоретические проблемы кодификации орфоэпических норм «спящих» языков, т. е. языков, на которых не происходит спонтанное устное общение, а их устная форма сводится к рецитации письменных текстов. Тем самым церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Обсуждается алгоритм перехода от письменного церковнославянского текста к его нормативному чтению с учетом особенностей региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов, и ставится вопрос об использовании гражданской графики в качестве промежуточной ступени такого алгоритма. Упоминается ряд моментов, не нашедших отражения в существующей кодификации при вариативности в узусе, а также проблемы описания соотношения нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Реальная практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собой компромисс между правилами чтения церковнославянского текста (при этом соответствующие орфоэпические рекомендации иногда различаются в разных пособиях) и навыками чтения русского текста. В статье обосновывается необходимость введения шкалы нормативности, позволяющей оценить допустимость отклонения от строгих правил чтения.

Ключевые слова: «спящий» язык, орфоэпия, кодификация языковых норм, правила чтения, региональное варьирование, интонация, просодия

Особенности кодификации церковнославянского произношения обусловлены тем, что церковнославянский язык можно отнести к некоторой разновидности

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00488 «Изменения узуса и кодификация норм русского литературного языка» (2015–2017).

«спящих» языков, а именно — к языкам, на которых отсутствует устная бытовая коммуникация, т. е. не происходит спонтанное устное общение. Устная форма существования таких языков сводится к рецитации письменных текстов. Этому не противоречит тот факт, что на языках данного типа могут создаваться новые тексты (в частности, на церковнославянском языке создаются службы новопрославленным святым): они создаются как письменные тексты, хотя и предназначенные для исполнения вслух.

Тем самым церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Может показаться, что для современной языковой ситуации эти правила удобно представить следующим образом. На первом этапе осуществляется запись текста средствами современной русской (гражданской) графики — для такой записи существует строгий алгоритм[1]. При этом получаемая русская запись менее информативна, чем исходный церковнославянский текст, так что механически восстановить его по записи невозможно. Это связано с рядом необратимых преобразований. Во-первых, в некоторых случаях двум или даже трем разным церковнославянским буквам алгоритм ставит в соответствие одну и ту же русскую. Во-вторых, осуществляемая алгоритмом замена является контекстной (например, после шипящих *ы* заменяется на *и*; в словах типа *синклит* в соответствии с произношением пишется *н*, а не *г*)[2]. Кроме того, имеет место раскрытие титл и еще ряд менее существенных, но также формально необратимых преобразований исходного текста, часто не связанных с орфоэпической проблематикой (расстановка знаков препинания, прописных букв и т. д.). Полученная русская запись оказывается акцентуированной (при этом разнообразные акцентные знаки исходного текста заменяются одним и тем же знаком ударения). После того как замена осуществлена, полученная запись читается в соответствии с нормативными русскими правилами чтения, за исключением специально оговариваемых случаев (иными словами, обычно кодифицируются орфоэпические нормы, отличные от русских норм)[3]. Среди особых церковнославянских правил чтения практически всегда отмечается отсутствие качественной редукции гласных в безударных

[1] Сложная составляющая алгоритма — правила, регулирующие употребление знаков препинания и прописных букв. Однако для обсуждаемой проблемы кодификации церковнославянского произношения эти правила не играют никакой роли.

[2] В некоторых случаях передача церковнославянского текста гражданской графикой может быть ориентирована на произношение или на простоту правил транслитерации, и этим определяется необходимость специальных оговорок, касающихся чтения определенных буквосочетаний, или отсутствие таковых. Так, стих Пс. 54: 22 записывается в гражданской графике двояким образом: «Разделѝшася от гнéва лицá Егó, и приблѝжишася сердцá их, умя́кнуша словесá их пáче елéа, и та суть стрéлы» или «Разделѝшася от гнéва лицá Егó, и приблѝжишася сердцá их, умя́кнуша словесá их пáче елéя, и та суть стрéлы». При выборе первого варианта записи (*елеа*) необходимо в правилах чтения оговорить, что *а* после *е* (а также *и*) читается как *я*; при выборе второго варианта (*елея*) придется формулировать специальное контекстное правило транслитерации.

[3] Впрочем, возможно, удобнее исходить из отдельно задаваемых нормативных правил чтения церковнославянского текста «по слогам», после чего каждый слог может быть записан средствами русской гражданской графики.

слогах и оглушения звонких шумных согласных на конце слова. Напротив того, правила чтения групп согласных обычно не упоминаются; лишь изредка говорится, что в группах согласных нет ассимиляции по глухости–звонкости или что все согласные должны читаться (т. е. нет так называемых «непроизносимых» согласных). Наконец, иногда даются особые правила, касающиеся чтения отдельных букв, например буквы *г*: указывается, что она никогда не читается как [v]; в специальных случаях обсуждается выбор между чтением [g] или [γ].

При этом есть целый ряд моментов, не нашедших отражения в существующей кодификации при вариативности в узусе. Сюда относятся, например, способ чтения диграфа *жж* (в словах типа *всесожжение*), возможность произношения твердого согласного перед *е* (в словах типа *Едем* ‘Эдем’), возможность произношения нейотированного [э] на месте буквы *е* в начале некоторых имен собственных (типа *Едем*, *Есфирь*, *Емилия*, *Еммануил*), произношение [с] или [з] на месте буквы *с* перед сонорными в некоторых словах[4] (например *кафисма* или *Исмаил*).

Кроме того, в некоторых случаях кодификация особых церковнославянских правил чтения не вполне устоялась, наблюдаются расхождения между нормативными рекомендациями, и эти расхождения проникают и в учебную литературу. Так, в одном из учебников церковнославянского языка [Миронова 2014: 17] говорится: «В церковнославянском чтении оглушение звуков не допускается: нужно произносить слова, четко выговаривая конечный звонкий согласный или звонкий согласный, стоящий в слове перед глухим: <…> Это получится скорее, если вслед за конечным звонким согласным выговаривать, к примеру, коротенький гласный призвук [э]: [дубэ], [возэ], [врагэ]».

С другой стороны, учебник [Воробьева 2008: 41–42] предостерегает: «Оглушения и озвончения согласных также следует по возможности избегать, но без чрезмерного усердия (не делая ненужных пауз для этого и не вставляя гласного призвука), отвлекающего молящихся».

Реальная практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собой компромисс между правилами чтения церковнославянского текста и навыками чтения русского текста[5]. При этом отклонения от строгих правил чтения могут оцениваться по-разному и по-разному располагаться на шкале нормативности (рекомендуется — допустимо — не рекомендуется — неправильно — грубо неправильно); впрочем, на практике шкала нормативности применительно к церковнославянскому языку, как правило, не используется.

Особенности региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов могут быть представлены посредством модификации представления церковнославянского текста средствами современной графики. Так, вариант чтения, который до сих пор распространен на Западной Украине и используется в Польской

[4] В слове *Израиль* при раскрытии титла устойчиво пишется буква *з*, и это определяет произношение.

[5] Следует специально подчеркнуть, что, когда церковнославянские элементы включаются в звучащую русскую речь, они произносятся в соответствии с правилами русского произношения (в котором предусмотрены произносительные особенности некоторых церковнославянизмов).

Православной Церкви (возможно, наряду с другими вариантами чтения), предполагает, что букве **ѣ** ставится в соответствие не *е*, а *і*; при этом в прочих отношениях часто используется русская, а не украинская графика. Приведем в качестве примера церковнославянский текст Символа веры с параллельным украинским переводом из пособия, изданного Львовской епархией УПЦ МП (http://orthodox.lviv.ua/books/dogmat.htm)[6]:

	Церковно-слов'янська мова	**Пояснення українською мовою**
1 член:	Вірую во Единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли видимым же всім и невидимым.	Вірую во Єдиного Бога Отця, Вседержителя, Творця неба і землі, всього видимого і невидимого (до невидимого світу належать ангели та душі всіх людей, живих та вже померлих).
2 член:	И во Единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всіх вік, Світа от Світа, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша	(Вірую) і во Єдиного Господа Ісуса Христа, Сина Божого, Єдинородного, що від Отця народженного перш за всі віки, Світла від Світла, Бога істинного від Бога істинного, рожденного, несотвореного, одного єства з Отцем, через Котрого все створено;
3 член:	Нас ради человік и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловічшася;	Для нас людей і для спасіння нашого зійшов з небес, прийнявшого тіло (плоть) від Духа Святого і Марії Діви, і ставшого людиною;
4 член:	Распятого же за ны при Понтійстем Пилате, и страдавша, и погребенна;	Розіп'ятого за нас при Понтії Пілаті, страдавшого і погребенного;
5 член:	И воскресшаго в третий день, по писанієм;	Який воскрес в третій день згідно з писаннями (пророцькими у Старому Заповіті);
6 член:	И восшедшаго на небеса и сидяща одесную Отца;	І що зійшов на небеса і сидить праворуч від Отця;
7 член:	И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца.	І який знову має прийти зі славою судити живих і мертвих, царству Його не буде кінця.
8 член:	И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.	(Вірую) і в Духа Святого, Господа, Який дає життя, Який від Отця походить, якому поклоняємось і якого прославляємо нарівні з Отцем і Сином, Котрий говорив через пророків.
9 член:	Во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь.	(Вірую) і во єдину святу, соборну (вселенську) і апостольську Церкву.
10 член:	Исповідую едино крещение во оставление гріхов.	Ісповідую єдине хрещення для прощення гріхів.
11 член:	Чаю воскресения мертвых.	Чекаю воскресіння мертвих.
12 член:	И жизни будущаго віка. **Аминь.**	І життя майбутнього віку. **Істинно так.**

[6] Обратим внимание на то, что текст не акцентуирован.

Очевидно, что запись церковнославянского текста средствами гражданской графики осуществлена носителем русского языка. Он употребляет букву *и* в соответствии с русской графической системой (союз *и*, первая буква в слове *истинна*), использует букву *ы*, отсутствующую в украинской графике (*Сына*), пишет *е* в начале слова, так что единственным отличием от принятой русской записи гражданским шрифтом оказывается последовательное употребление буквы *і* в соответствии с церковнославянским ѣ. Однако и это выдерживается не абсолютно: по меньшей мере в двух случаях автор записи (скорее всего, в силу своих навыков носителя «стандартного» русского чтения церковнославянских текстов) ставит в соответствие букве ѣ не *і*, а *е*: в сочетании *воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы* (вместо *Марии Дівы* или *Маріи Дівы*, как следовало бы писать в соответствии с избранными им принципами) и в сочетании *при Понтійстем Пилате* (вместо ожидаемого *Пилаті*). Можно заметить еще одно отличие от «стандартной» русской записи: в тех случаях, когда в церковнославянском тексте используется *і* десятеричное, автор записи иногда (но не всегда!) сохраняет его, не заменяя на *и* как в «стандартной» русской записи (на чтение, впрочем, это не влияет).

Иногда, впрочем, используется и «украинизированная» запись церковнославянского текста, и тогда текст должен читаться в соответствии с правилами чтения текста, записанного украинской графикой. Например:

> Вірую во єдинаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу і земли, видимим же всім, і невидим. І во єдинаго Господа Ісуса Христа, Сина Божія, єдинороднаго, іже от Отца рожденнаго прежде всіх вік: Світа от Світа, Бога істинна от Бога істинна, рожденна, не сотворенна, єдиносущна Отцу, Імже вся биша. Нас ради человік, і нашего ради спасенія сшедшаго с небес, і воплотившагося от Духа Свята і Марії Діви, і вочоловічшася. Расп'ятаго же за ни при Понтійстім Пилаті, і страдавша, і погребена. І воскресшаго в третій день по Писанієм. І возшедшаго на небеса, і сідяща одесную Отца. І паки грядущаго со славою, судити живим і мертвим, Єгоже Царствію не будет конца. І в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, іже от Отца і Сина ісходящаго, іже со Отцем і Сином споклоняєма і сславима, глаголавшаго пророки. Во єдину Святую, Соборную і Апостольскую Церковь. Ісповідую єдино крещеніє, во оставленіє гріхов. Чаю воскресеніє мертвих. І жизни будущаго віка, Амінь. (https://vk.com/club73077465)[7]

Как легко видеть, это транслитерация церковнославянского текста посредством украинской гражданской графики (отвлечемся от нескольких опечаток, например от гаплологии в форме *невидим* вместо предполагаемого *невидимим*).

Для описания чтения в русских приходах за границей иногда удобно использовать алгоритм практической транскрипции церковнославянского текста средствами языка окружения — разумеется, когда язык окружения пользуется буквенным (как правило, латинским) письмом.

---

[7] Обратим внимание на то, что это католический символ веры (с filioque). Этот текст тоже не акцентуирован.

Отдельную задачу составляет описание соотношения нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Эта проблема практически не ставилась в лингвистическом ключе. Здесь необходима обработка представительного корпуса материалов. Пока мы располагаем, с одной стороны, практическими нормативными рекомендациями, которые обычно делаются людьми, далекими от лингвистики, а с другой — профессионально выполненными лингвистическими описаниями существующего узуса (здесь в первую очередь следует назвать книгу [Прохватилова 1999] и проницательные статьи [Янко 2010; Ianko 2011]), авторы которых воздерживаются от прескрипций.

Особняком стоит серия лекций С. А. Наумова [http://tv-soyuz.ru/peredachi/bukva-v-duhe-tserkovnoslavyanskaya-gramota], в которой, давая лингвистический разбор особенностей церковнославянского языка в его отличии от современного русского, автор не уклоняется от того, чтобы дать свои рекомендации и выразить собственные воззрения, не оставаясь в рамках чисто дескриптивного подхода (к концу ноября 2017 было прочитано 267 лекций). Однако иногда рекомендации даются несколько прямолинейно, автор практически не использует шкалу нормативности, а популярный жанр не всегда позволяет автору дать аргументированное обоснование предлагаемых рекомендаций.

Среди прочего автор касается и проблем просодии. Приведем названия некоторых лекций: «Паузы», «Синтагмы в церковнославянском языке», «Непроективные конструкции в церковнославянском языке», «Мелодика», «Несловесные ударения», «Интонация светская и церковная», «Псаломская погласица»… Всего просодии и смежным проблемам посвящено более сорока лекций, в том числе интонации чтения Апостола — семь лекций, паремийной погласице — четыре лекции, интонации чтения Евангелия — пять лекций. Однако при всей познавательности того, что в этих лекциях сообщается, из них трудно вычленить нормативные рекомендации, которые можно было бы эффективно использовать на практике, в том числе при обучении церковному чтению. В настоящее время более или менее успешное овладение нормами церковнославянской интонации обычно происходит путем слушания опытных чтецов и подражания им.

Таким образом, кодификация современного церковнославянского произношения пока далека от завершения. Одной из насущных задач представляется расположение на шкале нормативности произносительных явлений, наблюдающихся в узусе. Это позволило бы сделать рекомендации более гибкими и теоретически обоснованными.

Литература

Воробьева А. Г. Учебник церковнославянского языка. М.: ПСТГУ, 2008. 368 с.

Миронова Т. Л. Церковнославянский язык. Изд. 3-е. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 272 с.

Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 362 с.

Янко Т. Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог»'2010 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 609–621.

Yanko T. E. Accent placement principles in Russian // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2011). Iss. 10. M., 2011. P. 712–724.

Alexei D. Shmelev
Moscow Pedagogical State University;
Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences;
St Tikhon Orthodox University
(Russia, Mosocw)
shmelev.alexei@gmail.com

CHURCH SLAVONIC PRONUNCIATION: PROBLEMS OF LINGUISTIC STANDARDS

The article examines theoretical problems of codification of orthoepic standards of Church Slavonic, which constitutes an example of a "sleeping" language, that is, a language, which currently has no native speakers (its oral form reduces to the recitation of written texts). The Church Slavonic orthoepy is essentially the rules for reading aloud the Church Slavonic text. The paper discusses the algorithm of the transition from the written Church Slavonic text to its standard reading, taking into account the peculiarities of regional variants of reading the Church Slavonic texts aloud. It poses the question as to whether it is possible to use the civil alphabet as an intermediate step of such an algorithm. It claims that the existing codification does not reflect the variation of standards as well as the problems of describing the ratio of normative intonation and the usage in reading aloud Church Slavonic texts. The actual practice is a compromise between the rules for reading the Church Slavonic text (especially as the orthoepic recommendations sometimes vary in different textbooks) and the reading skills of the Russian speakers. The article substantiates the necessity of introducing a normative scale of Church Slavonic orthoepy.

Key words: "sleeping" language, orthoepy, codification of linguistic standards, rules for reading, regional variation, intonation, prosody

References

Mironova T. L. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic]. Moscow, Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) Publ., 2014. 272 p.

Prokhvatilova O.A. *Pravoslavnaia propoved' i molitva kak fenomen sovremennoi zvuchashchei rechi* [Orthodox Sermon and Prayer as a Modern Speech Phenomenon]. Volgograd, Volgograd St. Univ. Publ., 1999. 362 p.

Vorob'eva A.G. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Handbook of Church Slavonic]. Moscow, St. Tikhon Orthodox Univ. Publ., 2008. 368 p.

Yanko T.E. [Prosody of sentences with no illocutionary force]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»'2010 po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam.* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2010)]. Iss. 9. Moscow, 2011. P. 609–621. (In Russ.)

Yanko T.E. Accent placement principles in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2011)*. Iss. 10. Moscow, 2011. P. 712–724.

М. А. Штудинер
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
studiner@mail.ru

ОРФОЭПИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА. ОПЫТ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматриваются вопросы формирования словника специализированного словаря для радио- и тележурналистов, разъясняется подход автора к проблеме вариантности в эфире, отраженный в структуре словарных статей. Мотивируется выбор применяемых в словаре произносительных и грамматических помет, обосновывается необходимость в некоторых случаях включения в словарные статьи конкретных выражений (пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний и т. п.) или пояснений энциклопедического характера. В работе также обосновывается полезность использования орфоэпического словаря для российских радио- и тележурналистов в практике преподавания русского языка как иностранного. Обучение иностранным языкам, особенно на начальных этапах, предполагает выбор предпочтительного варианта произношения или ударения. При издании художественных текстов и других материалов, предназначенных для изучающих русский язык как иностранный, традиционно принято обозначать ударение во всех словах. По мнению автора, российские лексикографические издания для работников эфира могут успешно применяться в качестве справочных пособий в практике преподавания русского языка как иностранного. В статье высказывается предложение о создании мобильного орфоэпического словаря для журналистов, работающих у микрофона, объясняется, чем и почему этот словарь должен отличаться от традиционных лексикографических изданий по орфоэпии, и приводятся примеры словарных статей для такого словаря.

Ключевые слова: акцентные варианты, произносительные варианты, грамматические варианты, орфоэпия, ударение, произношение, словарь трудностей русского языка

«Словарь трудностей русского языка для работников СМИ» [Штудинер 2016] опирается на представление об орфоэпии как науке, «которая изучает **варьирование** произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные

рекомендации (орфоэпические правила)» [Панов 1979: 195]. Поэтому в словник словаря включены все случаи вариантности, вызывающие затруднения у носителей современного русского языка. Прежде всего это группы слов, существующих в языке как совокупность акцентных вариантов:

1) слова, имеющие акцентные варианты, фиксируемые словарями, например: **глубокО** и **глубОко**, **по средАм** и **по срЕдам**, **ФлорИда** и **ФлОрида**, **Шри-ЛанкА** и **Шри-ЛАнка**;

2) слова, испытывающие в речевой практике колебания в ударении, т. е. слова, имеющие акцентные варианты, не отражаемые словарями или квалифицируемые ими как неправильные, например: формы косвенных падежей существительных **вред**, **герб** — **вредА**, **о вредЕ** (ср.: врЕда, о врЕде), **гербА**, **о гербЕ** (ср.: гЕрба, о гЕрбе); топонимы **БалашИха** (ср.: БалАшиха), **Великий Устюг** (ср.: ВелИкий УстЮг);

3) имена собственные, которые в энциклопедических словарях даются с ударением, не соответствующим русской традиции, например: **БалатОн**, **ВашингтОн**, **МарлОн БрандО**, **ИогАнн ГутенбЕрг** (ср. в энциклопедических изданиях: БАлатон, ВАшингтон, БрАндо, ГУтенберг);

4) слова, в акцентном облике которых к началу XXI в. произошли изменения, не нашедшие пока отражения в большинстве словарей или вообще не зафиксированные другими лексикографическими изданиями, например: **аранжировАть**, **исчерпАть**, **минусовОй**;

5) слова, просторечные, т. е. не соответствующие литературной норме, акцентные варианты которых широко распространены, например: **танцОвщица** (ср.: танцовщИца), **ходАтайствовать** (ср.: ходатАйствовать), **БОстон** — США, город (ср.: БостОн);

6) слова, для которых характерен разнобой в рекомендациях словарей, например: **пОедом есть** (ср.: поедОм есть), **траттОрия** (ср.: тратторИя), гос-во **КАтар** (ср.: КатАр), **Сент-ЛУис** (ср.: Сент-ЛуИс);

7) слова, не вошедшие пока в другие лексикографические издания, например: **рУфер, сЕмплер**, **тирамисУ**, **Ангела ДоротЕя МЕркель**, **БарАк ХусЕйн ОбАма**.

В словаре представлены также слова, в которых есть какие-либо произносительные трудности, например: **диЕта** или **диЭта**, **загАдочный** или **загАдошный**, **одноимённый** или **одноимеЕнный**, **тЕнор** или **тЭнор**, **МарсЭль** или **МарсЕль**?

В словарь вошли также слова с какими-либо грамматическими трудностями, например: **без погОн** или **без погОнов**, **инспЕкторы** или **инспекторА**, **он мАшет** или **он махАет**, **жить в ПередЕлкине** или **жить в ПередЕлкино**, **из «МанчЕстер ЮнАйтед»** или **из «МанчЕстера ЮнАйтед»**, **заявлЕние МИД** или **заявлЕние МИДа**?

В словаре даются **равноправные** акцентные и произносительные варианты — акцентные и произносительные разновидности одного и того же слова, в одинаковой степени соответствующие литературной норме [Аванесов (ред.) 1997: 5–6]. Эти варианты, по мнению автора, являются актуальными в настоящее время. Причем

на первом месте дается вариант, рекомендуемый для эфира (в печатном издании этот вариант кроме того выделяется цветом). Например:

мАркетинг *и* **маркЕтинг**
прИгоршня *и* **пригОршня**
террОр, -а [те *и* тэ]
США [сэ-шэ-А *и* сша], *нескл.*, *мн.*
ФлорИда *и* **ФлОрида**

Традиция рекомендовать для использования на радио и телевидении только один вариант ударения или произношения идет от первых орфоэпических изданий, адресованных работникам эфира. Эта традиция опирается на работы отечественных русистов конца XIX — первой половины XX в., для которых было характерно стремление возвести в ранг нормативного лишь один из сосуществующих вариантов.

Акцентные и произносительные варианты, вышедшие из употребления или использующиеся редко, в словаре не даются. В некоторых лексикографических изданиях, вышедших в последние годы, указываются два варианта ударения, например для следующих слов: **йОгурт** *и* **йогУрт**, **топинАмбур** *и* **топинамбУр**, **трАпеза** *и* **трапЕза**, **фейхоА** *и* **фейхОа**, **АйдАхо** *и* **Айдахо**, **АйОва** *и* **Айова**. В данном издании в этих и подобных случаях дается только один вариант: **йОгурт**, **топинАмбур**, **трАпеза**, **фейхоА**, **АйдАхо**, **АйОва**.

Один вариант дается и для имен собственных иноязычного происхождения, ударение в которых имеет устойчивую русскую традицию вопреки рекомендациям энциклопедических изданий и некоторых ориентирующихся на них лингвистических словарей. Автор стремился последовательно реализовать в данном издании простой принцип: «Правильно так, как по-русски». Поэтому рекомендуются, например, следующие акцентные варианты: **ВисбАден**, **ЛихтенштЕйн**, **ЛеонАрд БернстАйн**, **Тур ХейердАл**. В этих и подобных случаях для энциклопедических словарей характерен формально-этимологический подход: не учитываются сложившиеся на русской почве — в результате действия акцентологических закономерностей русского языка — традиции, ср.: ВИсбаден, ЛИхтенштейн, БЕрнстайн, ХЕйердал.

Выбор одного фонетического варианта осуществлен и в тех случаях, для которых в энциклопедических словарях предлагаются варианты транслитерации, например: **РабиндранАт ТагОр (ТхакУр)**, **ВильгЕльм ХАуф (ГАуф)**; при этом предпочтение всегда отдается традиционному для русского языка варианту произношения того или иного имени собственного: **РабиндранАт ТагОр**, **ВильгЕльм ГАуф** (скАзки ГАуфа).

В словаре предпринята попытка выбрать предпочтительный вариант из произносительных разновидностей слова, закрепленных в орфографии, например: **матрАс** — ср.: матрАц, **ТелемАх** — ср.: ТелемАк.

При выборе единственного рекомендуемого варианта ударения или произношения и варианта, помещаемого на первом месте среди равноправных, учитывалась частотность вариантов в живой литературной речи и их соответствие

культурно-языковой традиции: предпочтение, как правило, отдавалось наиболее употребительным традиционным литературным акцентным и произносительным вариантам. Однако в некоторых, чрезвычайно редких случаях автор намеренно рекомендует варианты, о которых нельзя сказать, что они более широко распространены в современной русской речи, чем те, которым не отдается предпочтение. Это варианты, употребляемые (по терминологии О. Б. Сиротининой) «носителями элитарного типа речевой культуры» (Сиротинина 2001: 314–317). Так, в словаре указываются в качестве предпочтительных варианты **нЕ дал**, **обе сторонЫ**, менее частотные, чем варианты **не дАл**, **обе стОроны**. Это делается для того, чтобы словарь способствовал сохранению еще живых традиционных образцов русского ударения, представленных в настоящее время в речи еще довольно большого числа культурных людей.

Пары типа **призЕмный — приземнОй** рассматриваются автором как акцентные варианты слова, и поэтому в словаре в этом и подобных случаях также указывается предпочтительный вариант, тот, который — по результатам специальных исследований — является более употребительным.

В необходимых случаях приводятся стилистические акцентные варианты, например: **девИца**, *но в нар.-поэтич. речи* — **крАсна дЕвица**, **дЕвица-красАвица**.

В словаре даются равноправные грамматические (**парафрАз** *и* **парафрАза**, **стАвень** *и* **стАвня**, **дЕсятьангстрЕм** *и* **дЕсять ангстрЕмов**) и словообразовательные (**короткошёрстный** *и* **короткошёрстый**, **нАртенный** *и* **нАртовый**) варианты.

В словаре содержатся некоторые просторечные и диалектные слова, часто употребляющиеся в живой речи культурных людей как средство языковой игры или использующиеся как характерологическое средство в радио- и телепередачах.

Для простоты в словаре не разграничиваются омонимы и многозначные слова при отсутствии у них различий в месте ударения. В обоих случаях используется помета *во всех знач.*, например: **губА**, -Ы, губУ; *мн.* гУбы, губ, губАм (*во всех знач.*).

Конкретные выражения (пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания и т. п.) приводятся у слов, которые имеют в них какие-либо акцентные особенности, например: **грош**, грошА; *но*: нЕ было ни грОша, да вдрУг алтЫн (пословица); *мн.* грошИ, -Ей; **груздь**, груздЯ, груздём; *но*: назвАлся грУздем — полезАй в кУзов (пословица); *мн.* грУзди, груздЕй.

Пояснения энциклопедического характера даются по возможности кратко, причем только в тех случаях, когда это нужно, чтобы помочь читателю убедиться, что он нашел в словаре именно те слова, ударение в которых его интересует, например: **пАволока** (ткань); замОрская пАволока — **поволОка** (пелена); глазА с поволОкой; **МЕмфис**, -а [мэ] (США, гор.) — **МЕмфис**, -а [мэ] *и* **МемфИс**, -а [мэ] (др.-егип. гор.).

Произносительные рекомендации даются в квадратных скобках упрощенно, с помощью орфографических приемов, причем только в тех случаях, для которых, как правило, возможен осознанный выбор варианта произношения и оно не вытекает из написания и свойственных русскому языку правил чтения того или иного

сегмента слова. Фонетические явления, для которых характерна высокая степень автоматизированности в речи, в словаре не обозначаются: например, не указывается ассимилятивное смягчение согласных и т. п.

Обозначение твердости-мягкости согласных в позиции перед гласным [э] на месте орфографических сочетаний с буквой *е*. В исконно русских словах гласный [э] выступает только после мягких согласных. В словах иноязычного происхождения гласный [э] на месте буквы **е** может произноситься как после мягких, так и после твердых согласных. Сочетания типа [те] указывают на мягкость согласного, а сочетания типа [тэ] — на его твердость, например:

дЕльта, -ы [дэ]; **террОр**, -а [те *и* тэ]; **БрюссЕль**, -я [сэ].

Буквы **е** и **э** обозначают соответственно только мягкость и твердость предшествующего согласного и не несут информации о качестве гласного. Например, в следующих словах после согласного [н] произносятся разные гласные звуки (в зависимости от их положения по отношению к ударному слогу), а с помощью сочетания [нэ] обозначается только твердость согласного:

энЕргия, -и [нэ]; **энергЕтика**, -и [нэ]; **энергетИческий** [нэ].

Во многих случаях мягкость согласного перед гласным [э] на месте орфографических сочетаний с **е** в словаре никак не обозначается, так как она вытекает из свойственных русскому языку правил чтения, например:

девИз, -а; **компОстер**, -а; **ТехАс**, -а.

В словаре обозначаются также следующие фонетические явления:

1) произношение звука на месте буквы **е** без йота, например: **ариЕтта**, -ы [иэ]; **проЕкт**, -а [эк]; йотированный звук в большинстве случаев специально не обозначается, так как его произношение обусловлено правилами чтения, например: **клиЕнт**, -а;

2) звукосочетание [шн] на месте орфографического **чн**, например: **конЕчно** [шн]; **порЯдочный** [шн *и* чн]; отсутствие пометы [шн] означает, что слово рекомендуется произносить в соответствии с написанием — со звукосочетанием [чн], например: **достАточно**, **загАдочный**;

3) отсутствие качественной редукции безударных гласных в некоторых словах иноязычного происхождения, например: **бомОнд**, -а [бо *и* ба];

4) упрощение групп согласных, например: **звёздчатый** [щ]; **здрАвствовать**, -твую, -твуешь [аст]; **ландшАфт**, -а [нш]; **лЕстничный** [сн]; **методИстский** [сск]; **счЕрченный**, -ен, -ена, -ено, -ены [шьч];

5) звонкий щелевой согласный, произносящийся в некоторых словах, например: **бухгАлтер**, -а [буһа];

6) особенности произношения согласных, обусловленные слогоразделом в словах с побочным ударением, например: **мЕжарАбский** [меш/а].

Произносительные пометы даются и в некоторых других случаях.

В корпусе словаря предпочитаются акцентные и произносительные варианты, которые в максимальной степени ожидаются аудиторией, точнее — ее наиболее подготовленной, наиболее грамотной частью. Употребление журналистом вариантов ударения или произношения, которые не совпадают с ожиданиями

радиослушателей и телезрителей, снижает в их глазах престиж журналиста. Сохранение культурно-языковых традиций сочетается в словаре с принятием тех новшеств, которые стали устойчивыми и широко распространенными в речи образованных людей нашего времени. Например, в «Словаре трудностей» находим словарную статью: «*харАктерный* (в сценическом искусстве); *харАктерный актёр*; *харАктерная роль*; *харАктерный танец*», а в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» читаем: «*характЕрный… ХарактЕрные танцы*. *ХарактЕрные роли…*» [Шведова (ред.): 2007: 1061].

В современной лингвистике вариантность рассматривается как важнейшее универсальное свойство языков. Наличие вариантов ударения, вариантов произношения или грамматических вариантов — благо для языка: вариантность позволяет языку плавно, безболезненно переходить от одного состояния к другому.

Однако есть такие сферы употребления языка, в которых наблюдается стремление к использованию только одного акцентного или произносительного варианта. Особенно остро вопрос о выборе варианта ударения или произношения стоит перед журналистами, работающими у микрофона. Разнобой в речи радио- и тележурналистов, особенно в рамках одной и той же передачи, весьма нежелателен, так как он приводит к переключению внимания аудитории с содержания на форму. Поэтому в России для работников эфира и издаются специальные орфоэпические словари.

Преподавание иностранных языков, особенно на начальных этапах обучения, также предполагает выбор предпочтительного варианта произношения или ударения. Выбор акцентного варианта особенно существен в преподавании языков со свободным и подвижным ударением. К таким языкам относится и русский.

При издании художественных текстов и других материалов, предназначенных для изучающих русский язык как иностранный, традиционно принято обозначать ударение во всех словах. Поэтому и издателям учебной литературы приходится решать проблему акцентной вариантности. По нашему мнению, орфоэпические словари для радио- и тележурналистов могут успешно применяться в качестве справочных пособий в практике преподавания русского языка как иностранного.

В этом году нами подготовлен **мобильный орфоэпический словарь** «1500 словоформ», т. е. приложение для мобильных телефонов, которое опирается на те же научные принципы, что и «Словарь трудностей русского языка для работников СМИ», но существенно отличается от него по характеру словника. Мобильный орфоэпический словарь адресован радио- и тележурналистам, находящимся в пути, выполняющим редакционные задания в командировках, всем спешащим оперативно подготовить выпуски новостей, быстро (быстрее, чем в электронных версиях больших словарей!) найти формы слов, ударение в которых или их произношение, а также сама грамматическая форма наиболее часто, как показывает мониторинг, вызывают сомнения. Например, мобильный словарь указывает, что речевому обычаю культурных людей соответствуют акцентные варианты **(в) аэропОртах, включАт(ся), включЁнный, мьянмАнцы**. Из всей совокупности форм имени существительного **цена** в отличие от традиционных орфоэпических справочников

в мобильном словаре дается только форма винительного падежа единственного числа **цЕну**, потому что именно она часто употребляется с ошибочным ударением. А для слова **цепь** приводится несколько падежных форм, испытывающих колебания в ударении: **(в) цепИ, (к) цЕпи, (на) цепИ, (о) цЕпи, (по) цепИ, (с) цепИ**.

В мобильном словаре используется простая система помет, которые будут понятны людям, не имеющим опыта работы со словарями, например: **нАчало (*глагол*), облЁкший [*не* ле], сЕти (*род. пад. ед. ч.*), (в) сЕти (*предл. пад. ед. ч.*).**

В словарь включены и имена собственные, испытывающие колебания в произношении, в ударении или в склонении: **АльмодОвар ПЕдро [пэ], НЕнецкий Округ, ДанЕлией ГеОргием [нэ]** (последний пример показывает, что в эфире предпочтителен склоняемый вариант фамилии выдающегося кинорежиссера).

Литература

Аванесов Р. И. (*ред*.). Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Изд. 6-е. М.: Русский язык, 1997. 706 с.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.

Сиротинина О. Б. Типы речевых культур и проблема кодификации норм // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 314–317.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2016. 592 с.

Mikhail A. Shtudiner
Lomonosow Moscow State University
(Russia, Moscow)
studiner@mail.ru

ORTHOEPY FOR JOURNALISTS. ON CREATING A SPECIALIZED DICTIONARY

The article looks at how the contents of the specialized dictionary for radio and TV journalists were formed; clarifies the author's approach to the problem of coexisting pronunciation variants on radio and TV, as well as the way this approach is reflected in the structure of the dictionary's entries. It also focuses on the motivation behind the choice of pronunciation and grammar notes used in the dictionary, and justifies the inclusion of particular collocations and encyclopedia-type glosses into the dictionary's entries. The

article discusses the process of using an orthoepic dictionary for Russian radio and TV journalists in teaching Russian language to foreigners. Teaching foreign languages, especially at an early stage, presupposes choosing a preferable pronouncing or accentual variant. When publishing literary texts and other materials, aimed at people studying Russian, it is customary practice to add accentual symbols to every word. The author believes that Russian lexicographic publications for radio and TV journalists can be successfully used as reference materials by teachers of Russian as a foreign language. The article expresses a suggestion to create an orthoepic dictionary for journalists working on air; it explains the differences of such a dictionary from traditional lexicographic orthoepic publications and showcases some entries for such a dictionary.

Key words: accentual variants, pronouncing variants, grammar variants, orthoepy, accent, pronunciation, dictionary of difficulties in Russian language

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepichesky slovar' russkogo yazyka. Proiznosheniye, udareniye, grammaticheskiye formy* [Orthoepic Dictionary of Russian Language. Pronunciation, Accentuation, Grammar Forms]. 6th edition. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1997. 706 p.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 256 p.

Shtudiner M. A. *Slovar' trudnostej russkogo yazyka dlia rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskiye formy* [Dictionary of Difficulties in the Russian Language for Mass Media Employees]. Moscow, Slovari XXI veka Publ., 2016. 592 p.

Shvedova N. Y. (ed.). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proishozhdenii slov* [Defining Dictionary of the Russian Language Including Etymological Data]. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Sirotinina O. B. [Types of Speech Cultures and the Problem of Norms Codification]. *Slovar' i kultura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnia rozhdenia S. I. Ozhegova* [Dictionary and the Culture of Russian Speech. Towards the 100th Anniversary of S. I. Ozhegov]. Moscow, 2001. P. 314–317. (In Russ.)

ПРОСОДИКА

А. Д. Андреева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
joknapatofa@mail.ru

ЗВУКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ КЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ: ВЛИЯНИЕ ПРОСОДИЧЕСКОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

В статье на примере клитической частицы *вот* рассматривается влияние просодического выделения на сегментный состав частиц. Частицы и акцентное выделение выполняют одинаковую роль в высказывании. Для клитических частиц в рамках исследования было выявлено шесть функционально дифференциальных позиций, связанных с просодическим выделением: 1) акцентное выделение слова, к которому относится частица; 2) акцентное выделение синтагмы, в состав которой входит частица; 3) нейтральное произнесение сегмента, в состав которого входит частица; 4) частица в начале или в абсолютном конце фразы перед паузой под фразовым ударением; 5) частицы как заполнители пауз хезитации; 6) клишированные конструкции, в состав которых входит частица. Клитическая частица *вот* может употребляться во всех перечисленных позициях, связанных с просодическим выделением или невыделением.

Согласно результатам исследования, акцентное выделение (АВ) влияет на качество гласного в частице следующим образом: чем сильнее АВ, тем выше процент произнесения гласного без редукции. Просодически нейтральная позиция *вот* во фразе провоцирует наиболее сильное колебание в произнесении частицы. Клитические частицы при произнесении с полногласным безударным звуком стремятся как бы показать свою полную независимость; с другой стороны, при редуцированном произнесении в потоке речи они как будто «затираются», делаются незаметными.

Ключевые слова: клитики, частицы русского языка, акцентное выделение, сегментный состав, просодическое выделение, пауза хезитации

Взаимосвязь акцентного выделения (далее АВ) и частиц была зафиксирована более сорока лет назад, поскольку как АВ, так и частицы выполняют одинаковую функцию: «…формируют теневые высказывания, возникающие в перцепции параллельно с исходным высказыванием» [Николаева 1985: 125]. Ряд ученых отмечает,

что значение ряда частиц во многих случаях зависит от интонации их произнесения [Кодзасов 1996; Кобозева 2006]. Как писала И. Д. Матько, «одним из первых свойств, обнаруженных у частиц, была их способность выделять (акцентировать) тот сегмент высказывания, к которому они относятся» [Матько 2008: 18].

Т. М. Николаева отмечала, что отсутствует «прямая смысловая зависимость между наличием частицы и возникновением акцентного выделения» [Николаева 1985: 125]. По мнению Е. А. Стародумовой, частицы обладают «свойством выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии», которую они обозначают [Стародумова 1974: 5].

Некоторые позиции во фразе систематически являются просодически маркированными по сравнению с остальными (сильные фразовые позиции).

Интересно проследить, существует ли связь между АВ и фонетикой частиц. Влияет ли просодическое выделение на нередуцированность произнесения клитических частиц? Р. Ф. Касаткина указывает, что «чем ярче выражен акцент, под которым находится то или иное слово, тем менее вероятна сегментная компрессия этого слова» [Касаткина 2010: 71]. Эту взаимосвязь можно проиллюстрировать на примере клитической частицы *вот*.

С точки зрения просодии Т. М. Николаева делит все частицы на четыре группы [Николаева 1985: 121]:

1. Неакцентируемые и неакцентирующие;
2. Акцентируемые и неакцентирующие;
3. Неакцентируемые и акцентирующие;
4. Акцентируемые и акцентирующие.

Представляется, что частицу *вот* можно отнести к 4-му разряду, однако при этом следует отметить: акцентогенные свойства данной частицы будут проявляться не всегда.

Частица *вот* может выступать как в качестве проклитики, так и энклитики, хотя препозиция более характерна.

Гласная фонема в клитической частице *вот* может реализоваться двумя способами: [вът] и [вот], но ее вокализм не подчиняется формуле Потебни.

Ранее ученые полагали, что полная и редуцированная форма частиц связана с литературным или, соответственно, с разговорным стилем общения [Zwicky 1985]. Однако для русских частиц это замечание не является абсолютно верным.

М. Л. Каленчук относит *вот* к группе частиц, «в которых гласные фонемы реализуются нередуцированными безударными звуками ([вот] *ты́ и делай*). В данном случае частица *вот* является относительной проклитикой» [Каленчук 1993]. В «Словаре структурных слов…» также дается только один фонетический вариант произнесения гласного в частице *вот*: {vot/vod} [Морковин и др. 1997: 61].

С другой стороны, С. В. Кодзасов писал, что редукция в частице *вот* возможна и «отражает существенный сдвиг в лексическом значении» [Кодзасов 2009: 339]. Однако, поскольку исследование Кодзасова было проведено на материале сравнительно небольшого объема примеров, выводы его представляются требующими дополнительной верификации.

Противоречивость сведений по поводу вокализма частицы *вот* явилась причиной проведения фонетического исследования с целью определения системы факторов, влияющих на произношение гласного в частице *вот*, а также выяснения вопроса о количественном соотношении вариантов произнесения.

Материал настоящего исследования был получен в результате анализа данных трех лабораторных фонетических экспериментов (чтение и запись заранее подготовленных текстов); в первом приняли участие 36 информантов, во втором — 32, в третьем — 30. Для выявления возрастных и гендерных различий к участию в исследовании были приглашены москвичи мужского и женского пола в возрасте от 18 до 80 лет.

Для прочтения были подготовлены три различных художественных текста разговорного стиля в форме диалога; такой выбор обусловлен интонационным богатством диалога в сравнении с монологом. Для снижения влияния графики на произношение информантам было предложено прочесть текст перед записью.

В текстах клитическая частица *вот* встретилась 10 раз в различных фонетических, синтаксических и семантических условиях. Также фонетические слова, в состав которых входила частица *вот*, в одних случаях находились под акцентным выделением, а в других — без него.

Всего было получено 314 реализаций частицы *вот*, впоследствии подвергнутых слуховому анализу с целью выявления АВ, а также степени редукции гласного.

Проанализированный материал дает возможность говорить о том, что гласная фонема в частице *вот* произносится без качественной редукции в 78% случаев, несмотря на высокую частотность употребления частицы *вот* в речи всех носителей русского языка. То есть вариант [вът] встречается намного реже — в 22% (из 314 употреблений с редукцией частица была произнесена 69 раз).

Автором данной статьи было выявлено 6 основных позиций, связанных с просодическим выделением клитик. Клитическая частица *вот* может употребляться во всех этих позициях. Из 10 проанализированных употреблений клитической частицы *вот* она находилась в составе фонетического слова в нейтральной с точки зрения проминентности позиции 3 раза.

Позиции частицы *вот* в высказывании, связанные с просодическим выделением

1. Акцентное выделение слова, к которому относится частица:
   — *Вы что-то потеряли? — растерянно спросил Павел.*
   — *Да, перчатку.* ***Вот*** *ведь наказание, именно в этой темноте обронить.*
   — ***Вот такую****?*

Если говорящий акцентирует фонетическое слово, в состав которого входит частица, то гласный произносится без редукции в **75%** случаев.

2. Акцентное выделение синтагмы, в состав которой входит частица:
   Приду и скажу, мол, дочь у тебя красавица растёт, а я человек свободный ведь, присматриваю ***такую вот ладную да скромную****, как у тебя.*

Когда под АВ оказывается целая синтагма, в состав которой входит частица *вот*, то гласный произносится без редукции в **80,5 %** случаев.

3. Нейтральное произнесение сегмента, в состав которого входит частица:

*Они шли молча, и Павел как будто впервые ощущал, как прекрасно **вот** так иногда пройтись с девушкой, по тёмным и душным улицам.* (без редукции в **61 %** случаев).

*Да хоть сразу после занятий, в час, около **вот** этой булочной, сможете?* (без редукции в **68 %** случаев).

*Как тебе такой **вот** вариант?* (без редукции в **43 %** случаев).

Без АВ фонетического слова, в состав которого входит частица, гласный в ней не редуцируется в среднем в **54 %** случаев. В таком положении на качество гласного влияют иные факторы.

4. Частица в начале или в самом конце фразы перед паузой под фразовым ударением

Клитическая частица в абсолютном начале фразы (вместе со словом, от которого зависит) часто находится под фразовым ударением. К. Бонно и С.В. Кодзасов отмечают, что для препозитивно-постпозитивных клитик «препозиция связана с более активной установкой говорящего» [Бонно, Кодзасов 1998: 403]. В таком случае проклитика несет важную смысловую нагрузку и явно выделяется говорящим. В этой позиции сегментная компрессия частиц исключается или сводится к минимуму.

Конец фразы перед паузой часто является сильной фразовой позицией, поскольку по теории речевого акта в финальной части фразы, как правило, находится рема. Т.М. Николаева характеризовала интонацию завершающей части повествовательной фразы «особой мелодической фигурой понижения частоты» [Николаева 2008: 45]. Однако Р.Ф. Касаткина утверждает: «…позиция под фразовым ударением на последнем слове с равной вероятностью может быть как сильной, так и слабой» [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 20]. Е.Н. Макарова в своей диссертационной работе также говорит о необязательности фразового ударения в конце предложения [Макарова 2017]. То есть фонетическое слово, находясь в позиции конца фразы, может быть просодически маркировано. И, на наш взгляд, наличие частиц провоцирует АВ в позиции конца фразы.

В такой ситуации вероятность редукции гласного в частице крайне мала.

Частица в начале или в абсолютном конце фразы перед паузой под фразовым ударением:

*...в ту сторону будет мост, а нам нужно сюда, **вот** так.*

Если речь идет не об АВ как таковом, а о регулярном выделении конца или начала фразы, то гласный в частице *вот* произносится без редукции в **73 %** случаев.

5. «Частица играет роль вводных слов, заполнителей пауз хезитации» [Николаева 1985: 126], нередко такие частицы называют «пустыми». Они «являются информативно избыточными» [Земская (ред.) 1983: 36] и используются говорящими в двух ситуациях: для «заполнения вынужденных в спонтанной речи пауз» [Сиротинина 1974: 71] или бессознательно вводятся в поток речи. В первом случае они обычно находятся перед паузой и являются (как и любые слова перед паузой) ударными. А вот «пустые» частицы, вносимые в речь автоматически и без паузы, «попадая в допустимый междуударный интервал <…> получают слабое ударение» [Земская (ред.) 1983: 36]. И. Д. Матько, следуя за И. М. Кобозевой и А. Н. Барановым, считает, что такое употребление частиц «связано с разного рода ментальными процедурами, в качестве “замедлителей” темпа речепроизводства» [Матько 2008: 114].

Также данные частицы могут выступать в качестве показателя границы фразы: «Частицы берут на себя роль компенсаторов» [Никитина, Пожарицкая 1993: 159].

Как правило, в такой позиции частица несет минимальную смысловую нагрузку и при этом не связана с конкретным словом. АВ не может распространяться на такую частицу, и чаще всего она подвержена редукции, если находится в середине фразы. Оставаясь минимально включенной в высказывание, но находясь в начале фразы, частица реже редуцируется. То есть на качество гласного в клитической частице со значением вводности влияет место частицы в высказывании. «Если частица относится к высказыванию в целом и помещается в его начале, то она не акцентируется <…> Однако фонетика этих частиц полная, после их произнесения часта паузация» [Николаева 1985: 126]. Но эту позицию начала со значением вводности не стоит путать с той позицией начала, когда частица имеет смысловую связь с конкретным словом, находясь под общим фразовым ударением.

Интересно, что, являясь заполнителями пауз, частицы могут просодически выделяться по-разному. Соответственно меняется и сегментная структура частицы. При акцентированности фонетика частиц будет скорее полной, в неакцентированных частицах семантическая нагрузка вводности связана с редукцией.

«Частица играет роль вводных слов, заполнителей пауз хезитации» [Николаева 1985: 126]:

> ***Вот*** *вчера конфеты ей принёс, а ей хоть бы хны…* (без редукции в **100 %** случаев).

Абсолютно теряя значение, *вот* является уже просто заполнителем пауз, в такой ситуации, как видно, темп речи снижается, поскольку человек обдумывает последующую фразу. Следовательно, гласный в клитической частице не редуцируется. Возможно, в данном примере важным является также инициальное положение частицы во фразе.

6. Клишированным конструкциям, в состав которых входит частица, «соответствует заданность интонационного воплощения» [Николаева 1985: 126]. Таких конструкций довольно много в устной спонтанной речи. Т. М. Николаева отмечала,

что один из парадоксов, касающихся частиц, состоит в том что «существуют целые предложения, состоящие из одних частиц» [Николаева 1985: 14], которые понятны и без контекста. Таким клишированным конструкциям свойственна эмоциональность. Как правило, они составляют отдельную фразу, в которой законы обычных интонационных моделей не действуют. Однако нельзя путать подобные клишированные конструкции с обычными, часто встречающимися выражениями, которые в речи подвергаются компрессии, поскольку понятны с первых звуков, например *с кем-нибудь, разве же* и т. п.

Такие клишированные конструкции обычно являются коммуникативами. Часто в состав коммуникативов входит частица *вот* и в ударном, и в безударном положении.

Клишированные конструкции, в состав которых входит частица:

***Вот** тут-то мы и просчитались.*(без редукции в **58 %** случаев)

***Вот** то-то и оно, что никак!* (без редукции в **80 %** случаев)

***Вот** так задача…* (без редукции в **100 %** случаев).

Интересно, что помимо состава и интонации в таких клишированных конструкциях частицы порой также имеют заданное сегментное воплощение. Причем ни на интонацию, ни на сегментный состав таких конструкций положение во фразе не влияет. Как видно, частица *вот* во всех трех фразах стоит в начальном положении, но колебание в произнесении гласного в примерах высоко. Известно, что начало фразы маркировано с точки зрения просодии: «Начало предложения рассматривается в отношении акцента как сильная позиция <…> К началу предложения тяготеют ударные местоимения, наречия-префиксы, частицы» [Елизаренкова 1982: 112]. Однако данные примеры показывают, что это правило не действует на клишированные конструкции.

Как видно по результатам исследования, просодически нейтральная позиция *вот* во фразе провоцирует наиболее сильное колебание в произнесении частицы.

Исходя из данного утверждения и из примеров настоящего исследования, можно сделать вывод, что АВ, несомненно, связано с частицей. Вероятнее всего, АВ влияет на поведение гласных в клитических частицах, причем чем сильнее АВ, тем больше процент произнесения гласного без редукции. Это видно, например, из фраз:

*Приду и скажу, мол, дочь у тебя красавица растёт, а я человек свободный ведь, присматриваю такую **вот** ладную да скромную, как у тебя.* (без редукции в **80,5 %** случаев)

*Как тебе такой **вот** вариант?* (без редукции в **43 %** случаев),

которые различаются только наличием/отсутствием АВ, поскольку в обоих случаях частица *вот* является энклитикой.

Можно также сравнить фразы:

Приду и скажу, мол, дочь у тебя красавица растёт, а я человек свободный ведь, присматриваю <u>*такую* ***вот*** *ладную да скромную*</u>*, как у тебя.* (без редукции в **80,5 %** случаев)

— Вы что-то потеряли? — растерянно спросил Павел.
— Да, перчатку. ***Вот*** *ведь наказание, именно в этой темноте обронить.*
— ***Вот*** <u>*такую*</u>*?* (без редукции в **75 %** случаев).

Из примеров очевидно, что фактор препозиции / постпозиции частицы по отношению к ударному слову имеет меньший вес, нежели сила акцентного выделения.

Таким образом, акцентное выделение не просто связано с частицами, но и влияет на качество гласного в частице, хотя, как видно из данных настоящего исследования, клитическая частица может выделяться просодически, а может находиться в нейтральной интонационной позиции (вместе со словом, от которого зависит).

Как представляется, все выводы, касающиеся клитической частицы *вот*, можно экстраполировать на другие клитические частицы, хотя это утверждение и требует дальнейшего эмпирического подтверждения.

Результаты данного исследования показывают на синхронном уровне колебание в произносительной системе клитических частиц, которые при произнесении с полногласным безударным звуком стремятся, с одной стороны, показать свою независимость, с другой стороны, при редуцированном произнесении в потоке речи как будто «затираются», делаются незаметными.

Литература

Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998. С. 382–443.

Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982. 439 с.

Земская Е. А. (*ред.*). Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983. 239 с.

Каленчук М. Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 32 с.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. (*ред.*). Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. 464 с.

Касаткина Р. Ф. «О силе проминентности» // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI Международной научной конференции 8–10 октября 2010 г. М.: ИРЯ РАН, 2010. С. 70–71.

Кобозева И. М. Учет акцентно-просодического варьирования дискурсивных слов как средство уточнения их семантической структуры // Труды Казанской

школы-семинара по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Вып. 9. С. 107–117.

Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 492 с.

Кодзасов С.В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 97–112.

Макарова Е.Н. Фразовое ударение и порядок слов как средства выделения коммуникативного центра высказывания в испанском языке в сравнении с английским и русским (экспериментально-фонетическое исследование на материале мексиканского варианта испанского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017. 425 с.

Матько И.Д. Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке. Гродно: ГрГУ, 2008. 191 с.

Никитина Е.Н., Пожарицкая С.К. Служебные слова в просодической организации диалектного текста // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г.А. Хабургаева. М., 1993. С. 156–166.

Николаева Т.М. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. М., 2008. С. 43–52.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Наука, 1985. 168 [1] с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Знание, 1974. 144 с.

Скорикова Т.П. Акцентогенные свойства слова: на материале уст. науч. речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1995. 44 с.

Морковин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Т.Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковина. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1974. 24 с.

Zwicky A. Clitics and particles // Language. 1985. Vol. 61. P. 283–305.

Yngve V. On Getting a Word in Edgewise // Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1970. P. 567–577.

Anastasia D. Andreeva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
joknapatofa@mail.ru

THE PROSODIC AND SOUND BEHAVIOR OF RUSSIAN CLITICAL PARTICLES

The study considers the influence of prosodic isolation on the segment composition of particles using the example of a clitical particle *vot*. Particles and prosodic prominence have the same role in an utterance. The question of the connection between

prominence and the behavior of particles is still open. We have identified six functionally different positions related to the prominence of clitical particles: 1) the emphasis on the word to which the particle belongs, 2) accentuation of the syntagma which includes a particle, 3) neutral pronunciation of the segment which includes a particle, 4) particle at the beginning or at the very end of the phrase before the pause under the phrase stress, 5) particles as fillers of pauses of hezatation, 6) clichéd structures which include a particle.

The clitical particle *vot* can be used in all possible positions associated with prominence. The research has shown that accentuation influences the quality of a vowel in a particle: the stronger the prominence, the greater the percentage of pronouncing the vowel without reduction. The prosodically neutral position of *vot* in a phrase provokes the greatest fluctuation in the pronunciation of the particle. Clitical particles without reduced vowels tend to show their independence in the utterance. On the other hand, when the pronunciation of the particle is reduced in the flow of speech, they seem to be "overwritten", become hard to discern.

Key words: clitics, contemporary Russian particles, prominence, segment structure, pause of hesitation

References

Bonno K., Kodzasov S. V. [Semantic change of discourse words and its influence on linearization and intonation (on the example of particles *zhe* and *ved'*)]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of Russian language: experience of contextual-semantic description]. Eds. K. Kiseleva, D. Paiar. Moscow, 1998. P. 382–443. (In Russ.)

Elizarenkova T. Ya. *Grammatika vediiskogo yazyka* [Grammar of Vedic language]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 439 p.

Kalenchuk M. L. *Orfoepicheskaja sistema sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Abstr. dis. ... d-ra filol. nauk [Orthoepic system of the modern Russian literary language. Dr. philol. sci. abstr. diss.]. Moscow, 1993. 32 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. (eds.). *Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskie "ottsy" i "deti" nachala XXI veka* [Russian phonetics in development. Phonetic "fathers" and "children" of the beginning of the 21st century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 464 p.

Kasatkina R. F. ["On the Power of Prominence"]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Phonetics today. Proc. and reports 6th Int. Scien. Conf.]. Moscow, 2010. P. 70–71. (In Russ.)

Kobozeva I. M. [Accounting for the accentually prosodic variation of discursive words as a means to clarify their semantic structure]. *Trudy Kazanskoi shkoly-seminara po komp'yuternoi i kognitivnoi lingvistike* [Proc. of the Kazan School-Seminar on Computer and Cognitive Linguistics]. Kazan, 2006. No. 9. P. 107–117. (In Russ.)

Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Research in the field of Russian prosody]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 492 p.

Kodzasov S.V. [Semantic-phonetic splitting of Russian particles and prosodic information in the dictionary]. *Slovar'. Grammatika. Tekst* [Dictionary. Grammar. Text]. Moscow, 1996. P. 97–112. (In Russ.)

Makarova E.N. *Frazovoe udarenie i poryadok slov kak sredstva vydeleniya kommunikativnogo tsentra vyskazyvaniya v ispanskom yazyke v sravnenii s angliiskim i russkim (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale meksikanskogo varianta ispanskogo yazyka)*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Phrase accent and word order as a means of highlighting the communicative center of an utterance in Spanish in comparison with English and Russian (experimental and phonetic research on the material of the Mexican version of the Spanish). Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 425 p.

Mat'ko I.D. *Kommunikativnye funktsii dickursivnykh modal'nykh chastits vo frantsuzskom jazyke* [Communicative functions of discourse modal particles in French]. Grodno, Grodno St. Univ. Publ., 2008. 191 p.

Morkovin V.V., Luckaja N.M., Bogachjova T.F. et al. *Slovar' strukturnyh slov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian structural words]. Ed. V.V. Morkovin. Moscow, " Lazur'" Publ., 1997. 420 p.

Nikitina E.N., Pozharitskaya S.K. [Function words in the prosodic organization of the dialect text]. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniyu. Pamyati prof. G.A. Khaburgaeva* [Studies on the Slavic historical linguistics. In memory of prof. G.A. Khaburgaev]. Moscow, 1993. P. 156–166. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. [Why don't linguists like "about intonation"?]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S.V. Kodzasova* [Phonetics and non-fonetics. To S.V. Kodzasov's 70th anniversary]. Moscow, 2008. P. 43–52. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. *Funkcii chastic v vyskazyvanii: na materiale slavjanskih jazykov* [Functions of particles in an utterance: on the material of Slavic languages]. Ed. V.N. Toporov. Moscow, Nauka Publ., 1985. 168 [1] p.

Sirotinina O.B. *Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti* [Modern spoken language and its features]. Moscow, Znanie Publ., 1974. 144 p.

Skorikova T.P. *Akcentogennye svojstva slova: na materiale ustnoj nauch. rechi*. Abstr. diss. ... d-ra filol. nauk [Accentogenic properties of the word: on the basis of oral scientific speech. Dr. philol. sci. abstr. diss.]. St. Petersburg, 1995. 44 p.

Starodumova E.A. *Akcentirujushhie chasticy v sovremennom russkom literaturnom jazyke*. Abstr. diss. ... cand. filol. nauk [Accenting particles in modern Russian literary language. Cand. philol. sci. abstr. diss.]. Leningrad, 1974. 24 p.

Zemskaya E.A. (ed.). *Russkaja razgovornaja rech': Fonetika, morfologija, leksika, zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics, morphology, vocabulary, gesture]. Ed. E.A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1983. 239 p.

Zwicky A. *Clitics and particles*. Language. 1985. Vol, 61. P. 283–305.

Yngve V. On Getting a Word in Edgewise. *Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1970. P. 567–577.

Л. Л. Касаткин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rolekas@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА СМЕНЫ МЕСТА УДАРЕНИЯ В СЛОВАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности процесса смены места ударения в формах мн. ч. косв. падежей существительного «камень», род. и дат. п. ед. ч с предлогами существительного «утро», 2-е и 3-е л. наст. вр. глагола «идти». В качестве иллюстрации используются поэтические произведения XVIII–XIX вв., приведенные в Национальном корпусе русского языка: стихотворения В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, И. А. Бунина, А. А. Блока, Н. С. Гумилева, К. Д. Бальмонта, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и др.

Отмечается особенность процесса смены места ударения: при колебании места ударения: ударение на окончании чаще встречается в конце стихотворной строки. Помимо этого, для части примеров выделяется и позиция в начале строки, где, как и в конце строки, процесс смены места ударения идет наиболее интенсивно.

Эти наблюдения позволяют предположить, что, во-первых, проявлению данного языкового процесса способствует сильная фразовая позиция, так как начало и конец строки обычно совпадают с началом и концом фразы, и они привлекают особое внимание говорящих. Кроме того, играет роль и качество гласных, с которых и на которые переносится ударение: более длительный гласный (среднего или нижнего подъема) способствует «перетягиванию» на себя ударения с гласного верхнего подъема, что невозможно в случае, если гласные в данной форме слова одного подъема (и одинаковой собственной длительности).

Ключевые слова: русское литературное произношение, ударение, смена места ударения

У многих слов русского языка в настоящее время или в прошлом место ударения варьируется во всех или в некоторых формах. Это варьирование отражает процесс смены места ударения в данном слове, идущий или прошедший в русском языке. Поэтические произведения помогают увидеть некоторые закономерности этого процесса.

У слова *камень*, как отмечает Н. А. Еськова, в XVIII–XIX вв. «варианты *ка́мней, ка́мням, ка́мнями, ка́мнях* употреблялись чрезвычайно широко»; представлены

у многих авторов. «Эти варианты ударения сохраняются в поэтической традиции XX века» [Еськова 2008: 111]. Хотя нормой современного русского языка считается ударение на окончании в этих формах [Каленчук и др. 2012: 282; Еськова 2015: 305].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ, [www.ruscorpora.ru]) приводит в поэтическом подкорпусе примеры употребления форм косвенных падежей мн. числа: *камней* — 657 примеров, *камням* — 226, *камнями* — 139, *камнях* — 196, всего 1218 примеров. Соотношение этих форм с ударением на корне и на окончании в XVIII–XIX вв. 268:81 = 77:23%, а в XX в. 135:734 = 16:84%. Но еще нагляднее процесс смены ударения на корне на ударение на окончании в этих формах виден на примере разных поэтов.

В. А. Жуковский представлен в НКРЯ 36 примерами этих форм, во всех ударение на корне. Вот некоторые:

Уж никому не будут продавать
Ни золота, ни серебра, ни перлов,
Ни **ка́мней** дорогих, ни риз пурпурных.
<Первое переложение Апокалипсиса>, 1851–1852

И спутнику он скажет: «В старину
Стоял там Базель; эта груда **ка́мней**
В то время церковью Петра была…»
Тленность, 1818

Лучи бросаются златыми полосами,
Горят на белизне разрушенных столпов,
И пеной огненной с кипящими волнами
По **ка́мням** прядают и гаснут на лету.
«От вашего величества давно...», 1819

Дивишься, странник,
Ты этим **ка́мням**?
Подобных много
Близ хижины моей.
Путешественник и поселянка, 1819

В тени шиповников зеленых,
Под **ка́мнями**, под прахом
Лежат они и ветер
Травой над ними шевелит.
Путешественник и поселянка, 1819

И серна, прискакав на шумный в **ка́мнях** ключ,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимает...
Песнь барда..., 1806

Ты скажешь: смерть сидит на этих **ка́мнях**.
А домик наш?.. Взгляни: как будто церковь,
Светлеет на холме, и окна блещут.
Тленность, 1818

В поэтических произведениях А. С. Пушкина, по данным НКРЯ, встречается 9 этих форм, во всех ударение на корне.

Близ **ка́мней** вековых, покрытых желтым мохом
Проходит селянин с молитвой и со вздохом...
Когда за городом, задумчив, я брожу… 1836

Однажды темною порою,
По **ка́мням** берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою...
Руслан и Людмила, 1820

В пустыне / Пробился ключ,
Обложен **ка́мнями** простыми.
В пустыне, 1830

Стихи М. Ю. Лермонтова отражают начавшийся процесс смены места ударения в этих формах слова *камень*. Лермонтов представлен в НКРЯ тридцатью примерами, из них 13 с ударением на корне и 17 — на окончании.

Налево — пропасть; по краям
Ряд красных **ка́мней**, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Измаил-Бей, 1832

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, — пустынная змея
Из-под **камне́й** резвяся выползает...
Аул Бастунджи, 1832–1833

Змея скользила меж **камне́й**;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.
Мцыри, 1839

По **ка́мням** прыгали, шумели
Ключи студеною волной...
Демон: Восточная повесть, 1841

По **камня́м** струится Терек,
Плещет мутный вал...
Казачья колыбельная песня, 1838

Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам и **камня́м**
И по туманным небесам.
Последний сын вольности, 1831

Важная особенность этого процесса смены места ударения — ударение на окончании чаще встречается в конце стихотворной строки. Так, в стихах Лермонтова 8 подобных форм в конце строки, во всех случаях ударение на окончании.

Разные поэты по-разному отражают этот процесс. Так, в НКРЯ у А. Н. Майкова отмечено 20 примеров таких форм, из них 18 с ударением на корне, в том числе 8 в конце строки, и 2 с ударением на окончании в середине строки.

И грот таинственный, откуда струйка вод
Меж **ка́мней** падает, звенит и брызги бьет...
«Всё думу тайную в душе моей питает...», 1840

В могилах тебя отыскали средь пепла и **ка́мней**;
Художник сложил воедино разбитые члены,
Трудяся с любовью, как будто бы складывал вместе
Куски драгоценные писем от милой...
Антики, 1843

Пред солнцем гребень гор снимает свой покров,
Спешит свершить намаз свой нива золотая,
И шелохнулся лес, с кудрей своих роняя,
Как с ханских четок, дождь **камне́й** и жемчугов...
Алушта днем, 1869

Загремело и загрохотало
Вдруг по темным адским подземельям,
Как влетел в него огнедышащий
И скакал по **ка́мням** конь Одинов.
Бальдур, 1870

Добрый конь идет не оступаясь
По корням древесным и по **ка́мням**,
Для него привычен путь пустынный...
Бальдур, 1870

Ставь перед нами из глины кувшины простые
С влагой студеной, почерпнутой в полдень палящий
В этом ручье, что так звонко меж **ка́мнями** льется...
Пустыннику, 1840

Вдруг у ваших ног блеснет
И, как ящерица в **ка́мнях**,
Шаловливо пропадет.
«Мисс! не бойтесь легкой шутки...», 1858–1859

У В. Я. Брюсова 53 примера, из них 36 с ударением на корне, в том числе 2 в конце строки, 17 с ударением на окончании, в том числе 10 в конце строки.

Так стройте призрак жизни новой
Из старых **ка́мней** давних стен.
«Современность грохочет, грозит, негодует...», 1920

Здесь, в стране исканий,
Где века грохочут листвой,
Мысли гениев — реки, и с **ка́мней —**
В непостижность водопад роковой...
«Вот я — обвязан, окован...», 1924

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу! на дне — **камне́й** скользнувших звук!
Цезарь Клеопатре, 1920

И женщина, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых **камне́й**,
И, молча, подойти мне указала.
Приблизился я, как лунатик, к ней...
Лесная дева, 1902

Иль другие вспомни были,
Как со всех концов земли
К этим **ка́мням** подходили,
В пестрых флагах, корабли!
Разговор, 1916

Буйство потока в горах стремится по вымытым **ка́мням**.
О приближении весны, 1907

И лишь дрожат листвою апельсины,
И лишь волна дробится по **камня́м**.
«Торжественно-больное беспокойство...», 1895

Ходят и дерзко поводят плечами,
Ка́мнями, тканями, телом блестя,
Бедрами, шелком шурша, шелестя…
В публичном доме, 1905

И, как **камня́ми**-невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками
Я выстилаю узкий кант.
По грибы, 1916

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен **камня́ми**
Был изогнутый объезд.
«Небо чернело с огнями...», 1899

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на **ка́мнях**, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.
На Готланде, 1906

Жрецы богов, надменны и жестоки,
Считали в храмах груды серебра
И на **камня́х** свои чертили строки;
«И в то же утро солнце пронизало...», 1903

Другие, покорно, на острых **камня́х**
Лежат и грызут иссохшие руки,
Как на прахе брошенный прах...
В пустынях, 1911

У М. А. Волошина 21 пример, из них 7 с ударением на корне (только в середине строки) и 14 с ударением на окончании. У А. А. Блока 13 примеров, из них 5 с ударением на корне в середине строки и 8 на окончании. У И. А. Бунина 22 примера, из них 4 с ударением на корне в середине строки и 18 на окончании. У К. Д. Бальмонта 13 примеров, из них 1 с ударением на корне в середине строки и 12 на окончании. У Н. С. Гумилева 15 примеров, из них 1 с ударением на корне в середине строки

и 14 с ударением на окончании. У В.И. Иванова 13 примеров, из них 1 с ударением на корне в середине строки и 12 с ударением на окончании. У Саши Черного 13 примеров, все с ударением на окончании. У М.И. Цветаевой 12 примеров, все с ударением на окончании.

У слова *утро* в формах род. и дат. падежей ед. числа с предлогами в XVIII–XX вв. прошёл процесс переноса ударения с корня на окончание: *с, до, от у́тра > с, до, от утра́, к, по у́тру > к, по утру́* [Воронцова 1979: 129–131]. **И здесь то же различие: ударение на корне в примерах в начале и середине стихотворной строки и единично в конце строки, ударение на окончании — в начале, в середине и в конце строки.**

НКРЯ приводит 664 примера *с утра*, из них 13 примеров с ударением на корне *с у́тра* во временном значении, все в начале и середине строки. Примеры с ударением на окончании *с утра́* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце.

Соловей не умолкает,
Свищет **с у́тра** до утра́;
Другу милому, он знает,
Петь одна в году пора.
И.И. Дмитриев. «Пой, скачи, кружись, Параша!..» (1795)

От фиалок синеглазых
Небом кажется земля,
С у́тра до́ ночи над розой
Рвется сердце соловья.
М.И. Цветаева. Этери (1940)

С утра́ до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Д.И. Фонвизин. Послание к слугам... (1788)

А для мужчин в буфете было
Еще **с утра́** принесено
В больших трех ящиках вино.
М.Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша (1838)

Она, как втершийся **с утра́**
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.
А.С. Пушкин. На выздоровление Лукулла (1835)

Кроме того, 5 примеров, где у *у́тра* есть зависимые слова, и в таких конструкциях переноса ударения с корня на окончание не происходило. В частности:

С у́тра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Е. А. Баратынский. «Здравствуй, отрок сладкогласной!..» (1841)

Спеет дружная работа:
С у́тра раннего до ночи
Сто работников послушных
Носят камни, возят бревна...
П. П. Ершов. Сузге (1837)

В НКРЯ приведен 541 пример с сочетанием *до утра*, из них 62 примера во временно́м значении с ударением на корне в начале и середине строки и 1 пример в конце строки. Примеры с ударением на окончании *до утра́* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце. В частности:

Проснется за́ полдень, и снова
До у́тра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
А. С. Пушкин. Евгений Онегин (1823–1824)

Но ты останься здесь и больше не тужи,
И просьбу такову **до у́тра** отложи...
В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх (1769)

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу **до у́тра** жечь.
А. А. Ахматова. «Чугунная ограда...» (1921)

Что-то он не пишет
С стороны чужой!
Видно, всё не время,
Много всё забот...
А вот мне **до у́тра**
Сон на ум нейдёт.
Н. П. Огарев. Разлука (1858)

Я прохожий — и от снега
До утра́ ищу ночлега...
А. А. Фет. Метель (1847)

Вчера к развалинам, вдоль этого ущелья,
Скакали всадники — и были зажжены
Костры — и **до утра́** был слышен гул веселья —
Пальба, и барабан, и вой зурны.
Я. П. Полонский. После праздника (1849)

Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться **до утра́**
Под теплой буркой в сон глубокий...
К. Н. Батюшков. К Никите (1817)

Кроме того 6 примеров, где у *у́тра* есть зависимые слова, в частности:

Пусть ярок трепет искры зримой,
Но он лишь миг владеет тьмой,
Где человек — как сев озимый,
До у́тра майского немой!
Ю. К. Балтрушайтис. Раздумье (1913)

Но **до у́тра серого**
у сырого дерева,
темного, сторукого,
плакала старуха...
С. И. Кирсанов. Песня о железнодорожнике (1927)

Пока твой сон — сон девичий —
Спокоен, тих **до у́тра дня**,
Как раз беду наслушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.
А. В. Кольцов. Пора любви (1837)

В сочетании *от утра* — 34 примера, с ударением на корне *от у́тра* 12 примеров в начале и в середине строки, в конце строки нет. Примеры с ударением на окончании *от утра́* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце. В частности:

И всем из Твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, **от у́тра** до утра́.
Г. Р. Державин. Фелица (1782)

На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От у́тра до утра́
Два года всё кружился...
А. С. Пушкин. Городок (1814–1815)

Уж полпути **от у́тра** до полудня
Светило дня неспешно протекло.
М. А. Кузмин. Всадник (1908)

От утра́ и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.
С. А. Есенин. Преображение (1917)

Что ты монахиней живешь
И только **от утра́** до вечера поешь?
А. Е. Измайлов. Горлица и малиновка (1813)

Дажбогова сестра,
Пока он на небе, я гуслям сладкострунным
В чертогах матери внимаю **от утра́**
До ночи сумрака.
А. А. Кондратьев. Дзевана (1910–1936)

Кроме того 1 пример с зависимым словом — определением и 1 в значении указания на предмет как источник, причину состояния природы.

Поля покрылися пушистыми снегами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Как будто крадется невидимой стезей
От у́тра позднего до ранней тьмы ночной.
А. С. Хомяков. Зима (1830)

Не хочешь отдыха и ночлега,
А только — шагать вдоль тишины,
Покуда бело не от солнца — от снега,
Светло не **от у́тра** — светло от луны.
Б. А. Слуцкий. В сорок лет (1961)

В сочетании *к утру* 145 примеров, с ударением на корне *к у́тру* 68 примеров в начале и в середине строки и 1 пример в конце строки. Примеры с ударением

на окончании *к утру́* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце. В частности:

К у́тру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд...
Н. А. Некрасов. Выбор (1867)

Признаться вам, часы летели
И даже дело **к у́тру** шло,
А было на́ сердце светло.
Н. П. Огарев. Юмор (1840–1841)

Ну, что ж вы там еще? — Идемте!
Идем! Идем!.. Да брось его!
Пускай лежит! Очнется **к у́тру**!
А. В. Тимофеев. «Вино нам и друг, и спасенье, и грех...» (1834)

Всю ночь — экспресса шум, как шум шагов,
В окне — заиндевелый бор да поле,
К утру́ — вокзал лохматый, сеть проводов,
В сетях — жар-птицы древних колоколен.
С. А. Обрадович. Старый город (1921)

Перепелки **к утру́** изнывают во ржах,
Рыбы мечут икру на заре в камышах.
А. П. Платонов. Ночь (1919–1922)

И ночь горит, как старый банный сруб,
Занявшийся от ерунды какой-то,
Насилу побежденная **к утру́**
Из поданных бессонницей брандспойтов.
Б. Л. Пастернак. Двадцать строф с предисловием (1925)

В сочетании *по утру* 21 пример, с ударением на корне *по у́тру* 9 примеров в начале и в середине строки. Примеры с ударением на окончании *по утру́* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце (возможно, и *по́ утру*). В частности:

По у́тру сладко дремлет он,
Читая листик *Инвалида*;
Весь день веселью посвящён,
А в ночь — вновь царствует Киприда.
А. С. Пушкин. К Щербинину (1819)

Теперь не праздничаем мы, —
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем **по у́тру** с петухами...
Н. М. Языков. К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву (1826)

По утру́ да по началу
Должен быть хорош денёк,
Столько синьки не встречала,
Только слева — огонёк!
А. А. Прокофьев. «Я проснулась — чуть светало...» (1938)

Бывает,
На ней всю ночь он разъезжает
По стойлу; **по утру́** придёшь —
Так у бедняжки пот и дрожь.
И. С. Никитин. Городской голова (1859)

Клетку я тогда открою
Ранним-рано **по утру́** —
И порхай, господь с тобою,
В крупноягодном бору.
Л. А. Мей. Малиновке (1857)

Характерной особенностью древнерусского языка было ударение на предлогах в предложно-именных сочетаниях. «В дальнейшем процессе развития литературного языка рассматриваемое акцентное явление идет на убыль: сужается круг предлогов, на которые возможна оттяжка ударения, круг слов и форм, с которых она осуществляется» [Воронцова 1979: 136].

Так, на сочетание *под вечер* в НКРЯ приведено 269 поэтических примеров, из них с ударением на предлоге *по́д вечер* 57 примеров в начале и в середине строки. Примеры с ударением на существительном *под ве́чер* во всех положениях в строке — в начале, в середине и в конце (в конце 30 примеров). Кроме того 8 со словами, зависимыми от *ве́чер*. В частности:

В стойлах усталые кони храпят,
Люди, ночуя, вповалку лежат,
Водка и песни текут спозаранка,
По́д вечер говор, чёт-нечет, орлянка...
К. К. Случевский. В снегах (1860–1878)

Дело **по́д вечер**, зимой,
И морозец знатный.

По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Мужичок обратный...
Н. А. Некрасов. Генерал Топтыгин (1867)

Под ве́чер улицею грязной
Плетется тряский дилижанс.
К. М. Фофанов. В дилижансе (1882)

Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу **под ве́чер** притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое…
А. С. Пушкин. Сон (1816)

И раз пошли **под ве́чер**
Мы на́ берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
М. Ю. Лермонтов. Тростник (1832)

Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных Нимф с полком
Под ве́чер красный собиралась
В прогулку с легким посошком...
Г. Р. Державин. Развалины (1797)

Я поднимусь к лесной сторожке —
И с грустью глянут на меня
Ее подслепые окошки
Под ве́чер сумрачного дня.
И. А. Бунин. «Пустыня, грусть в степных просторах...» (1888)

Не оттого ль, **под ве́чер грустных дней**,
Я полюбил тебя, мой друг прекрасный?
Н. М. Минский. Cum Grano Veneni (1895)

Под ве́чер жизни, в час унылый,
На небо взглянешь впопыхах,
И видишь остров сизокрылый
На алых, медленных волнах.
С. М. Городецкий. «Под вечер жизни...» (1907)

В ограде церковной встречает всегдашний
Знакомых деревьев черед круговой,
Но — чудо! **—** деревья **под ве́чер вчерашний**
Оделися белой листвой.
А. Д. Скалдин. «Морозное утро...» (1909–1916)

У слова *идти* в формах настоящего времени (кроме 1-го лица) в XVIII–XIX вв. прошел процесс смены ударения с корня на окончание: *и́дешь, и́дет, и́дем, и́дете, и́дут* > *иде́шь, иде́т, иде́м, иде́те / идёшь, идёт, идём, идёте, иду́т*. И та же особенность процесса смены места ударения: при колебании места ударения **ударение на окончании чаще встречается в конце стихотворной строки**.

Так, по данным НКРЯ, у М. В. Ломоносова отмечено 8 этих форм, из них 3 с ударением на корне (не в конце стихотворной строки) и 5 — на окончании, в частности:

Ведет Творец, Он **и́дет** вслед;
Воздвиг нас. Россы, ускоряйте
На образ в знак Его побед,
Рифейски горы истощайте...
Ода... императрице Елисавете Петровне, 1761

Покрой твой шлемом верьх, Минерва наших лет,
Воткни копье твое: твой полк готов **иде́т**...
Венчанная надежда российския империи..., 1742

Тихо **и́дут** те здесь спящи,
Скоро там текут шумящи,
Мочат злачные ковры.
Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк..., 1735

Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца **иду́т**,
С надеждой смешанны отрады
В объяты страстью мысли льют.
Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств..., 1745

У В. К. Тредиаковского 21 такая форма, из них 15 с ударением на корне (1 из них в конце строки) и 6 на окончании.

Где воин **и́дет**, там успехи;
Моря и реки без помехи...
Императрице Елизавете Петровне..., 1752

Но вот пропасть статкам нашим всем **иде́т**,
Прямо ж и сюды, сами посмотрите:
Та одна доходы собственны нам жрет.
Из комедии «Евнух», 1752

Те **и́дут**, те ползут, те пресмыкаться знают;
Те плавают в водах, те в воздухе летают...
Феоптия. Эпистола III, 1750–1754

Становые жилы от мозгу все врозь **иду́т**,
По своим же трубкам духи жизненны ведут...
Феоптия. Эпистола IV, 1750–1754

У В. И. Майкова 18 таких форм, из них 7 с ударением на корне (все не в конце строки) и 11 на окончании. У А. П. Сумарокова 16 таких форм, все с ударением на окончании.

У Г. Р. Державина 71 случай употребления этих форм, которые примерно одинаково распределены по месту в стихотворной строке: 26 в начале строки, 22 в середине строки и 23 в конце строки. Иное распределение в зависимости от места ударения в слове: 19 с ударением на корне, в том числе 5 в начале строки, 13 в середине строки и 1 в конце строки и 52 с ударением на окончании, в том числе 21 в начале строки, 9 в середине строки и 22 в конце строки.

Таким образом, можно видеть, что **кроме конца строки выделяется и начало строки, где процесс смены места ударения идет, как и в конце строки, наиболее интенсивно**.

У И. А. Крылова 17 таких форм, из них 4 с ударением на корне (все в середине строки) и 13 на окончании (из них 8 в конце строки). У В. А. Жуковского 125 этих форм, из них 6 с ударением на корне (не в конце строки) и 119 на окончании.

У А. С. Пушкина 134 формы, из них 7 с ударением на корне (не в конце строки) и 127 на окончании.

Всё **и́дет** той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят...
Тень Фон-Визина, 1815

Справят здесь, — лихие гости
И́дут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Сказка о золотом петушке, 1834

Войска **и́дут** день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
Сказка о золотом петушке, 1834

И́дут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.
Бонапарт и черногорцы [*Песни западных славян, 9*], 1834

И́дут витязи четами,
И блистая сединами
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
Сказка о царе Салтане..., 1831

Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, **и́дут** вон.
Бахчисарайский фонтан, 1821–1823

Раскинув легкие власы,
Как **и́дут** пленницы младые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы…
Бахчисарайский фонтан, 1821–1823

У М. Ю. Лермонтова 79 таких форм, из них 3 с ударением в корне.

И́дут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи,
Прямо на восток.
Спор, 1841

Вот чей-то голос… **И́дут** на крыльцо…
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со стула…
Сашка: Нравственная поэма, 1839

Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать **идéт**;
Там тихо ставни растворяют;
И там по улице гуляют
Иль **и́дут** войско посмотреть
В большую крепость.
Черкесы, 1828

У Н. А. Некрасова 68 этих форм, из них один пример с ударением на корне, остальные с ударением на окончании.

Дождик, что ли собирается,
Ходят по небу бычки,
Вечер пуще надвигается,
Прытче **и́дут** мужики.
Коробейники, 1861

Процесс переноса ударения с корня на окончание в этих формах закончился в XIX в., норма XX в. — ударение на окончании [Каленчук и др. 2012: 253; Еськова 2015: 275].

Чем можно объяснить, что при колебании места ударения в отмеченных словах прежнее ударение чаще встречается в середине стихотворной строки, а новое ударение — чаще в конце и в начале строки? Обычно конец строки — это и конец фразы, здесь сильная фразовая позиция, а в середине строки середина фразы и слабая фразовая позиция. Сильная фразовая позиция способствует проявлению языкового процесса. Начало стихотворной строки — это обычно и начало фразы, которое привлекает особое внимание говорящих. Таким образом, процесс смены места ударения начинается и протекает в первую очередь в тех местах фразы, в которых внимание говорящих направлено не только на передачу содержания речи, но и на ее формы.

Возможно, при этом играет роль и качество гласных, с которых и на которые переносится ударение. Так, [и] и [э] разной собственной длительности: [и] — гласный верхнего подъема, он короче гласного [э] среднего подъема, который в силу этого и способствует «перетягиванию» на себя ударения, а [и] и [у] — гласные одного подъема, у [у] нет подобных «преимуществ» перед [и]. Этим, возможно, объясняется задержка переноса ударения в форме 3-го лица мн. числа, отмеченная в стихах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова.

Отмеченная закономерность наблюдается не у всех подобных слов.

Так, например, у слова *кати́ться* среди примеров XVIII в. встречается

кати́тся — 20 примеров, из них 2 в начале строки, 1 в середине, 17 в конце;

ка́тится — 5 примеров в середине строки.

Среди примеров XX в. встречается

кати́тся — 69 примеров, из них 22 в начале строки, 17 в середине, 30 в конце;

ка́тится — 44 примера, из них 4 в начале строки, 35 в середине, 5 в конце.

Таким образом, у этого слова процесс смены места ударения начинается с середины строки.

Очевидно, что могли быть и другие факторы, действующие в процессе. Их еще следует обнаружить и описать.

Литература

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв.: Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 578 с.

Еськова Н. А., Борунова С. Н., Воронцова В. Л. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Н. А. Еськовой. М.: АСТ, 2014. 1007 с.

Каленчук М. Л., *Касаткин Л. Л.*, *Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1024 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный). Загл. с экрана.

Leonid L. Kasatkin
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
rolekas@yandex.ru

SOME LAWS OF THE PROCESS OF CHANGING THE PLACE OF ACCENT IN THE WORDS OF RUSSIAN LANGUAGE

Many words of the Russian language now or in the past vary the place of stress in all or in some forms. This variation reflects the process of changing the place of stress in a given word. Poetic works help to see some regularities of this process.

The article discusses the features of the process of changing the stress in the forms of pl. indirect cases of the noun *kamen'* (*the stone*), genus. and dates. pl. with prepositions of the noun '*utro'* (*the morning*), 2nd and 3rd form indicative of the verb '*idti'* (*to go*).

The peculiarity of the process of changing the place of stress is noted that when the place of stress fluctuates, the stress at the end is more often found at the end of the poetic line. In addition, for some examples, the position at the beginning of the line is

highlighted, where, as at the end of the line, the process of changing the place of stress is the most intense.

These observations suggest that, firstly, the manifestation of the language process is facilitated by a strong phrasal position, because the beginning and the end of the line usually coincide with the beginning and end of the phrase, and they attract special attention of the speakers. In addition, plays a role the quality of vowels from which and to which transferred the stress: a longer vowel (middle or low rise of vowel) contributes to "tug" on the accent with the vowel of the upper level, which is impossible in the case that the vowels in the word form of one level (and the same natural length).

Key words: Russian literary pronunciation, stress, change of place of stress

References

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [Norms of the Russian literary language of the 18th–19th centuries. Stress. Grammatical forms. Variants of words. Dictionary. Explanatory articles]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 578 p.

Es'kova N. A., Borunova S. N., Vorontsova V. L. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. Ed. N. A. Es'kova. Moscow, AST Publ., 2014. 1007 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka.* [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1024 p.

Russian National Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv.: Formy slovoizmeneniya* [Russian literary accent 18th–20th centuries: Forms of change]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

О. Ф. Кривнова*, [1], С. В. Князев*, **, [2], О. С. Смирнова*, [3]
**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
***Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
(Россия, Москва)
okrivnova@mail.ru[1], svknia@gmail.com[2], kisaolga@mail.ru[3]

ИНТОНАЦИОННОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И СЕГМЕНТИРУЮШАЯ СИЛА СЛОВОРАЗДЕЛОВ В ЗВУЧАЩЕМ ТЕКСТЕ (ДАННЫЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)*

В статье рассматривается проблема интонационного членения устной речи, дается краткое описание истории вопроса, уточняются базовые термины, поясняются понятия просодического шва и сегментирующей силы словораздела. Показана роль отечественных лингвистов и текстологов в открытии этого фонетического явления и в понимании его иерархической и функциональной природы. Приводятся примеры просодической разметки фрагментов устных русских текстов, которые имеются в трудах Л. В. Щербы и Р. И. Аванесова. Экспериментальное исследование, которое описывается в настоящей работе, имеет двоякую цель: во-первых, проверить гипотезу об иерархической природе просодического членения и ее отображении в глубине просодических швов; во-вторых, обосновать устойчивость и адекватность различения пяти градаций сегментирующей силы словоразделов как средства количественной оценки глубины просодического членения в звучащем тексте. Дизайн перцептивного эксперимента разрабатывался в предположении, что результаты аудирования будут наиболее согласованными в том случае, когда число различаемых уровней членения в оценочной шкале наиболее точно соответствует надежному восприятию глубины просодических границ участниками эксперимента. В итоге статистически достоверно показано, что аудиторы надежно и согласованно различают не более 5 уровней глубины просодических швов, поэтому в дальнейших исследованиях не имеет смысла использовать более детальные оценочные шкалы. Этот вывод подтверждается и результатами экспериментов по оценке сегментирующей силы словоразделов на материале других языков (английского и нидерландского). Можно предположить, что максимальная 5-уровневая шкала отражает универсальные свойства перцептивных ощущений человека в анализируемом фонетическом

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 15-06-06103.

пространстве. Для многих практических задач достаточно учитывать этот результат и на начальной стадии технологических разработок в области синтеза и распознавания речи даже использовать более крупную 3-уровневую шкалу. В заключительной части статьи приводятся результаты произведенного анализа полученных данных в статистическом пакете STATISTICA: численные характеристики зависимостей между глубиной просодических швов, длительностью пауз на словоразделе, знаками препинания, элементами синтаксической разметки.

Ключевые слова: устная речь, просодическое членение, просодический шов, сегментирующая сила словораздела, восприятие, статистический анализ данных

Слово, как известно, является основной рабочей единицей как при порождении, так и при восприятии любого текста — и письменного, и устного. При этом каждая граница между словами (словораздел) имеет определенный сегментирующий *потенциал*, который может реализоваться с разной вероятностью и с разной силой в зависимости от типа текста, контекстных условий и различных контролирующих факторов локальной и глобальной природы. Носитель языка, даже не имеющий специального лингвистического образования, согласится с тем, что в линейной последовательности слов в тексте соседние слова в разной степени связаны между собой по смыслу, синтаксически и даже фонетически. Этот факт можно интерпретировать как признание разной сегментирующей силы (глубины) словоразделов. В *письменном* тексте в качестве формальных показателей сегментирующей силы словоразделов (word boundary strength) выступают знаки препинания: их наличие / отсутствие и тип. Знаки препинания не только членят текст на когерентные фрагменты, но и указывают в определенной степени на их относительный иерархический статус. В *устной* речи аналогичную функцию выполняют просодические средства: паузы, переломы тона и другие фонетические явления на граничных участках соседних слов в последовательности. Фонетическое членение звучащего текста с помощью просодических средств осуществляется говорящим в соответствии с общими принципами фонетической организации речи и с учетом смысловой и синтаксической структуры текста. В русскоязычной литературе для обозначения данного явления используется термин «*просодическое членение*» (далее ПЧ), а также, в качестве синонимов, синтагматическое и интонационное членение. В англоязычной литературе прочно закрепился термин “prosodic phrasing”, которым мы также будем пользоваться. Просодически маркированные словоразделы между фразовыми просодическими (супрасегментными) составляющими образуют просодические швы (разрывы) в звучащем тексте, что хорошо отражает англоязычный термин “prosodic break”. Естественно предположить, что внутренняя иерархия ПЧ на фразовом уровне находит отражение в разной глубине («силе») просодических швов (далее ПШ), которая создается использованием разных просодических средств между и на краях просодических составляющих. Согласно имеющимся данным, самым сильным маркером является физическая пауза. В интонационной фонологии многие исследователи разделяют точку зрения, согласно которой иерархический статус просодической составляющей однозначно

соответствует глубине ПШ, завершающего эту составляющую. Это положение так называемой строгой поуровневой гипотезы (Strict Layered Hypothesis, SLH) разделяется, однако, не всеми интонологами, но, к сожалению, никогда не проверялось экспериментально на сколько-нибудь представительном речевом материале, см. об этом [Ladd 1986; Ladd, Campbell 1991; Sanderman 1996; Selkirk 1984].

В отечественной лингвистике впервые обратил внимание на ПЧ и его особую природу академик Л. В. Щерба. Он писал: «В европейских языках (а вероятно и во многих других) самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова» [Щерба 1915]. Щерба обозначил практически все отличительные особенности этого явления, которые в настоящее время являются предметом исследования во многих работах по фразовой просодии, однако не описаны и не объяснены полностью ни для одного из европейских языков. Это относится, в частности, и к иерархической природе ПЧ. Щерба об этом писал так: «…синтагмы (минимальные единицы ИЧ) могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями и, в конце концов, образуют фразу — законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» [Щерба 1955]. В этой же работе приведены авторские транскрипции русского стиха, наряду с французскими примерами, где используются 4 маркера для фразовых ПШ разной глубины: в завершении фоносинтагм], полуфраз {, фраз |, сверхфразовых единств ||. Поскольку словоразделы, не маркированные как ПШ, в транскрипциях Л. В. Щербы никак специально не помечены, можно считать, что в приводимых им примерах для обозначения сегментирующей силы словоразделов использовалась пятибалльная количественная шкала: 0, 1, 2, 3, 4.

Много текстовых примеров с разметкой ПШ содержится и в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» [Аванесов 1972]. Аванесов использует пять особых маркеров, фиксирующих разную глубину ПЧ : -, |, /, //, /// в направлении возрастания плюс чистый пробел, т. е. фактически исходит из шестибалльной количественной шкалы.

О. Ф. Кривнова [Кривнова 1995] описывает 4-балльную шкалу[1] глубины ПШ, которые соответствуют просодическим составляющим, бóльшим, чем фонетическое слово, следующим образом: просодическая/ фонетическая синтагма <1>; интонационная фраза <2>; интонационно-смысловой комплекс <3>; высказывание <4>.

В отличие от интроспективных транскрипций Л. В. Щербы и Р. И. Аванесова, в [Кривнова 1995] разметка ПШ в звучащем тексте производилась в рамках перцептивного эксперимента наивными носителями русского языка (10 человек). При этом было обнаружено, что при использовании пятибалльной шкалы глубины ПШ (или, иначе, сегментирующей силы словоразделов) испытуемые достаточно согласованно осуществляют разметку просодического членения текста.

[1] Фактически шкала была пятибалльная, так как словораздел без ПШ (нулевой) никак специально не маркировался.

Результаты перцептивных экспериментов по оценке сегментирующей силы словоразделов на материале разных языков (английского, нидерландского и русского) свидетельствуют о поведенческой устойчивости оценок, полученных с использованием количественной шкалы, различающей не более 5 уровней глубины членения. Это позволяет предположить, что данная шкала отражает какие-то универсальные свойства перцептивных ощущений человека в соответствующем фонетическом пространстве. Для многих практических задач достаточно учитывать этот результат и даже сознательно использовать более крупную 3-уровневую шкалу, как это советует делать А. Сандерман [Sanderman 1996] на начальной стадии технологических разработок в области синтеза и распознавания речи. Однако для подтверждения указанной гипотезы с общефонетических научных позиций необходимо увеличить как количество и разнообразие рассматриваемых языков, так и число испытуемых, привлекаемых к ее верификации.

В будущих исследованиях важно также учитывать некоторые методические нюансы. Прежде всего, возникает вопрос о речевом материале, на базе которого проводится исследование глубины ПШ и иерархии ПЧ в целом. В [Кривнова 1995] эксперимент проводился на материале естественного связного русского текста с достаточно сложным и разнообразным синтаксисом, который был озвучен непрофессиональным диктором. В экспериментах А. Сандерман использовался список предложений, озвученных отдельно или в небольшом контексте как профессиональным, так и непрофессиональными дикторами. Синтаксис этих предложений контролировался экспериментатором, причем могли использоваться и специально сконструированные «искусственные» примеры. В экспериментах с использованием ToBI-разметки [Silverman et al. 1992] на материале английского языка преобладают небольшие новостные тексты, озвученные профессиональными дикторами или радиоведущими. Каждый тип материала имеет свои преимущества и сложности, которые мы не можем здесь обсуждать, однако очевидно, что выбор того или иного материала требует экспликации и обоснования. Есть различия и в процедуре проведения перцептивного эксперимента. Так, в зарубежных работах предполагается оценка сегментирующей силы *каждого* словораздела в тексте, причем в экспериментах Сандерман испытуемые (носители языка) давали оценки исключительно на основе своих перцептивных ощущений при многократном прослушивании материала, в то время как в ToBI-экспериментах оценки брейковых показателей были получены от экспертов, которым разрешалось использовать не только собственные перцептивные ощущения, но и сопутствующие акустические данные. Эксперимент в [Кривнова 1995] основывался только на перцептивных ощущениях, возникающих в реальном времени, а двухэтапная процедура получения перцептивных оценок, не предполагавшая оценку глубины членения для каждого словораздела, значительно облегчала, на наш взгляд, задачу испытуемых, повышая адекватность их окончательных оценок. В целом, в исследованиях ПЧ требуется обсуждение возможных процедурных стратегий и поиск оптимального дизайна эксперимента для каждой конкретной задачи.

Экспериментальное исследование, положенное в основу настоящей работы, имело двоякую цель: во-первых, проверить экспериментально идеи, связанные с иерархической природой ПЧ и ее отображением в глубине ПШ; во-вторых, обосновать с использованием перцептивных и статистических методов устойчивость и адекватность пятибалльной шкалы уровней (градаций) сегментирующей силы словоразделов как средства количественной оценки глубины ПШ в русском прозаическом тексте.

Эксперимент по восприятию наличия и типа фонетических/просодических границ в связном тексте состоял из двух этапов и проводился в режиме удаленного доступа. На каждом из этапов материалом служил звучащий текст, представлявший собой фрагмент повести И. Грековой «Кафедра», озвученный профессиональным фонетистом. На первом этапе объем текста составлял 470 слов.

Информанты-аудиторы (19 человек в возрасте от 18 до 53 лет, 4 мужчины, 15 женщин, носители современного русского литературного языка) получили задание прослушать звучащий текст (в домашних условиях) и в тех местах, где ими ощущались какие-либо просодические границы, проставить в соответствующем графическом пробеле текста, напечатанном без знаков препинания и заглавных букв (см. Приложение 1), цифровой показатель от 1 до 7 в соответствии со степенью выраженности границы (1 — минимальная выраженность границы, 7 — максимальная). Общее время прослушивания, размер прослушиваемых фрагментов и количество прослушиваний каждого никак не регламентировалось. Следует отметить, что 7-балльная шкала была выбрана как *стартовая*, с запасом, с учетом того, что на следующем этапе эксперимента число надежно и согласованно распознаваемых уровней ПШ может быть уменьшено.

Результаты эксперимента приведены в табл. ниже (0 соответствует отсутствию выделения границы информантом). Заливкой помечены столбцы с разметкой участников, показавших наименее согласованные результаты. В столбце ПШ дана итоговая разметка по наиболее согласованной группе из семи участников.

На втором этапе эксперимента объем аудиоматериала составлял около 2700 слов. Предоставленная информантам аудиозапись в местах словоразделов была разделена на относительно равные части таким образом, что каждому аудиофрагменту соответствовали примерно две строки печатного текста (от 100 до 190 печатных знаков). При этом последняя строка предшествующего фрагмента повторялась в начале следующего, для того чтобы информанты могли оценить наличие и тип просодической границы в местах разделения текста на фрагменты. Таким образом, первый аудиофрагмент состоял из первой и второй строк текста, второй — из второй и третьей, третий — из третьей и четвертой и т. д. (см. Приложение 2).

Обработка результатов первого эксперимента показала, что его участники надежно и согласованно оценивают только 5 уровней ПШ, поэтому на втором этапе эксперимента шкала оцениваемых уровней была сокращена до пяти градаций.

Дизайн эксперимента разрабатывался в предположении, что при использовании шкалы ПШ, которая наиболее точно соответствует надежно воспринимаемому числу градаций глубины ПШ, результаты аудирования будут наиболее согласованными.

Фрагмент итогового протокола оценок информантов по эксперименту 1

Текст	Аудиторы																			ПШ
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	
Люда	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
Величко	3	2	2	1	5	0	2	3	4	1	2	1	3	3	3	2	1	0	1	2
родилась	2	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
и	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
росла	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0
в	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
провинции,	2	3	3	2	4	1	3	3	5	2	2	2	4	3	4	2	4	2	3	2
в	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
одном	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
из	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
среднерусских	2	4	2	1	2	0	3	2	3	1	2	1	2	4	4	1	3	1	1	2
неперспективных	2	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	4	0	0	0	1	0
городков.	4	7	4	3	7	2	6	4	7	3	4	3	6	7	6	5	6	5	7	3

В отличие от экспериментов А. Сандерман мы не производили искусственного укрупнения 7-балльной шкалы. «Лишние» уровни просто не вошли в итоговую разметку — в результате обработки данных, полученных на первом этапе эксперимента, укрупнение шкалы произошло автоматически. Уровень согласия отобранной группы участников 2-го этапа эксперимента немного ниже, чем для первого. Это объясняется тем, что группа информантов, участвовавших во втором этапе эксперимента, была меньше и имела другой состав, в результате чего отбор был менее строгим.

Информанты (11 человек в возрасте от 18 до 55 лет, 2 мужчин, 9 женщин, носители современного русского литературного языка) получили задание прослушать аудиофайлы (в любой программе для воспроизведения звука, желательно в тихом помещении, без отвлекающих обстоятельств), и в тех местах, где при прослушивании они воспринимали какие-либо границы, разрывы, нарушения плавности речи диктора, отсутствие фонетической слитности смежных слов, проставить в соответствующем пробеле (словоразделе предоставленного текстового файла) цифровой показатель от 1 до 5 в соответствии со степенью выраженности воспринимаемой границы (1 — минимальная выраженность границы, 5 — максимальная).

С целью стандартизации заполнения протоколов и минимизации доли ручного труда при их обработке была разработана электронная форма протокола, допускающая ввод только разрешенных значений шкалы и только в специальные поля на словоразделах. По умолчанию значение поля — пробел, при обработке воспринимаемый как «0». Первый столбец формы содержит номер аудиофрагмента — название прослушиваемого файла. В Приложении 2 дан пример заполнения формы протокола.

Информанты были также проинструктированы прослушать несколько первых аудиофайлов, не размечая текст, чтобы привыкнуть к дизайну эксперимента, самому тексту и диктору.

Каждый звуковой файл было разрешено прослушивать не более трех раз, после очередного повторного прослушивания разрешалось исправлять первоначально проставленные цифровые показатели. Информантам было предложено выполнять задание в один сеанс, а при отсутствии такой возможности в разное время, но в течение 1–2 дней подряд.

Заполненные протоколы перцептивного эксперимента после прослушивания всех аудиоматериалов с указанием персональных данных информанта, количества сеансов прослушивания и времени разрывов между ними отправлялись организаторам по электронной почте.

Результаты второго этапа эксперимента фиксировались в таблицах — образец такой таблицы приведен в Приложении 3 (цифра 0 соответствует отсутствию обозначения границы информантом). Для получения итоговой разметки ПШ использовался тот же метод поэтапного выделения согласованной группы информантов, что и на первом этапе эксперимента, описанного выше. Суть его кратко изложена ниже.

В теории и практике экспертных оценок согласующее решение для группы экспертов часто получается как наименее уклоняющееся в смысле некоторой меры расстояния (медиана Кемени) от мнений всех участников группы. В нашем случае логично было бы рассматривать разметки ПШ как «упорядоченные классификации», однако алгоритмы вычисления согласующей разметки в этом случае достаточно сложны и плохо применимы к разметке длинного текста. Мы рассматривали разметки ПШ просто как вектора с ограниченным набором упорядоченных значений координат и использовали линейную меру расстояния между ними, так называемое «расстояние городских кварталов». Согласующее решение при этом вычисляется как покоординатная медиана. В случае нечетного числа согласуемых разметок она состоит из тех же элементов, устойчива к выбросам, легко вычисляется: если оценка силы словораздела принимается абсолютным большинством голосов, медиана совпадает с результатом голосования.

Первичный анализ данных *первого* этапа эксперимента показал не только очень плохую согласованность разметок отдельных информантов, но и наличие «аномалов», которые либо помечают ПШ почти на каждом словоразделе, либо не слышат их почти никогда. Поэтому была предложена следующая простая пошаговая процедура согласования. На каждом шаге для текущей группы информантов вычисляется согласующая разметка. Информант, разметка которого лежит на наибольшем расстоянии от нее, удаляется из группы. Разброс результатов быстро стабилизируется, в результате чего удалось выделить группы из 5 (наиболее единодушная), 7 и 9 человек, показывающие удовлетворительный уровень согласованности, итоговые разметки по которым весьма близки. Эти разметки не содержат пометок уровня «7», а уровень «6» всего 2 раза отмечается в итоговых разметках некоторых групп только при сбоях — особо длинных неречевых паузах, возникающих при переворачивании страниц или оговорках.

Выделение полученных согласованных групп подтверждается также формальной классификацией разметок, что позволяет получить согласующую итоговую разметку как центроид «более плотного» класса, с меньшим расстоянием

от центроида. Такая разметка близка к полученной с помощью пошаговой процедуры.

Следует отметить, что итоговая разметка начального фрагмента текста в 470 слов, полученная на втором этапе, при другом дизайне эксперимента и другой шкале, также почти полностью совпадает с разметкой, полученной на первом этапе (пошаговая процедура и центроид). Благодаря продуманной процедуре разметки и более адекватной оценочной шкале уменьшается элемент угадывания и улучшается исходный уровень согласия группы.

В итоге можно сказать, что проведенный эксперимент статистически достоверно показал, что информанты надежно и согласованно различают не более 5 уровней глубины просодических швов, поэтому в дальнейших исследованиях не имеет смысла использовать более детальные оценочные шкалы. Этот вывод подтверждается и результатами экспериментов по оценке сегментирующей силы словоразделов на материале других языков (английского и нидерландского). Можно предположить, что максимальная 5-уровневая шкала отражает универсальные свойства перцептивных ощущений человека в анализируемом фонетическом пространстве. Для многих практических задач достаточно учитывать этот результат и на начальной стадии технологических разработок в области синтеза и распознавания речи даже использовать более крупную трехуровневую шкалу.

Итоговая разметка ПШ была включена в сводную базу данных различных текстовых признаков словоразделов, как фонетических, так и нефонетических. Анализ этих данных в статистическом пакете STATISTICA позволил вычислить численные характеристики (симметричные и асимметричные коэффициенты связи в таблицах сопряженных признаков) зависимостей между глубиной ПШ, длительностью пауз, знаками препинания, элементами синтаксической разметки. Получены диапазоны пауз (доверительные интервалы с вероятностью накрытия порядка более 80%), близкие к диапазонам, полученным ранее в экспериментах О.Ф. Кривновой [Кривнова 1995], и наиболее вероятные значения длительности пауз, соответствующие различным уровням глубины ПШ. А именно: 104–450 мс с вероятностью попадания 93% и наиболее вероятным значением около 400 мс для ПШ 2, 450–1150 мс (82%, 800 мс) для ПШ 3, больше 1150 (83%, 1200 мс) для ПШ 4 (по данным первого этапа эксперимента).

Классификация длительностей пауз методом К-средних с увеличивающимся количеством классов (наилучшие результаты классификации наблюдаются при пятишести классах) позволяет получить аналогичные диапазоны и «типичные» значения для длительностей, соответствующих «сильному» (3, 4, 5) уровню ПШ или его отсутствию — устойчивые четкие классы со следующими центроидами: 0, 800, 1200, 2000 мс, которые почти не меняются при увеличении числа классов. «Слабые» уровни (1, 2) часто бывают беспаузальными и хуже классифицируются по этому признаку, однако наблюдаются и классы с центроидами порядка 100–200, 400 мс.

Выявлено также неплохое соответствие рангового распределения ПШ закону Ципфа–Мандельброта, что говорит о «естественности» полученной разметки. Подробно результаты обработки проведенного перцептивного эксперимента изложены в работе [Смирнова 2017].

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1972. 415 с.

Кривнова О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики. Вып. 2. М.: Наука, 1995. С. 229–238.

Смирнова О. С. Статистический анализ результатов перцептивного оценивания глубины просодических швов в русском звучащем тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». М., 2017. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf (свободный). Загл. с экрана.

Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. 194 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1955. 304 с.

Ladd R. Prosodic phrasing: a case of recursive prosodic structure // Phonology Yearbook. 1986. No. 3. P. 311–340.

Ladd B., Campbell D. R. Theories of prosodic structure: evidence from syllable duration // Proc. of the 12th Congress of Phonetic Sciences. Aix-en-Provance, 1991. P. 290–293.

Sanderman A. Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension). Eindhoven, 1996. 129 p.

Selkirk E. Phonology and syntax: the relation between sound and structure. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1984. 476 p.

Silverman K., Beckman M., Pitrelli J., Ostendorf M., Wightman C., Price P., Pierrehumbert J., Hirshberg J. ToBI: A standart for labelling English prosody // Proc. of the 1992 International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP). 1994. P. 867–870.

Olga F. Krivnova*, [1], Sergey V. Knyazev*, **, [2], Olga S. Smirnova*, [3]

**Lomonosov Moscow State University*

***National Research University Higher School of Economics*

(Russia, Moscow)

okrivnova@mail.ru[1], svknia@gmail.com[2], kisaolga@mail.ru[3]

PROSODIC PHRASING AND WORDBREAKS' STRENGTH IN THE SPOKEN TEXT (DATA OF PERCEPTION EXPERIMENT)

The paper discusses the problem of oral speech prosodic phrasing, gives a brief description of the history of the issue, clarifies the basic terms, explains the concept of prosodic break and word boundary strength. The role of Russian linguists and textologists in the discovery of this phonetic phenomenon and in understanding its hierarchical and functional nature is shown. Examples of prosodic labeling of spoken Russian texts are given, which are available in the works by L. V. Shcherba and R. I. Avanesov. The experimental study is described in this paper has a twofold purpose: 1. To test the

hypothesis about the hierarchical nature of prosodic phrasing and its mapping in the prosodic breaks' depth; 2. To substantiate the adequacy of distinguishing 5 levels of the wordbreak' strength as a means of quantifying the prosodic breaks depth in the spoken text. The experiment design was developed under the assumption that perception would be most consistent when the number of distinct levels of prosodic breaks in the evaluation scale would be most closely correspond to the reliable perception of the listeners. As a result, it was shown statistically reliable that listeners consistently distinguish no more than 5 levels of break's strength. So it makes no sense to use more detailed evaluation scales in further studies. This conclusion is confirmed by the results of appraisal perception experiments on the material of other languages (English and Dutch). It can be assumed that the maximum 5-level scale reflects the universal properties of human perceptual sensations in the analyzed phonetic space. The final part of the paper presents the results of the obtained data analysis in the statistical package STATISTICA: numerical characteristics of dependencies between the prosodic breaks' depth, pauses duration on the word boundaries, punctuation marks, elements of syntactic labeling.

Key words: Spoken language, prosodic phrasing, prosodic break' depth, word boundary strength, perception, statistical data analysis

References

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian Literary Pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 415 p.

Krivnova O. F. [Perception and semantic relevance of prosodic breaks in spoken text]. *Problemy Fonetiki.* Moscow, Nauka Publ., 1995. Iss. 2. P. 229–238. (In Russ.)

Ladd R. Prosodic phrasing: a case of recursive prosodic structure. *Phonology Yearbook.* 1986. No. 3. P. 311–340.

Ladd B., Campbell D. R. Theories of prosodic structure: evidence from syllable duration. *Proc. of the 12th Congress of Phonetic Sciences*. Aix-en-Provance, 1991. P. 290–293.

Sanderman A. *Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension).* Eindhoven, 1996. 129 p.

Selkirk E. *Phonology and syntax: the relation between sound and structure.* Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1984. 476 p.

Silverman K., Beckman M., Pitrelli J., Ostendorf M., Wightman C., Price P., Pierrehumbert J., Hirshberg J. ToBI: A standart for labelling English prosody. *Proc. of the 1992 International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP).* 1994. P. 867–870.

Smirnova O. S. [Statistical analysis of the results of prosodic breaks' perceptual evaluation in spoken Russian text]. Availiable at: www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf (date of accesse 31.05.2017).

Shcherba L. V. *Vostochnoluzhitskoje narechie* [Eastern European dialect]. Petrograd, 1915. 194 p.

Shcherba L. V. *Phonetika frantsuzskogo jazyka* [Phonetics of the French language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ. 1955. 304 p.

Приложение 1
Фрагмент отрывка из текста И. Грековой «Кафедра», использованный в перцептивном эксперименте

люда величко родилась и росла в провинции в одном из среднерусских неперспективных городков одна фабрика лесопильный завод вязальная мастерская комбинат бытового обслуживания в так называемом центре несколько каменных зданий полуразрушенная церковь со срезанным куполом превращенная как водится в склад вокруг нее кладбище с железными крестами и бумажными розами…

Приложение 2
Фрагмент протокола перцептивного эксперимента по восприятию наличия и типа просодических границ в связном тексте

Персональные данные информанта. Все данные вводятся в поля формы.
Количество сеансов прослушивания 1
Интервалы между сеансами _____ (форма заполнения произвольная)

001	**люда _ величко 1 родилась _ и _ росла _ в _ провинции 2 в _ одном _ из _ среднерусских 1 неперспективных _ городков 4 одна _ фабрика 3 лесопильный _ завод 2**
002	**неперспективных _ городков 4 одна _ фабрика 2 лесопильный _ завод 2 вязальная _ мастерская 2 комбинат _ бытового _ обслуживания 4 в _ так _ называемом _ центре 3**
003	**вязальная _ мастерская 3 комбинат _ бытового _ обслуживания 4 в _ так _ называемом _ центре 3 несколько _ каменных _ зданий 4 полуразрушенная _ церковь _ со _ срезанным _ куполом 2**
004	**несколько _ каменных _ зданий 4 полуразрушенная _ церковь 1 со _ срезанным _ куполом 2 превращенная _ как _ водится _ в _ склад 4 вокруг _ нее _ кладбище 3**
005	**превращенная _ как _ водится _ в _ склад 4 вокруг _ нее _ кладбище 3 .....**
265	**..... угу 2 на _ вторник 4**
266	**угу 2 на _ вторник 4 ладно 2 подготовимся 3 садись 2 пей _ чай 5**

Номера фрагментов в первом столбце таблицы являются также именами соответствующих аудиофайлов.

Приложение 3
Результаты перцептивного эксперимента и их обработки (фрагмент)

Текст	ЗП	ЗП+	Пауза	АУДИТОРЫ											ИТОГ MED 5/11
				I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
Люда		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
Величко		_	**128,0**	**2**	**2**	**0**	**4**	**1**	**3**	**1**	**1**	**1**	**3**	**3**	**1**
родилась		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
и		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
росла		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
в		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
провинции,	**,**	**зпт**	**540,0**	**3**	**3**	**3**	**4**	**2**	**2**	**2**	**2**	**2**	**3**	**3**	**2**
в		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
одном		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
из		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
среднерусских		_	0,0	**1**	**1**	**2**	**2**	**2**	**0**	**1**	**1**	**1**	**1**	**3**	**1**
неперспективных		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
городков.	**.**	**тчк**	**1114,0**	**4**	**3**	**4**	**5**	**4**	**3**	**5**	**4**	**3**	**5**	**4**	**4**
Одна		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
фабрика,	**,**	**зпт**	**353,0**	**2**	**2**	**0**	**4**	**2**	**2**	**3**	**2**	**2**	**3**	**3**	**2**
лесопильный		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
завод,	**,**	**зпт**	**358,0**	**2**	**3**	**0**	**4**	**2**	**2**	**2**	**2**	**0**	**3**	**3**	**2**
вязальная		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
мастерская,	**,**	**зпт**	**839,0**	**3**	**3**	**4**	**4**	**2**	**2**	**3**	**3**	**2**	**4**	**3**	**3**
комбинат		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
бытового		_	0,0	**0**	**0**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
обслуживания.	**.**	**тчк**	**913,0**	**4**	**5**	**4**	**5**	**0**	**5**	**5**	**4**	**4**	**5**	**4**	**4**

Итоговая разметка получена по данным разметок информантов II, V, VII, VIII, XI (столбцы без заливки).

А. В. Кухто*[1], А. Ч. Пиперски**[2]
**Массачусетский технологический институт (Кембридж, США),*
***Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*
kukhto@mit.edu[1], apiperski@gmail.com[2]

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ*

В настоящей статье рассматривается вариативность в постановке словесного ударения в личных глагольных формах прошедшего времени в русском языке (к примеру, *про́дал ~ прода́л*). Традиционно считается, что ее современное состояние определяется социолингвистическими факторами, которые обусловливают различие между говорящими, однако же вариативность можно наблюдать и в речи отдельно взятых носителей. Мы предполагаем, что выбор акцентного варианта зависит, в частности, от ритмического рисунка того контекста, в котором использована глагольная форма. Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели пилотный эксперимент, который выявил тенденцию к альтернирующему ритму в последовательности формы прошедшего времени глагола и его прямого дополнения. Мы полагаем, что эта закономерность является частным случаем более общего ритмического правила, действующего в современном русском языке.

Ключевые слова: вариативность, ритм, русский язык, словесное ударение

1. Введение

Система словесного ударения в современном русском языке[1] структурно относится к свободным «лексическим», или «парадигматическим» [Дыбо 2001], системам: определение места ударения зависит не только и не столько от фонологических, сколько от морфологических и парадигматических факторов [Halle 1973; Зализняк 1985 и многие другие].

* Расширенный англоязычный вариант данной статьи готовится к выходу в специальном выпуске журнала *Linguistic Variation*, посвященном вариативности в фонологии. Работа А. Ч. Пиперски поддержана грантом РФФИ 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

[1] Здесь и далее речь пойдет о его стандартном московском варианте, если не оговорено иное.

Несмотря на то что в парадигме одной лексемы ударение может быть весьма подвижно, в отдельно взятой словоформе оно, как правило, фиксировано. Вместе с тем не единичны и примеры вариативности ударения [Аванесов 1988]. Такие пары, как *тво́рог* и *творо́г* или *зво́нить* и *звони́ть*, обычно относят к разным лексическим вхождениям, которые последовательно противопоставлены друг другу во всех или хотя бы нескольких клетках словоизменительной парадигмы [Шведова (ред.) 1980: 95]; иными словами, сказав *творо́г*, говори *творога́*, *творогу́*, *творого́м* и т. д. — и наоборот. Подобная вариативность обычно относится на счет диалектных (шире — региональных), социальных или стилистических факторов [Аванесов 1988; Каленчук и др. 2012]. Однако встречаются и такие случаи, когда одно слово или даже одна словоформа демонстрирует непостоянное место ударения в речи одного и того же носителя. В настоящей статье рассматривается пример такого рода — вариативная постановка ударения в формах прошедшего времени некоторых глаголов.

2. Вариативность ударения в глаголе: обзор

Мы сосредоточимся на личных невозвратных глагольных формах прошедшего времени[2]; полная парадигма прошедшего времени включает в себя четыре формы: м. р. ед. ч., ж. р. ед. ч., ср. р. ед. ч. и мн. ч. В общем виде выделяется три акцентных парадигмы глаголов [Halle 1973; Зализняк 1977: 80–81]:

a: ударение на основе во всех четырех формах (*игра́л*, *игра́ла*, *игра́ло*, *игра́ли*);

b: конечное ударение (*увёл*, *увела́*, *увело́*, *увели́*);

c: подвижное ударение: начальное в формах м. и ср. р. ед. ч., а также мн. ч., и конечное в ж. р. ед. ч. (*при́нял*, *приняла́*, *при́няло*, *при́няли*).

Однако и описанная выше схема несвободна от вариативности [Острогорская-Якшич 1987], которая отражается и в произносительных словарях:

(1) **прода́ть** <…> *прош.* про́дал *и доп.* прода́л, продала́, про́дало, про́дали *и доп.* прода́ло, прода́ли <…> ! *не рек.* продало́; *неправ.* <…> про́дала, прода́ла [Аванесов 1988: 456];

обня́ть <…> о́бнял *и допуст.* обня́л, обняла́ (! *неправ.* о́бняла *и* обня́ла), о́бняло, обня́ло *и допуст. младш.* обняло́, о́бняли *и допуст.* обня́ли [Каленчук и др. 2012: 451].

Как видно, масштаб вариативности чрезвычайно велик, поскольку словари отмечают по два или три возможных варианта для каждой из четырех форм (пусть некоторые из них объявлены неправильными — но это значит, что они существуют в реальности). По нашим подсчетам, в «Грамматическом словаре русского языка»

[2] Для простоты мы условимся не отличать от них морфологически и исторически идентичные формы, восходящие к причастиям на *-л* и участвующие в образовании сослагательного наклонения [Галинская 2015: 364–365, 372; Добрушина 2016: 4–6].

[Зализняк 1977] насчитывается 472 глагола с вариативностью, что составляет около 1,5 % от общего числа глагольных лексем.

Такая вариативность возникла в результате перестройки древнерусской акцентной системы. В древнерусском языке выделялись акцентные парадигмы *a*, *b* и *c*, устроенные так же, как описано выше, причем один и тот же корень мог встречаться с разными ударениями в зависимости от морфемного состава слова и акцентных маркировок морфем [Зализняк 1985; 2014]: ¯*далъ*, *дала́*, ¯*дало*, ¯*дали*; ¯*продалъ*, *продала́*, ¯*продало*, ¯*продали*; *вы́далъ*, *вы́дала*, *вы́дало*, *вы́дали*, что создало благодатную почву для аналогического выравнивания. И действительно, эта ситуация была затемнена разного рода процессами — как фонологическими, так и морфологическими [Зализняк 1981; 1985]:

(2) i. дефинализация (ретракция) ударения, смещающая его с конечного открытого слога на слог влево, например, *коня́* > *ко́ня* (особенно распространено в западных говорах, см. [Зализняк 1985: 182–188]);
ii. переход корневых глаголов на согласный (т. е. глаголов без суффикса и тематического гласного) из *c* в *b*, например, ¯*рось*, *росла́*, ¯*росло*, ¯*росли* → *ро́с*, *росла́*, *росло́*, *росли́*;
iii. выравнивание в однокоренных глаголах, например, *продать* подстраивается под *дать*.

Все эти закономерности действовали в разное время и в разных региональных разновидностях. Например, форма *продала́* могла попасть под влияние форм *про́дал*, *про́дало*, *про́дали*, а также причастий *про́дан*, *про́дано* и т. п., что могло стимулировать начальное ударение *про́дала*; дефинализация ударения приводила к ударению *прода́ла*; наконец, могло сохраняться старое ударение *продала́*. Кроме того, разные глаголы могли изменяться с разной скоростью (ср. [Зализняк 2015]). Неудивительно, что до сих пор не существует ни подробного описания этих изменений с полным учетом данных письменных памятников, ни описания социолингвистических параметров синхронного варьирования.

Часто считается, что современная вариативность форм прошедшего времени обусловлена регионально, однако надежных, полных и унифицированных источников данных о том, как именно они звучат в разных регионах, не существует. Но, например, в работе [Зализняк 2014: 97] приводится карта, где отмечается граница между начальным ударением в м. р. ед. ч., ср. р. ед. ч. и мн. ч. (*про́дал*, *про́дало*, *про́дали*) и ударением на втором слоге (*прода́л*, *прода́ло*, *прода́ли*) по акцентуированным памятникам XVI в. Видно, что инновативная модель с ударением на втором слоге зарождается на западе (Смоленск, Псков) и, постепенно распространяясь на восток, приводит к возникновению вариативности.

Другой параметр вариативности — возраст, однако основным источником на этот счет являются оценки орфоэпических словарей, которые, разумеется, не могут быть подробно обоснованы ввиду ограниченности объема словаря: ср. выше «о́бняло, обня́ло *и допуст. младш.* обняло́» [Каленчук и др. 2012: 451]. Важным кажется и уровень образования, поскольку более образованные говорящие склонны прислушиваться

к прескриптивным рекомендациям. Этот эффект тесно связан со стилистикой: в более формальных стилях ожидается больше самоконтроля и лингвистической рефлексии, а значит, и соблюдения нормативных предписаний.

Однако, как уже было сказано, наряду с внешне обусловленной вариативностью можно также наблюдать и вариативность в речи одного человека (мы назовем ее внутриидиолектной).

3. Ритмическая гипотеза

Мы предполагаем, что постановка ударения в русских словоформах с вариативным ударением определяется не только внешними социолингвистическими факторами, очерченными выше, но и синтагматически, в соответствии с универсальной тенденцией к чередованию ударных и безударных слогов (см. подробнее [Schlüter 2005: 17–42] и приводимые там ссылки об истории вопроса).

Для того чтобы подвергнуть эту гипотезу предварительной проверке, мы сужаем ее до одного частного случая (3), а именно до сочетаний финитных форм переходных глаголов в прошедшем времени с их прямыми дополнениями:

(3) *Ритмическая гипотеза в частном виде (РГ')*
В сочетаниях формы прошедшего времени переходного глагола и непосредственно следующего за ней прямого дополнения распределение ударений ...σ́σ# σ́σ… более вероятно, чем ...σσ́# σ́σ…; аналогично ...σσ́# σσ́… более вероятно, чем ...σ́σ# σσ́…

Наиболее достоверным методом, который позволил бы проверить *РГ'*, представляется анализ корпусных данных, отражающих спонтанную речь (см. также [Schlüter 2005: 43–50]). Крупнейшим доступным ресурсом для такого анализа является устный подкорпус НКРЯ (Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru]) объемом 11,3 млн слов. Однако, несмотря на значительный объем, он имеет свои недостатки. Во-первых, этот корпус гетерогенен: он содержит старые записи русской разговорной речи, записи из университетских коллекций, диалоги из фильмов и т. д. Во-вторых, в нем нет разметки, которая позволяла бы идентифицировать одних и тех же говорящих в разных текстах. В-третьих, лишь для небольшого количества файлов доступны транскрипты с отмеченным ударением или видеозаписи.

Тем не менее даже при таких ограничениях удается обнаружить некоторую вариативность (при поиске с исключением диалогов из фильмов, которые нельзя считать спонтанными), например:

(4) a. *подобра́лась* × 1 (50%) ~ *подобрала́сь* × 1 (50%)
b. *за́нялся* × 5 (33%) ~ *заня́лся* × 3 (20%) ~ *занялся́* × 7 (47%)
c. *при́были* × 28 (97%) ~ *прибы́ли* × 1 (3%)

В общей сложности удалось обнаружить 117 форм прошедшего времени 70 глаголов (31 м. р., 37 ж. р., 15 ср. р., 34 мн. ч.) с вариативностью. Впрочем, результаты

информативны в разной степени: так, для *занялся* данных гораздо больше, чем для *подобралась* (4). Этого количества в любом случае недостаточно, поскольку большинство форм представлены скудно.

Другой ценный ресурс для изучения акцентной вариативности — поэтический корпус в составе НКРЯ, однако он больше подходит для изучения акцентной вариативности с середины XVIII до середины XX в., а не в современном русском языке (см. подробнее [Piperski, Kukhto 2016]).

Всё сказанное выше показывает, что корпусное исследование синхронной акцентной вариативности сегодня невозможно, а значит, необходим эксперимент.

4. Эксперимент

Для нашего эксперимента были выбраны две формы: *продал* и *обнял*. Оба этих глагола исторически относились к акцентной парадигме *c*, т. е. имели подвижное ударение, а сейчас демонстрируют акцентную вариативность. Распределение вариантов в устном подкорпусе НКРЯ таково:

(5) *про́дал* × 7 (50 %) ~ *прода́л* × 7 (50 %)
о́бнял × 5 (71 %) ~ *обня́л* × 2 (29 %)

Нам пришлось ограничиться двумя формами, поскольку эксперимент неизбежно должен был быть коротким, чтобы не привлечь внимание участников к тому, что в нем встретилось много форм с вариативным ударением. Выбор слов *продал* и *обнял* подводит нас к следующей нулевой гипотезе, производной от *РГ*':

(6) *Нулевая гипотеза эксперимента (H_0)*
Место ударения в формах *продал* и *обнял* не зависит от места ударения в непосредственно следующих за ними прямых дополнениях[3].

Если гипотеза H_0 верна, ритмического влияния контекста нет, и распределение акцентных вариантов случайно. В противном случае мы ожидаем найти статистически значимое преобладание форм типа ...ó́сσ# ó́сσ… над ...сσ́# ó́сσ… и форм типа ...сσ́# сσ́… над ...ó́сσ# сσ́… в соответствии с *РГ*'.

Участникам эксперимента в качестве задания было предложено читать с листа сконструированные экспериментаторами предложения. Разумеется, такой формат эксперимента мог повлиять на их языковое поведение, поскольку чтение — это более контролируемая ситуация, чем, например, свободная беседа. Для отвлечения участников от сути эксперимента им предлагалось в ходе чтения раскрывать скобки, ставя заключенные в них слова в подходящие по контексту падежные формы.

В общей сложности участникам было предложено 18 предложений, 4 из которых содержали слово *продал*, а 2 — слово *обнял*; 12 оставшихся предложений

[3] Также была проверена аналогичная гипотеза для непосредственно предшествующего глаголу подлежащего.

выполняли роль филлеров. Полная версия опросника приводится в Приложении к статье.

Для обоих глаголов контролировался правый контекст: *продал* дважды встречается перед двусложным прямым дополнением с ударением на первом слоге (*да́чу*, *кни́гу*) и дважды — перед двусложным прямым дополнением с ударением на втором слоге (*брасле́т*, *портре́т*); *обнял* встречается перед двусложным прямым дополнением с ударением на первом слоге (*Аню*) и перед двусложным прямым дополнением с ударением на втором слоге (*сестру́*). Для слова *продал* мы контролировали также левый контекст: там использовались двусложные имена собственные с ударением в двух случаях на первом, а в двух случаях — на втором слоге (*Пе́тя*, *Фёдор* vs. *Анто́н*, *Андре́й*).

Нами было опрошено 87 человек (москвичи различного возраста и пола). В конце эксперимента всем им задавался вопрос, какова, по их мнению, была цель эксперимента, и, если они указывали на ударение, их результаты исключались из дальнейшего рассмотрения. 11 человек (13 %) догадались о цели эксперимента, поэтому в дальнейшем анализируются ответы 76 участников. Среди них 29 мужчин (38 %) и 47 женщин (62 %). Их средний возраст составил 27 лет (min = 11, max = 75). Также были собраны данные об уровне образования (28 % — высшее образование, 52 % — неоконченное высшее образование, 11 % — среднее образование, 9 % — неоконченное среднее образование). Впрочем, подсчеты показали, что ни один из перечисленных социолингвистических параметров не влияет на вариативность ударения.

5. Результаты эксперимента

Эксперимент показал, что ударение в этих формах *обнял* и *продал* действительно заметно варьирует (табл. 1).

Таблица 1

***Продал* и *обнял*: вариативность без учета контекста**

Форма	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
продал	67 (44 %)	85 (56 %)	152 (100 %)
обнял	167 (55 %)	137 (45 %)	304 (100 %)
Всего	234	222	456

Что касается ударения в прямом дополнении, оно статистически значимо влияет на ударение глагола *продал*. В табл. 2–5 приводятся абсолютные числа, проценты, а также результаты двухвыборочного теста пропорций, оценивающего значимость различий между строками[4].

[4] Этот тест неидеально подходит для наших нужд, поскольку от каждого участника эксперимента поступает более одного наблюдения, однако мы считаем такое упрощение допустимым ради ясности изложения.

Таблица 2

Частотность форм *про́дал* и *прода́л* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 5{,}315$; $p = 0{,}021$)

продал	**Ударение на 1-м слоге**	**Ударение на 2-м слоге**	**Всего**
дачу, *книгу*	94 (62 %)	58 (38 %)	152 (100 %)
браслет, *портрет*	73 (48 %)	79 (52 %)	152 (100 %)
Всего	167	137	304

Для глагола *обнял* результат не достиг общепринятого порога статистической значимости (0,05), что может отчасти объясняться тем фактом, что слово *обнял* встречается только два раза, а не четыре. Что же касается процентных соотношений, видно, что проценты в табл. 3 устроены почти так же, как в табл. 2.

Таблица 3

Частотность форм *о́бнял* и *обня́л* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 2{,}699$; $p = 0{,}102$)

обнял	**Ударение на 1-м слоге**	**Ударение на 2-м слоге**	**Всего**
Аню	39 (51 %)	37 (49 %)	76 (100 %)
сестру	28 (37 %)	48 (63 %)	76 (100 %)
Всего	67	85	152

Если проанализировать *продал* и *обнял* вместе, связь ударения в глаголе и в дополнении становится еще более явной (табл. 4).

Таблица 4

Частотность форм *про́дал* и *о́бнял* vs. *прода́л* и *обня́л* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 8{,}436$; $p = 0{,}004$)

продал*, *обнял	**Ударение на 1-м слоге**	**Ударение на 2-м слоге**	**Всего**
дополнение ǿσ	133 (58 %)	95 (42 %)	228 (100 %)
дополнение σǿ	101 (44 %)	127 (56 %)	228 (100 %)
Всего	234	222	456

Табл. 5 на примере глагола *продал* показывает, что по данным нашего эксперимента левый контекст для выбора ударения нерелевантен.

Таблица 5

Частотность форм *про́дал* и *прода́л* в зависимости от ударения подлежащего (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 0{,}053$; $p = 0{,}818$)

продал	**Ударение на 1-м слоге**	**Ударение на 2-м слоге**	**Всего**
Петя, *Фёдор*	82 (54 %)	70 (46 %)	152 (100 %)
Антон, *Андрей*	85 (56 %)	67 (44 %)	152 (100 %)
Всего	167	137	304

Если *РГ'* верна, это должно сказываться и на тех участниках эксперимента, которые демонстрируют внутриидиолектную вариативность. Таких оказалось много: 35 человек из 76 (46 %) произнесли хотя бы один глагол с двумя разными ударениями.

Глагол *обнял* встретился в опроснике два раза, и это означает, что если нам удается увидеть у этого глагола внутриидиолектное варьирование, то варианты могут сочетаться с дополнениями двумя способами:

(7) *обня́л сестру́ ~ о́бнял Аню* 16 (73 %)
о́бнял сестру́ ~ обня́л Аню 6 (27 %)

Результат согласуется с *РГ'*: модель *обня́л сестру́ ~ о́бнял Аню* с чередованием ударных и безударных слогов преобладает.

Ситуация со словом *продал* сложнее: у нас есть по четыре произнесения от каждого участника — но результаты еще более убедительны. Три участника идеально соответствуют гипотезе:

(8) *про́дал* × 2 (*да́чу*, *кни́гу*) ~ *прода́л* × 2 (*браслет*, *портре́т*) 3

Важно, что других моделей вариативности типа *про́дал* × 2 ~ *прода́л* × 2 не фиксируется. У 17 респондентов встречается соотношение ответов 3:1.

(9) *про́дал* × 3 ~ *прода́л* × 1 10 (59 %)
про́дал × 1 ~ *прода́л* × 3 7 (41 %)

Если предположить, что у таких говорящих есть основной акцентный вариант исследуемой формы (более частотный) и дополнительный, можно проверить, в каких контекстах выбирается этот дополнительный вариант. В 16 из 17 случаев (94 %) он был выбран там, где его использование позволяет соблюсти *РГ'* (например, человек, который обычно говорит *прода́л*, все-таки скажет *про́дал да́чу* с чередованием ударных и безударных). Это тоже указывает на то, что в наших данных есть тенденция избегать скопления как ударных, так и безударных слогов.

Ограничения проведенного эксперимента очевидны (были проанализированы всего два глагола, только в контексте прямого дополнения, в речи носителей исключительно из Москвы), однако на его основании уже можно заключить, что мы наблюдаем статистические тенденции, которые подтверждают ритмическую гипотезу, по крайней мере, в ее более слабом варианте *РГ'*.

8. Заключение

В нашей статье приводятся новые экспериментальные данные о вариативности ударения в русском языке. Мы показали, что по крайней мере для некоторых глагольных форм выбор одного из вариантов ударения различается не только у разных носителей, но и в речи одного носителя. Было экспериментально доказано, что в ситуации внутриидиолектной вариативности важную роль играет контекст: наличие акцентных вариантов используется для того, чтобы максимизировать в речи чередование ударных и безударных слогов. Именно поэтому в контекстах типа *про́дал да́чу* наблюдается тенденция к ударению *про́дал*, а в контекстах типа *прода́л браслет* — к ударению *прода́л*. Разумеется, эмпирическая база исследования

нуждается в расширении, однако соблюдение ритмической гипотезы (о стремлении к чередованию ударных и безударных слогов) можно считать подтвержденным по крайней мере для некоторых слов и контекстов.

Литература

Аванесов Р. И. (*ред.*). Орфоэпический словарь русского языка. 4-е изд. М.: Русский язык, 1988. 704 с.

Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. 416 с.

Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: Опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. 425 с.

Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2001. 736 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Зализняк А. А. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981. С. 89–174.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.

Зализняк А. А. Популярные лекции академика А. А. Зализняка [Электронный ресурс] / Эпизод из истории русского ударения: лекция А. А. Зализняка на XVII Летней лингвистической школе. Дубна, 9 июля 2015 г. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?presentid=11930 (свободный). Загл. с экрана.

Каленчук М. Л., *Касаткин Л. Л.*, *Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1024 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный). Загл. с экрана.

Острогорская-Якшич О. Место ударения в формах прошедшего времени современного русского языка // Русский язык за рубежом. 1987. № 4. С. 57–62.

Шведова Н. Ю. (*ред.*). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Halle M. The accentuation of Russian words // Language. 1973. No. 49 (2). P. 312–348.

Piperski A. Ch., Kukhto A. V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016”. Moscow: RGGU, 2016. P. 540–550.

Schlüter J. Rhythmic grammar: The influence of rhythm on grammatical variation and change in English. Berlin: de Gruyter Mouton, 2005. (Topics in English Linguistics; 46.)

Anton Kukhto*[*, 1], Alexander Piperski*[**, 2]
**Massachusetts Institute of Technology (Cambridge, USA),*
***Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*
kukhto@mit.edu[1], apiperski@gmail.com[2]

AN EXPERIMENTAL STUDY OF STRESS VARIATION IN RUSSIAN PAST TENSE VERBAL FORMS

This paper discusses stress variation in Russian past tense verbal forms. It is generally assumed that it instantiates inter-speaker variation governed by sociolinguistic factors. However, there is also substantial intra-speaker variation. We claim that it is partially constrained by the rhythm of the context in which the given form with variable stress occurs. In order to test this claim, we ran an experiment that showed a clear preference for alternating rhythm in a sequence of a past tense verb and its direct object. We regard this pattern to be a case of the more general rhythmic rule active in Modern Standard Russian.

Key words: Russian language, word stress, variation, rhythm

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka.* [Russian pronouncing dictionary]. 4th ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1988. 704 p.

Dobrushina N. R. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: Opyt issledovaniya grammaticheskoi semantiki.* [Subjunctive in Russian: A study in grammatical semantics]. Prague, Animedia Company, 2016. 425 p.

Dybo V. A. *Morfonologizovannye paradigmaticheskie aktsentnye sistemy: Tipologiya i genezis.* [Morphophonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2001. 736 p.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologija* [A historical grammar of the Russian Language: Phonetics. Morphology]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 416 p.

Halle M. The accentuation of Russian words. *Language*. 1973. No. 49(2). P. 312–348.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka.* [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1024 p.

Russian National Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru

Ostrogorskaya-Yakshich O. [Stress placement in the past tense forms in Modern Russian]. *Russkii yazyk za rubezhom*. 1987. No. 4. P. 57–62. (In Russ.)

Piperski A. Ch., Kukhto A. V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2016"*. Moscow, RGGU Publ., 2016. P. 540–550.

Schlüter J. *Rhythmic grammar: The influence of rhythm on grammatical variation and change in English*. Berlin, de Gruyter Mouton, 2005. (Topics in English Linguistics; 46.)

Shvedova N. Yu. (Ed.) *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [A grammatical dictionary of Russian]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977. 880 p.

Zalizniak A. A. [Verbal accentuatian in a South Russian manuscript from the 16th century]. *Slavyanskoe i baltiiskoe yazykoznanie. Problemy morfonologii* [Slavic and Baltic linguistics. Topics in morphophonology]. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 89–174. (In Russ.)

Zalizniak A. A. *Ot praslavjanskoj akcentuacii k russkoi* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 432 p.

Zalizniak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General remarks and a dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 728 p.

Zalizniak A. A. Epizod iz istorii russkogo udareniya [An episode from the history of Russian stress]. *Lecture given at the 17th Summer School in Linguistics*. Dubna, 9th of July, 2015. Available at: http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?presentid=11930

Приложение. Опросник для эксперимента

Пожалуйста, прочитайте вслух приведенные ниже предложения, при чтении раскрывая скобки.

Пример:
У Мити в комнате живут 2 (попугай) → У Мити в комнате живут два попугая.

1. Дима вернулся домой, увидев, что на (улица) идет дождь.
2. Антон продал браслет, который достался ему в наследство от (бабушка).
3. (Васин) сестра гуляла с 2 (собака).
4. Иван так и не прочитал ни одного из 5 (знаменитый роман) Достоевского.
5. Толя усомнился в (то), что его (друзья) удастся взобраться на (гора).
6. Дима выбежал на перрон и обнял сестру, которая ждала его с (грудной младенец) на руках.
7. Вчера к нам приходили Маша и Дима с 3 (ребенок).
8. Андрей продал книгу, которую он купил вчера, за 30 (доллар).
9. Я прочитал эту книгу за 3 (вечер).
10. (Мой) жена часто ходит за (грибы) с 2 (корзина).
11. Петя продал дачу за 2 (миллион рублей).

12. Миша очень радовался, что смог снять квартиру в (Москва) всего за 25 000 (рубль).
13. Я купил розы, чтобы подарить их (любимая девушка).
14. Иван Александрович перенес (тяжелая операция) на (желчный пузырь).
15. Федор продал портрет, который нарисовал его дедушка, за 2000 (швейцарский франк).
16. Когда Аня и Толя гуляли по набережной, они часто приходили к (мы) в (гость).
17. (Я) пришлась по душе книга, (которая) подарили Володя и Галя.
18. Прощаясь, Костя так нежно обнял Аню за (талия), что ее родители заподозрили, что (они) связывает не просто дружба.

Д. М. Савинов[1], Е. С. Скачедубова[2], А. Е. Сомова[3]
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
crillon@yandex.ru[1], skaekaterina@yandex.ru[2], alsomova@yandex.ru[3]

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ШКОЛЬНЫМ СЛОВАРЕМ УДАРЕНИЙ: АКЦЕНТУАЦИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НЕВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Статья посвящена анализу соотношения нормы и узуса в акцентуации невозвратных глаголов непродуктивных классов в форме прошедшего времени. В данной работе на основе данных, полученных в результате серии экспериментов, которые отражают актуальное произношение носителей современного русского литературного языка, делается вывод о необходимости корректировки кодификационных решений современных орфоэпических словарей.

Ключевые слова: глагол, акцентуация, орфоэпия, норма, кодификация

0. Одна из задач орфоэпического словаря — сообщать сведения об ударении. В словари включаются слова и словоформы, при произнесении которых могут возникать затруднения в постановке ударения. Эти затруднения вызваны особенностями русского ударения, которое, как известно, свободно (может падать на любой слог) и подвижно, т. е. при изменении слова может в разных формах перемещаться с одной морфемы на другую. Считается, что нормы постановки ударения в современном русском литературном языке описаны достаточно полно и кодифицированы в различных словарях и справочниках.

Однако звуковой строй русского языка непрерывно развивается, что приводит к естественному изменению некоторых сложившихся закономерностей в области ударения. Если «старшая» норма достаточно подробно изучена и описана (например в работах Н. А. Еськовой, В. Л. Воронцовой, Р. Ф. Касаткиной), то системных описаний «младшей» акцентологической нормы, основанных на социолингвистических экспериментах, очень мало. Недостаток таких описаний отражается на качестве орфоэпических словарей, в которых можно наблюдать, во-первых, разнобой в акцентологических рекомендациях, а во-вторых, расхождение рекомендаций и узуса. Орфоэпические словари не всегда объективно отражают тенденции быстро развивающегося живого разговорного языка, а потому многие формы,

существующие в речи его носителей, считаются нелитературными. Перед составителем словаря стоит очень сложная задача: определить, где находится грань между вариантом, который уже необходимо квалифицировать как допустимый в литературном языке, и вариантом, который еще или уже следует признавать неправильным.

В данной статье будет рассмотрена акцентуационная вариативность в формах прошедшего времени невозвратных глаголов. Как известно, в русском языке большинство глаголов при словоизменении сохраняют ударение исходной словоформы, т. е. имеют неподвижное ударение как в основе настоящего (будущего простого) времени, так и в основе инфинитива. Подвижное ударение в прошедшем времени свойственно лишь небольшой группе глаголов, относящихся к непродуктивным классам. Эти же глаголы обычно характеризуются и высокой степенью вариативности ударения в соответствующих формах.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в исследуемых глаголах, была проведена серия экспериментов: респондентам различного пола, трех возрастных групп (младшая — до 29 лет включительно, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше), москвичам во втором-третьем поколении, носителям литературной нормы русского языка, были предложены для чтения тексты, содержащие глагольные формы, допускающие в разговорной речи варианты ударения. В эксперимент входили следующие невозвратные глаголы и их префиксальные производные: *взять*, *лить*, *вить*, *гнать*, *дать*, *врать*, *драть*, *брать*, *жить*, *пить*, *плыть*, *рвать*, *спать*, *ткать*, *быть*, *слать*, *стлать*, *жрать*, *ждать*, *лгать*, *клясть*, *звать*, *красть*, а также префиксальные образования с корнями *бы-*, *ня-* и *мер-* (типа *убыть*, *принять*, *умереть*).

1. Формы среднего рода

Подавляющее большинство исследованных глаголов в раннедревнерусском языке были энклиноменами, соответственно, ударение во всех формах прошедшего времени кроме формы ж. р. ед. ч. исконно должно было падать либо на корень / суффикс (у непроизводных бесприставочных глаголов), либо на приставку (у префиксальных производных). По данным Л. А. Булаховского и Н. А. Еськовой, этот принцип в целом сохранялся до конца XVIII — начала XIX в.: *да́ло*, *о́бвил*, *при́брало*, *по́плыло*, *со́рвали* и др. [Булаховский 1948: 215–219, 224–225; Еськова 2008: 375–389]. Однако уже с первой половины XIX в. прослеживается тенденция «к “выравниванию” ударения приставочных глаголов по осно́вному» [Воронцова 2000: 308], т. е. к перемещению ударения на основу — по аналогии с производящими бесприставочными глаголами в соответствующих формах.

Проведенный нами анализ текстов XVIII–XIX вв. поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) дал возможность обнаружить немалое количество примеров приставочных и бесприставочных глаголов, в которых ударение в ср. р. падает не только на приставку, корень или суффикс, но и на окончание. Следует отметить, что наиболее часто нафлективное ударение

встречается, по данным материалов НКРЯ, в бесприставочных глаголах. Приведем лишь некоторые примеры: «*Меж бледных звезд Как человеческое было Лицо луны, и слезы* ***ли́ло***» (А. Н. Майков, 1853) — «*Оно, горевшее светло, Как бы зияющая рана Болезни смрадные* ***лило́***» (А. М. Жемчужников, 1867); «*По плечам твоим высоким Солнце блеск* ***разли́ло*** *свой. И знакомые мне косы Льнут к волнам своей волной*» (К. К. Случевский, 1897) — «*И чудное, исполненное ласки Создание — на щеки, на чело Как будто воск холодный* ***разлило́****, И я застыл в окаменелой маске*» (К. М. Фофанов, 1892); «*Весь свет непрестанно Терпит отмены, и то чудно лишь бы было, Если б мое в тех валах судно равно* ***плы́ло***» (А. Д. Кантемир, 1731–1743) — «***Плыло́*** *бы все ко мне: из темныя конурки Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях; Явился бы и кит с огромными усами, И нильский крокодил в узорных чешуях*» (В. А. Жуковский, 1819); «*Светила чудные сияли в вышине И, улыбаясь, смотрели в душу мне; Чистейшим серебром поля вдали сияли, Леса пустынные недвижимо стояли; Все* ***спа́ло***…» (А. Н. Апухтин, 1854) — «*Сидела мать у колыбели; Дитя* ***спало́****, но в странном сне*…» (Н. П. Огарев, 1841); «*Что* ***зва́ло*** *жить, что силы горячило — Далеко за горой*» (А. А. Фет, 1853) — «*Надменное ветрило Его* ***звало́*** *к брегам чужой земли*…» (А. С. Пушкин, 1814); «*Я пел одинок, но тужить и роптать Мне, старому, было б грешно и нестать — Наград мое сердце не* ***жда́ло****!*» (А. К. Толстой, Слепой, 1873) — «*Это все, поверь, Нас* ***ждало́*** *давно, И сбылось теперь, чему быть должно*» (А .Н. Апухтин, 1854–1892) и др.

Современные орфоэпические словари формы ср. р. с ударением на окончании (типа *лило́*, *разлило́*, *гнало́*, *загнало́*, *брало́*, *набрало́*, *ждало́* и др.) дают с запретительной пометой *не рекомендовано*, допустимыми признаются формы *взяло́* и *дало́* [Еськова 2014; Аванесов (ред.) 1999; Резниченко 2008] или только *дало́* [Штудинер 2016]. Лишь в Большом орфоэпическом словаре варианты с нафлективным ударением в форме ср. р. трактуются как нормативные и снабжены пометой *допустимо младшее* [Каленчук и др. 2017].

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка произносят данные формы преимущественно с ударением на окончании, причем часто процент таких произнесений имеет тенденцию к возрастанию от старшей к младшей возрастной группе. Обращает внимание, что в непроизводных бесприставочных глаголах процент произнесения с ударным окончанием значительно выше, чем в производных, для ряда лексем он приближается или равен 100 %. Наиболее часто формы ср. р. с нафлективным ударением встречаются в глаголах *лить*, *дать*, *звать*, *взять* и их префиксальных производных: *ли́ло* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *лило́* (90 % ст. и мл., 100 % ср.); *за́лило* (30 % ст., 20 % ср., 0 % мл.), *зали́ло* (20 % ст., 0 % ср., 10 % мл.) и *залило́* (50 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *разли́ло* (30 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *разлило́* (70 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *да́ло* (0 % ст. и мл., 10 % ср.) и *дало́* (100 % ст. и мл., 90 % ср.); *по́дало* (40 % ст., 30 % ср., 30 % мл.), *пода́ло* (10 % ст. и мл., 30 % ср.) и *подало́* (50 % ст., 40 % ср., 60 % мл.); *пере́дало* (17 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *переда́ло* (8 % ст., 20 % ср., 0 % мл.) и *передало́* (75 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *зва́ло* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *звало́* (90 % ст. и мл., 100 % ср.); *подозва́ло* (80 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *подозвало́* (20 %

ст., 50% ср., 80% мл.); *призва́ло* (50% ст., 60% ср., 20% мл.) и *призвало́* (50% ст., 40% ср., 80% мл.) и др.

Глаголы *брать*, *гнать* и *жить* в целом вписываются в общий процесс переноса ударения на окончание, о чем свидетельствуют некоторые словоформы: *бра́ло* (40% ст., 20% ср. и мл.) и *брало́* (60% ст., 80% ср. и мл.); *набра́ло* (50% ст., 30% ср., 10% мл.) и *набрало́* (50% ст., 70% ср., 90% мл.); *отобра́ло* (17% ст., 40% ср., 10% мл.) и *отобрало́* (83% ст., 60% ср., 90% мл.); *прибра́ло* (30% ст., 20% ср. и мл.) и *прибрало́* (70% ст., 80% ср. и мл.); *гна́ло* (30% ст., 40% ср., 10% мл.) и *гнало́* (70% ст., 60% ср., 90% мл.); *загна́ло* (30% ст., 50% ср., 20% мл.) и *загнало́* (70% ст., 50% ср., 80% мл.); *обогна́ло* (40% ст., 60% ср., 40% мл.) и *обогнало́* (60% ст., 40% ср., 60% мл.); *жи́ло* (30% ст., 60% ср., 10% мл.) и *жило́* (70% ст., 40% ср., 90% мл.); *о́бжило* (0% ст. и мл, 10% ср.), *обжи́ло* (30% ст. и мл., 40% ср.) и *обжило́* (70% ст. мл, 50% ср.); *за́жило* (60% ст., 30% ср., 20% мл.), *зажи́ло* (0% ст. и мл, 10% ср.) и *зажило́* (40% ст., 60% ср., 80% мл.), *о́жило* (40% ст., 20% ср., 50% мл.), *ожи́ло* (10% ст., 0% ср. и мл.) и *ожило́* (50% ст. и мл., 80% ср.).

Однако достаточно большое количество приставочных образований от этих глаголов до сих пор последовательно сохраняет наосновное окончание: *избра́ло* (60% ст., 100% ср., 70% мл.) и *избрало́* (40% ст., 0% ср., 30% мл.); *разобра́ло* (60% ст., 50% ср., 70% мл.) и *разобрало́* (40% ст., 50% ср., 30% мл.); *перебра́ло* (80% ст., 40% ср., 70% мл.) и *перебрало́* (20% ст., 60% ср., 30% мл.); *обобра́ло* (40% ст., 70% ср. и мл.) и *обобрало́* (60% ст., 30% ср. и мл.); *изгна́ло* (42% ст., 80% ср., 50% мл.) и *изгнало́* (58% ст., 20% ср., 50% мл.); *пригна́ло* (90% ст., 100% ср., 30% мл.) и *пригнало́* (10% ст., 0% ср., 70% мл.); *догна́ло* (80% ст., 60% ср., 50% мл.) и *догнало́* (20% ст., 40% ср., 50% мл.); *нагна́ло* (70% ст., 80% ср., 80% мл.) и *нагнало́* (30% ст., 20% ср., 20% мл.); *о́тжило* (20% ст. и мл., 100% ср.), *отжи́ло* (60% ст. и мл., 100% ср.) и *отжило́* (20% ст. и мл., 30% ср.); *до́жило* (70% ст., 40% ср., 20% мл.), *дожи́ло* (20% ст. и ср., 50% мл.) и *дожило́* (10% ст., 40% ср., 30% мл.); *по́жило* (20% ст. и ср., 0% мл.), *пожи́ло* (60% ст. и мл., 50% ср.) и *пожило́* (20% ст., 30% ср., 40% мл.); *пе́режило* (10% ст., 20% ср. и мл.), *пережи́ло* (70% ст., 30% ср., 60% мл.) и *пережило́* (20% ст. и ср., 50% мл.).

Есть и другие исключения. Во-первых, особняком стоят глаголы *вить* и *пить*, относящиеся к одному классу. Так, в глаголе *вить* и префиксальных производных в ср. р. ударение чаще падает на основу: *ви́ло* (80% ст. и ср., 100% мл.) и *вило́* (20% ст. и ср., 0% мл.), *уви́ло* (75% ст., 90% ср., 100% мл.) и *увило́* (25% ст., 10% ср., 0% мл.), *привы́ло* (60% ст., 90% ср., 80% мл.) и *привыло́* (40% ст., 10% ср., 20% мл.), *сви́ло* (60% ст., 80% ср. и мл.) и *свило́* (40% ст., 20% ср. и мл.), *зави́ло* (70% ст. и мл., 80% ср.) и *завило́* (30% ст. и мл., 20% ср.).

Глаголы с корнем *пи-* имеют нафлективное ударение несколько чаще, чем глаголы с корнем *ви-*, однако количество респондентов, поставивших ударение на окончание, не превышает 30–40%: *пи́ло* (90% ст., 80% ср., 70% мл.) и *пило́* (10% ст., 20% ср., 30% мл.), *отпи́ло* (80% ст., 40% ср., 70% мл.) и *отпило́* (20% ст., 60% ср., 30% мл.), *допи́ло* (80% ст. и ср., 70% мл.) и *допило́* (20% ст. и ср., 30% мл.), *попи́ло* (60% у всех групп респондентов) и *попило́* (40% у всех групп респондентов).

Следует отметить, что в отличие от всех остальных глаголов с исконно подвижной акцентной парадигмой, у *вить* и *пить* максимальное количество произнесений с ударением на флексию фиксируется не в производящих бесприставочных глаголах, а в префиксальных производных: количество произнесений *привило́*, *свило́*, *завило́*, *попило́*, *отпило́* значительно превышает количество произнесений *вило́* и *пило́*. Возможно, стабильное сохранение ударения на основе в ср. р. связано с влиянием других глаголов данного класса, большинству которых в прошедшем времени свойственно неподвижное ударение на основе: *бить*, *шить*, *брить*, *крыть*, *мыть* и др. Кроме того, в случае с глаголом *вить* и его префиксальными производными такая акцентуация объясняется разграничением омонимии с формами глагола *вести́* и соответствующими производными: *ви́ло*, но *вело́*, *прививи́ло*, но *привело́* и др.

Во-вторых, у глаголов *слать*, *стлать*, *красть*, *ткать* с исконно неподвижным наосновным ударением в формах прошедшего времени процент произнесений форм ср. р. с ударением на окончании не превышает 10–20 %, причем обычно в младшей или, реже, в средней группе респондентов. Респонденты старшей возрастной группы произносят эти формы преимущественно с ударением на основе: *сла́ло*, *засла́ло*, *посла́ло*, *пересла́ло*, *досла́ло*, *стла́ло*, *устла́ло*, *разостла́ло*, *постла́ло*, *кра́ло*, *укра́ло*; *тка́ло*, *наткла́ло* и др.

Наконец, небольшое количество префиксальных глаголов произносится преимущественно с ударением на приставке: *предпри́няло*: 100 % ст., 90 % ср. и 90 % мл., *по́няло*: 90 % ст., 70 % ср., 60 % мл., *на́няло*: 80 % ст. и 80 % ср., 60 % мл.; *при́няло*: 100 % ст., 80 % ср. и 80 % мл., *при́было*: 100 % ст. и 100 % ср., 90 % мл., *за́перло*: 75 % ст., 90 % ср., 90 % мл.; *о́тбыло*: 30 % ст., 60 % ср., 40 % мл.; *у́было*: 90 % ст. и 90 % ср., 80 % мл., *про́было* (70 % ст. и мл., 80 % ср.), *про́кляло* (70 % ст., 50 % ср., 60 % мл.), *за́мерло* (100 % ст., 80 % ср., 60 % мл.), *у́мерло* (100 % ст. и ср., 90 % мл.). По всей видимости, здесь произошла лексикализация места ударения, которая, возможно, обусловлена постепенным «затемнением» словообразовательной мотивированности данных слов, их отрывом от производящей основы (*прибыть*, *отбыть*, *убыть*), а также наличием в глаголах связанного корня (*понять*, *нанять*, *принять*, *запереть*). К последней группе примыкают глаголы *замереть* и *умереть*, соотносимые с малоупотребительным разговорным глаголом *мереть*, который в современном русском языке имеет дефектную парадигму и употребляется исключительно в устойчивых сочетаниях (*мрут как мухи*). В случае с глаголом *предпринять* также действует тенденция к ритмическому равновесию.

2. Формы женского рода

У глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму, ударным в ж. р. ед. ч. было окончание. По данным НКРЯ, нафлективное ударение в этой форме стабильно сохранялось вплоть до XVIII–XIX вв. Примеры с ударением на основу начинают встречаться с первой половины XIX в., однако они немногочисленны: «*Когда небесные все силы* ***Призва́ла****, дни свои кляня, И застонала:*

“*Милый, милый, Ужель разлюбишь ты меня!*”» (В. И. Туманский, 1833); «*Совершенно умирала; Силы все свои* ***собра́ла****, Взлезла лишь — и все прошло, Сердце будто расцвело*» (И. П. Мятлев, 1840). Их количество несколько увеличивается только к началу XX в.

В современных орфоэпических словарях для глагольных форм женского рода прошедшего времени в качестве нормативного дается только вариант с нафлективным ударением (*жила́*, *изжила́*, *рвала́*, *нарвала́* и др.). Результаты эксперимента показывают, что в этих формах в большинстве случаев ударение на окончании последовательно сохраняется. Более того, нафлективное ударение в формах ж. р. становится возможным и для глаголов, ранее имевших в прошедшем времени неподвижное ударение на основе: *слать*, *стлать*, *красть*. Так, вариант *слала́* предпочли 20 % ст., 20 % ср., 40 % мл., *послала́*: 30 % ср. и 30 % мл., *отослала́*: 10 % ср., 50 % мл.; *стлала́*: 10 % ст., 50 % ср., 40 % мл.; *постлала́*: 10 % ст., 30 % ср., 10 % мл.; *крала́*: 60 % ст., 50 % ср., 70 % мл. Очевидно, что количество произнесений с ударением на окончании в этих глаголах постепенно увеличивается.

Варианты *слала́* и *стлала́* спорадически фиксируются в поэзии начиная с конца XIX в.: «*И не подумаешь, что злобно Здесь ночью снежная метель С своею песнею надгробной* ***Стлала́*** *холодную постель*» (К. М. Фофанов, 1887); «*Еще Аравия тирана Сюда такого не* ***слала́***, *Еще над селами Ирана Тень не была такого зла*» (Г. В. Адамович, 1918–1920). В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова формы *стла́ла* и *стлала́* признаются равноправными, а вариант *слала́* снабжается пометой «областное» [Ушаков 1940:. 256, 522]. В других орфоэпических источниках нормативным в этих формах считается только вариант с наосновным ударением.

Акцентные варианты *крала́*, *украла́* в НКРЯ не зафиксированы, во всех источниках (включая словарь под редакцией Ушакова) единственно правильными признаются варианты с ударением на корне: *кра́ла*, *укра́ла*. Лишь в Большом орфоэпическом словаре вариант *крала́* признается нормативным и дается с пометой *допустимо младшее* [Каленчук и др. 2017: 326].

Особо следует остановиться на префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать*, которые, по данным эксперимента, довольно часто произносятся в ж. р. с ударением на суффиксе: *изгна́ла* (30 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *погна́ла* (70 % ст., 10 % ср., 30 % мл.), *вогна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *пригна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *догна́ла* (30 % ст., 10 % ср. и мл.), *угна́ла* (50 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *обогна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *перегна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *нагна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *тка́ла* (30 % ст. и ср., 10 % мл.), *натка́ла* (20 % ст. и ср., 30 % мл.). Исконно все формы, образованные от основы инфинитива этих глаголов, имели акцентную парадигму *а*, т. е. постоянное ударение на глагольном суффиксе, см. [Зализняк 1985: 125–139]. Позднее в результате влияние аналогии со стороны других глаголов с основой на *-а*, имевших подвижную парадигму (*брать*, *врать*, *драть* и др.), у *гнать* и *ткать* в формах прошедшего времени колонное ударение на основе сменилось подвижным: в ж. р. оно перешло на флексию, а в остальных формах закрепилось на суффиксе. При этом следы старой парадигмы *а* сохранялись еще долгое время. Так, в поэзии XVIII в. широко

представлены формы с наосновным ударением в ед. ч. ж. р. соответствующих глаголов: «***Нагна́ла*** *бабушка пред свадьбой внучке скуку, Рассказывая ей про свадебну науку*» (А. П. Сумароков, 1759), «*Иль сами естество оставили в саду, Или Натура их* ***изгна́ла*** *за вражду*» (Ф. Я. Козельский, 1769); «***Погна́ла*** *все зима, — один ты всех упряме*» (М. Н. Муравьев, 1776); «*И там бы для утех открылся новый трон; На нем бы Дашинька запела, заплясала, Лучом веселости* ***прогна́ла*** *б вечну ночь*» (Н. А. Львов, 1796); «*Не быв наследником Аттала, Не обитаю я дворцов И тканей в дар, что Спарта* ***тка́ла****, Не получаю от льстецов*» (В. В. Попугаев, 1799).

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова квалифицирует формы *тка́ла* и *ткала́* как равноправные варианты (но только *наткала́*, *соткала́* и др.) [Ушаков (ред.) 1935–1940]. В более поздних орфоэпических источниках равноправными вариантами признаются также *натка́ла* и *наткала́*, *сотка́ла* и *соткала́* и др. [Аванесов (ред.) 1999; Резниченко 2008]. Большой орфоэпический словарь как основные дает формы с ударением на окончании: *ткала́*, *наткала́*, *соткала́* и др., формы с ударением на суффиксе снабжаются пометой *допустимо* [Каленчук и др. 2017]; М. А. Штудинер считает единственно правильными варианты с ударением на окончании: *ткала́* и др. [Штудинер 2016].

Наосновное ударение в ж. р. фиксируется и у глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму. Наиболее часто такая акцентуация отмечается в некоторых префиксальных производных от глаголов *вить*, *пить*, *драть*, *брать*, *рвать* и *жрать*. Приведем самые частотные формы, в которых процент подобной акцентуации равняется или превышает в отдельных возрастных группах 40%: *ви́ла* (60% ст., 50% ср. и мл.), *уви́ла* (30% ст., 60% ср. и мл.), *привы́ла* (20% ст., 50% ср. и мл.), *нави́ла* (30% ст., 40% ср., 70% ст.), *зави́ла* (40% ст., 30% ср. и мл.), *сви́ла* (40% ст., 0% ср., 30% мл.), *пропи́ла* (8% ст., 0% ср., 40% ст.), *испи́ла* (40% ст. и ср., 20% мл.), *распи́ла* (40% ст., 30% ср., 0% мл.), *ободра́ла* (20% ст., 40% ср. и мл.), *разодра́ла* (40% ст., 10% ср. и мл.), *удра́ла* (50% ст., 20% ср., 10% мл.), *подра́ла* (40% ст., 30% ср. и мл.), *обобра́ла* (20% ст., 40% ср., 10% мл.), *изорва́ла* (20% ст., 50% ср., 0% мл.), *прорва́ла* (40% ст., 20% ср., 0% мл.), *пожра́ла* (60% ст., 0% ср., 20% мл.), *сожра́ла* (40% ст., 0% ср. и мл.).

В остальных глагольных корнях ударение на основе в ж. р. характеризует обычно только отдельные слова с двусложной приставкой: *недоли́ла*, *препода́ла*, *перевра́ла*, *переплы́ла*, *оболга́ла*, что можно считать проявлением тенденции к ритмическому равновесию.

Можно предположить, что перенос ударения на основу в ж. р. глаголов с подвижной акцентной парадигмой у некоторых информантов объясняется региональным влиянием, поскольку в Западной диалектной зоне русского языка, а также в других восточнославянских языках части исследуемых глаголов свойственно неподвижное ударение на основе (*бра́ла*, *дра́ла*, *зва́ла* и др.).

О региональном распределении форм типа *бра́ла*, *спа́ла — брала́*, *спала́* в русских говорах см. [Касаткин (ред.) 2013: 165–166]. Акцентуация *бра́ла*, *спа́ла* обычно характеризует не только диалектный узус, но и речь местной интеллигенции, таким образом, накоренное ударение в форме ж. р. можно считать чертой, присущей

западному региональному варианту русского литературного языка [Букринская, Кармакова 2012: 160].

3. Таким образом, для большинства невозвратных глаголов, исследованных в эксперименте, характерно формирование нового акцентного противопоставления единственного и множественного чисел: в ж. и ср. р. ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу. В частности, наличие этой тенденции подтверждает полное отсутствие в формах мн. ч. исследованных глаголов смещения ударения на окончание — его нет не только в разговорном узусе носителей русского литературного языка, но и в московском просторечии, тогда как формы с ударным окончанием в ср. р. ед. ч. постепенно становятся основными акцентными вариантами.

В заключение хочется отметить, что придание нормативного статуса тому или иному из существующих произносительных вариантов должно опираться не только на орфоэпические традиции кодификации, но и отражать основные тенденции развития русского литературного языка, прямо влияющие на разговорный узус. Можно констатировать, что нормы ударения, которые кодифицированы в современных словарях, требуют пересмотра и уточнения.

Литература

Аванесов Р. И. (*ред*.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. 6-е изд. М., 1999. 687 с.

Букринская И. А., *Кармакова О. Е.* Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2012. С. 153–164.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев, 1948. 466 с.

Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М., 2000. С. 305–325.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008. 578 с.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. М., 2014. 535 с.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 429 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2017. 1022 с.

Касаткин Л. Л. (*ред*.). Русская диалектология. 3-е изд., исправ. и доп. М., 2013. 302 с.

Касаткина Р. Ф. Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2008. С. 375–398.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный). Загл. с экрана.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008. 944 с.

Ушаков Д. Н. (*ред.*). Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940.

Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М., 2016. 590 с.

Dmitry M. Savinov[1], Ekaterina S. Skachedubova[2], Alexandra E. Somova[3]
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru[1], skaekaterina@yandex.ru[2], alsomova@yandex.ru[3]

EXPERIENCE OF OVER ORPHOEPIC DICTIONARY: ACCENTUATION OF NONREFLEXIVE VERBS OF THE PAST TENSE FORMS

The article is devoted to the accentuation of non-reflexive verbs in the form of the past tense. In this paper, on the basis of comparison of stress variants, codified by modern orthoepic dictionaries, and the data obtained as a result of experiments that reflect the actual pronunciation of modern Russian literary language speakers, the causes of changes occurring in the accent paradigm of non-reflexive verbs of the past tense are analyzed, the problems of codification of norms in the orthoepic dictionaries are raised.

Key words: verb, orthoepic dictionary, modern Russian literary language, accent, codification

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Pronouncing dictionary of the Russian language: pronunciation, accent, grammatical forms]. 6th ed. Moscow, 1999. 678 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Language situation in small towns of Russia]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 15: Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoi i literaturnoi form yazyka v slavyanoyazychnoi srede* [Research on Slavic dialectology. Vol. 15: features of coexistence of dialect and literary forms of language in the Slavic-speaking environment]. L. E. Kalnyn' (ed.). Moscow, 2012. P. 153–164. (In Russ.)

Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Russian literary language of the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Emphasis. Syntax]. Kiev, 1948. 466 p.

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'I* [Dictionary of

difficulties of the Russian language of 18th–19th centuries. Grammatical form]. Moscow, 2008. 578 p.

Es'kova N. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka. Grammaticheskie formy* [Dictionary of difficulties of the Russian language. Grammatical form]. Moscow, 2014. 535 p.

Kasatkin L. L. (ed.) *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. 3rd ed. Moscow, 2013. 302 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka.* [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. 2nd ed. Moscow, 2017. 1022 p.

Kasatkina R. F. [Changes in the prosodic system of the Russian literary language]. *Sovremennyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of 20th–21th centuries]. L. P. Krysin (ed.). Moscow, 2008. P. 375–398. (In Russ.)

Russian National Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru

Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [The dictionary of accents of Russian language]. Moscow, 2008. 944 p.

Shtudiner M. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka dlya rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy* [Dictionary of Russian language difficulties for media workers. Accent, pronunciation, grammatical forms]. Moscow, 2016. 590 p.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, 1935; vol. 2. Moscow, 1938; vol. 3. Moscow, 1939; vol. 4. Moscow, 1940.

Vorontsova V. L. [Active processes in the field of stress]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (ed.). 2nd ed. Moscow. 2000. P. 305–325. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow, 1985. 429 p.

Т. Ю. Шерстинова
Санкт-Петербургский государственный университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Санкт-Петербург)
t.sherstinova@spbu.ru; tsherstinova@hse.ru

ДА-ДА-ДА-ДА-ДА! И ДРУГИЕ КОНСТРУКЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ КОНТАКТНО ПОВТОРЯЮЩИХСЯ СЛОВ, В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСОДИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Яркой характерной чертой повседневной русской речи являются реплики или фрагменты реплик, состоящие исключительно из повтора одних и тех же лексических единиц: *да-да*, *вот-вот*, *ну-ну*, *давай-давай*, *пока-пока*, *да-да-да*, *так-так-так*, *щас-щас-щас*, *нет-нет-нет*, *да-да-да-да-да* и др. Структурная организация и просодические характеристики таких конструкций заслуживают особого внимания фонетистов, поскольку представляется, что с их помощью можно выявить базовые просодические модели языка. Материалом для настоящего исследования стали звукозаписи и расшифровки повседневной устной речи из корпуса «Один речевой день» (ОРД) в объеме 900 тыс. словоупотреблений. С помощью программы построения *n-грамм* по текстам расшифровок были получены данные о частоте реплик, представляющих собой двух- и трехэлементные конструкции типа *да-да* и *да-да-да*, а также предварительные данные о частоте встречаемости повторов из четырех и пяти слов. Оказалось, что чаще всего подобные цепочки образуют слова *да*, *ну*, *вот*, *так*, *щас* (*сейчас*) и другие высокочастотные элементы устного дискурса, причем абсолютным «лидером» среди них является частица *да*. При исследовании конструкций, представляющих собой цепочки контактно повторяющихся слов, следует учитывать, являются ли они целостно-неделимыми с просодической точки зрения или же представляют собой комбинацию конструкций меньшей размерности. Поскольку просодическая выделенность может характеризовать более чем один элемент таких конструкций (например начальный и конечный), в некоторых случаях возникают сложности с определением их ритмической структуры. Просодическое моделирование для конструкций, состоящих из контактно повторяющихся слов, следует начать с выявления базовых моделей небольших по размеру (например двух- или трехэлементных) изолированных реплик.

Ключевые слова: русский язык, устная речь, повседневная речь, лексический повтор, эпизевксис, геминация, частицы, дискурсивные слова, n-граммы, просодия, просодическая модель, речевой корпус

Яркой характерной чертой повседневной русской речи являются реплики или фрагменты реплик, состоящие исключительно из повтора одних и тех же лексических единиц, например: *да-да*, *вот-вот*, *ну-ну*, *давай-давай*, *пока-пока*, *да-да-да*, *так-так-так*, *щас-щас-щас*, *нет-нет-нет*, *да-да-да-да-да* и т. д. Как правило, элементами таких повторяющихся цепочек слов выступают частицы и близкие к ним речевые единицы (*да*, *нет*, *вот*, *не*, *ну*, *так*, *ладно*, *давай* и др.), а также междометия (*ой*, *пока*, *кыш* и др.). Чаще других используются двукратные и трехкратные повторы, но встречаются и повторы значительно большего количества единиц — вплоть до 9 слов (как это будет показано ниже). Трудно себе представить подобные многократные повторы в письменных текстах или в устной речи других жанров (например в официальном дискурсе), однако для повседневных разговоров они представляют собой типичное и весьма распространенное явление. В данной работе будем использовать аббревиатуру *КПС* для обозначения любых цепочек *контактно повторяющихся слов*, тогда их типовые (наиболее часто используемые) модели можно назвать *КПС-конструкциями.*

Следует отметить, что в научной литературе (главным образом в риторике и поэтике) для обозначения повторения слов в контактной позиции используются следующие термины: *редупликация* (удвоение) [Бойчук 2014: 107], *эпизевксис* — «повторение слова подряд, без разрыва, в контактной позиции» [Бойчук 2014: 107], *геминация* — «контактный повтор слова, словосочетания или предложения» [Копнина 2014: 91], *амплификация* (в значении «повтор») [Гришина 2010].

Регулярное использование в речи контактных повторов слов (в том числе и многократных) может объясняться как намеренным желанием участников разговора «усилить» производимый высказыванием прагматический эффект, так, возможно, и неосознанным стремлением говорящих к формированию речи по имплицитно существующим в языке речевым шаблонам — структурным и темпоральным [Шерстинова 2010; Богданова-Бегларян и др. 2013]. Поэтому думается, что высказывания, представляющие собой КПС-конструкции, заслуживают особого внимания фонетистов. Причем в первую очередь интерес представляют те повторы, которые не просто соседствуют в линейной развертке речи, но и образуют интонационно-ритмическое единство.

Так, можно предположить, что трехэлементная конструкция *да-да-да* с ударением на последнем слове (анапест) строится по схожему со многими другими подобными конструкциями (например *нет-нет-нет*, *так-так-так* и т. п.) интонационно-темпоральному шаблону[1]. Тот факт, что повторяющиеся элементы состоят из одних и тех же цепочек аллофонов, должен упростить выявление типовых просодических структур и их вариантов.

[1] При этом надо, разумеется, учитывать прагматическое значение высказываний.

В исследовании Е. А. Гришиной [Гришина 2010] на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) рассматриваются случаи повторов «слов-предложений» *да* и *нет* на материале речи кино: приводится статистика частоты встречаемости таких образований и отмечаются их наиболее типичные просодические характеристики — ритмическая структура и движение интонационного контура. Наиболее частотными как для *да*, так и для *нет* оказались двухэлементные (однократные) повторы. Кроме того, было отмечено, что для двух- и трехэлементных конструкций ударение чаще всего падает на последний слог (что соответствует ритмической структуре ямба или анапеста), а движение тона чаще нисходящее, чем восходящее [Гришина 2010].

Материалом для настоящего исследования стали звукозаписи и расшифровки повседневной устной речи из корпуса «Один речевой день» [Asinovsky et al. 2009; Bogdanova-Beglarian et al. 2015; Bogdanova-Beglarian et al. 2016] в объеме 900 тыс. словоупотреблений. Первой из решаемых задач было выявление списка слов, которые регулярно объединяются в двойные, тройные, четверные и т. д. КПС-конструкции.

Предварительный список таких лексических единиц может быть получен автоматическим методом с помощью программы построения *n-грамм* по текстам расшифровок. *N*-граммы (где *n* — некоторое целое число, обычно в интервале от 2 до 5) представляют собой линейные последовательности *n* слов, идущих друг за другом в тексте (например, биграммы — последовательности из двух слов, триграммы — из трех слов и т. д.), которые традиционно используются в компьютерной лингвистике при решении задач распознавания речи, автоматического машинного перевода и др. для построения вероятностных *n*-граммных моделей, т. е. для оценки того, какое слово является наиболее вероятным следующим словом после данного слова (или нескольких слов) [Jurafsky, Martin 2008]. Помимо графических слов, в *n*-граммы обычно включаются *токены*, отражающие членение текста на предложения или реплики. Это позволяет получать информацию о том, какие элементы занимают начальную или конечную позиции во фразах, а также находить все цепочки слов, полностью совпадающие с репликой.

Для получения списка *n*-грамм было использовано программное обеспечение, разработанное в ООО «Центр Речевых Технологий» [ЦРТ 2016]. На вход программы подавался корпус файлов аннотаций корпуса ОРД в формате *.eaf (формат разметки среды мультимедийного лингвистического аннотирования ELAN [Hellwig et al. 2017]), обработка проводилась по уровню реплик, содержащих расшифровки речи говорящих в орфографическом виде. Всего было обработано 94 155 реплик, в результате чего был получен список *n*-грамм размером до 1 до 5 токенов включительно, состоящий из 1 648 989 разных элементов.

Следующей задачей стал отбор из этого списка самых частотных *n*-грамм, все элементы (т. е. графические слова) которых повторяются. Как было отмечено выше, эмпирические наблюдения показывают, что чаще других происходят повторы частиц (которые и сами по себе являются высокочастотными единицами устной речи), поэтому поиск КПС-конструкций было решено провести по частотному

списку словоформ, полученному на материале корпуса ОРД (см. [Шерстинова 2016]). Тем самым были получены предварительные данные о повторных формах слов с рангом от 1 до 500. В табл. 1 представлены данные для 14 высокочастотных слов, которые регулярно образуют реплики, представляющие собой двух- и трехэлементные конструкции типа *да-да* и *да-да-да*. В таблице приведены данные для тех случаев, когда эти конструкции реализованы в виде изолированной реплики (с паузой или сменой говорящего до и после них) — такая реализация КПС-конструкций является оптимальной для исследования их ритмической и интонационной вариативности. Для оценки их частотности в таблице приводится как абсолютная частота употребления соответствующего слова на материале исследованного подкорпуса, так и количественные данные об однократном употреблении этих слов в тех случаях, когда слово равняется реплике («слова-предложения» по Е. А. Гришиной).

Таблица 1

Частота образования КПС-конструкций в устной русской речи для наиболее частотных слов в виде изолированных реплик (по данным n-грамм анализа расшифровок)

Слово (W)	**Абсолютная частота в выборке (W)**	**Однократное употребление (слово = реплике) W //**	**Частота повторных употреблений**	
			двухэлементная реплика W-W //	**трехэлементная реплика W-W-W //**
да	14 021	2586	121	106
нет	4270	530	15	14
вот	14 630	775	6	5
ну	15 074	323	5	2
не	14 941	34	5	4
что	11 526	208	7	3
так	7116	424	6	8
всё/все	5961	188	7	1
щас (сейчас)	2880	65	1	2
давай	1473	157	13	4
ой	1211	260	9	5
конечно	1171	124	6	1
хорошо	1388	246	12	2
ладно	921	56	1	0

Табл. 1 показывает, что все эти слова (являющиеся преимущественно частицами) регулярно образуют повторные формы, а для таких слов, как *да*, *давай*, *хорошо*, их функционирование в составе КПС-конструкций доходит до 1% от общего количества употреблений. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество трехэлементных конструкций для большинства представленных слов ненамного уступает количеству конструкций из двух элементов (а для слов *щас* и *так* даже оказывается несколько выше). Это говорит о том, что трехэлементные контактные лексические повторы в русской устной речи по популярности близки к двухэлементным.

К сожалению, максимальный размер *n*-грамм (равный 5) не позволяет получить информацию о том, какое количество КПС-конструкций размером больше трех слов присутствует в корпусе в виде изолированных реплик, так как, помимо самих слов, в *n*-граммы входят маркеры начала и конца реплики. При этом очевидно, что конструкции, состоящие больше чем из трех повторяющихся элементов (*да-да-да-да*, *да-да-да-да-да* и др.), тоже встречаются довольно регулярно. Кроме того, в табл. 1 не попали двух- и трехэлементные КПС-конструкции, входящие в состав развернутых реплик (например: *да-да* / *так-так-так*; *ну-ну* / *так я и поверил*. Для анализа их частотности необходимо обратиться к спискам 2-, 3-, 4- и 5-грамм, состоящих исключительно из графических слов. Данные, полученные для тех же 14 слов независимо от их позиции в реплике, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Предварительная оценка частоты образования КПС-конструкций в речи для наиболее частотных слов (по данным n-грамм анализа расшифровок устной речи)

Слово (W)	Абсолютная частота в выборке (W)	Частота повторных употреблений			
		двух-элементная конструкция W-W	трех-элементная конструкция W-W-W	четырех-элементная конструкция W-W-W-W	пяти-элементная конструкция W-W-W-W-W
да	14 021	1360	605	209	91
нет	4270	253	81	22	5
вот	14 630	269	31	8	3
ну	15 074	323	44	11	4
не	14 941	418	91	24	11
что	11 526	98	11	4	1
так	7116	169	78	37	19
всё/все	5961	131	26	5	3
щас (сейчас)	2880	65	25	9	2
давай	1473	137	63	34	18
ой	1211	87	43	15	4
конечно	1171	26	1	0	0
хорошо	1388	33	3	0	0
ладно	921	18	2	1	0

Таким образом, абсолютным «лидером» по образованию КПС-конструкций оказалась частица *да*. Высока частота контактных повторов также для *не*, *вот*, *нет*, *ну*, *так* и *давай*.

В целом числовые данные табл. 2 существенно превышают показатели, представленные в табл. 1. Однако следует отметить, что в этом случае метод *n*-грамм дает завышенную оценку количества исследуемых конструкций. Во-первых, одно и то же слово при повторах, превышающих два, будет посчитано несколько раз (например, одна 5-элементная конструкция *да-да-да-да-да* даст следующий «общий прирост» в итоговом списке n-грамм: 5-грамма — 1, 4-грамма — 2, триграмма — 3, биграмма — 4). Во-вторых, программа составления n-грамм игнорирует всю информацию о синтагматическом членении, сбоях, паузации и прочих особенностях,

свойственных живой речи. Поэтому по результатам автоматической обработки данных можно ожидать появления определенного количества n-грамм, которые не следует рассматривать как цельные с фонетической точки зрения образования. Так, в биграмму *да да* будут, например, преобразованы все 5 следующих фрагментов расшифровок устной речи: 1) *да да* //, 2) *да* / *да* //, 3) *да* / <смех> *да* //, 4) *да* / <вздох> *да* //, 5) *да* <пауза> *да* // и т. д. Поэтому для получения точной информации о реализации тех или иных КПС-конструкций необходим экспертный анализ текстов расшифровок, а в некоторых случаях — и обращение к исходным звукозаписям.

Ручной анализ и аудирование вариантов, необходимые для коррекции автоматической обработки (табл. 2), удобно проводить с помощью встроенного поиска программы-аннотатора ELAN, в которой выполняются расшифровки корпуса ОРД. Такой выборочный анализ был проведен для пятиэлементных КПС-конструкций с самой частотной частицей *да*. В итоге, если по списку n-грамм количество пятисловных цепочек *да-да-да-да-да* на исследованном материале равнялось 91, то в результате проверки данных по аннотированным расшифровкам только 59 из них (65 %) выдержало проверку аудированием на цельность ритмической структуры. Ниже приводится несколько примеров на пятиэлементное *да-да-да-да-да*, в которых используются следующие обозначения: % — измененное (анонимизированное) имя, *П — пауза, *Н — неразборчивый фрагмент, (...) — пауза хезитации, # — смена говорящего при наложении речи, () — заминка; дефисы между повторяющими словами в расшифровках ОРД не ставятся.

(1) *вот Машенька% давай / так отжимай / так тихонечко / **да да да да да** / вот так / вот знаешь ?* (И5, жен., 27, психолог; эпизод 01 — разговор с подругой);

(2) *хорошо / *Н в принципе да / тут до / до Приозерска ходит (э) / ходит автобус / ага / **да да да да да** / кстати / *П ходит* (И40, муж., 40, врач; эпизод 54 — телефонный разговор с приятелем);

(3) ***да да да да да** / всё хорошо / спасибо* (И74, муж., 31, дизайнер; эпизод 03 — официальный разговор) (рис. 1);

(4) ***да да да да да** // *П ведь и совершенно верно / ведь оценивается не по максимуму знания ...* (И133, жен., 48, домохозяйка; эпизод 01 — бытовой разговор с отцом);

(5) *а / вот ещё почему / **да да да да да** / да / так это вот и было в субботу* (И130, жен., 74, пенсионерка; эпизод 08 — телефонный разговор с подругой);

(6) *вот / и мы всё хотим ей / поставить / перфомансы / но (...) не можем яйцо найти // # **да да да да да*** (И44, муж., 41, врач; эпизод 10 — чаепитие с коллегами);

(7) *где ? а / **да да да да да** / вижу на крыше / ага !* (И137, жен., 75, пенсионерка; эпизод 09 — бытовой разговор с мужем)

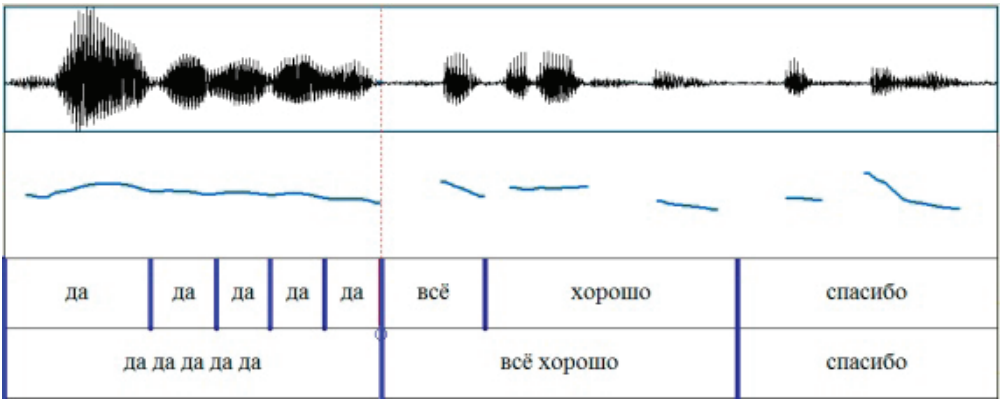


Рис. 1. Осциллограмма и ЧОТ[2] для фразы **да да да да да / всё хорошо / спасибо** (И74, муж., 31, дизайнер; эпизод 03 — официальный разговор)

(8) *а она () помнишь которая беленькая такая замуж выходила ? // # **да да да да да** // # Кристина% ? # да да да* (И77, жен., 39, администратор, эпизод 02 — разговор с коллегами);

(9) *метро «Балтийская» / да не так уж в принципе и далеко // *П **да да да да да*** (И92, муж., 46, менеджер; эпизод 09 — телефонный разговор с заказчиком).

Иногда цепочка из 5 повторяющихся слов синтагматически членится на составляющие (например 2+3 — как в (10)), а примеры (11)–(14) показывают, насколько длинными и разнообразными с точки зрения синтагматического членения могут быть контактные лексические повторы слов в повседневной речи:

(10) *очень обтекаемо и по Украине и по всему по всему // # да да / да да да* (И131, жен., 69, пенсионерка, эпизод 18 — телефонный разговор с подругой);

(11) *да / **да да да да да** / да / да / всё / ага / да всё пока // ага* (И24, жен., 63, историк; эпизод 24 — телефонный разговор с коллегой) (рис. 2);

(12) *да / да / *П **да да да да да** / да / спасибо // *П угу / да / давай / пока* (И90, жен., 27, IT-специалист, эпизод 14 — телефонный разговор с коллегой);

(13) *мы с вами вот / долго беседовали / что … # да // # там такой / терьям-папам // терьям-па-пам // # да // **да да да** / **да да да да** / **да да** // # а он такой какой-то странный // # да* (И114-4, жен., 83, преподаватель вуза; эпизод 05 — разговор с педагогом по вокалу);

(14) *а там же в «Июне» была аптека / её закрыли? # (а-а) **да да да да** / **да да да да** / точно / я знаю эту аптеку / да // я забыл* (И78, муж., 52, программист; эпизод 05 — разговор с заказчиком).

[2] Рисунки получены с помощью программы фонетического анализа Praat [Boersma & Weenink 2017].

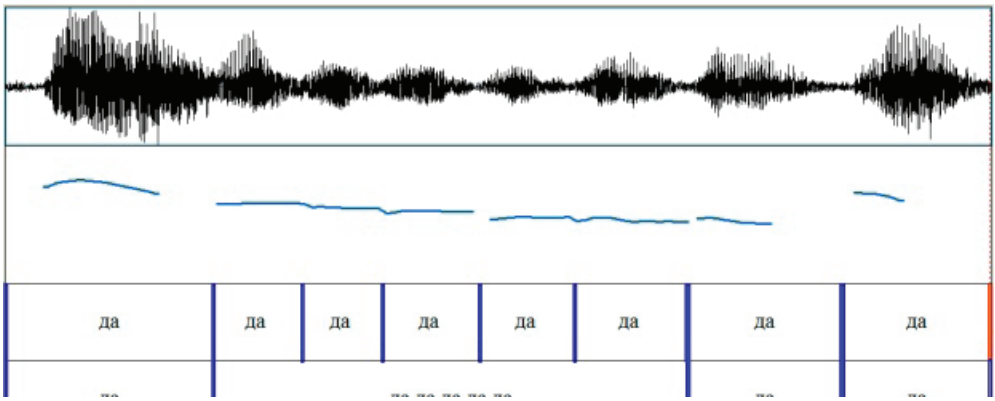


Рис. 2. Осциллограмма и ЧОТ фрагмента с 8-элементным повтором **да** из фразы
да / да да да да да / да / да / всё / ага / да всё пока // ага
(И24, жен., 63, историк; эпизод 24 — телефонный разговор с коллегой)

При исследовании КПС-конструкций, состоящих из большого количества элементов, возникает вопрос: являются ли они целостно-неделимыми с просодической точки зрения или же представляют собой комбинацию структур меньшей размерности? Например, пятикратный повтор может быть просодически оформлен как цельная конструкция (*да-да-да-да-да*), как комбинация двух- и трехэлементной конструкций *да-да / да-да-да* или *да-да-да / да-да*, состоять из трех синтагм (например, *да / да-да-да / да*), возможны и другие варианты синтагматического членения. При этом чем больше число повторяющихся элементов в анализируемой конструкции, тем сложнее выполнять ее членение на составляющие, и далеко не всегда это можно сделать однозначно. Например, на рис. 3 приводится фраза с семикратным повтором *да-да-да-да-да-да-да*, «внутренние» (все, кроме начального и конечного) слова которой произносятся фактически на одной высоте (без движения мелодии), однако с разной длительностью и интенсивностью, что дает возможность интерпретировать эту последовательность как «просодически составную», не односинтагменную, несмотря на отсутствие пауз. Один из возможных вариантов членения этой фразы на составляющие показан на рис. 3.

Приведенный на рис. 3 речевой пример позволяет обратить внимание еще на один аспект просодического анализа КПС-конструкций. Так, при определении их ритмической структуры сложным может оказаться определение основного ударения (фразового или синтагматического), так как семантически все составляющие ее элементы являются равноправными, а просодическая выделенность может характеризовать более чем один элемент. По-видимому, чаще всего просодически маркируются начальный и конечный элементы КПС-конструкций (см. описание «рамочных» структур ниже).

Следует отметить, что, к сожалению, не для всех речевых фрагментов из корпуса ОРД возможно выполнить качественный просодический анализ. То есть не для всех конструкций, представленных в табл. 1 и 2, можно получить достоверную информацию о частоте основного тона и интенсивности речевого сигнала в том

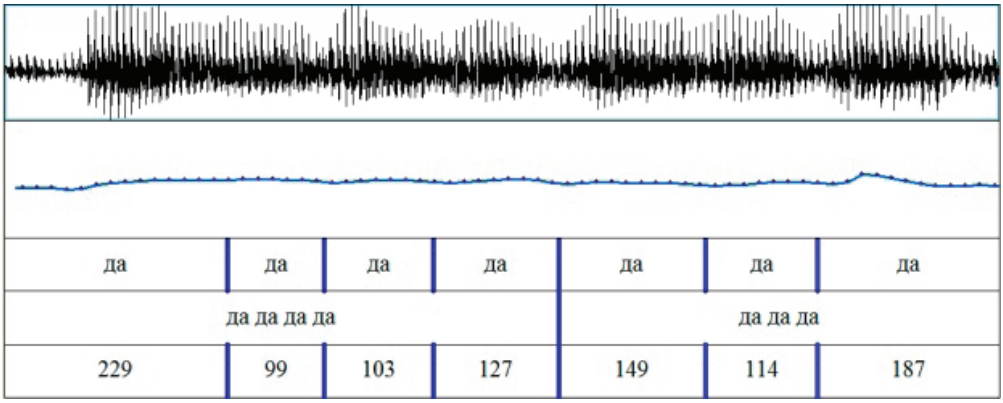


Рис. 3. Осциллограмма, ЧОТ и сегментация на слова фразы **да да да да (/) да да да** (И15, муж., 20, курсант; эпизод 01 — общение с однокурсниками) с указанием возможной границы просодического членения

виде, как это показано на рис. 1–3. Сложность заключается в том, что это записи не студийные, а выполненные на портативный диктофон в «полевых условиях»: 1) очень часто в повседневных звукозаписях на полезный речевой сигнал накладывается шум (это может быть постоянный фоновый сигнал, например работающий телевизор, радиоприемник, фоновая музыка, реклама или гул посторонних разговоров в общественных местах); 2) речь собеседников, записанная на диктофон, бывает довольно разборчива для расшифровки, однако качество сигнала, записанного на значительном (несколько метров) расстоянии от микрофона, во многих случаях не позволяет получать интонограммы и другие акустические характеристики речи; 3) одновременное наложение речи одного или нескольких говорящих присутствует во многих ситуациях речевого общения и приводит к тому, что часть речевого материала, даже записанного в условиях отсутствия внешних шумов, оказывается непригодной для инструментального анализа.

Интерес к строению и просодическим характеристикам КПС-конструкций, как уже было отмечено в начале статьи, объясняется тем, что с их помощью, по нашему мнению, можно выявить базовые просодические структуры языка. Однако для проверки этой гипотезы необходимо проведение статистически представительного исследования с привлечением методов инструментального фонетического анализа.

Приведем пока только один пример. На рис. 4 дана иллюстрация двух схожих интонационно-темпоральных структур для реплики, состоящей из двух КПС-конструкций: цепочки из пяти *щас* (*сейчас*) и следующей за ней последовательности из семи *да*. Начальный элемент каждой из двух цепочек характеризуется подъемом частоты основного тона (более того, углы подъема ЧОТ для обеих частей визуально близки) и по длительности превышает последующие. Далее в первом случае идут три элемента *щас*, во втором — пять элементов *да*, мелодические кривые для обеих цепочек имеют нисходящий характер, длительность составляющих сегментов примерно равна, но последний элемент несколько длиннее предыдущих.

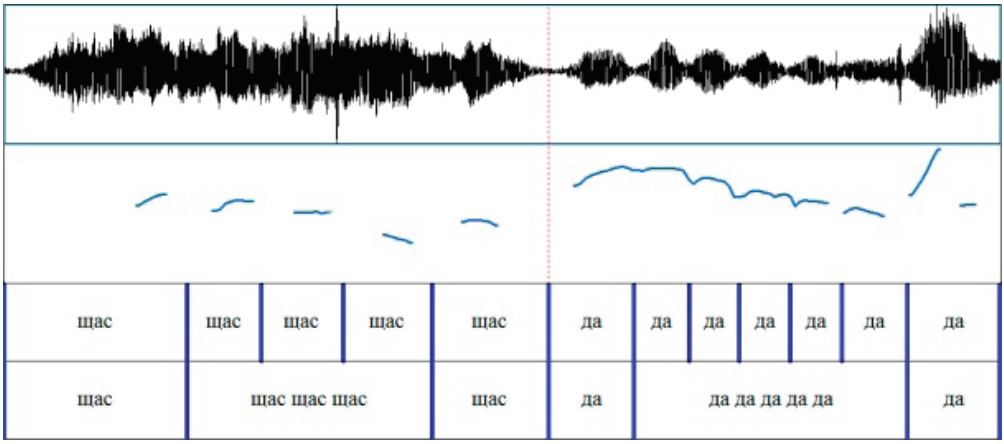


Рис. 4. Осциллограмма, ЧОТ и сегментация на слова для реплики **щас щас щас щас щас / да да да да да да да** (И24, жен., 63, историк; эпизод 24 — говорит сама с собой во время работы за компьютером)

Наконец, каждая из конструкций завершается «рамочно» — одним более продолжительным по времени элементом, произносимым на средней частоте основного тона и характеризующимся завершающей интонацией. Из этого следует, что, по-видимому, можно ожидать воспроизведения такой «рамочной» структуры как в других репликах информанта И24, так и в русской повседневной речи вообще, поскольку перцептивно данная реплика воспринимается как вполне нормативная, типичная для спонтанной повседневной речи.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение расшифровок разговорной речи подтверждает эмпирические наблюдения о том, что многократные повторы частиц и междометий представляют собой достаточно регулярное явление повседневной русской речи.

2. КПС-конструкции используются для усиления прагматического эффекта, реже могут приобретать собственную семантику (как правило, сопровождаемую особой интонацией), и, кроме того, регулярность таких структур может объясняться неосознанным стремлением говорящих к формированию речи по имплицитно существующим в языке речевым шаблонам — ритмическим и темпоральным. Поэтому исследование типичных с точки зрения строения, ритмики и просодической модели конструкций может дать важный материал для понимания просодической организации языка.

3. Для выявления полного списка КПС-конструкций можно использовать метод *n*-грамм-анализа. Однако полученные таким образом количественные данные следует считать предварительными (завышенными по абсолютным показателям) и требующими коррекции, для достоверного результата которой необходимо как минимум обращение эксперта к тексту расшифровки, а в отдельных случаях — проведение перцептивного и акустического анализа соответствующего фрагмента звукозаписи.

4. При исследовании КПС-конструкций, состоящих из большого количества элементов, возникает вопрос о том, являются ли они целостно-неделимыми с просодической точки зрения или же представляют собой комбинацию конструкций меньшей размерности (например *да-да-да-да-да* vs. *да-да / да-да-да*, *да-да-да / да-да*, *да / да-да-да / да* и т. п.). Поскольку просодическая выделенность может характеризовать более чем один элемент конструкции (например начальный и конечный), в некоторых случаях возникают сложности с определением их ритмической структуры.

5. Для проверки гипотезы о существовании в языке инвариантных просодических моделей необходимо проведение статистически представительного исследования с привлечением инструментального фонетического анализа. Наиболее достоверные результаты следует, по всей видимости, ожидать при сравнении просодических моделей небольших по размеру (например двух- или трехэлементных) изолированных реплик.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Кислощук А. И. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 7–17.

Бойчук Е. И. Разграничение анадиплозиса, эпаналепсиса и редупликации и особенности их функционирования (на материале французского романа XIX в.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4 (132). С. 105–110.

Гришина Е. А. Повторы *Да* и *Нет* в устном диалоге // М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов (сост.). IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. М., 2010. С. 225–226.

Копнина Г. А. Геминация // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 91–92.

ЦРТ 2016 — ООО «Центр Речевых Технологий», www.speechpro.ru.

Шерстинова Т. Ю. Об изохронности структурных единиц в спонтанной речи (к постановке проблемы) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 15–19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Вып. 23: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2010. С. 109–118.

Шерстинова Т. Ю. Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 616–631.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation of Principles and Annotation // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5729: Text, Speech and Dialogue / V. Matoušek, P. Mautner (eds.). Berlin–Heidelberg, 2009. P. 250–257.

Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer: [Computer program]. Version 6.0.36, retrieved 11 November 2017 from http://www.praat.org/

Bogdanova-Beglarian N., Martynenko G., Sherstinova T. The "One Day of Speech" Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian // Ronzhin A. et al. (eds.) SPECOM 2015. Lecture Notes in Artificial Intelligence. Springer, 2015. P. 429–437.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Ermolova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // Ronzhin A. et al. (eds.) SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence. Vol. 9811. Springer, 2016. P. 659–666.

Hellwig B., Van Uytvanck D., Hulsbosch M. et al. ELAN — Linguistic Annotator. Version 5.0.0-alfa [Электронный ресурс] http://www.mpi.nl/corpus/html/elan/, last accessed 2017/03/28.

Jurafsky, D., Martin J.H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. Pearson Prentice Hall, 2008. 988 p.

Tatiana Y. Sherstinova
Saint Petersburg State University
National Research University Higher School of Economics
(Russia, Saint Petersburg)
t.sherstinova@spbu.ru; tsherstinova@hse.ru

'*YEAH, YEAH, YEAH, YEAH, YEAH!*' AND THE OTHER CHAINS OF REPEATED WORDS IN EVERYDAY RUSSIAN SPEECH IN THE LIGHT OF SPEECH PROSODY PATTERNS

Repetition of words in immediate succession is a common phenomenon of Russian everyday speech. Prosodic characteristics of the chains of repeated words like *da, da, da* (*yeah, yeah, yeah*) or *nu, nu, nu* (*well, well, well*) deserve special attention of phoneticians, since it seems that they may help to reveal the basic speech prosody patterns. The research is based on data obtained from the ORD corpus of everyday Russian speech. N-grams analysis was performed for speech transcripts of 900 000 words, and the frequencies of utterances consisting of two and three identical words in a row were obtained, as well as preliminary data on frequencies for the chains of three and five identical words. It turned out that in Russian everyday speech the following words are used in

such repetitive structures most frequently: *da* (*yes/yeah*), *nu* (*well*), *vot* (*well, here*), *tak* (*so, well*), *shchas* (*right now*) and some other high-frequency elements of oral discourse, many of which are commonly referred to as discourse markers. The absolute 'leader' among them is the particle *da* (*yes/yeah*). When studying such repetitive structures, it is important to distinguish whether they are integral (inseparable) from the prosodic point of view or whether they are a combination of smaller word chains. Difficulty may arise in determining their rhythmic structures, since prosodic prominence of different kind may be observed on several elements of such word chains (e. g., on initial and final words). To test the hypothesis of the existence of invariant prosodic models, it is necessary to conduct a study on a representative speech data set, and it seems appropriate to start such research by modelling prosody patterns for small-sized (e. g., consisting of two or three words) isolated utterances.

Key words: Russian, everyday speech, spoken speech, repetition of words, repetitive structures, epizeuxis, gemination, particles, discourse markers, n-grams, prosody, prosody patterns, speech corpus

References

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation of Principles and Annotation. *Lecture Notes in Computer Science.* Vol. 5729: Text, Speech and Dialogue. V. Matoušek and P. Mautner (eds.). Berlin–Heidelberg, 2009. P. 250–257.

Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.0.36, retrieved 11 November 2017 from http://www.praat.org/

Bogdanova-Beglarian N., Martynenko G., Sherstinova T. The "One Day of Speech" Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian. Ronzhin A. et al. (eds.) *SPECOM 2015. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Springer, 2015. P. 429–437.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Ermolova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. Ronzhin A. et al. (eds.) *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9811. Springer, 2016. P. 659–666.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Kysloshchuk A. [On rhythm-forming function of discourse markers]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia*. 2013. Iss. 2 (22). P. 7–17. (In Russ.)

Boychuk E. I. [Distinction of anadiplosis, epanalepsis and reduplication and features of their functioning (based on French novel of 19th century)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki.* 2014. Iss. 4 (132). P. 105–110. (In Russ.)

Grishina E. A. [Repetition of Da (Yes) and Net (No) in oral dialogue]. *IV Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka "Russkii iazyk: istoricheskie sudby i sovremennost"* [Proc. of the 4th Int. Congress 'The Russian language: historical destinies and the present']. Moscow, 2010. P. 225–226. (In Russ.)

Hellwig B., Van Uytvanck D., Hulsbosch M. et al. *ELAN — Linguistic Annotator.* Version 5.0.0-alfa [Computer program] http://www.mpi.nl/corpus/html/elan/ (date of access 2017/03/28).

Jurafsky D., Martin J. H. *Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition*. Pearson Prentice Hall, 2008. 988 p.

Kopnina G. A. [Gemination]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentcii)* [Effective speech communication (Basic competences)]. Slovar-spravochnik. Skovorodnikov A. P. (ed.). Krasnoyarsk, 2014. P. 91–92. [Digital document.] (In Russ.)

Sherstinova T. [The most frequent words in everyday spoken Russian (in the gender dimension and depending on communication settings)]. *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii.* 2016. No. 2 (16). P. 616–631. (In Russ.)

Sherstinova T. [Some Observations on Isochrony in Russian Spontaneous Speech]. *Materialy XXXIX Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. 15–19 marta 2010 g. Sankt-Peterburg. Vyp. 23. Polevaya lingvistika. Integral'noe modelirovanie zvukovoi formy estestvennykh yazykov* [Materials of the 39th International Philological Conference. March 15–19, 2010. St. Petersburg. Iss. 23. Field linguistics. Integral modeling of the sound form of natural languages]. Bogdanova N. (ed.). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2010. P. 109–118. (In Russ.)

Speech Technologies Center (STC Group), www.speechpro.ru (date of access 2017/12/12).

ФОНОЛОГИЯ

Д. Д. Беляев
Тульская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ
(Россия, Тула)
beltula@gmail.com

ОТНОШЕНИЯ [г]–[γ]: ОТ ОППОЗИЦИИ К ВАРЬИРОВАНИЮ

В статье рассматривается история отношений между звонкими заднеязычными согласными **[г]** и **[γ]** в русском языке. В ходе славяно-иранского симбиоза **[γ]** стал атрибутом сакральной лексики. Падение редуцированных стимулировало сдвиг **к : г → к : γ (→ h)**, поддержанный притяжением в морфонемах **{г/ж'}**, **{г/з'}**. На юге новые **[γ]** конвергировали с древними, результат был усвоен церковнославянским языком. На севере, где место **{г/з'}** заняла морфонема **{г/г'}**, сдвиг не был обобщен и **[γ]** усваивался как единица книжного языка. Сформировалась внешнелингвистическая оппозиция «⟨**γ**⟩ (книжная речь + Юг) **:** ⟨**г**⟩ (разговорная речь (Север))». В XVIII в. отношения между ⟨**γ**⟩ и ⟨**г**⟩ подвергаются анализу. В. Е. Адодуров и В. К. Тредиаковский, трактуя фонему ⟨**γ**⟩ как немаркированную в ⟨**г**⟩-ареале, сталкивались с противоречием между нормой и узусом. М. В. Ломоносов, преодолевая противоречие, предложил проект внутренней оппозиции ⟨**г**⟩ **:** ⟨**γ**⟩, где немаркированной является ⟨**г**⟩. В XIX в. образовалась мутабельная единица ⟨**г/γ**⟩, варьирующая стилистико-эмоциональную окраску текста. Типологически избыточная оппозиция ⟨**г**⟩ **:** ⟨**γ**⟩ исчезла. Как показывают идентификационные исследования, в современном русском языке ⟨**г/γ**⟩ является стабильным параметром идиолекта, а также может служить средством создания желаемого коммуникативного образа.

Ключевые слова: русский язык, звонкие заднеязычные согласные, история, мутабельная фонологическая единица, функции

Долгая история отношений между согласными **[г]** и **[γ]** в русском языке демонстрирует разнообразные факторы — фонологические и экстрафонологические, внутри- и внешнелингвистические.

Спирантизация **g → γ** наблюдается во многих языках [Гамкрелидзе 1980: 97], но реализацию процесса обеспечивают специфические импульсы. Первичный импульс на юго-востоке Славии был, видимо, внешним: славяно-иранский симбиоз 1-й пол. I тыс. н. э., особо значимый для религиозно-мифологической сферы, см. [Васильев 1999; Иванов 1996; Абаев 1965: 41–52, 109–117; Півторак 1988: 128–132;

Эдельман 2002: 49–53, 157–178]. Фонема ⟨**γ**⟩ стала, путем заимствования и семантического калькирования, атрибутом сакральной лексики (*богъ* [Этимологический словарь славянских языков 2: 157–163] и др.).

Падение редуцированных «привело к резкому повышению напряженности в других звеньях: возникают различные сочетания гетерорганных согласных <…> И дальнейшие фонетические процессы связаны с преодолением этих вновь возникших напряжений» [Касаткин 1999: 139]. В частности, возник внутренний импульс к развитию сдвига **к : г → к : γ (→ h)**, поддержанного притяжением в морфонемах **{г/ж'}**, **{г/з'}** [Беляев 1993: 64–69]. На юге падение редуцированных начиналось в сер. X в., на севере — столетием позже [Галинская 2009: 95–98]. На юге новые **[γ]** полностью конвергировали с древними. На севере, где место **{г/з'}** заняла морфонема **{г/г'}**, сдвиг не был обобщен.

Формировавшийся в Киеве церковнославянский язык оперативно воспринял результат сдвига [Успенский 2002: 155–159]. Этому способствовало обучение грамоте по складам [Успенский 2002: 119–121]. Читая слоги, содержащие *глаголь*, неофиты закономерно артикулировали щелевой согласный. В ⟨**г**⟩-ареале такое звучание усваивалось как единица книжного языка. Так сформировалась внешнелингвистическая оппозиция «⟨**γ**⟩ (книжная речь + Юг) **:** ⟨**г**⟩ (разговорная речь (Север))». Ее нейтрализацией на севере стал **[γ]** в сакральных гнездах *бог-*, *благ-*, *господ-*. На юго-западе для обозначения иноязычных **[г]** появились диграф ***кг*** (XIV в.) и графема ***ґ*** (XVI в.).

В XVII–XVIII вв. отношения между ⟨**γ**⟩ и ⟨**г**⟩ подвергаются анализу и оценке. Выводы внешних наблюдателей категоричны, хотя и противоположны. М. Смотрицкий включает **Ґ** в число «странных писмен», «**ꙗкѡ ѿ Грѣкѡвъ привзѧта, Славєнскꙋ ꙗзыкꙋ и кромѣ сихъ состоѧти могꙋщꙋ** [Грамматики 2000: 140]. Ю. Крижанич: **Рꙋсјани, Леχи, Χервати, и Сербι, право и ризво изрикајꙋт слово Глагол: равно како Грєки Гама. А Билорꙋсјани, и Чеχи, јесꙋт изгꙋбили правиь глас: и изрикајꙋт никако сподобно ко Хирꙋ. … Тим сє облꙋджајꙋт и никоьи Рꙋсјани: и за липо почнтајꙋт таково кметско, влꙋдно, и прємерзко изриканје**» [Крижанич 1859: 127].

Русские исследователи XVIII в., трактуя фонему ⟨**γ**⟩ как немаркированную, но находясь внутри ⟨**г**⟩-ареала, неизбежно сталкивались с противоречием между нормой и узусом. Так, В. Е. Адодуров замечает, что «литера ***ґ***» (о неупотреблении которой он сожалеет) «имѣетъ гласъ посредственный между **наши** ***г*** и ***к***» (= между **[γ]** и **[к]**), и соотносит ***г*** и ***х*** (*богъ — бохъ*) [Успенский 1975: 94–95, 153–154]. С другой стороны, строя корреляцию по напряженности, он противопоставляет «умягченные» ***б, г, д, з, ж*** «жестоким» ***п, к, т, с, ш***, т. е. соотносит **[г]** и **[к]** [Успенский 1975: 98].

В. К. Тредиаковский также соотносит среди «мяхкіх — твердых» ***г*** и ***х*** [Тредиаковский 1849: 259]. Усомнившись в исконной функции старославянского *глаголя*, он заключает: «Впрочемъ, сіе безъ всякаго есть спора, что всѣ мы россіане **нашъ** (г) проіѕносімъ как латінское (h)…» [Тредиаковский 1849: 260]. С другой стороны: «В **нашемъ** велікороссійскомъ проіѕношеніі <…> нікто у насъ сего сло́ва

гусь, і бесчисленно многіхъ другіхъ, не проіsносітъ <…> какъ чresъ (h) латінское по немецкому і польскому латіны проіsношенію, но какъ чresъ (g) латінскоежъ напрімѣръ, *гусь*…» [Тредиаковский 1849: 261]. Также признавая необходимость графемы **Ґ**, он предлагает идеальный проект алфавита со слоговыми названиями: **Г [γ]** — hi, **Ґ [г]** — ga [Тредиаковский 1849: 262–269].

М.В. Ломоносов, преодолевая противоречие, выделяет 4 «буквы»: ***г*** (в *благо*), ***х***; ***г*** (в *глазъ*), ***к***. Точкой отсчета является отношение ***г*** — ***к***: отмечается отсутствие графемы для «латинского ***h***» [Ломоносов 1952: 401–402]. О том же говорят и анализ вариантных чередований «мягких/твердых»: «***г*** — как ***к*** **или** ***х***» (*нохти, друкъ, Бохъ*); и список функций графемы ***г***: 1) **[γ]** («**осталось** от славенского языка»): *Бога, Боги*…; *Господь, гласъ, благо*, дериваты *государь, государство, господинъ, господствую, разглашаю, благодать, благословляю, благодарю* и проч.; 2) **[к]** в конце слова; 3) **[х]** в *Богъ*, в заимствованиях на *-ургъ*, в *лехкой, мяхкой*; 4) **[в]** в род. п. «в простых российских словах и в разговорах», *моево, сильнаво*; 5) в заимствованиях согласно языку-источнику («нет дальней нужды») [Ломоносов 1952: 426–427]. Чтение **[г]** принимается по умолчанию.

Таким образом, Ломоносов выдвинул проект внутреннелингвистической оппозиции ⟨**г**⟩ **:** ⟨**γ**⟩, с немаркированной смычной фонемой. Однако возникала проблема распределения лексики между оппозитами. Ей посвящено стихотворение «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке», завершающееся вопросом: «Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?» [Ломоносов 1959: 580–583]. Вызывает сомнения, что «сам Ломоносов, очевидно, знал ответ на этот вопрос» [Успенский 1994: 210]. Это лишило бы вопрос смысла, см. [Панов 1990: 367–368].

Потому во 2-й пол. XVIII в. преобладает стилистическое нормирование: **[γ]** в высоком стиле — **[г]** в сниженном [Панов 1990: 297]. А.А. Барсов, описывая «гортанныя буквы», использует 4 символа: ***г г*** («мягкія») — ***х к*** («твердыя») [Российская грамматика 1981: 51]. Однако констатирует: «Одною буквою ***г*** принуждены мы означать два разные голоса, а именно, соотвѣтствующіе двумъ латинскимъ буквамъ ***h*** и ***g***, изъ которыхъ первый <…> вездѣ безъ изъятія въ славенскихъ словахъ и въ чтеніи книгъ, особливо церковныхъ, выговаривается; на противъ того другой несравненно болѣе употребителенъ въ обыкновенныхъ разговорахъ и собственно въ россійскомъ языкѣ…» И строит свой список церковнославянских включений [Российская 1981: 43].

Подобные списки появлялись и в XIX в. [Панов 1990: 97–99, 200–201]. Но параллельно происходило главное: в литературном языке формировалась мутабельная фонематическая единица, «которая объединяет две фонемы, свободно варьирующиеся в одной позиции, так что обе вариации принадлежат одному и тому же слову» [Панов 1990: 192]. Это позволяло «варьировать стилистико-эмоциональную окрашенность текста» [Панов 1990: 193], но препятствовало выполнению различительной функции.

Постепенно лексико-стилистическая сфера <γ> сужалась. В XX в. она утратила нормативный статус даже в своей исконной сфере — церковно-богословской речи [Успенский 2002: 159].

Так проявилась типологическая закономерность: «При наличии в системе маркированных смычных **/p/** и **/g/** <…> присутствие <…> соответствующих фрикативных

фонем **/f/** и **/γ/** факультативно [Гамкрелидзе 1980: 96]. Для фонемы ⟨ф⟩ системный контекст оказался более благоприятным, и избыточность консонантизма была уменьшена только за счет оппозиции ⟨г⟩ : ⟨γ⟩.

Однако снятие фонологической оппозиции не равно фонетической унификации. «В языке, как и вообще в природе, ничто не возникает из ничего и ничто не исчезает бесследно» [Журавлев 1986: 188]. Для рассмотрения судьбы мутабельной единицы ⟨**г**$^{(')}$/**γ**$^{(')}$⟩ были использованы идентификационные исследования 2003–2017 гг., проведенные в Тульской ЛСЭ Минюста России. Среди исходных и сравнительных текстов есть диалогические и монологические, спонтанные и читаемые, бытовые и официальные.

Фиксировались аллофоны в сильных и слабых позициях: смычные **[г$^{(')}$]|||[к]**, щелевые **[γ$^{(')}$/h$^{(')}$]|||[х]**. Все фонограммы, содержащие более 10 примеров, оказались смешанными, иногда даже в рамках одного слова: **[г’]***е***[γ]***ам*, **[г’]***еоло***[х]**, **[г’]***еор***[γ’]***ий*, **[γ]***ос***[г]***арантия*, **[γ]***осэ***[г]***замены*, *педа***[г]***о***[γ’]***ическое*. Множество аллофонов (15 316) разбивается практически поровну (**г = 50,7 %**; **γ = 49,3 %**).

Вариантам не присущи ни лексическая закрепленность, ни позиционная обусловленность. Будучи свободными, они образуют фонемы ⟨**г/γ**⟩, ⟨**г’/γ’**⟩, лишенные ДП способа образования. В варьировании участвуют и гиперфонема ⟨$^{г}/_{к}$⟩ (*где, когда, тогда, вокзал, экзамен*), и фонема ⟨**к**⟩ (*как бы, как же, и так далее, так же*). Оно охватывает фонетические чередования по глухости/звонкости: [**г**]|||[**к/х**], [**γ**]|||[**х/к**], [**к**]|||[**г/γ**].

Из 80 дикторов у 45 преобладают щелевые согласные, у 35 — смычные. Однако смычные варианты доминируют во внешнелингвистическом пространстве. Официальный характер сравнительного образца (открыто фиксируемое следственное действие) чаще всего стимулирует повышение их доли:

Официальные образцы (62)			**Неофициальные образцы (18)**	
г > (49)	г < (11)	г = (2)	г > (7)	г < (11)

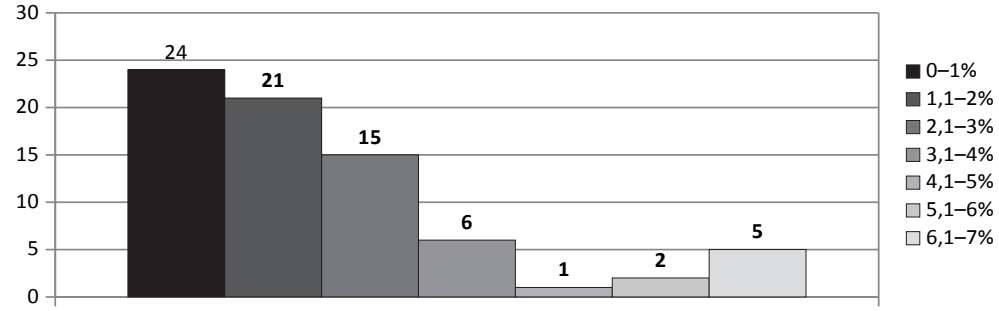
О том же говорит большее региональное разнообразие идиолектов с их преобладанием (для 18 дикторов данные отсутствуют):

г	**13 (28)**	Тула (15), Москва (2), Баку, Гомель, Калуга, Краснодар, Крым, Магадан, Минск, Одесса, Псков, Самара, Черкассы
γ/h	**5** (**34**)	**γ**: Тула (29), Владивосток (2), Рязань; **h**: Брянск, Смоленск

Доли преобладающего типа аллофонов составляют от **50,0** до **97,7 %**. Относительное отклонение **ОО** между долями в исходных записях и образцах (отношение модуля их разности к среднему значению доли) в **74** случаях находится в пределах 0–7 % (см. диаграмму на с. 180).

Аномально высокие (более 10 %) значения **ОО** вызваны особыми причинами.

1. Преднамеренная смена коммуникативного образа (рост доли **г**; особенно наглядны случаи внутридикторской дифференциации материала: 1.5, 1.6).



1.1. Журналист **БСС**. Посредник в вымогательстве. Исходный материал — диалоги с сообщником и с объектом вымогательства (**г = 74,8 %**). В официальном образце строит образ эффективного менеджера (**г = 83,7 %**, **ОО = 11,2 %**).

1.2. Сотрудник милиции **БРВ**. Исходный материал — переговоры о фабрикации уголовного дела (**γ = 63,8 %**). В официальном образце строит образ интеллектуала, знатока древней истории (**γ = 56,2 %**, **ОО = 12,7 %**).

1.3. Телефонный мошенник **СМК**. Образец — неофициальная беседа с работником СИЗО (**γ = 59,4 %**). В исходном разговоре играет роль менеджера автосалона (**γ = 51,1 %**, **ОО = 15,0 %**).

1.4. Бизнесмен, депутат областной думы **ФСМ**. Исходный материал — диалог с партнером по бизнесу (**γ = 96,9 %**). В официальном образце строит образ респектабельного политика (**γ = 77,2 %**, **ОО = 22,6 %**).

1.5. Телефонный мошенник **КСВ**. Играет роль следователя. Диалоги с сообщником (**г = 60,7 %**) близки к официальному образцу (**г = 62,5 %**, **ОО = 2,9 %**). Диалоги с жертвой обмана далеки от него (**г = 86,9 %**, **ОО = 32,7 %**).

1.6. Телефонный мошенник **ИДА**. Виртуозно играет роль менеджера автосалона. В диалогах с сообщниками преобладают щелевые варианты (**γ = 68,0 %**), доля которых идентична образцу — неофициальной беседе с работником СИЗО (**γ = 67,8 %**, **ОО = 0,3 %**). В диалогах с жертвами обмана, напротив, господствуют варианты смычные (**г = 95,8 %**, **ОО = 99,4 %!**).

2. Вынужденная смена психофизического состояния (двойственный эффект).

2.1. Наркодилер **ТРФ**. Исходный материал — диалоги с сообщниками (**γ = 66,7 %**). В официальном образце конфликт с работниками СИЗО породил эмоциональное и артикуляционное напряжение, снизившее долю щелевых вариантов (**γ = 60,0 %**, **ОО = 10,6 %**).

2.2. Офицер **ГМВ**. Исходный материал — диалоги с сослуживцами о плате за должность (**г = 81,5 %**). Официальный образец — чтение текста «Антоныч», вызвавшее большие затруднения. Артикуляционное напряжение повысило долю смычных вариантов (**г = 90,4 %**, **ОО = 10,3 %**).

2.3. Адвокат **ЛОА**. Посредница в вымогательстве. Обычные диалоги (**г = 92,1 %**) близки к официальному образцу (**г = 90,3 %**, **ОО = 2,0 %**). Однако в разговоре, сопровождающемся приемом алкоголя, артикуляция становится вялой, доля смычных резко убывает (**г = 67,9 %**, **ОО = 28,3 %**).

Итак, проведенный анализ показывает, что:

1. В современном русском языке мутабельная единица ⟨**г**(’)/**ɣ**(’)⟩ является стабильным параметром идиолекта.

2. На этом фоне она служит средством создания желаемого коммуникативного образа.

Литература

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965. 168 с.

Беляев Д. Д. Славянские задненебные после падения редуцированных // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 64–77.

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М.: Индрик, 1999. 328 с.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2009. 160 с.

Гамкрелидзе Т. В. Маркированность в фонологии и типология фонологических систем // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 62–99.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000. 526 с.

Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.

Иванов Вяч. Вс. Славяно-(восточно)иранские сходства. Дополнительные сближения // Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тез. междунар. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 26–31.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука, 1999. 526 с.

Крижанич Ю. Граматично изказање об руском језику… М.: Унив. тип., 1859. XX + VI + 256 с.

Ломоносов М. . Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. 997 с.; 1959. Т. 8. 1288 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.

Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ: Наукова думка, 1988. 280 с.

«Российская грамматика» А. А. Барсова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.

Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой… // Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб.: А. Смирдин, 1849. Т. 3. С. I–IV + 1–316 с.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М.: Наука, 1975. 232 с.

Успенский Б. А. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 2. С. 207–241.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Вост. лит-ра, 2002. 230 с.

Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Dmitry D. Belyaev
Tula laboratory of judicial examination
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
(Russia, Tula)
beltula@gmail.com

THE RELATIONS [г]–[γ]: FROM OPPOSITION TO VARIATION

This paper is devoted to the history of the relations between voiced velar consonants **[г]** and **[γ]** in Russian. During the Slavic-Iranian symbiosis **[γ]** became attribute of sacral lexicon. The fall of the jers stimulated shift **к : г → к : γ (→ h)**, supported by an attraction in morphonemes **{г/ж'}**, **{г/з'}**. In the South new **[γ]** converged with ancient, the result has been acquired by Church Slavonic. In the North, where the place of **{г/з'}** was occupied by a morphoneme **{г/г'}**, the shift hasn't been generalized, and **[γ]** was acquired as unit of literary language. The supralinguistic opposition "⟨**γ**⟩ (bookish speech + South) **: [г]** (colloquial speech North)" was formed. In the 18th century the relations between **[γ]** and **[г]** were exposed to the analysis. V.E. Adodurov and V.K. Trediakovskii, treating ⟨**γ**⟩ as unmarked phoneme in a ⟨**г**⟩-area, faced a contradiction between norm and usage. M.V. Lomonosov, trying to overcome this contradiction, offered the project of internal opposition ⟨**г**⟩ **:** ⟨**γ**⟩, where ⟨**г**⟩ is unmarked. In the 19th century the mutable unit ⟨**г/γ**⟩ was created, which varied stylistic and emotional coloring of the text. Typologically excessive opposition ⟨**г**⟩ **:** ⟨**γ**⟩ disappeared. As identification researches show, in modern Russian ⟨**г/γ**⟩ is the stable parameter of an idiolect and can also serve as a tool for a desirable communicative image.

Key words: Russian language, voiced velar consonants, history, mutable phonological unit, functions

References

Abaev V.I. *Skifo-evropeiskie izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 168 p.

Belyaev D.D. [Slavic velars after fall of the jers]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1993. No. 6. P. 64–77. (In Russ.)

Edel'man D.I. *Iranskie i slavyanskie yazyki*: *Istoricheskie otnosheniya* [Iranian and Slavic languages: Historical relations]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 230 p.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974–. Vol. 1–.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of Russian]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2009. 160 p.

Gamkrelidze T. V. [Markedness in phonology and typology of phonological systems]. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical bases of classification of languages of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 62–99. (In Russ.)

Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammars of Lavrentii Zizanii and Meletii Smotritskii]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2000. 528 p.

Ivanov Vyach. Vs. [Slavic-(East)Iranian similarities. Additional rapprochements]. *Slavyanskie yazyki v zerkale neslavyanskogo okruzheniya. Tez. mezhdunar. konf.* [Slavic languages in a mirror of a non-Slavic environment. Theses of the int. conf.]. Moscow, Inst. of Slavic and Balkan Studies of RAS, 1996. P. 26–31. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya i dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 526 p.

Krizhanich Yu. *Gramatichno izkazan'e ob ruskom eziku…* [Grammatical Instruction on the Russian Language]. Moscow, Univ. Print., 1859. XX + VI + 256 p.

Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow; Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ., 1952. Vol. 7. 997 p.; 1959. Vol. 8. 1288 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian literary pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Pivtorak G. P. *Formuvannya i dialektna diferentsiatsiya davn'orus'koi movi* [The formation and differentiation of the dialect of the Old Russian]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 280 p. (In Ukr.)

"Rossiiskaya grammatika" A. A. Barsova ["Russian Grammar" of A. A. Barsov]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1981. 776 p.

Trediakovskii V. K. [Conversation between the foreign person and Russian about an orthography ancient and new…] *Trediakovskii V. K. Sochineniya* [Trediakovskii V. K. Works]. St. Petersburg, A. Smirdin Publ., 1849. Vol. 3. P. I–IV + 1–316. (In Russ.)

Uspenskii B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke* [The first Russian grammar in the native language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 232 p.

Uspenskii B. A. [Phonetic structure of one poem of Lomonosov] *Uspenskii B. A. Izbrannye trudy* [Uspenskii B. A. Chosen works]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. Vol. 2. P. 207–241. (In Russ.)

Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (the 11th–17th centuries)]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.

Vasil'ev M. A. *Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi* [Paganism of East Slavs on the eve of the Christianization of Kievan Rus']. Moscow, Indrik Publ., 1999. 328 p.

Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 232 p.

Ю. А. Клейнер
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
yurikleiner@hotmail.com y.kleyner@spbu.ru

СЕГМЕНТЫ И ГРАНИЦЫ*

Памяти Мирры Вениаминовны Гординой (*1925–2018*)

Двум видам членения — на морфемы и на слоги, — соответствуют границы между минимальными знаковыми единицами и границы внутри экспонентов морфем (первое и второе членение соответственно). Соотношение (= несовпадение / совпадение) двух типов границ (правило Гординой) выявляет минимальные единицы плана выражения в данном языке, соответствующие трем типологически различным состояниям:

(1) **Фонемные языки**. Границы морфологического членения выявляются благодаря наличию в парадигме форм с нулевой флексией; а фонемные — вследствие несовпадения слоговых и морфемных границ, выявляющегося при ресиллабации: *ток-Ø — ток-а* – /to-**k**a/.

(2) **Изолирующие языки**. Границы морфем совпадают с границами минимальных единиц плана выражения, парадигматических единиц, не противопоставленных по признаку «согласный–гласный» и не образующих конструктивных единиц, /C/ + /V/, т. е. *фонологических* слогов. Название «слоговые» применительно к этим языкам некорректно, поскольку отражает только фонетическое строение ([CV]) инвентарных единиц.

(3) **Промежуточный тип**. Возможность ресиллабации в части словаря (англ. *read — read-ing — rea-ding* => фонемы /i:/, /d/), наряду с отсутствием ресиллабации в *sitting* и морфологически нечленимом *pity*, а также наличием пар типа *sit–sat* (некорректно, «формы с внутренней флексией»), являющихся по сути супплетивами.

Совместное использование двух типов границ исходит из принципа двойного членения и связи единиц плана выражения также с планом содержания.

Ключевые слова: сегментация, двойное членение, границы, морфема, экспонент, единицы, слог, слогоделение, правило Гординой

* При поддержке гранта Российского государственного научного фонда 16-18-02042.

Проблема границ, изначально присутствующая в самой идее лингвистического анализа, в последние десятилетия практически не рассматривается. Причину этого очень точно сформулировал В. Б. Касевич: «[В] 40-е–70-е годы (XX в. — *Ю. К.*) в фонологии активно обсуждалась проблема моно- / бифонематичности ‘сложных звуков’ (дифтонгов, аффрикат). В последнее годы, она, похоже, утратила свою привлекательность для фонологов. Но свидетельствует ли это о том, что в учебники вошло некоторое классическое решение проблемы? Нет, — просто в центре внимания (который определяется самыми различными вещами, в том числе и просто модой) оказались совсем другие проблемы» [Касевич 2006: 7]. Из этого не следует, что само понятие / термин «граница» между сегментами больше не используется. Так, символ *X* в генеративистской записи обозначает «любую последовательность гласных и согласных — от нуля и более, — а также границ, но не границ слова, если это не оговаривается особо» [Halle & Kayser 1971: 5]. Границы *в пределах слова* — это в том числе фонемные границы, причем и фонемы, и границы между фонемами рассматриваются как некоторая данность. Показательно, что заглавие «Сегментная фонология» в учебных пособиях не предполагает, что речь пойдет не просто о «сегментах», но о процедурах их выделения из звукового континуума[1]. Этап сегментации пропускают генеративистские правила типа «понижение /i/ => /æ/» в англ. *sit* : *sat*; он не учитывается при приписывании фонемного статуса произвольно выбранным «единицам», например «безударной “фонеме”» /i/ в *boy*, *day* [Якобсон и др. 1962: 179]. По сути, такой подход означает возвращение к дофонологическому состоянию науки, когда границы между «звуками» устанавливались исходя исключительно из интуиции исследователя. Фонология же — будь то отдельная наука (Н. С. Трубецкой) или раздел фонетики (школа Л. В. Щербы) — начинается с выделения *единиц*, которые существуют в границах, отделяющих их от соседних единиц того же уровня.

Суть проблемы отражена в названии статьи А. Мартине — «Одна фонема или две?» [Martinet 1939]. В опубликованной в том же году книге Н. С. Трубецкого этой проблеме посвящены семь правил определения «одно- и многофонемности». Согласно первому правилу, «реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам» [Трубецкой 1960: 63]. Комментируя это правило, В. Б. Касевич [Касевич 2006: 35] пишет: «Если <...> предположить, что в правиле I понятие слога может трактоваться с фонологических позиций, то слог в этой ситуации уместно понимать как определенную модель организации фонем, где границы между слогами — это, естественно, границы между фонемами. Но тогда для использования слогоделения в фонемной сегментации необходимо обладать исчерпывающим определением слога с точки зрения его фонемной организации. Вряд ли такая информация доступна в начале фонологического анализа».

Информация, доступная к началу фонологического анализа, касается прежде всего морфологической структуры слова и, значит, границ между морфемами.

[1] Например, в книге Дж. Т. Дженсена «Английская фонология» [Jensen 1993: 25–45].

Последние используются в качестве инструмента членения школой Л. В. Щербы, позиция которой в наиболее явной форме представлена следующим высказыванием Л. Р. Зиндера: «...звуки, стоящие на стыке двух морфем и, следовательно, принадлежащие двум разным языковым единицам, не могут представлять одну языковую единицу, одну фонему. В слове *расточка*, например, согласный, завершающий приставку, и согласный, начинающий корень, должны относиться к разным фонемам, *ст* не может быть неделимой фонемной единицей» [Зиндер 1979: 37].

Этот принцип распространяется затем на чередования типа нем. /bindən/ *binden* ~ /bandən/ *banden* (инф. и прош. вр.), где морфологической функцией наделяются гласные (в данном случае [i] и [a]), которые в этом случае рассматриваются как экспоненты соответствующих морфем и, таким образом, как реализации самостоятельных фонем [Зиндер 1979: 38]. Пример того же — англ. [siŋ], где «устанавливается членение [s-i-ŋ] ввиду того, что существуют морфологизованные чередования [siŋ] — [sæŋ] — [sʌŋ]» [Касевич 2006: 29]. В связи с этим задается резонный вопрос: «...почему считается, что формы слова <...> изменяются именно в силу замены [i] на [æ] или на [ʌ]? Нельзя ли сказать, что здесь имеет место замена [iŋ] на [æŋ] или на [sʌŋ]?» [Касевич 2006: 29]. Можно пойти еще дальше и задать тот же вопрос в связи с англ. *bind* /baind/ — *bound* /baund/, где в результате аналогичной процедуры в качестве самостоятельных фонем выделятся [-i̯] и [-u̯], т. е. глайды несомненно монофонемных дифтонгов. Очевидная абсурдность такого решения не ставит под сомнение сам принцип, согласно которому морфемная граница не может проходить внутри монофонемного сегмента. Вопрос лишь в том, можно ли перенести этот принцип на морфологические чередования, используя их в качестве основания фонологической сегментации.

Само понятие «сегмент» заключает в себе идею протяженности, а значит, и границ, отделяющих его от аналогичных сегментов справа и слева. Как неоднократно отмечалось, речь в данном случае идет не о границах в физическом смысле [Касевич 2006: 28; Anderson 1992: 232]. Тем не менее такие границы реальны и демонстрабельны. Это видно на примере парадигм, содержащих формы с нулевой флексией: *стол* (им., вин. пад.). Наличие границы может в принципе входить в описание таких форм (*корень-* + *морфологическая граница* + *Ø*) и распространяться далее на парадигму в целом: *стол-а, стол-у,* и т. д. (то же при описании валентностных характеристик морфем: *рас-*, *-точ-*, *-к-, -а*).

Однако морфемная граница указывает лишь на то, что разделенные ею экспоненты морфем — ни частично ([s-t]), ни полностью ([ras-točka]) — не составляют монофонемного образования. Само по себе морфологическое членение неспособно выделить сегменты меньшие, чем экспонент морфемы; оно ничего не говорит нам о внутренней структуре экспонентов, т. е. о членимости их на меньшие по протяженности единицы плана выражения. В свое время на это обстоятельство обратил внимание А. С. Либерман: «Мы отделили *-а* от корня в формах *сада* и *дома*, но мы еще не знаем, что конечное *-а* первого слова — та же фонема, что *-а* второго... Мы даже не знаем, однофонемно ли это *-а*» [Либерман 1971: 61]. То же относится, естественно, и к экспоненту морфемы слева от границы, *сад-, дом-*, и к экспоненту

целого слова (= словоформы с нулевой флексией), *стол*. Словоначальный комплекс /st/ в этом слове предлагается разбивать на /s/ + /t/ по аналогии с *-ст-* в ***рас-т**очка* с границей между приставкой и корнем. В качестве обязательного условия такого разбиения указывается, что «звукосочетание внутри морфемы не должно отличаться от звукосочетания, находящегося на стыке морфем» [Зиндер 1979: 37]. Но отождествление таких «звуков» ([s], [t]) в различных словах — скорее иллюзия. Это хорошо видно при сопоставлении конечного суффиксального элемента в [da-i̯] *дай* с морфемной границей между корнем и суффиксом и начального [j] в [jat] *яд*.

Аналогичная ситуация рассматривалась М. В. Гординой на примере форм *ток — тока* [tok — toka], *пот — пота* [pot — pota]: «конечно-слоговой согласный превращается в <...> начально-слоговой (и обратное), оставаясь элементом той же морфемы, т. е. при сохранении той же знаковой функции. Отсюда вытекает и отсутствие их взаимного противопоставления, т. е. необходимость рассматривать их как представителей одной фонологической единицы. Иными словами, отнесение [t-] из [tok] *ток* и [-t] из [pot] *пот к* одной фонеме происходит не просто потому, что начально-слоговой непридыхательный и конечно-слоговой придыхательный согласные находятся в отношении взаимно-дополнительного распределения, а потому, что возможно превращение одного из них в другой в пределах той же морфемы» [Гордина 1966: 177]. Точно так же отождествление [i̯] и [j] в [da-i̯] *дай* становится возможным только после ресиллабации: [da-i̯] => [da-ju] *даю*, когда экспонент суффикса оказывается в начале слога. Крайне важно, что, подобно [k] в *то-к-а* и [t] в *по-т-а*, [j] в [da-ju] *даю* находится между границами слога и морфемы, «взаимная несвязанность» которых и приводит к выделению фонемы «как особой, автономной единицы» [Гордина 1966: 177].

Данный подход представляет собой частный случай двойного членения[2], что естественно при выделении единицы плана выражения, связанной со смыслом. Это позволяет избежать логической ошибки, возникающей, когда смысловые (лексические или грамматические) различия ассоциируются с лингвистически значимыми «сегментами» — морфемами и фонемами, в частности при анализе форм с «внутренней флексией». Как отмечает по сходному поводу В. Б. Касевич, «в морфологии заметно стремление считать морфемами всё, что можно отнести к минимальным средствам передачи тех или иных значений. <...> Представляется, однако, что соссюровский постулат о линейности знака полностью сохраняет свое значение. Морфема — знак, ее экспонент всегда носит линейный характер; на морфемы исчерпывающим образом, т. е. без остатка и однозначно, должен делиться любой отрезок текста, любая языковая единица» [Касевич 2006: 488–489]. Это, несомненно, справедливо в отношении форм с «внутренней флексией». В отличие от *ток — тока* и т. п., в *sit* и, тем более, *sat*, ни на стыке слов (*sit and*), ни на морфемном шве (*sitting*) не происходит ресиллабации и конечно-слоговой согласный не превращается в начально-слоговой. Такие формы (*buy — bought*, *sing — sang*, *ring — rang*)

[2] На знаковые/значимые единицы и членение экспонентов последних на единицы плана выражения — «первое и второе членение» по А. Мартине [1963: 381–382].

принято называть «частично супплетивными», в отличие от англ. *to go — went* [Fromkin 2000: 51–52]. Но в случае «частичного совпадения» мы имеем дело лишь со «следами» более раннего состояния, до того как обусловленные чередования гласных и согласных (фонем)[3] сменились чередованием целых словоформ, по сути своей не отличающихся от «полных супплетивов». Статус самостоятельных морфем и фонем совпадающим в этих формах «звукам» придает только пресловутый «метод минимальных пар», объясняющий «неизвестное через неизвестное»[4]. Что же касается членимости экспонентов морфем, единственным ее показателем остается ресиллабация, а единственные реальные границы внутри экспонентов — это границы слогов.

Функциональность слога ставится иногда под сомнение[5], в частности из-за отсутствия универсальных правил слогоделения или в связи с неоднозначностью последнего, ср.: *корма* [kar-ma] и [ka-rma], *почта* [poč-ta] и [po-čta] и т. п. [Гордина 1966: 178]. Действительно, слогоделение в значительной мере интуитивно, однако само присутствие слога в интуиции носителя языка представляется достаточным основанием для признания его языковой реальности. То, что в русском два интервокальных согласных не препятствуют образованию открытого слога, лишний раз свидетельствует о малом числе ограничений на сочетания гласных и согласных (/VC/) и в конечном счете на ресиллабацию. Неудивительно, что язык, характеризующийся богатой морфологией и минимумом ограничений на слогоделение, оказывается образцово фонемным.

Проблема лингвистического статуса слога — общая для всех единиц синтагматического уровня, конструктивных, т. е. по определению вариативных, состоящих из инвентарных единиц[6], сочетающихся по правилам данного языка, подробнее см. [Клейнер 2010: 37–39]. В этом и состоит смысл слога как «модели организации фонем», в самом элементарном виде представленной сочетанием согласно-

---

[3] Регулярное окончание в форме прошедшего времени глагола *to buy* было бы представлено вариантом со звонким согласным (/d/), как в *bored*.

[4] Самая ранняя и по-прежнему наиболее конструктивная критика этого метода принадлежит Г. В. Воронковой и М. И. Стеблин-Каменскому, ср.: «То, что фонологическое содержание фонем надо выводить из оппозиций, подразумевает, очевидно, что первое неизвестно, а известно только второе. Но откуда могут быть известны оппозиции, если неизвестно фонологическое содержание фонем? Ведь знание оппозиций (т. е. того, как фонемы противопоставлены друг другу) подразумевает знание фонологического содержания фонем (т. е. того, что они представляют собой как члены противопоставлений)» [Воронкова, Стеблин-Каменский 2003: 678].

[5] Ср.: «...Выделение звука речи как автономной, самостоятельной единицы, независимой от фонетического положения, его отделение от соседних элементов речевой цепи — результат лингвистического анализа потока речи; этот анализ связан с проведением как *лингвистических — морфологических* — границ, так и *фонетических — слоговых*» (курсив мой. — *Ю. К.*) [Гордина 1966: 179]. Обсуждая первое правило моно- и бифонемности Н. С. Трубецкого, Л. Р. Зиндер указывает, что «для решения этого вопроса должны быть в первую очередь привлечены чисто фонематические данные» [Зиндер 1979: 213]. Очевидно, что в обеих цитатах слог и слоговые границы не рассматриваются как «лингвистические» понятия, соответственно «фонематические данные».

[6] *Конструктивные* и *инвентарные единицы* — термины В. Б. Касевича [Касевич 2006: 99].

го с гласным[7], где проявляются их валентностные характеристики (фонология) и осуществляется коартикуляция (фонетика). Как любые конструктивные и инвентарные единицы, слоги и фонемы предполагают друг друга. Иначе говоря, согласные и гласные *фонемы* обязательно соединяются в слоги, а язык, в котором есть слоги, — обязательно *фонемный*.

Само собой разумеется, что конструктивной единицей может быть только *фонологический* слог (= сочетание фонем). Однако «слогом» принято называть также последовательность *звуков*, консонантных и вокалических, в изолирующих языках, иначе называемых «слоговыми». Поскольку такая последовательность не связана ни с первым, ни со вторым членением и, значит, не предполагает внутри себя никаких границ, составляющие ее «звуки», не противопоставляющиеся в данной фонологической системе как согласные и гласные, не могут считаться фонемами. Более того, никто не отрицает, что данная последовательность представляет собой парадигматическую единицу[8], назвать которую «фонемой» мешает лишь то, что этот термин зарезервирован за гласными и согласными языков с ресиллабацией. Если такая последовательность и может называться «слогом», то только фонетическим[9], в чем, строго говоря, нет необходимости. Точно так же использование (применительно к изолирующим языкам) термина «слоговые» по крайней мере некорректно, равно как и формулировка «совпадение морфемных и *слоговых* границ», вместо «границ минимальной единицы плана выражения».

Принцип совпадения / несовпадения границ первого и второго членения (правило Гординой) является универсальным критерием, одновременно фонологическим и морфологическим, определения типа языка: изолирующий и фонемный. К фонемному типу принято относить и английский, ср.: «…английский допустит те же процедуры, что и русский, хотя <...> в нем почти нет однофонемных окончаний. Но те, которые есть (/t d/, /s z/ и /ə/) <...> и многочисленные случаи типа *read-er*, при слогоделении *rea-der*) свидетельствует о том, что английский — фонемный язык» [Либерман 1971: 61]. «Случаи типа *reader*» (с долгим слогоносителем) — это формы, допускающие ресиллабацию, когда конечный согласный корня оказывается между границами слога и морфемы: *rea*-/d/-*ing*, *da*-/t/-*ing* и т. п. На этом сходство с фонемными языками заканчивается. Межсловная ресиллабация ограничивается здесь «связующим /r/» (/niə-rənd/ *near and*) и единичными примерами

[7] Понимание слога как сочетания «безгласного с гласным» и de facto конструктивной единицы восходит к Аристотелю. Это определение, плохо понятое позднейшими критиками, к сожалению, рассматривается только как факт истории науки; об этом см. [Kleiner 2017].

[8] Ср.: «Противопоставление по слогоделению несет в этих языках ту же фонологическую нагрузку, что и противопоставление отдельных звуков в неслоговых языках: оно расположены на том же фонологическом уровне» [Гордина 1966: 180]. Здесь же рассматривается вопрос о структуре таких единиц, в частности о возможности выделения в них «инициалей», очевидно отличных от фонем в языках с ресиллабацией.

[9] Чрезвычайно удачными представляются термины «контоид» и «вокоид», используемые К. Л. Пайком [Pike 1947: 60] наряду с согласными и гласными фонемами при описании фонетических и фонологических слогов соответственно.

типа *one's own ~ one zone* [Bolinger 1975: 58]. Несколько ослабив критерии, можно предположить тождество всех конечных согласных экспонентов морфем с соответствующими начальными согласными: [z] в *goes* (при *go-Ø*) и *zone*, [t] в *worked* (при *work-Ø*) и [t^{h}] в *task* и даже согласных в начале и в исходе слова после неусеченного гласного (*deed* /di:d/), по аналогии с начально- и конечно-слоговыми согласными на границах морфем, допускающих ресиллабацию (/ri:d/ — /ri:-də/). Однако отождествление двух [d] в *did*, скорее всего, будет натяжкой. Еще меньше оснований отождествлять интервокальные согласные в последовательности [V̆CV̆], не допускающей ресиллабации ни на стыке морфем (*liv-ing*), ни тем более внутри морфологически нечленимых слов (*pity*, *body*)[10] с «акустически или артикуляторно близкими» согласными в иных позициях.

К двум полярным, с точки зрения правила Гординой, состояниям добавляется, таким образом, фонологическая система, которая наряду с *фонемами*, выделяемыми при несовпадении морфемных и слоговых границ, включает неделимые комплексы (а) /V̆C/, слева от морфемной границы, *sit-Ø*, *sitt-ing* (соотв. *sat*) и (б) [V̆CV̆], без слоговых и морфемных границ[11], т. е. последовательность, двусложную лишь фонетически, где [C] — не более чем «амбисиллабический контоид».

Взаимозависимость сегментации и типа языка помогает понять истинный смысл правил, связывающих сегментацию с требованиями системы, в частности Правила V «Определения одно- и многофонемности» Н. С. Трубецкого: «Группу звуков <...> следует считать простой фонемой, если это вытекает из всей *системы* данного языка» (курсив мой. — *Ю. К.*) [Трубецкой 1960: 67]. Судя по примерам, может создаться впечатление, что система в том виде, в каком она здесь представлена, учитывает только парадигматические отношения. В этой связи чрезвычайно важно уточнение, предлагаемое М. В. Гординой: «…отдельные элементы речевой цепи, находящиеся в разных ее местах (в разном окружении), лишь в том случае подлежат проверке на взаимное отождествление, если доказано, что эти элементы можно выделить как некие самостоятельные единицы <…> Иными словами, парадигматическому анализу должно предшествовать *синтагматическое, линейное членение*» (курсив мой — *Ю. К.*) [Гордина 1966: 176]. Синтагматический аспект учтен в формулировке Л. Р. Зиндера: «Чисто лингвистическая обусловленность членения потока речи говорит о том, что оно определяется системой каждого отдельного языка. Это и делает необходимым введение понятия фонемы как наименьшей линейно неделимой единицы языка» [Зиндер 1979: 38].

Может создаться впечатление, что фонема в классическом ее понимании присуща всем без исключения языкам. Не случайно поэтому А. С. Либерман [Либерман 1971: 61] специально оговаривает, что «при первом шаге фонологического анализа

[10] Единственным доводом в пользу «многосоставности» слов типа *body* и *pity* остается графика, но она складывалась в период, когда английский был еще чисто фонемным языком.

[11] Ср.: «Если <...> мы используем критерий членения, основанный на сопоставлении слоговых и морфологических границ, то увидим, что велярный носовой ни в одной форме не отделяется от предшествующего гласного ни слоговой, ни морфологической границей» [Кузьменко 1991: 81]. Представляется, что те же доводы применимы и к последовательности [V̆CV̆].

необходимо убедиться, действительно ли в изучаемом языке есть фонемы. Без этого обстоятельства никакая дальнейшая работа невозможна». Знание того, что данный язык — фонемный, в каком-то смысле оправдывает и «остаточную выделимость», и перенос морфемных границ на морфологически неделимые сегменты: [čan] = [č-an], ср. /sv'eč-a/ + [ča-n], ср. /zva-n/; отсюда: /č-a-n/ [Касевич 2006: 28], и даже «минимальные пары». Но перенесение результатов и вместе с ними процедур анализа на языки, иначе организованные (изолирующие, языки с ограниченной ресиллабацией), заведомо ошибочно, поскольку единицы плана выражения и, что особенно важно, правила их выделения (сегментации) представляют собой специфику каждой конкретной фонологической системы.

Литература

Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И. Фонема — пучок РП? // М. И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. С. 675–688 (первая публикация: 1970).

Гордина М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М., Наука, 1966. С. 172–184.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., Высшая школа, 1979. 312 с.

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология // Касевич 2006. С. 371–616 (первая публикация: М., Наука, 1988).

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич 2006. С. 9–239 (первая публикация: М., Наука, 1983).

Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2006. 663 с.

Клейнер Ю. А. Очерки по общей и германской просодике. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2010. 240 с.

Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л., Наука, 1991. 284 с.

Либерман А. С. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 60–72.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1963. С. 347–566.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 372 с.

Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. II. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 173–230.

Anderson S. P. A-Morphous Morphology. Cambridge, University Press, 1992. 434 p.

Bolinger D. Aspects of language. 2nd ed. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 368 p.

Fromkin V. (*ed.*). Linguistics: An Introduction to Linguistic Theory. Malden, MA, Blackwell Publishing, 2000. 749 p.

Halle M., Kayser S. J. English Stress, Its Growth, and Its Role in Verse. New York, Harper & Row Publishers — London, Evanston, 1971. 206 p.

Jensen J. T. English Phonology. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993. 251 p.

Kleiner Yu. "The Syllable according to Aristotle" // Histoire Épistémologie Langage. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 137–153.

Martinet A. Un ou deux phonemes? // Acta Linguistica. 1939. Vol. I. Fasc. 1. P. 94–103.

Pike K. L. Phonemics: a Technique for Reducing Language to Writing. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1947. 254 p.

Yury A. Kleiner
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
yurikleiner@hotmail.com, y.kleyner@spbu.ru

SEGMENTS AND BOUNDARIES

To the Memory of Mirra Veniaminovna Gordina (*1925–2018*)

Two types of boundaries, between morphemes and within their exponents, corresponding to two kinds of segmentation, in combination, reveal typologically different units of the plane of expression (Gordina's Rule) and, hence, types of languages, viz.

(1) Phonemic Languages. Vowel and consonant phonemes revealed as a result of the non-coincidence of morpheme- and syllable boundaries, yielded due to the presence of zero-inflexion forms in the paradigm and resyllabation respectively, cf. /to-**k**a/ — morphologically, *tok-Ø — tok-a.*'current (nom. and gen.)'.

(2) Isolating Languages (erroneously, *syllabic*). The boundaries of the morpheme exponent coinciding with those of the minimal unit of the plane of expression, alias paradigmatic inventory unit, not opposed as 'consonant' and 'vowel' phonemes to form /C/ + /V/ combinations, or phonemic syllables ('constructional units').

(3) Intermediate Type (erroneously, *phonemic languages*). Partly admitted type (1) resyllabation yielding phonemes (e.g. Engl. /i:/ and /d/ in *read — read-ing — rea-ding*) vs. froms with no resyllabation (*living*) and no morpheme boundaries (*pity*), plus suppletion forms of the *sit–sat* type (erroneously, 'inner inflexion forms').

The use, jointly, of the two kinds of boundaries relies on the principle of the dual segmentation, which implies, in turn, the connection of the units of the plane of expression with meaning.

Key words: duality of pattering, segmentation, morpheme, exponent, units, syllable, syllabification, Gordina's rule

References

Anderson S. P. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: University Press, 1992. 434 p.

Bolinger D. *Aspects of language*. 2nd ed. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 368 p.

Fromkin V. (ed.). *Linguistics: An Introduction to Linguistic Theory*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2000. 749 p.

Gordina M. V. [On different functional sound units of language]. *Issledovanija po fonologii*. Moscow, Nauka Publ., 1966. P. 172–184. (In Russ.)

Halle M., Kayser S. J. *English Stress, Its Growth, and Its Role in Verse*. New York: Harper & Row Publishers — London: Evanston, 1971. 206 p.

Jakobson R., Fant G. M., Halle M. [Preliminaries to Speech Analysis. The distinctive features and their correlates]. In: *New publications on linguistics*. Issue III. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962. P. 173–230. (In Russ.)

Jensen J. T. *English Phonology*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. 251 p.

Kasevich V. B [Phonological problems of general and oriental linguistics]. In: Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. P. 9–239 (first published: Moscow, Nauka Publ., 1983). (In Russ.)

Kasevich V. B. [Semantics. Syntax. Morphology]. In: Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. P. 371–616 (first published: Moscow, Nauka Publ., 1988). (In Russ.)

Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. 663 p.

Kleiner Yu. A. *Ocherki po obshchei i germanskoi prosodike* [Essays on general and Germanic prosody]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2010. 240 p.

Kleiner Yu. The Syllable according to Aristotle. *Histoire Épistémologie Langage*. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 137–153.

Kuz'menko Yu. K. *Fonologicheskaya evolyutsiya germanskikh yazykov* [Phonological evolution of the Germanic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 284 p.

Liberman A. S. [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features]. *Voprosy yazykoznaniya.* 1971. No. 3. P. 60–72. (In Russ.)

Martinet A. Un ou deux phonèmes? *Acta Linguistica*. 1939. Vol. I. Fasc. 1. P. 94–103.

Martinet A. [Elements of general linguistics]. *Novoe v lingvistike.* Issue III. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1963. P. 347–566. (In Russ.)

Pike K. L. *Phonemics: a Technique for Reducing Language to Writing*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1947. 254 p.

Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Princilpes of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960 (First published: Prague, 1939). 372 p.

Voronkova G. V., Steblin-Kamenskij M. I. [Phoneme — a bundle of DF?]. Steblin-Kamenskij M. I. *Trudy po filologii* [Works on philology]. St. Petersburg: Filologičeskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. P. 675–688 (first published: 1970) (first published: Leningrad, Leningrad State University Publ., 1960). (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979 (first published: Leningrad, Leningrad State University Publ., 1960). 312 p.

А. А. Соколянский
Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан)
sokol_2001@mail.ru, sokol_2001@outlook.com

ФОНЕМА КАК ВОСХОЖДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МНОГОУРОВНЕВОЙ ФОНОЛОГИИ*

В статье рассмотрены основные положения многоуровневой фонологии русского языка с позиций Московской фонологической школы.

В рамках Московской фонологической школы фактически сложилось два понимания фонологической системы. Традиционное учение предполагало выделение одной фонологической единицы — фонемы (А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, Л. Л. Касаткин). Позднее возникла идея о многоуровневой фонологии, согласно которой в соответствии с разными функциями звуковых единиц следует выделять несколько типов фонем (С. И. Бернштейн, Р. И. Аванесов, М. В. Панов). Попытки развить идеи многоуровневой фонологии содержат и работы автора статьи.

Автор приходит к выводу, что наиболее адекватным объекту является многоуровневое описание системы фонетического уровня языка. Предлагается выделять следующие единицы: слог как единицу речевого потока, звуки речи первого и второго рода как единицы речи, звук языка как единицу, промежуточную между языком и речью, дифференциатор, синтагмо-фонему, парадигма-фонему, морфонему как единицы языка. Выделенные единицы соединяются между собой системой чередований.

Ключевые слова: многоуровневая фонология, звук речи, звук языка, дифференциатор, синтагмо-фонема, парадигмо-фонема, морфонема

> На самом деле у меня теория некрасивая, в смысле том, что она громоздкая. Я жду: придет кто-то, кто сделает какой-то следующий шаг, что-то извлечет из нее, то, что будет плодотворным. П р и д и, н е з н а к о м е ц! А может, я и сам сделаю шаг, пока я еще не умер [Панов 2014: 114].
>
> *М. В. Панов (1920–2001)*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Многоуровневая фонология русского языка», № 15-04-00338.

0. Эпиграфом к этой статье стало высказывание М. В. Панова, в котором он говорит о своей фонологической теории 1967 г. Несмотря на общую критическую оценку итогов своего труда, М. В. Панов понимал, что предложенное им фонологическое учение содержит потенциал для дальнейшего развития. В 2000–2010 гг. мною была предпринята попытка в ряде работ развить идеи своего учителя [Соколянский 2001; 2007a; 2007b; 2007c; 2007d; 2010]. Если оценить предложенное мною с эстетической точки зрения, как это делает М. В. Панов в отношении своего учения, то следует признать, что и моя теория вряд ли может быть признана красивой, но мне кажется, что какие-то шаги, снимающие некоторые противоречия в теории М. В. Панова, мною были сделаны. Я продолжаю размышлять о проблемах фонологии, поэтому предлагаемый в статье вариант многоуровневой фонологии, скорее всего, еще будет дорабатываться. Надеюсь, что Михаилу Викторовичу мои размышления были бы интересны, хотя я отчетливо знаю, какие из предлагаемых мною решений им были бы отвергнуты.

1. Различные фонологические школы неодинаково определяют единицу, которую называют фонемой. Учение о фонеме сложилось в результате осознания того, что понятие звука является явно недостаточным для описания фонетической системы. Фактически уже само по себе противопоставление «звук ~ фонема» является проявлением многоуровневого подхода в фонетике. Большинство фонологических школ исходит из того, что для них вполне достаточным является названное противопоставление, в основе которого лежит представление о звуке как сегментной единице с определенным набором физических свойств (акустических и артикуляционных) и о фонеме как о сегментной единице, выполняющей различительную функцию. Следовательно, фонема — это совокупность звуков, объединенных различительной функцией. Если бы все фонологи жестко исходили из данного определения, то не существовало бы различных подходов в описании фонемы. Каждая фонологическая школа к этому базовому пониманию добавляет нечто, что приводит к разнообразию фонологических направлений.

Проблема заключается в том, создает ли функция единицу (тогда целесообразнее исходить из многоуровневой фонологии) или приводит к многофункциональности единицы (тогда уместнее моноуровневая фонология). Очевидно, что оба подхода имеют свои издержки. При первом есть опасность рассыпать описание фонетики по разным разделам, которые будут слабо связаны друг с другом. Второй может привести к тому, что разные функции фонемы будут смешиваться в пределах единого анализа, а исследователь не будет замечать, когда фактически переходит от одних свойств фонемы к другим.

Представляется, что сверхзадача многоуровневой фонологии состоит в учете максимально большего количества разных подходов к фонеме в рамках одного описания. При этом многоуровневость может вобрать в себя описание не только собственно фонологических свойств, но и исключительно фонетические аспекты функционирования звуковых единиц.

В фонеме осуществляется постепенное восхождение от сугубо материальных свойств речевого потока к идеальным свойствам языка. Рождаясь в определенным образом устроенном речевом аппарате, фонема постепенно отрывается от своего анатомического носителя и становится единицей языка, т. е. частью иерархически организованной семиотической системы.

Содержание многоуровневой фонологии состоит в том, что функции фонетических единиц распределяются по разным этажам фонетической структуры, создавая тем самым эти этажи.

2. Язык имеет слоговое строение подобно тому, как живые организмы имеют клеточное строение. Предназначение слога — донести до слухового аппарата участников коммуникации сегментные и суперсегментные параметры рожденного в речевом аппарате звукового потока.

Слог следует рассматривать, скорее всего, не как единицу языка или речи, а как фонетический субстрат, на базе которого функционируют все другие единицы. Поэтому не слог состоит из звуков, а звуки выделяются из состава слога. Слог — это способ организации фонетических единиц. Образно такое понимание было сформулировано Р. К. Потаповой: «Слог как бы маленькая сцена, а действующие на ней персонажи — сила звука, тон, длительность и др.» [Златоустова 1997: 193]. Слог является частью речевого потока, о котором фонетисты часто упоминают, но редко утруждают себя какими-либо определениями, предполагая, что данное понятие ввиду своей очевидности в определении не нуждается. Ближе всего к нашему пониманию речевого потока был Л. Ельмслев, писавший: «Единственно, что дается исследователю языка в качестве исходного пункта… так это текст в своей нерасчлененности и абсолютной целостности» [Ельмслев 1960: 273]. В неявном и синкретичном виде слог выполняет все те функции, которые характерны для других фонетических единиц. «Нерасчлененность» и «абсолютная целостность» — важнейшие свойства речевого потока [Соколянский 2010a, 17–40; Соколянский 2010b].

Отношение фонематических единиц к слогу в разных языках мира не является одинаковым. При обсуждении теории праславянских группофонем В. К. Журавлева с питерскими коллегами было предложено различать следующие типы языков: 1) языки слогофонемного строя, в которых слог совпадает с морфемой (типа китайского, бирманского); 2) языки группофонемного строя, в которых на фонетическом уровне присутствует стремление организовать единицу слогофонемного строя, но препятствием к этому являются морфемные границы, пролегающие внутри группофонемы (таким был праславянский язык на определенном этапе своего развития, см. [Журавлев 2007]); 3) языки фонемного строя. Очевидно, что современный русский язык относится к языкам фонемного строя, с некоторыми «родимыми пятнами» группофонемного языка.

3. Речевой поток представляет собой единство речи и языка. Дальнейшее разграничение единиц многоуровневой фонологии связано с разграничением этих

фундаментальных для языкознания понятий. Среди единиц многоуровневой фонологии предлагается различать *звуки* и *фонемы*.

В настоящее время принято разграничивать *звуки речи* и *звуки языка* (П. С. Кузнецов, М. В. Панов, Л. Л. Касаткин) [Кузнецов 1970; Панов 2007; Касаткин 1982], хотя до сих пор введение в научный оборот понятия «звук языка» вызывает споры. В дополнение к этому разделению автором статьи было предложено различать *звуки речи первого рода* и *звуки речи второго рода* [Соколянский 2007].

Звук речи первого рода — это звук, произнесенный конкретным говорящим здесь и сейчас. Функция звука речи первого рода состоит в том, чтобы сформировать акустико-артикуляционные свойства, которые без существенных погрешностей могут быть восприняты слушающим. Специфические свойства звуков речи первого рода состоят в их способности дать информацию о состоянии говорящего в момент коммуникации, т. е. здесь и сейчас (настроение, состояние здоровья и др.).

Звук речи второго рода — это типичный для каждого отдельного говорящего способ произнесения звуков. Специфические свойства звуков речи второго рода заключаются в их принципиальной возможности дать информацию о целом ряде постоянных свойств говорящего (отличие от других говорящих, пол, возраст и др.). Это свойство индивидуализирует произношение каждого отдельного говорящего.

«Звук языка — это звуковой тип, эталон звука, существующий в языковом сознании говорящих» [Касаткин 1982: 98–99]. Строго говоря, с традиционной точки зрения звук языка — это оксюморон, так как звук по определению представляет собой явление речи. Тем не менее данный термин очень хорошо раскрывает суть явления. Функция звука языка — установить связь между индивидуальным звуком речи и общепринятыми в данном языковом коллективе звуковыми эталонами языка. Звук языка в отличие от фонемы не выполняет функции различения. Количество звуков языка в практическом плане поддается подсчету (оно коррелирует с числом знаков точной транскрипции), а в теоретическом смысле является бесконечным, так как исследователю не поставлено пределов, где он должен остановиться в процессе выделения всё новых и новых оттенков звуков языка. Несмотря на то что количество звуков языка не поддается исчерпывающему подсчету, нам следует рассматривать его именно как единицу языка, отвечающую за фонетические эталоны. Именно звук языка выполняет перцептивную функцию: звуки речи, воспринимаемые говорящим, соотносятся в его сознании с существующими там звуковыми эталонами, после чего вся поступившая в виде потока речи языковая информация поддается декодированию. По данным, приводимым С. В. Кодзасовым и О. Ф. Кривновой, «в современных автоматических системах синтеза и распознавания речи, которые имеют дело с речевыми реализациями фонем, оказывается необходимым различать более 2000 конкретных оттенков фонем» [Кодзасов, Кривнова 2001: 23]. Проблема с подсчетом звуков языка не должна быть препятствием для понимания его именно как особой единицы языка. Морфемы и слова также с трудом поддаются каталогизации, что не мешает нам рассматривать их как полноценные языковые единицы.

Различие функций звуков речи и языка можно пояснить на таком детективном примере. Некто спасается от преследователей, подбегает к закрытой двери квартиры, стучит, слышит вопрос: «Кто там?». Отвечает: «Откройте!» [аткро́ӣт’и]. Какую информацию может извлечь хозяин квартиры из услышанного?

На уровне звука речи первого рода: находящийся за дверью испуган, он долго бежал и др. (изменяемые признаки речи говорящего).

На уровне звука речи второго рода: находящийся за дверью известен / неизвестен хозяину квартиру, это мужчина / женщина / ребенок, это человек молодой / пожилой, это иностранец / русский и др. (постоянные признаки речи говорящего).

На уровне звука языка: находящийся за дверью просит открыть дверь (языковые признаки, устанавливающие общее между слушающим и говорящим), эта информация становится доступной слушающему в результате установления связи между звуками языка и фонематическими единицами.

4. Описанное противопоставление звуков речи и звуков языка представляет собой первые этажи фонематического описания, но не является само по себе основанием для фонологии. Фонологи самых разных направлений давно уже исходят из того, что звуки речи и языка могут быть вычленены только в результате их сопоставления с фонемой. Иначе говоря, не фонема складывается из отдельных звуков, а отдельные звуки вычленяются как результат реализации фонемы. Совсем коротко: фонема первична по отношению к звуку.

В связи с этим актуальной становится проблема сегментации фонемных единиц. Здесь можно взять на вооружение теоретические разработки представителей Ленинградской фонологической школы (ЛФШ), которые кладут в основание этой процедуры морфологический критерий, понимаемый ими иначе, чем это делают московские фонологи. Слово *стена* состоит из двух слогов — *сте-на* — и двух морфем — *стен/а*. Элемент *н* при слоговом членении отделен от отрезка *сте*, а во втором случае он является частью корня. Способность элемента оказываться «зажатым» между морфемной и слоговой границей свидетельствует о его фонематической отдельности. Честь открытия данного критерия принадлежит М. В. Гординой [устное сообщение питерских коллег]. В нашем случае это выглядит как *сте-н/а*. По аналогии элемент *н* следует рассматривать как особую фонему и в других случаях, включая те, где он не может быть «зажатым» между морфемной и слоговой границей (например *нога*). Думается, что наработки петербургских фонологов в области вычленения фонемных единиц могут быть приняты на вооружение и другими фонологическими школами.

Можно ли петербургскую фонему рассмотреть в качестве одного из этажей многоуровневой фонологии? Вероятно, можно. Но на этом пути возникают определенные сложности. Сложилось весьма устойчивое мнение, что петербургская фонема — звукотип, т. е. в одну фонему объединяются звуки, обладающие определенным материальным сходством. Именно это материальное сходство позволяет говорящим на уровне осознания этих единиц объединять их в единства — в фонемы. Сегодня некоторые петербургские фонологи категорически не принимают

такую интерпретацию собственной фонологической школы, настаивая на том, что звуки объединяются в фонемы не на основе физического тождества, а исключительно на основании осознания их говорящими. Такой подход — это возврат к истокам фонологии, когда фонема понималась как психический эквивалент звука, см. [Соколянский 2016: 89–93]. Психофонему крайне трудно включить в многоуровневую фонологию, которая своим истоком имеет Московскую фонологическую школу (МФШ), активно отвергающую психологический подход к явлениям языка и, в частности, к объектам фонологии. В то же время петербургская фонема как звукотип могла бы быть рассмотрена в качестве одного из уровней многоуровневой фонологии.

В таком случае она должна быть сопоставлена со звуком языка. Отличие звука языка от ленинградской фонемы состоит в том, что звук языка не выполняет смыслоразличительную функцию, а только перцептивную, см. [Полковникова 1998; Князев 2007], тогда как ленинградская фонема — смыслоразличитель. Просто говоря, произносительные сегменты [á — ·á — á· — ǻ — ǻ] являются разными звуками языка, но представляют собой одну ленинградскую фонему, так как по отношению друг к другу не могут выполнять смыслоразличительную функцию.

От звука языка лежит прямой путь не только к ленинградской фонеме. Фонема — это звук языка, наделенный различительной функцией. Наделяя звук языка этой функцией, мы тем самым превращаем его в фонематическую, т. е. языковую единицу.

5. В процессе анализа фонематических единиц следует учитывать то, что В. К. Журавлевым когда-то было названо «силой фонологической оппозиции» [Журавлев 1974: 59]. В наших работах был использован термин «коэффициент различительной силы», который учитывает количество единиц, противопоставленных в той или иной позиции. Так, коэффициенты различительной силы в слове [тот] распределяются как /$т_{37}о_5т_{21}$/, что означает: перед гласной противопоставлено 37 согласных, в ударной позиции после твердого согласного противопоставлено 5 гласных, на конце слова различается 21 согласный. Единица, выделяемая только на основе различительных свойств звука языка, может быть названа *дифференциатор.* Это своеобразная предфонема, или протофонема, которая по многим параметрам могла бы претендовать на звание собственно фонемы. Можно предложить такое определение: *дифференциатор — это звук языка в аспекте выполнения им различительной функции.*

Дифференциатор = звук языка + различительная функция.

Предназначение дифференциатора — отличаться от других дифференциаторов. Ни одна фонологическая школа не использует понятие дифференциатора в том виде, как оно только что было сформулировано, но все они имплицитно отталкиваются от него, формулируя свое понимание фонемы.

Дифференциатор жестко привязан к той позиции, в которой он выделяется. Так, в позиции между твердыми согласными под ударением возможно функционирование пяти дифференциаторов: [пат — пер ‘пэр’ — пот — пыл — пуп]

= /а — е — о — ы — у/. Дифференциатор /а/ мы можем охарактеризовать как звук языка [а], находящийся в позиции, в которой противопоставлены 5 единиц. В позиции между мягкими согласными также представлено 5 единиц: [п'ät' — п'êт' — т'ő̈т'ъ — п'ит' — кл'ÿч']. Оставаясь в рамках параметров, заданных для дифференциатора, мы не можем осуществить попарное отождествление [а — ä], [е — ê], [о — ö], [ы — и], [у — ÿ]. Различие звуков языка не позволяет признать эти пары в качестве одной единицы. Одинаковый коэффициент различительной силы (равный в обоих случаях 5) — важное, но недостаточное основание для их объединения. Анализ дифференциаторов дает разделенное по позициям описание фонетики, именно поэтому фонологи не всегда считают необходимым давать описание количества единиц, противопоставленных в каждой позиции.

В свое время автор этих строк рассматривал дифференциатор как отдельную единицу, но описание получилось крайне громоздким. В конечном итоге пришлось прийти к выводу, что полный перечень дифференциаторов можно построить для гласных, но процедура превращается в дурную бесконечность при попытке описать систему консонантизма. Поэтому сегодня автор статьи определил бы дифференциатор не как единицу, а как основополагающий критерий при выделении фонологических единиц.

Различные фонологические школы на основе дифференциатора формируют свое собственное представление о фонеме, дополняя дифференциатор свойствами, которые каждая отдельная школа считает важными для фонемы. Такой подход можно представить в виде формулы: *фонема = дифференциатор + специфический подход фонологической школы.*

6. На примере фонологических школ, сложившихся в России, это схематически можно представить следующим образом:

ЛФШ: фонема = дифференциатор + осознание говорящими.

ПФШ: фонема = дифференциатор + единство дифференциальных признаков.

МФШ: фонема = дифференциатор + снятие позиционных различий.

6.1. Ленинградская фонологическая школа устанавливает прямую связь между фонемой и значимыми единицами языка. Эта связь состоит в способности фонемы непосредственным образом обозначать морфему. Например, в слове *скакалка* звук [с] может обозначать приставку или предлог (***с**ломать, **с** мамой*), [к] — предлог (***к** акуле*), [а] — окончание (*стен**а***) и др. У некоторых фонем связь со значимыми единицами строится по аналогии. Так, [п] в русском языке не обозначает отдельной морфемы, но находится в одном ряду с единицами, которые этим свойством обладают. Следовательно, [п] имеет потенциальную связь со значимыми единицами языка, т. е. при наличии определенных условий мог бы обозначать морфему.

При таком подходе ЛФШ не считает необходимым разграничивать сильные и слабые фонологические позиции, отождествляя начальный и конечный звук в слове [поп] на основе осознания их близости говорящими. Фонемный состав слова /поп/. «Тем самым, хотя представители ЩФШ (= ЛФШ. — *А. С.*) и используют

термины *сильная* и *слабая позиция*, в частности, когда речь идет о чередованиях фонем в морфеме, для этой школы понятия, обозначенные соответствующими терминами, не являются принципиально важными при определении фонемного состава словоформы» [Попов 2014: 264–265].

Представители ЛФШ возражают против того, что в полемике с ними «москвичи» часто утверждают, что «ленинградская» фонема выявляется на основе физического подобия. Так, М. Б. Попов пишет: «…представители ЩФШ делают его, исходя из языкового сознания носителей языка, но ни в коем случае не из критерия артикуляторно-акустической близости соответствующих звуков…» [Попов 2014: 264]. С точки зрения МФШ, в фонологии два основных греха: физикализм и психологизм. Бóльшим грехом считается психологизм. Поэтому, полемизируя с питерскими коллегами, московские фонологи деликатно упрекают их в меньшем грехе. По крайней мере с их, московской, точки зрения.

Стало быть, с точки зрения ЛФШ, фонема — это совокупность дифференциаторов, имеющих непосредственную связь со значимыми единицами языка и осознаваемых говорящими в качестве эквивалентных. Из свойств дифференциатора ЛФШ интересует только сам факт противопоставленности другим единицам, тогда как количество противопоставленных единиц при принятии фонологических решений не имеет значения.

Объединение звуков типа [а — ä], [е — ê] и др. осуществляется на основании их близости в сознании говорящих. Вместе с тем опора на сознание говорящих в целом и в данном случае может дать весьма неоднозначную картину. Так, носители языка, не обремененные фонологическими премудростями, скорее всего, не заметят различий в произношении [е] в словах *шест* и *место*, однако очень часто автору этих строк приходилось сталкиваться с людьми, которые были убеждены, что в словах *маска* и *мясо* они произносят разные звуки. Строго говоря, они правы: здесь разные звуки, но одна фонема. В таких случаях приходится прибегать к дополнительным приемам. Например, предлагать протянуть в произношении гласный [·а], с тем чтобы убедиться в том, что в таком случае он переходит в [а]. Прием не безупречный.

Можно ли в многоуровневой фонологии выделить уровень описания, соответствующий фонеме ЛФШ? Такое построение вполне возможно. Такую единицу можно было бы назвать первичной фонемой.

6.2. Пражская фонологическая школа (ПФШ) пошла по пути выделения в структуре фонемы признаков, которые позволяют одной фонеме отличаться от другой. Это привело к построению теории оппозиций и производному от нее учению о нейтрализации. Фонема — дифференциатор, обладающий одинаковым набором различительных признаков. В слове *пол* фонемный состав /пол/. В позиции нейтрализации на конце слова представлена архифонема /П/, имеющая на один дифференциальный признак меньше фонемы /п/, находящейся в позиции перед гласным.

6.3. Московская фонологическая школа также в основу понимания фонемы кладет дифференциатор. Дифференциаторы разных позиций объединяются в одну

фонему на основе позиционного подхода. Фонема — это ряд дифференциаторов, позиционно чередующихся в пределах морфемы (точнее — морфа). При таком подходе нагляднее всего решается вопрос об объединении дифференциаторов в разных позициях. В слове *поп* конечный согласный относится к фонеме <п>, так как в пределах морфемы чередуется с [п] (*поп — попы*), а в слове *боп* — к фонеме <б>, так как в пределах морфемы чередуется с [б] (*бо*[п] — *бо*[б]*ы*). Правда, на этом пути МФШ сталкивается с проблемой единиц, которые не могут находиться в сильной позиции. Разрешение этой проблемы привело к учению о гиперфонеме, т. е. фонеме, которая не может находиться в сильной позиции (*с*[а]*бака*, [з’]*ес*[с’]).

7. Включение в определение фонемы связи со значимыми единицами в конечном итоге привело московских фонологов к необходимости наряду с различительной функцией фонемы говорить о функции отождествления. По отношению к другим фонологическим единицам фонема выполняет функцию различения, а по отношению к значимым единицам — функцию отождествления. В слове *во́ды* фонема <о>, выполняя функцию различения, противопоставлена фонемам <а — е — и — у> и, выполняя функцию отождествления, идентифицирует морфему *вод* в ряду форм *в*[о́]*ды — в*[а]*да́ — в*[ъ]*дово́з*, входя тем самым в чередование *о́ // а // ъ*.

Проблему соотношения двух функций фонологических единиц МФШ решала тремя путями: 1) создание многоуровневой фонологии, в которой каждая функция закреплена за особой единицей (С. И. Бернштейн [Бернштейн 1962], «поздний» Р. И. Аванесов [Аванесов 1956], «ранний» М. В. Панов [Панов 1967]); 2) отказ от одной из функций фонемы, а именно функции различения («поздний» М. В. Панов [Панов 1979]); 3) признание за фонемой двух функций (К. В. Горшкова [Горшкова 1980], Л. Л. Касаткин [Касаткин 2009]).

Р. И. Аванесов [Аванесов 1956] предложил различать сильные и слабые фонемы, которые в свою очередь объединялись в фонемные ряды. Разграничение сильных и слабых фонем по сути вводило иерархические отношения между фонемой / вариацией и вариантом: на первом уровне членения языковой системы различались единицы, обладающие максимальной различимостью, на других уровнях — единицы с ослабленной функцией различения. В слове *трава* два [а] относятся к разным фонемам (так как первый [а] (у Р. И. Аванесова [ʌ]) противопоставлен меньшему количеству единиц, чем [а] под ударением), но при этом входят в один фонемный ряд.

М. В. Панов [Панов 1967] наиболее последовательно с позиций МФШ произвел разграничение двух функций фонемы. Функцию различения он определил за синтагмо-фонемой, функцию отождествления за парадигмо-фонемой. Позднее Л. Л. Касаткин [Касаткин 2009], выступая против такого разграничения, настаивал на том, что в данном случае мы имеем дело не с двумя единицами, а с различными функциями одной единицы. В своих решениях Л. Л. Касаткин основывался на работах К. В. Горшковой. Таким образом, можно сказать, что эволюция многоуровневой фонологии привела в конечном итоге к идее многофункциональности фонемы, рассматриваемой в пределах моноуровневой фонологии.

Не исключая возможности различных фонологических моделей в описании звуковой системы русского языка, автор этих строк является сторонником многоуровневой фонологии, так как считает, что именно такой подход позволяет более четко определить функциональные свойства звуковых единиц. Предлагаемую модель фонологического описания можно представить в следующем виде.

8. *Дифференциатор — звук языка, рассматриваемый в аспекте различительной функции*. Особенности дифференциатора: 1) связь только с одной позицией; 2) практическая сложность в выявлении количества дифференциаторов.

Первая особенность была описана нами ранее, на второй кратко остановимся сейчас.

По умолчанию принято считать, что для согласных интервокальная позиция и позиция начала слова являются тождественными. Иначе говоря, в словах ***с****ад* и *по****с****адка* сегмент [с] находится в одной и той же позиции. Это положение во многом верно для сочетаний #СГ и ГСГ (# — знак начала слова, С — согласный, Г — гласный), однако и здесь можно обнаружить различия. Так, из долгих смычных в начале слова могут употребляться только заднеязычные: *к кому, к киту, к городу* и др. Русский язык не знает долгих [п — п’ — б — б’ — т — т’ — д — д’ — ц — ч’] в начале слова. Ограничение распространяется и на такие смычные, как [м — м’ — н — н’ — л — л’] (сомнительно, что в редких словах типа *Ллойд Джордж* мы произносим долгий [л], см. [Соколянский 2013]).

Значительно больше отличий в количестве дифференциаторов можно обнаружить при анализе сочетаний #ССГ и ГССГ. Наиболее разительную картину представляет /j/, который встречается практически перед всеми согласными в последовательности Г<u>С</u>СГ (*тайга, зайка, война* и т. п.) и вообще не встречается в позиции #<u>С</u>СГ.

В других случаях различия не столь заметны, но также весьма существенны. В начале слова перед сочетанием *р/р’ + Г* возможно употребление 16 согласных: *брат, врать, грань, драть, жрать, зрачок, краб, мрак, нрав, правда, срам, трость, фраза, храп, шрам, чрево.* В интервокальной позиции их число может доходить до 22: *образ, овраг, награда, выдра, пожрать, возраст, сайра, окраина, помрачение, жанровый, оправа, террор, досрочный, отрава, шафран, махровый, ГОЭЛРО, кольраби, шпицрутен*, *спичрайтер*, *поощрять*, *маршрут*. Отличие в коэффициенте различительной силы требует считать согласные [б] в словах *брат* и *образ* разными дифференциаторами.

Количество дифференциаторов в биконсонантных сочетаниях с трудом поддается подсчету, тем не менее выявление дифференциальных свойств фонологических единиц необходимо. Предлагается рассматривать дифференциатор не как отдельную языковую единицу, а как один из параметров, который следует принимать во внимание при фонологическом анализе.

9. *Синтагмо-фонема — фонологическая единица, выполняющая функцию различения и характеризующаяся как совокупность одинаковых дифференциальных признаков.* Данная единица соотносится с фонемой ПФШ. Признак является

основным параметром синтагмо-фонемы. Традиционная фонетика основное внимание уделяла изучению признаков отдельных звуков. Общность признаков звуков языка была основой для их классификации. Фонология рассматривает уже выделенные в фонетике признаки с точки зрения выполнения ими различительной функции. Теоретическое обоснование формирование фонологических признаков на базе фонетических получило в работах Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1960: 101].

Количество фонетических признаков в принципе не является ограниченным, тогда как число различительных признаков должно быть строго определенно. Первый этап фонологии был связан с разделением всех признаков на дифференциальные и недифференциальные. Так, признак глухости / звонкости был отнесен к дифференциальным, а признак напряженности/ненапряженности к недифференциальным. Особое положение заняли интегральные признаки — дифференциальные для системы в целом, но не выполняющие функции различения в структуре конкретной синтагмо-фонемы (например признак глухости у /ц/).

10. Следует определить, в какой степени фонетическая классификация звуков отвечает требованиям фонологии. На пути трансформации фонетической классификации в фонематическую у нас три основных резерва:

1) иерархизация имеющихся фонетических признаков;

2) устранение избыточности фонетической классификации с точки зрения функции различения;

3) устранение по мере возможности многоступенчатости классификаций звуков языка.

10.1. Устранение недифференциальных признаков из фонологической классификации усиливает разрыв между фонетикой и фонологией. Поэтому более продуктивен путь установления иерархии между дифференциальными и недифференциальными признаками. Возглавляет эту зависимость дифференциальный признак. Тогда фонологический признак глухости / звонкости можно представить в виде такой иерархии: глухость / звонкость ⊂ напряженность / ненапряженность ⊂ долгота / краткость ⊂ придыхательность / непридыхательность. Знак ⊂ обозначает ‘влечет за собой’. В работы по фонологии его ввел М. В. Панов [Панов 1967: 155]. Поэтому, обозначая фонологический признак, к примеру, синтагмо-фонемы /т/ как глухой, мы имеем в виду не только отсутствие вибрации голосовых связок, но и всю совокупность связанных признаков, которые могут в зависимости от позиции и конкретных произносительных условий реализовывать себя различным способом. Таким образом почти всё содержание фонетики может войти в состав фонологии [Соколянский 2016].

10.2. В основе описания синтагмо-фонемы лежит характеристика звука языка, но при этом между этими двумя характеристиками существуют значительные различия. При описании звука языка мы выделяем в нем максимальное количество признаков: чем больше признаков и чем подробнее описание, тем лучше. При

описании признаков фонемы наше основное внимание сосредоточено на тех признаках, которые помогают отличать данную фонему от других. Поэтому в процессе фонологического описания следует по мере возможности избегать избыточности фонетической классификации. Представим себе, что оппозиция губно-губных и губно-зубных в русском языке фонематична. Тогда у нас должны быть противопоставлены фонемы: /п/ — губно-губная и /п^{ф}/ — губно-зубная, но звук [п^{ф}] вообще встречается крайне редко. В русской фонетике могут быть противопоставлены губно-губной [м] и губно-зубной [ɱ]. Последний в русском произношении может встретиться (необязательно!) в словах типа *амфора*. Опять-таки такая фонемная пара в русском языке отсутствует. Теоретически в русском языке могло бы быть противопоставление /в/ и /w/ (как в английском языке), но русский язык не знает их употребления в рамках одной системы (нельзя исключать, что в говорах переходного типа нечто подобное наблюдается).

Наверное, можно вывести формулу преобразования фонетических признаков в фонематические: если нет противопоставления [м] ÷ [ɱ], [w] ÷ [в], [φ] ÷ [ф], [п] ÷ [п^{ф}], [б] ÷ [б^{в}] в одной позиции, то фонетические признаки *губно-губной* × *губно-зубной* должны рассматриваться как реализация фонемного признака *губной*.

10.3. Характеристики согласных по месту и способу образования являются многоступенчатыми. Для фонологии это представляет определенное неудобство, поэтому по мере возможности следует многоступенчатые классификации преобразовывать в одноступенчатые. Практически так поступают все фонологии, работающие с фонемными признаками. Поэтому, к примеру, классификация по месту образования предусматривает разделение согласных по следующим признакам: *губные — зубные — альвеолярные — среднеязычные — заднеязычные*.

11. В некоторых позициях происходит утрата количества противопоставленных фонологических единиц. Такие позиции называются позициями нейтрализации. В позиции нейтрализации структура дифференциальных признаков иная. Здесь можно выделить два случая:

1) в позиции нейтрализации происходит утрата количества дифференциальных признаков;

2) в позиции нейтрализации происходит сокращение структуры строения самого дифференциального признака.

11.1. В позиции конца слова отсутствует класс звонких согласных, следовательно, фонемная характеристика становится короче на один признак. Единица, имеющая более короткую функциональную характеристику, является архифонемой: /т/ × /д/ → /Т/. Синтагмо-фонема /т/ имеет характеристику, включающую в себя четыре признака: *зубная* (в отличие от /п/, /к/)*, взрывная* (в отличие от /с/)*, твердая* (в отличие от /т’/)*, глухая* (в отличие от /д/). Архифонема /Т/ имеет сокращенную признаковую характеристику, включающую три признака, так как на конце слова глухие и звонкие не противопоставлены.

11.2. Другая разновидность нейтрализации связана с упрощением строения дифференциального признака. Дифференциальный признак фрикативных согласных имеет пятичленную структуру: губной /ф/ — зубной /с/ — альвеолярный /ш/ — среднеязычный /j/ — заднеязычный /х/. В позиции перед шипящими происходит утрата противопоставления /с/ и /ш/ (с шилом [шшы́лъм]). В данном случае можно говорить о преобразовании признака в архипризнак: *зубной* × *альвеолярный* → *ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЙ*. Пятичленная структура признака преобразуется в четырехчленную. Такие случаи следует рассматривать тоже как разновидность нейтрализации [Соколянский 2016b].

12. Выявленную в синтагмо-фонологии признаковую структуру можно наложить на отношения в системе дифференциаторов. В позициях #ССГ и ГССГ перед /рα/ синтагмо-фонема /т/ (*трость, отрава*) характеризуется одним и тем же набором дифференциальных признаков: зубная (в отличие от /п/, /к/ (*правда, оправа*)), взрывная (в отличие от /с/ (*срам, досрочный*)), глухая (в отличие от /д/ (*драть, выдра*)). Противопоставление по твердости / мягкости в этой позиции представлено только у пары /л/ — /л’/ (*ГОЭЛРО, кольраби*). Следовательно, звук [т] в этой позиции является архифонемой /Т/, характеризующейся тремя признаками. Для дифференциатора главное — количество противопоставленных единиц, поэтому два [т] в начале слова и в интервальной позиции должны быть отнесены к разным дифференциаторам. Для синтагмо-фонемы главное — набор дифференциальных признаков, поэтому два [т] в данном случае являются одной и той же архифонемой.

Архифонема — это один из способов реализации синтагмо-фонемы. Следовательно, синтагмо-фонемы могут быть представлены в виде собственно синтагмофонем и архифонем. Каково соотношение между ними? Можно ли рассматривать архифонему как альтернат синтагмо-фонемы, т. е. рассматривать их соотношение в виде /т/ = /т/ || /Т/? М. В. Панов соотношение синтагмо-фонем с разным объемом дифференциальных признаков не решился рассматривать как чередование. Он писал о том, что эти единицы находятся в соответствии [Панов 1967: 106].

Архифонема функционирует в позиции нейтрализации. Нейтрализация — это снятие противопоставления между единицами в определенной позиции. Это явление различно понимается в фонологии. Нейтрализацию по-московски можно назвать позиционно-морфемной, она включает в себя четыре основания: 1) определяется фонетической позицией (в отличие от морфонологических явлений); 2) приводит к уменьшению количества противопоставленных единиц; 3) приводит к упрощению признаковой структуры фонемной единицы, т. е. к появлению архифонемы; 4) осуществляется в пределах одной морфемы. Нейтрализацию по-пражски можно назвать позиционно-словесной: она обладает первыми тремя свойствами, но безразлична к четвертому требованию. Для ПФШ проявление нейтрализации в морфеме, скорее, вопрос наглядности, чем теоретических оснований. Сопоставление *ду**б**ы́* — *ду**н*** нагляднее, чем *ду**б**ы́* — *кло**н***, но для ПФШ в принципе эти примеры равноправны.

С точки зрения МФШ, чередование происходит в определенных позициях и определенных морфемах. С точки зрения ПФШ, достаточно ограничиться разными позициями. Всё дело в том, что МФШ не считает непременным условием фонематического анализа выявление признаковой структуры фонемы, для объединения звуков в одну фонему вполне достаточно того, что они позиционно чередуются в пределах морфемы. Напротив, для ПФШ нахождение в одной морфеме не является непременным условием объединения в одну фонему. Главным является признаковая структура.

13. Чередование может приводить к ослаблению функции синтагмо-фонемы. Традиционно различают чередования, не приводящие к нейтрализации (параллельные), и чередования, приводящие к нейтрализации (перекрещивающиеся).

На примере гласных /а/ и /о/ это может быть представлено следующим образом:

Ударная позиция	**Безударная позиция после твердых**	**Безударная позиция после мягких**
/а/ = {а // а· // ·а // ä}		
	{аъ // аъ· //ъ}	
/о/ = {о // о· // ·о // ö}		
		{и // ӣ}
/е/ = {е // е· // ·е // ê}	{еы // еы· // еы}	
/и/ = {ы // ы· // и // ӣ}	{ы // ы· // ы }	
/у/ = {у // у· // ·у // ӳ}	{у // у· // у}	{у // ӳ}[1]

Схема отражает икающий тип произношения и присутствие в системе после твердых согласных в безударном положении /е/. В рассмотренных нами случаях можно констатировать чередование синтагмо-фонем и архифонем:

/а/ = а // А // И
/о/ = о // А // И
/е/ = е // е // И
/и/ = и // и // И
/у/ = у // у // у.

14. Связь между этими альтернантами осуществляется через позицию, а не морфему. Иначе говоря, соотношение *травы — трава, дров — дрова* является только наглядным способом продемонстрировать нейтрализацию $a \times o \rightarrow A$. В принципе синтагмо-фонология может обойтись и без этого. На самом деле мы имеем соотношение ударной позиции, в которой различается пять единиц /а — о — е — и — у/ = [а́ — о́ — е́ — ы́ — у́], и предударной, в которой различается четыре единицы /А — е — и — у/ = [аъ — еы — ы — у]. Все фонологические школы исходят из того, что слабые позиции содержат те же единицы, что и сильные, но только с учетом изменений, вызванных влиянием позиции. А. А. Реформатский специально оговаривал,

[1] Фигурные скобки {} выполняют функцию объединения единиц, имеющих одинаковую различительную силу.

что состав фонем языка определяется по сильным позициям. На уровне звуков языка устанавливаем соответствие между [а́ — а^{ъ}] — [е́ — е^{ы}] — [ы́ — ы] — [у́ — у]. Вне соответствия остается ударный [о́], который по своей признаковой структуре связан с [а́].

/о/ — слабо лабиализованный, среднего подъема

/а/ — нелабиализованный (нижнего подъема).

В безударной позиции слабая лабиализация утрачивается, в результате чего происходит нейтрализация *а* × *о* → *А*, сопровождаемая преобразованием градуального дифференциального признака в привативный: /лабиализованный — слабо лабиализованный — нелабиализованный/ → /лабиализованный — НЕЛАБИАЛИЗОВАННЫЙ/, т. е. *у* × *(а* × *о)* → *у* × *А*. Возможность использовать морфологический критерий при установлении соответствия между единицами в разных позициях (*во́ды — ва^{ъ}да́*) делает во многих случаях описанную процедуру избыточной, но теоретически именно она для синтагмо-фонологии является корректной.

Иногда соответствия между единицами не могут быть установлены с помощью морфологического критерия. В уже рассмотренной позиции функционирования согласных в позиции перед сочетанием /рα/ все согласные (кроме [л’]) не противопоставлены по твердости/мягкости, т. е. представляют собой архифонему, их соответствие синтагмо-фонеме в сильной позиции может быть установлено только через анализ признаковой структуры (ПФШ) или с помощью установления соответствия на уровне звуков языка (ЛФШ).

Для каждой позиции фонематические свойства единиц должны определяться отдельно, а потом согласовываться друг с другом.

15. *Парадигмо-фонема — фонологическая единица, выполняющая функцию отождествления значимых единиц и реализующаяся в виде позиционно чередующихся звуков языка.*

Иногда раздаются призывы к МФШ отказаться от парадигмо-фонемы и объявить настоящей только синтагмо-фонему [Осипов 2016]. Сами же представители МФШ скорее склонны отказаться от синтагмо-фонемы, справедливо при этом считая, что отказ от парадигмо-фонемы приведет к разрушению основ школы. МФШ видит свое главное достижение в том, что ей удалось «подняться» над материей и объединить в одну фонематическую единицу звуки только на основе того, что они позиционно чередуются.

Остановимся на наиболее болезненном вопросе, который возникает в связи с московской парадигмо-фонемой: можно ли выделение звуковой единицы ставить в зависимость от значимых единиц языка?

Данный вопрос принадлежит к числу вопросов, находящихся на грани аксиоматики. МФШ считает, что фонетика — это часть языковой системы, поэтому ее изучение вне связи с другими уровнями будет носить ущербный характер.

Претендентов на соотношение с парадигмо-фонемой может быть несколько: морф, морфема, словоформа. Очевидно, что парадигмо-фонема соотносится с морфом. Возьмем ряд однокоренных слов: *ногу, нога, ног, ножной*

[но́гу — на^{ъ}га́ — нок — на^{ъ}жно́и̯]. Корневая морфема представлена в виде *но́г = на^{ъ}г = нок = на^{ъ}ж*, которые на морфемном уровне представляют собой тождество. Чередования, которые не препятствуют, а способствуют установлению тождества:

о́ // а^{ъ}: [но́гу — на^{ъ}га́]

г // к: [но́гу — нок]

г // ж: [на^{ъ}га́ — на^{ъ}жно́и̯].

Понятно, что здесь мы имеем чередования разного порядка. Первое и второе обусловлено фонетическими факторами (безударность и конец слова), третье — грамматическими (положение перед суффиксом *н*).

Функция этих чередований — не препятствовать отождествлению значимых единиц: морфов и морфем. Различие между фонетическими чередованиями и грамматическими состоит в том, что члены фонетического чередования не могут встречаться в одной позиции, т. е. выступать по отношению друг к другу как разные синтагмо-фонемы или дифференциаторы. Действительно, архифонема /К/ не может оказаться в одной позиции с синтагмо-фонемой /к/: противопоставление типа */нАга́ — наКа́/ в принципе невозможно. Иная ситуация с грамматическими чередованиями: синтагмо-фонемы /г/ и /ж/ могут оказаться в одной позиции: *гать — жать, гора — жара, гарь — жарь*, *гадина — жадина.*

Члены фонетического чередования «помнят» функцию различения, члены грамматического чередования вне этой функции. С учетом разного понимания чередований определение парадигмо-фонемы принимает такой вид: *парадигмофонема — это фонологическая единица, выполняющая функцию отождествления морфов и реализующаяся в виде единиц, которые не могут по отношению к друг другу выполнять функцию различения.*

Рассмотрим в аспекте сказанного пример М. В. Панова, дополнив его признаковой структурой входящих в чередование единиц [Панов 1979: 106–107]:

с Аней — произносится [с], синтагмо-фонема /с/ — 4-признаковая (зубная, щелевая, твердая, глухая);

с Колей — произносится [с], архифонема /С/ — 3-признаковая (зубная, щелевая, твердая ‘каска — моська’);

с Тимошей — [с’], архифонема /С/ — 2-признаковая (зубная, щелевая);

с Галей — [з], архифонема /С/ — 2-признаковая (зубная, щелевая);

с Димой — [з’], архифонема /С/ — 2-признаковая (зубная, щелевая);

с Шурой — [ш], т. е. [шшу́ръи̯], архифонема /С/ — 2-признаковая (ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНАЯ, щелевая);

с Женей — [ж], т. е. [жже́н’ии̯], архифонема /С/ — 2-признаковая (ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНАЯ, щелевая);

с Чуком — [ш’], т. е. [ш’ч’у́към], архифонема /С/ — 2-признаковая (ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНАЯ, щелевая);

с Чбановым — [ж’], т. е. [ж’д’ж’ба́нъвъм], архифонема /С/ — 2-признаковая (ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНАЯ, щелевая);

с Щукарем — [–][2].

В этих примерах фонема <с> реализуется рядом позиционно чередующихся звуков языка:

<с> = с // с // с’// з // з’ // ш // ж // ш’ // ж’ // ø.

Если представить данный ряд с учетом фонематических свойств чередующихся единиц, то он будет выглядеть так:

<с> =
с = /с[4]/
с = /С[3]/
с’// з // з’ = /С[2]/
ш // ж // ш’ // ж’ = /С[II]/
ø = ?

Устраняя из этой схемы реализации в виде звуков языка, получаем систему, в которой парадигмо-фонема представляет собой ряд чередующихся синтагмо-фонем:

<с> = /с[4]/ || /С[3]/ || /С[2]/ || /С[II]/ || ?

Таким образом, парадигмо-фонема может быть представлена как рядом звуков языка, так и рядом синтагмо-фонем. Думается, что оба представления должны дополнять друг друга. Звуки языка точно указывают на фонетическую реализацию парадигмо-фонемы, а синтагмо-фонемы определяют фонологическое содержание реализаций парадигмо-фонемы в каждой отдельной позиции.

16. В систему многоуровневой фонологии должна быть инкорпорирована и морфонология. Центральной единицей морфонологии является морфонема. *Морфонема — это единица языка, служащая как средство отождествления морфем, как средство для вспомогательного выражения грамматического значения, как средство для выражения грамматического значения.* Названные свойства можно иллюстрировать такими примерами *одёжа — одежда, видеть — вижу, голый — голь.* Подходов к построению морфонологии существует довольно много, вплоть до отрицания необходимости выделять морфонему в качестве отдельной единицы [Реформатский 1970: 402–409]. Многое зависит и от того, из какого раздела языкознания исследователь приходит к морфонологии. Если от фонологии, то он стремится увидеть в морфонологии те же отношения, что и в фонологии, не очень

[2] Сторонники «пражского» подхода к фонологии не разработали общепринятой системы обозначения архифонем, поэтому разные архифонемы часто приходится обозначать одинаково.

вникая в грамматические нюансы. Те, кто теснее связан с морфологией, стремятся дать исчерпывающее описание грамматической обусловленности морфонологических чередований. Оба направления продуктивны. Морфонема включает в себя чередовательный ряд, состоящий из парадигмо-фонем.

17. Подводя итоги, следует сформулировать главную идею многоуровневой фонологии. Фонология представляет собой систему иерархических единиц, которые в зависимости от позиции реализуются рядами чередующихся членов

МФ = ПФ // ПФ //ПФ
ПФ = СФ // СФ // СФ
СФ = ДФ // ДФ // ДФ или СФ = ЗЯ // ЗЯ // ЗЯ
ЗЯ = $ЗР_{II}$ // $ЗР_{II}$ // $ЗР_{II}$
$ЗР_{II}$ = $ЗР_{I}$ // $ЗР_{I}$ // $ЗР_{I}$.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 240 с.

Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 62–80.

Горшкова К. В. О фонеме в языке и речи // Slavia orientalis. Warszawa, 1980. DXXIX. No. 1/2. С. 79–83.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. С. 264–389.

Журавлев В. К. Понятие силы нейтрализации (к проблеме происхождения аканья) // Вопросы филологии: Сборник трудов. К 70-летию проф. А. Н. Стеценко. М., 1974. С. 59–61.

Журавлев В. К. Теория группофонем: Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1997. 416 с.

Касаткин Л. Л. Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1982. 399 с.

Касаткин Л. Л. О природе фонемы // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 92–102.

Князев С. В. О фонетических и фонологических позициях, чередованиях и признаках // Проблемы фонетики V: Сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. С. 53–71.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.

Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. С. 470–480.

Осипов Б. И. Проблема иерархии фонологических единиц // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII Международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 80–84.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.

Панов М. В. «К думанью»: Фонологическая кулибряга // Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова / Под ред. Е. А. Земской, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 469–474.

Панов М. В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. 272 с.

Полковникова С. А. О перцептивной функции и перцептивной позиции фонемы // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 225–230.

Попов М. Б. Фонетика современного русского языка: Учебник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 303 с.

Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. С. 398–421.

Соколянский А. А. Фонологическая интерпретация русского вокализма // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001. С. 244.

Соколянский А. А. Доморфологический этап русской фонологии (или О единых основаниях фонетики и фонологии) // Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова / Под ред. Е. А. Земской, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007a. С. 394–437.

Соколянский А. А. Звук речи и звук языка // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V Международной научной конференции 8–10 октября 2007 года. М., 2007b. С. 171–173.

Соколянский А. А. К построению многоуровневой фонологии русского языка // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Вып. 8. Магадан, 2007c. С. 68–75.

Соколянский А. А. Многоуровневая фонология русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2007d. С. 356.

Соколянский А. А. О единых основаниях фонетики и фонологии // Проблемы фонетики V: Сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007e. С. 107–150.

Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Монография. Магадан: СВГУ, 2010a. 283 с.

Соколянский А. А. Может ли лингвистика иметь свои аксиомы? // Русский язык в школе. 2010b. №6. С. 37–41.

Соколянский А. А. О разграничении понятий дифференциатор и синтагмо-фонема // Вестник Читинского государственного университета. 2010c. №2. С. 111–116.

Соколянский А. А. Долгие согласные в русском языке // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII Международной конференции 27–29 сентября 2013 года. М., 2013. С. 78–80.

Соколянский А. А. История фонетики и фонологии в России: учебное пособие. Магадан, 2016a. 126 с.

Соколянский А. А. О строении дифференциального признака (преимущественно на примере корреляции глухости / звонкости) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Вып. 25. Магадан, 2016b. С. 26–32.

Соколянский А. А. Типология фонологических нейтрализаций // Вестник Московского государственного областного университета. Раздел Филологические науки. 2016. №4. [Электронный ресурс]. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/779.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 372 с.

Alexander A. Sokolyanskiy
North-Eastern State University
(Russia, Magadan)
sokol_2001@mail.ru
sokol_2001@outlook.com

THE PHONEME AS A RISE: THE MAIN PROVISIONS OF MULTILEVEL PHONOLOGY*

Inside of the Moscow Phonological School there have actually been formed two conceptions of the phonological system. The traditional doctrine was supposed to imply one phonological unit — phoneme (A. A. Reformatsky, S. P. Kuznetsov, V. N. Sidorov, L. L. Kasatkin). Later the idea of the multilevel phonology started up by references to several types of phonemes in accordance with the different functions of the sound units (S. I. Bernstein, R. I. Avanesov, M. V. Panov). Attempts to develop the ideas of the multilevel phonology can be also found in the works of the author of this article.

The author comes to the conclusion that the most adequate approach to describe the phonetic language layer is a multilevel system. It is proposed to distinguish the following units: a syllable as a unit of speech, the speech sound of the first and second kind as units of speech, the language sound as a unit intermediate between the language and the speech, a differentiator, a sintagmo-phoneme, a paradigmo-phoneme, a morphoneme as language units. Allocated units are connected to each other by the system of alternations.

The article describes the main provisions of multilevel phonology of the Russian language from the standpoint of the Moscow phonological school. The author comes to the

* The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 15-04-00338 “Multilevel phonology of the Russian language”.

conclusion that the most adequate approach to describe the phonetic language layer is a multilevel system. It is proposed to distinguish the following units: a syllable as a unit of speech, the speech sound of the first and second kind as units of speech, the language sound as a unit intermediate between the language and the speech, a differentiator, a sintagmo-phoneme, a paradigmo-phoneme, a morphoneme as language units. Allocated units are connected to each other by the system of alternations.

Key words: multilevel phonology, a speech sound, the sound of the language, a differentiator, a sintagmo-phoneme, a paradigmo-phoneme, a morpheme

References

Avanesov R. I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of modern Russian literary language]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1956. 240 p.

Bernshtein S. I. [The main provisions of phonology]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1962. No. 5. P. 62–80. (In Russ.)

El'mslev L. [Prolegomena to a theory of language]. *Novoe v lingvistike*. Iss. I. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1960. P. 264–389 (In Russ.)

Gorshkova K. V. [About the phoneme in language and speech]. *Slavia orientalis*. Warszawa, 1980. DXXIX. No. 1/2. P. 79–83. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Phonetics]. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk* [Modern Russian literary language]. Ed. P. A. Lekant. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. P. 399. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [The nature of the phoneme]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2009. No. 2. P. 92–102. (In Russ.)

Knyazev S. V. [On phonetic and phonological positions, alternations and features]. *Problemy fonetiki V*: *Sb. statei* [Problems of phonetics V. Collection of articles]. Ed. R. F. Kasatkina. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow, 2007. Iss. 5. P. 53–71. (In Russ.)

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonology]. Moscow, RSUH, 2001. 592 p.

Kuznetsov P. S. [On the main provisions of phonology]. *Reformatskii A. A. Iz istorii otechestvennoi fonologii.* Moscow, Nauka Publ, 1970. P. 470–480. (In Russ.)

Osipov B. I. [The problem of the hierarchy of phonological units]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 28–30 oktyabrya 2016 goda* [Phonetics today. Materials of reports and reports of the 8th International Scientific Conference on October 28–30, 2016]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. P. 80–84. (In Russ.)

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 256 p.

Panov M. V. ["K duman'yu": phonological kulibryaga]. *Zhizn' yazyka: pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova* [The life of language: in memoriam of Mikhail

Viktorovich Panov]. Eds. E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur; Znak Publ., 2007. P. 469–474. (In Russ.)

Panov M. V. *Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole* [Linguistics and the teaching of the Russian language in school]. Moscow, Fond "Razvitiya fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovanii" Publ., 2014. 272 p.

Polkovnikova S. A. [On perceptual function and perceptual phoneme position]. *Yazyk: izmenchivost' i postoyanstvo. K 70-letiyu L. L. Kasatkina* [Language: variability and stability. The 70th anniversary of the L. L. Kasatkin]. Ed. M. L. Kalenchuk. Moscow, 1998. P. 225–230 (In Russ.)

Popov M. B. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian language]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2014. 303 p.

Reformatskii A. A. [Regarding the relationship between phonetics and grammar (morphology)]. *Reformatskii A. A. Iz istorii otechestvennoi fonologii.* Moscow, Nauka Publ., 1970. P. 398–421. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [Phonological interpretation of Russian vocalism]. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka* [Russian language: historical destinies and the present: International Congress of Russian Language Researchers]. Moscow, MGU Publ., 2001. P. 244. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [Pre-morphological phase of Russian phonology (or On the common grounds of phonetics and phonology)]. *Zhizn' yazyka: Pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova* [The life of language: The memory of the Mikhail Viktorovich Panov]. Eds. M. L. Kalenchuk, E. A. Zemskaya. Moscow, 2007a. P. 394–437. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [Speech sound and the sound of language]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8–10 oktyabrya 2007 goda* [Phonetics today. Materials of reports and reports of the 5th international scientific conference on October 8–10, 2007]. Moscow, 2007b. P. 171–173. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [On building a multilevel phonology of the Russian language]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta.* Iss. 8. Magadan, 2007c. P. 68–75. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [Multilevel phonology of the Russian language]. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 20–23 marta 2007 g.): Trudy i materialy* [Russian language: historical destinies and the present: 3rd International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, MV Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 20–23, 2007): Proceedings and materials]. Comp. M. L. Remneva, A. A. Polikarpov. Moscow, 2007d. P. 356. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [On common grounds of phonetics and phonology]. *Problemy fonetiki V*: *Sb. Statei* [Problems of phonetics V: Collection of articles]. Ed. R. F. Kasatkina. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, Moscow, 2007e. Iss. 5. P. 107–150. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. *Model' mnogourovnevoi fonologii russkogo yazyka* [The model of multilevel phonology of the Russian language]. Magadan: SVGU Publ., 2010a. 283 p.

Sokolyanskii A. A. [Could linguistics have their axioms?]. *Russkii yazyk v shkole.* Moscow, 2010b. No. 6. P. 37–41. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [On the distinction between a differentiator and a sintagmophoneme]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2010v. No. 2. P. 111–116. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [Long consonants in the Russian language]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii VII mezhdunarodnoi konferentsii 27–29 sentyabrya 2013 goda* [Phonetics today. Materials of reports and reports of the 7th International Conference on September 27–29, 2013]. Moscow, 2013. P. 78–80. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. *Istoriya fonetiki i fonologii v Rossii* [History of phonetics and phonology in Russia]. Magadan: SVGU Publ., 2016a. 126 p.

Sokolyanskii A. A. [Regarding the structure of a distinctive characteristic (mostly based on the correlation of voiced/voiceless properties as an example)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta.* Iss. 25. Magadan, 2016b. P. 26–32. (In Russ.)

Sokolyanskii A. A. [The typology of the phonological neutralizations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, razdel "Filologicheskie nauki"*. 2016c. No. 4. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/779 (In Russ.)

Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960. 372 p.

Zhuravlev V. K. [The concept of force neutralization (to the problem of the origin of Akanje)]. *Voprosy filologii. Sbornik trudov. K 70-letiyu prof. A. N. Stetsenko* [Questions of philology. Proceedings. To the 70th anniversary of prof. A. N. Stetsenko]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1974. P. 59–61. (In Russ.)

Zhuravlev V. K. *Teoriya gruppofonem: Razvitie gruppovogo singarmonizma v praslavyanskom yazyke* [Theory of groupophonemes: The development of group synharmonism in the Proto-Slavic language]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2007. 128 p.

Zlatoustova L. V., Potapova R. K., Potapov V. V., Trunin-Donskoi V. N. *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics]. Moscow, MGU Publ., 1997. 303 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. В. Венцов
Санкт-Петербургский государственной университет
(Россия, Санкт-Петербург)
av.ventsov@gmail.com

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Цель экспериментально-фонетических исследований — получить исчерпывающее признаковое описание звуков речи, анализируя акустический сигнал. При этом фонетист заранее знает «лингвистическую» структуру анализируемого высказывания и измеряет соответствующие физические параметры сигнала. К тому же он анализирует речевой сигнал post factum и в случае необходимости имеет возможность многократно обращаться к анализу одного и того же отрезка.

Цель создания функциональной модели системы восприятия речи — установить набор признаков, необходимых и достаточных для адекватного понимания высказывания, и создать алгоритмы, предположительно воспроизводящие процедуры обработки речевого сигнала слуховой системой человека. Речевой сигнал анализируется слушающим он-лайн и «снизу вверх», т. е. вся информация для принятия лингвистических решений извлекается из исходного акустического сигнала, а сами решения принимаются на основании выделенных параметров и с учетом всех имеющихся у слушающего знаний о языке и текущей коммуникативной ситуации.

В статье приведены некоторые примеры, демонстрирующие способность системы восприятия при принятии «лингвистических» решений обходиться без некоторых признаков из всего многообразия собранных на сегодня экспериментальной фонетикой особенностей акустической реализации звуков речи.

Применяемые в перцептивной фонетике и психолингвистике методики экспериментов не дают возможности использовать полученные результаты при моделировании процессов восприятия речи.

Ключевые слова: экспериментальная фонетика, признаки, восприятие речи, перцептивный эксперимент, функциональное моделирование

Моделирование процессов порождения и восприятия речи следует понимать как создание лишь **функциональных моделей** этих речевых систем, т. е. алгоритмов обработки информации, обеспечивающих «преобразование» говорящим

некоторого смысла в акустический речевой сигнал и извлечение некоего смысла из речевого сигнала слушающим.

Во второй половине XX в. считалось, что когнитивная система носителя языка использует при восприятии речи те параметры речевого сигнала, которые экспериментальная фонетика полагает «ответственными» за лингвистически важные явления в этом сигнале. Поэтому перед физиологами и психологами ставилась ограниченная задача — изучить процессы выделения требуемых параметров, а последующее использование полученных данных предоставить лингвистам.

Сейчас становится очевидным, что это было глубокое заблуждение: за долгие годы исследований такой подход не привел к созданию работоспособной модели системы восприятия речи [Венцов 2015], а фонетика и моделирование процесса восприятия речи имеют дело с физиологически и функционально разными объектами исследования.

Л. В. Щерба считал, что на долю фонетиста «при исследовании того или другого конкретного языка выпадают следующие задачи: 1) выяснить фонетический состав данного языка, иначе, определить *различаемые* им фонемы; 2) в соответствии с имеющимися средствами дать их полное описание; 3) констатировать наблюдаемые дивергенции или, что почти то же, зарегистрировать *по возможности* все оттенки фонем, появляющиеся в данном языке, и дать посильное их описание; 4) определить условия этих дивергенций, и 5) объяснить причины их появления» [Щерба 1912: 20].

Поэтому, заранее «зная», как должно было бы звучать то или иное высказывание, фонетисты измеряют физические параметры соответствующего речевого сигнала, т. е. анализируют речь «сверху вниз» — от значения к форме. При этом фонетист-исследователь анализирует речевой сигнал post factum и при необходимости может делать это многократно.

Обычно анализируется речь небольших групп носителей языка, а результатом исследований являются, как правило, параметры речи «усредненного» представителя каждой из групп, учитывающие все нюансы акустической реализации звуков речи, связанные с их произнесением в целостном речевом потоке.

К сожалению, в литературе нет убедительных свидетельств того, что такие параметры действительно важны для надежного и правильного восприятия речевого высказывания в условиях **естественного** речевого общения, когда слушатель «обрабатывает» сигнал он-лайн и лишен возможности делать это многократно. Данные перцептивной фонетики свидетельствуют скорее об обратном.

«Сильное артикуляторно-акустическое различие между лабиализованными и нелабиализованными аллофонами согласных “бесполезно” при восприятии, ибо огубленные гласные (согласные? — *А. В.*) надежно отличаются от неогубленных по своим собственным характеристикам. Именно поэтому разные по огубленности аллофоны согласных в перцептивном отношении как бы одинаковые» [Бондарко и др. 1991: 92].

«Русские гораздо хуже опознают не только французские носовые, но и русские назализованные гласные (при этом случаев, когда носовое качество гласного

оценивается русскими как присутствие носового согласного, очень мало)» [Бондарко 1981: 86].

Фонетисты рассматривают оглушенные звонкие согласные и озвонченные глухие в качестве самостоятельных единиц описания речевой волны. Физически же оглушенные звонкие согласные представляют собой соответствующие парные глухие, и эксперимент с частотным словарем словоформ показал, что «омофоны», образующиеся в результате глобального оглушения звонких согласных, составляют мизерную часть словаря, предположительно используемого системой восприятия речи [Венцов 2015а]. Таким образом, выделение признака «глухость–звонкость» может оказаться при восприятии русской речи необязательным. Об этом же говорит и наша способность понимать шепотную речь, в которой звонкие звуки отсутствуют.

В естественной и особенно в спонтанной речи вместо согласного /j/ «в конце ударного или безударного слога внутри слова перед согласным, а также в конце слова, например: *бой-ко*, *вой-лок, вой-на, кай-ма, май, рой, пей*, <…> произносится так называемое неслоговое *и*» [Матусевич 1976: 157], а в некоторых случаях — «ноль звука» [Касаткин 2003: 151]. В описании сигнала фонетист на месте редуцированного согласного /j/ помещает соответствующие символы, и в дальнейшем такая транскрипция легко читается лингвистом, знающим соответствующие правила.

Система восприятия речи не «умеет» отличать неслоговые гласные от слоговых, а тем более — интерпретировать отсутствие звука. Однако инструментальный анализ речи свидетельствует о том, что даже при редуцированном до «ноля» согласном на соседних гласных сохраняются характерные ***i***-образные переходы формант и этим обеспечивается восприятие согласного /j/ [Блохина 2013].

Далее. Существует мнение, что «русские гласные под ударением являются не только более сильными, но и более длительными, нежели ***соответствующие*** (выделено мною, — *А. В.*) безударные гласные. Можно даже сказать, что в русском языке все слоги под ударением являются долгими, а все безударные слоги — краткими» [Трубецкой 1960: 60].

Для фонетики достаточно простой констатации этого факта. При моделировании системы восприятия речи важно иметь правила использования длительности гласных для идентификации ударности. В экспериментальной фонетике эти правила не исследуются, поскольку это не входит в ее задачи: фонетику интересует, **что** может использоваться, но не интересует, **как**.

Например, при восприятии изолированного двусложного слова слуховой системе достаточно просто сравнить длительности гласных, если это гласные одного качества. Правда, при этом следует учитывать, что какую-то разницу длительностей человеческий слух вообще не способен обнаружить.

Однако задача усложнится применительно к словам с бóльшим числом слогов и станет практически неразрешимой при сравнении гласных разного качества: так, гласный [а] воспринимается равноударным с соседним гласным [i], будучи в полтора раза более длительным [Апушкина 2013]. Кроме того, вариативность

длительностей гласных в естественной речи настолько велика, что «абсолютная длительность (т. е. время звучания данного гласного, измеренное в мсек) не может служить достаточным критерием для определения ударности–безударности» [Бондарко и др. 1973: 144].

При инструментальном анализе речи исследователи ищут выход, используя различные способы нормализации. Беда, однако, в том, что системе восприятия речи недоступны используемые для этого математические операции с результатами измерений.

Не следует ли предположить, что длительность гласных сама по себе не является параметром, определяющим ударность / безударность гласных (слогов)?

«Если носитель русского языка слышит звучащую речь, он должен представить ее в виде последовательности фонем» [Бондарко 1977: 115], «…не подлежит сомнению, что мы отличаем слово *стол* от слова *стул* и опознаем эти слова вне всякого контекста именно потому, что первое имеет гласный /о/, а второе — гласный /u/. В этом смысле можно говорить о “словоразличительной” и “словоопознавательной” функциях фонемы» [Зиндер 1979: 41].

Однако в естественном речевом сигнале, а особенно в спонтанной речи частотным оказывается гласный (шва, ер), который, не будучи русской фонемой, способен быть реализацией нескольких фонем (/а/, /u/, /е/, /ы/). Видимо, по этой причине фонетисты приходят к выводу, что «окончательная фонемная интерпретация слова происходит только на основе смысловой интерпретации целого словосочетания» [Бондарко 1979: 96].

Ситуация для лингвистики оказывается неразрешимой: лексическая идентификация невозможна без фонемного описания, но последнее возможно лишь после лексической интерпретации. Удивительно, но система восприятия речи затруднений подобного рода не испытывает!

Возможно, дело в том, что радикальной редукции в речи подвергаются только гласные, согласные же не имеют аллофонов и образуют «каркас», обеспечивающий идентификацию лексических единиц. Тогда на этапе лексического поиска система сможет обходиться без точной оценки фонемного качества гласных, ограничиваясь лишь констатацией их позиции в речевой цепочке. При этом очевидно, что при поиске в ментальном лексиконе «всплывет» сразу несколько «омофонов».

В эксперименте с частотным словарем акцентуированных словоформ [Венцов, Грудева 2008] все гласные в словоформах словаря были заменены единым символом. Была учтена палатализация согласных перед «я, е, ё, ю, и», а также их реализация в виде слога с согласным «й» в абсолютном начале словоформы и перед «ъ, ь»; были также удалены символы основного и вторичного словесного ударения.

Всего было трансформировано 122 292 словоформы. Затем из полученного «словаря» были выбраны единицы с двумя и более «омофонами»; таковых оказалось 38 815 (31,7 %). Однако омофония зачастую разрешается благодаря контексту (грамматическому и семантическому). К тому же «искусственная» омофония

в ряде случаев ничем не отличается от естественной, возникающей в речи при редукции окончаний.

Из приведенных в таблице данных также следует, что при лексическом поиске в таком словаре только 5640 единиц (4,6 %) требуют для надежной идентификации использования ритмической структуры словоформы.

Число омофонов	**Количество омофонов (словоформ)**	**Ритмическая структура**	
		Одинаковая	**Разная**
1	83 477	–	–
2	12 465 (24 930)	11 403 (22 806)	1062 (2124)
3	2860 (8580)	2411 (7233)	449 (1347)
4	948 (3792)	715 (2860)	233 (932)
5	164 (820)	44 (220)	120 (600)
6	43 (258)	7 (42)	36 (216)
7	29 (203)	2 (14)	27 (189)
8	8 (64)	0	8 (64)
9	7 (63)	0	7 (63)
10	8 (80)	0	8 (80)
11	1 (11)	0	1 (11)
14	1 (14)	0	1 (14)
Всего	–	–	(5640)

Если система восприятия речи действительно способна обходиться без установления точного фонемного качества гласных, то при функциональном моделировании это избавляет от необходимости решать две весьма серьезные проблемы: «нормализацию» дикторов (различия мужских, женских и детских голосов) и качественную редукцию гласных (даже ударных) в естественной речи.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что из всего многообразия акустических признаков звуков речи, установленного экспериментальной фонетикой, система восприятия речи может использовать только необходимый и достаточный набор признаков, позволяющий слушающему понимать звучащую речь, используя для этого все имеющиеся у него знания о языке.

Для функционального моделирования важно отыскать эти признаки и сформулировать алгоритмы их обработки когнитивной системой в режиме он-лайн.

Принято считать, что этим занимается перцептивная фонетика (а в последние годы — психолингвистика), поскольку «одной из наиболее общих задач перцептивной фонетики является определение того, какие звуковые характеристики существенны для воспринимающего речь человека» [Бондарко и др. 1991: 89]. Однако в любом перцептивном эксперименте поведение испытуемого определяется не только свойствами предъявляемых ему сигналов, но и всей структурой эксперимента (количеством стимулов, способом их предъявления, инструкцией и т. п.) [Венцов, Касевич 1994], и если условия эксперимента значительно отличаются от условий естественного речевого общения, результаты эксперимента невозможно использовать при создании функциональной модели [Венцов 2015]. Именно это происходит с результатами перцептивно-фонетических исследований: по существу,

их результаты говорят только о том, какие звуковые признаки слуховая система человека способна различать или идентифицировать в условиях конкретного эксперимента.

Литература

Апушкина И. Е. Собственная длительность гласных и восприятие ударения в русской спонтанной речи // Известия вузов. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 4, вып. 1. С. 34–40.

Блохина М. Э. Особенности реализации согласного /j/ в русской спонтанной речи. Выпускная квалификационная работа / СПбГУ. СПб., 2013. 50 с.

Бондарко Л. В. «Знание языка» и восприятие речевых единиц // Сенсорные системы. Л.: Наука, 1979. С. 90–103.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 199 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 152 с.

Венцов А. В. От психоакустики к психолингвистике // Биологические и социальные основы коммуникации. Сборник трудов. Вып. 1. СПб., 2015. С. 14–23. Цит. по: URL: www.infran.ru/Educ_Methodic_Department/Book-BSOK-2015.pdf

Венцов А. В. Важен ли признак «звонкости» согласных для восприятия речи? // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XIII выездной школы-семинара / Отв. ред. Е. В. Грудева. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2015а. С. 6–11.

Венцов А. В., Грудева Е. В. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). Череповец: Изд-во ЧГУ, 2008. 204 с.

Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 232 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 373 с.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении / Ред. Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко. Л.: Наука, ЛО, 1983. 321 с.

Anatoliy V. Ventsov
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
av.ventsov@gmail.com

EXPERIMENTAL PHONETICS AND MODELING OF THE SPEECH PERCEPTION SYSTEM

The goal of experimental-phonetic research is to get an exhaustive indicative description of the sounds of speech, analysing the acoustic signal. In this case, the phonetician knows in advance the "linguistic" structure of the analysed statement and measures the corresponding physical parameters of the signal. In addition, he analyses the speech signal *post factum* and, if necessary, has the opportunity to repeatedly access the analysis of the same segment.

The purpose of creating a functional model of the speech perception system is to establish a set of features that are necessary and sufficient for an adequate understanding of the utterance, and to create algorithms presumably reproducing the procedures for processing the speech signal by the human auditory system. The speech signal is analysed by the listener on-line and "bottom-up", i.e. all the information for making linguistic decisions is extracted from the original acoustic signal, and the decisions themselves are made on the basis of the selected parameters and taking into account the knowledge of the language and the current communicative situation available to the listener.

The article gives some examples demonstrating the ability of the perception system when making "linguistic" decisions to dispense with some features from the whole variety of the features of the acoustic realisation of speech sounds gathered today by experimental phonetics.

The methods of experiments used in perceptual phonetics and psycholinguistics do not allow us to use their results in the modelling of speech perception processes.

Key words: Experimental-phonetics, features, speech perception, perceptual experiment, functional modeling

References

Apushkina I. E. [The intrinsic duration of vowels and the perception of stress in Russian spontaneous speech]. *Izvestiia vuzov. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2013. Vol. 4, Iss. 1. P. 34–40. (In Russ.)

Blokhina M. E. *Osobennosti realizatsii soglasnogo /j/ v russkoi spontannoi rechi.* Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [Peculiarities of the consonant /j/ realization in Russian spontaneous speech. Graduation qualification work]. St. Petersburg, 2013. 50 p.

Bondarko L. V. ["Knowledge of the language" and perception of speech units]. *Sensornye sistemy.* Leningrad, Nauka Publ., 1979. P. 90–103. (In Russ.)

Bondarko L. V. *Zvukovoi stroi sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 175 p. (In Russ.)

Bondarko L. V. *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1981. 199 p. (In Russ.)

Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchei fonetiki. Uchebnoe posobie* [Fundamentals of general phonetics. Tutorial]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 1991. 152 p. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian literary language]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2003. 224 p. (In Russ.)

Matusevich M. I. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 288 p. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in qualitative and quantitative terms]. Eds. L. R. Zinder, L. V. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. Dept., 1983. 321 p. (In Russ.)

Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1960. 373 p. (In Russ.)

Ventsov A. V. [From psychoacoustics to psycholinguistics] *Biologicheskie i sotsial'nye osnovy kommunikatsii. Sbornik trudov* [Biological and social bases of communication. Collection of Works]. Iss. 1. St. Petersburg, 2015. P. 14–23. (In Russ.) URL: www.infran.ru/Educ_Methodic_Department/Book-BSOK-2015.pdf

Ventsov A. V. [Is the consonant feature “voiced” necessary for the perception of speech?] *Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi: Materialy XIII vyezdnoi shkoly-seminara* [Proc. of the 13th seminar “Problems of production and perception of speech”]. Ed. E. V. Grudeva. Cherepovets, Cherepovets St. Univ. Publ., 2015a. P. 6–11. (In Russ.)

Ventsov A. V., Grudeva E. V. *Chastotnyi slovar' slovoform russkogo yazyka (proekt)* [Frequency dictionary of Russian word forms (project)]. Cherepovets, Cherepovets St. Univ. Publ., 2008. 204 p. (In Russ.)

Ventsov A. V., Kasevich V. B. *Problemy vospriyatiya rechi* [Problems of speech perception]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 1994. 232 p. (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika: Ucheb. Posobie* [General phonetics: Textbook]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1979. 312 p. (In Russ.)

Р. К. Потапова
Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)
rkpotapova@yandex.ru
В. В. Потапов
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kedr@philol.msu.ru

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА РЕЧЕВОЙ СЕГМЕНТОЛОГИИ (С УЧЕТОМ КОГНИТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ И КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА)*

В статье анализируются экспериментальные подходы к исследованию процессов смыслового декодирования речевого высказывания применительно к монологу и диалогу на материале русского языка. Особое внимание уделено проблемам смысловой и квазисмысловой макросегментации звучащей речи (по Р. К. Потаповой). В ходе исследования проведены перцептивно-зрительные и перцептивно-слуховые эксперименты.

Материалом для первого эксперимента послужили фонограммы монологов, представленные в преобразованном письменном варианте (квазитексты), где были исключены все знаки препинания, прописные буквы, пробелы между словами и маркеры абзацного членения.

На основе квантитативного вероятностно-частотного анализа данных можно сделать вывод, согласно которому установление границ смысловых сегментов квазитекста носит вероятностный характер. Локализация границ и вариативность способов маркирования определяется выбором того или иного типа маркера и семантической структурой текста.

Предполагается, что процесс восприятия, когнитивного анализа, осмысления и семантического «восстановления» текста с учетом медиа- и макросегментации письменной и устной речи активизирует разноуровневые речемыслительные процессы на базе когнитивной рефлексии и коммуникативно-деятельностного

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №05-06-80182). Научный руководитель Р. К. Потапова.

подхода. Степень вариативности медиасегментации при восстановлении текстов существенно ниже, чем степень вариативности макросегментации.

Во втором эксперименте проанализирован материал, включающий дистантные опосредованные устноречевые диалоги (телефонные переговоры), которые после преобразования — перевода в письменную форму и удаления знаков препинания — были предъявлены испытуемым. Эксперименты проводились также в двух режимах: перцептивно-слуховом и перцептивно-зрительном.

Результаты экспериментов показали, что тенденция выделения маркеров ядерной, промежуточной и маргинальной зон наблюдается во всех вариантах сегментации. Однако отличия наблюдаются как в количестве, так и в локализации отмеченных испытуемыми границ.

На основе проведенного многоэтапного экспериментального исследования предпринята попытка определить когнитивную специфику функционирования лингвистического механизма применительно к декодированию смысловой информации в речемыслительной деятельности человека в затрудненных условиях.

Ключевые слова: декодирование смысловой информации, макросегментация и медиасегментация, перцептивно-слуховой и перцептивно-зрительный анализ, текст, квазитекст

В рамках проведенного исследования предложены экспериментальные подходы к изучению процессов смыслового декодирования речевого высказывания применительно к монологу и диалогу. Особое внимание уделено проблемам смысловой и квазисмысловой макросегментации спонтанной русской звучащей речи [Потапова 1995].

Анализ современных концепций сегментации устного и письменного видов дискурса потребовал рассмотрения структурной организации диалога и монолога, анализа особенностей дискурсивной деятельности коммуникантов, тематической организации диалога и монолога, единиц макро- и медиасегментации устного и письменного видов дискурса[1].

В ходе исследования были проведены перцептивно-зрительные и перцептивно-слуховые эксперименты [Потапова, Потапов 2012].

Материалом для эксперимента послужили фонограммы устных монологов, представленные в преобразованном письменном варианте (квазитексты), где были исключены все знаки препинания, прописные буквы, пробелы между словами и маркеры абзацного членения.

Испытуемым предлагалось ознакомиться с предъявленными в письменной форме фрагментами устных монологов спонтанного характера. Задание состояло в преобразовании континуума графем в осмысленный письменный текст: каждому

[1] Подробнее об этом см. в следующих работах: [Потапова 1995; 2005; Потапова, Блохина 1986; Потапова, Долинский, Хитина 2007; Потапова, Потапов 2006; 2007; 2008; Потапова, Потапов, Хитина, Яковлева 2006; Потапова, Хитина 2005; 2006; Хитина 2004; 2007; Яковлева 2007; Dolinsky 2007; Potapova, Dolinsky, Khitina 2007; Potapova, Dolinsky, Khitina, Yakovleva 2005; Potapova, Khitina, Dolinsky 2007; Potapova, Potapov 2011].

участнику эксперимента было предложено осуществить перцептивно-зрительную сегментацию предъявленных фрагментов фонограмм.

На данном этапе в качестве испытуемых выступали носители русского языка ($n = 46$; возраст 19–21 лет; мужчины и женщины). В результате эксперимента было установлено следующее.

На основе квантитативного вероятностно-частотного анализа данных можно сделать вывод, согласно которому установление границ смысловых сегментов квазитекста носит вероятностный характер. Локализация границ и вариативность способов маркирования определяется выбором того или иного типа маркера и смысловой структурой текста.

Как показал эксперимент, восстановление границ сегментов квазитекста носит вероятностный характер: от отсутствия границы (частота встречаемости грамматического маркера равна нулю) до максимума вероятности ее прохождения (частота максимальна). При этом от 90 до 100 % испытуемых отмечают одну треть всех границ (сильные маркеры), от 20 до 90 % — вторую треть (средние маркеры) и от 1 до 20 % испытуемых проводят еще одну треть границ (слабые маркеры). Релевантным является наличие / отсутствие семантической связи между последовательными высказываниями. Там, где она явно выражена, возрастает (при прочих равных условиях) и вероятность ее восстановления у различных испытуемых.

Можно предположить, что процесс восприятия, когнитивного анализа, осмысления и семантического «восстановления» квазитекста на уровнях медиа- и макросегментации активизирует разноуровневые речемыслительные процессы. Степень вариативности медиасегментации при восстановлении текстов существенно ниже, чем степень вариативности макросегментации.

Восстановление словоформы предполагает вероятностное прогнозирование смысловых связей с использованием графической (буквенной) комбинаторики, что связано с интроспективным поиском из ограниченного спектра смыслов, ассоциированных с конечным объемом внутреннего лексикона. Восстановление же синтаксической структуры высказывания связано с поиском варианта членения, избираемого из широкого спектра равновероятных смысловых возможностей, открываемых полиморфизмом устноречевого дискурса. Важным отличием макро- и медиасегментации является различная «цена ошибки» на каждом из уровней: ошибка в идентификации лексемы часто обходится «дороже» ошибки в грамматической структуре высказывания (т. е. существенно больше влияет на потери смысловой информации).

Отсутствие пробелов в предъявленном континууме графем (квазитекст) не сказалось существенным образом на смысловом восприятии текста как целостной и связной структуры.

На следующем этапе был проанализирован экспериментальный материал, включающий дистантные опосредованные устноречевые диалоги (в данном случае телефонные переговоры), которые после преобразования — перевода в письменную форму и удаления знаков препинания — предъявлялись испытуемым. Эксперименты проводились в двух режимах: перцептивно-слуховом и перцептивно-зрительном.

По результатам экспериментов можно считать, что тенденция выделения маркеров ядерной, промежуточной и маргинальной зон наблюдается во всех вариантах сегментации. Однако отличия наблюдаются как в количестве, так и в локализации отмеченных испытуемыми границ.

Распределение отдельных знаков препинания (по убыванию значений частоты их встречаемости) следующее: запятая, многоточие, точка, тире, восклицательный знак, вопросительный знак, двоеточие, точка с запятой.

Средняя длина макросегмента в устном квазитексте измеряется отношением объема текста в словоформах к числу знаков препинания и равняется 4,1, т. е. один знак препинания приходится на 4,1 слова. Запятая приходится в среднем на 6,6 слова, многоточие — на 23,8 слова, точка — на 43,2 слова, тире — на 81 слово, восклицательный знак — на 110 слов, вопросительный знак — на 385 слов, двоеточие — на 770 слов, точка с запятой — на 1155 слов.

Данные исследования позволяют высказать предположение о вероятностной природе *медиасегментации* (сегментация текста по идентификации словоформ, т. е. проведению пробелов между словами). На основе обработки массива данных выявлена частотность реализованных вариантов. Приведены варианты словоформ, восстановленные испытуемыми по квазитексту (с указанием значений частоты встречаемости по убыванию), а также возможные, но нереализованные варианты. Например:

Исходный: (…) *попадал и* (…)

Восстановленные: *попадáл и* (*n* = 22); *попáдал и* (*n* = 14); *попадали* (*n* = 1).

Нереализованные: (*шагал*) *по падали*; *попа дали*; (*с лип*) *опадали*; (*кашпо*) *падали*.

Выделение словоформ из квазитекста, лишенного пробелов, осуществляется на основе смысловых ассоциаций и контекстных связей по принципу вероятностного прогнозирования [Фейгенберг 1966].

На основе проведенного экспериментального исследования предпринята попытка «приблизиться» к определению лингвистического механизма декодирования смыслов в речемыслительной деятельности. Подводя итог, можно предположить, что процесс осмысления и восстановления текста, искаженного отсутствием пробелов и пунктуации, на уровнях макро- и медиасегментации активизирует разноуровневые речемыслительные процессы. Вариативность медиасегментации при восстановлении текстов существенно ниже, чем вариативность макросегментации.

Следует подчеркнуть, что в данном случае испытуемые имели дело с орфографическим вариантом звучащего текста, причем специально преобразованного (что осложняло его чтение). Как отмечают исследователи, механизм чтения в целом предполагает особый вариант распределения физиологических и речевых функций индивида. В процессе чтения (особенно «про себя») ведущую роль играют зрительные анализаторы, которые обеспечивают мышление и психику человека языковым материалом и несут ответственность за его корректную интерпретацию. Чтение дает возможность использовать и правый, и левый контексты. Восприятие письменного текста представляет почти в чистом виде нелинейный

тип предсказания в том смысле, что испытуемые одновременно видят слова, окружающие рассматриваемое слово [Ягунова 2008]. При этом механизм понимания текста может трактоваться исследователями по-разному. Так, ряд исследователей отмечают дискретный, аналитический характер процедуры понимания письменного текста, другие считают, что понимание может быть представлено как взаимодействие речевого сообщения и читателя в определенных условиях коммуникации. Тем не менее и в том, и в другом случае доминирует аналитический подход.

Для выявления роли слухового канала при смысловой интерпретации текста проведены эксперименты с предъявлением *двум разным группам испытуемых* квазитекстов, различающихся исключительно формой их представления: для одной группы носителей русского языка — звучащая речь; для другой группы — письменное воспроизведение того же самого квазитекста без специальных искажений.

Далее проводился эксперимент на валидность результатов перцептивно-зрительной сегментации дистантного опосредованного устно-речевого дискурса (телефонных диалогов). Испытуемым предъявлялись тексты аутентичных телефонных диалогов, преобразованных особым образом (квазитексты). Как и в предыдущих экспериментах, в орфографическом представлении этих диалогов были исключены все знаки препинания, пробелы между словами и заглавные буквы: сохранено только членение на реплики, а в представлении других диалогов устранено членение на реплики.

Задача испытуемых заключалась в макросегментации специально преобразованного материала на синтагмы и фразы с учетом их специфики в разговорной русской речи. Кроме того, необходимо было проставить маркеры границ реплик. В качестве маркеров макросегментации использовались следующие обозначения: // — граница синтагмы, /// — граница фразы, ⦚ — граница реплики.

Эксперимент проводился в соответствии со следующей инструкцией:

1. Прочитать предложенный для проведения эксперимента специальным образом преобразованный текст телефонного разговора.

2. Проставить необходимые (по мнению информанта) маркеры границ макросегментов (синтагм и фраз).

3. Определить границы возможных реплик.

4. Подчеркнуть в тексте слова (или словосочетания), которые являются наиболее важными для раскрытия его содержания диалога.

5. Кратко сформулировать содержание диалога.

В данном эксперименте принимали участие носители русского языка (n = 30, возраст 20–22 года, мужчины и женщины, проживающие в Москве, ближнем или дальнем Подмосковье, а также на территории России)[2].

В результате проведенного эксперимента были получены данные, которые следует проиллюстрировать на материале анализа двух квазитекстов.

[2] Для всех испытуемых русский язык являлся родным, но некоторые из них проживали в регионах, где использовался один из языков народов России.

Анализ данных по макросегментации **квазитекста № 1** показал, что практически все испытуемые справились с поставленной задачей, однако «успешность» выполнения задачи у разных испытуемых различалась.

Так, во-первых, испытуемые либо использовали разные стратегии сегментации (одни давали более дробные варианты членения — на синтагмы или, в ряде случаев, на фонетические слова, оформленные как синтагмы или фразы; другие выделяли более крупные сегменты, которые, вероятно, в большей степени соответствуют тематическим смысловым фрагментам).

Во-вторых, в ряде случаев испытуемые не ставили маркеров сегментации на границах между репликами (даже в тех случаях, когда границы были представлены явно). Иногда границы между фразами и границы между репликами совпадали.

Исследование маркеров границ показало, что для определенных позиций присутствует преимущественное использование маркеров того или иного типа (либо маркеров синтагматического членения, либо фразового членения). Причем в пределах реплик в основном более частотными оказываются маркеры синтагматических границ, а в конце реплик (за редким исключением) — фразовых. Частота появления маркеров указанных видов колеблется от 1 до 22 (при $n = 30$). Как и в эксперименте по сегментации предыдущего звучащего материала, можно было выделить три зоны: ядерную (маркирование границ более чем десятью испытуемыми), промежуточную (от двух до десяти испытуемых) и маргинальную (факультативные границы, определенные одним-двумя испытуемыми).

Применительно к ядерным маркерам можно отметить, что их появление обычно наблюдается при смене темы (как внутри реплики, так и на границах между ними). Чаще при этом используются дискурсивные слова (*ну вот, так скажем, да нет, и всё, что ль, (ну) смотри, да, ну нормально, отлично, ясно, договорились* и др.). Эти границы были отмечены испытуемыми в 66 % случаев. Промежуточные границы частично использовались для проставления границ в случае фатического общения. Кроме того, они могли появляться внутри реплик, а также после дискурсивных слов (*ну, да, да нет* и др.).

Интересно отметить, что соотношение количества маркеров границ между репликами и внутри реплик также значительно отличалось у разных испытуемых.

Предложенные варианты описания содержания диалога обычно содержат базовую информацию о тактике и стратегии в действиях испытуемых. Предложенные варианты отличаются по объему (от одного короткого предложения общего характера до более подробного — в двух-трех развернутых предложениях — представления ситуации, отражающего реальную последовательность действий участников). Общая для всех информация — «договариваются о встрече», но степень подробности дополнительной информации значительно отличается у разных испытуемых. Что касается слов или словосочетаний, которые, по мнению участников эксперимента, отражают его основное содержание, то в большинстве случаев эти единицы соответствуют наиболее значимой смысловой информации текста. Однако выделение этих слов и словосочетаний далеко не всегда влияет на воспроизведение краткого содержания спонтанного телефонного дискурса.

Для **квазитекста № 2** была предусмотрена более сложная программа действий, поскольку испытуемые должны были выделить не только синтагмы и фразы, но и осуществить разбиение звучащего материала на реплики. Как оказалось, это вызвало у испытуемых определенные трудности. Так, относительно надежно были вычленены реплики, связанные с фатическим общением, хотя и здесь встретился случай, когда одна реплика была разбита на две. Что касается остальных реплик, то за исключением вариантов «ага», «нужно?» и «ладно» все они были представлены испытуемыми в виде нескольких частей (n = 2g8). Можно предположить, что некоторые испытуемые считали границы между фразами также границами между репликами. Однако, как показывает анализ границ между репликами, далеко не все из них характеризуются значительной частотностью. Часть фрагментов реплик выделяют только некоторые испытуемые, что может быть отнесено к маргинальной зоне. Так, например, реплика, разделенная на восемь фрагментов, имеет четыре межрепликовые границы, которые отметили более десяти испытуемых (от 11 до 25 %).

Кроме того, встречались случаи, когда слова из предшествующей реплики были отнесены испытуемыми к последующей. В итоге вместо 39 реплик, реально присутствующих в звучащем тексте, при сегментации его преобразованного письменного варианта была получена 91 реплика.

Полученные данные свидетельствуют о том, что соотношение числа маркеров синтагматических и фразовых единиц у разных испытуемых отличается. Имеются случаи, когда преобладает число маркеров синтагматических границ и наоборот.

В качестве тенденции можно отметить наличие большого числа маркеров всех видов: синтагматических, фразовых и межрепликовых.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать следующее:

1. Осмысление и восстановление текста устноречевого дискурса, искаженного отсутствием пробелов и пунктуации, на уровнях макро- и медиасегментации, возможно, активизирует разноуровневые речемыслительные процессы. Выявлены две стратегии декодирования: ориентация на грамматическую информацию и ориентация на семантическую информацию.

2. Вариативность медиасегментации при восстановлении текстов существенно ниже, чем вариативность макросегментации. Восстановление словоформы предполагает вероятностное прогнозирование смысловых связей с использованием графической (буквенной) комбинаторики, что связано с интроспективным поиском из ограниченного спектра смыслов, ассоциированных с конечным объемом внутреннего лексикона. Восстановление же синтаксической структуры высказывания связано с поиском варианта членения, избираемого из широкого спектра равновероятных смысловых возможностей, открываемых полиморфизмом устноречевого дискурса.

3. Важным отличием макро- и медиасегментации является различная «цена ошибки» на каждом из уровней: ошибка в идентификации лексемы часто обходится «дороже» ошибки в грамматической структуре высказывания (т. е. существенно больше влияет на потерю смысловой информации).

4. Анализ макросегментации преобразованных специальным образом текстов телефонных диалогов показывает, что маркеры границ, отмеченных испытуемыми, можно разделить на три группы (ядерные, промежуточные и маргинальные) в зависимости от частоты их встречаемости на том или ином участке квазитекста.

5. Отсутствие членения на реплики в диалоге затрудняет сегментацию материала (увеличивается количество выделяемых информантами реплик, возможно дробление одной реплики на несколько фрагментов, и наоборот, присоединение к последующей реплики части предыдущей). Соотношение маркеров синтагматических и фразовых границ различно у разных испытуемых. Кроме того, у некоторых испытуемых отмечается преобладание маркеров одного из указанных видов.

6. Вариативность членения на реплики затрудняет определение испытуемыми основного смыслового содержания опосредованного дистантного устноречевого дискурса. Помехи в канале восприятия приводят к отрицательному эргономическому эффекту: повышенной утомляемости испытуемого, снижению качества декодирования и к искажению конечного продукта смыслового декодирования.

7. Результирующие компоненты дихотомии «диалог / монолог — квазитексты» — используются в исследовании как единое понятие, отражающее специфику, заключающуюся в передаче континуально структурированного материала, предъявляемого испытуемым, задача которых состояла в преобразовании «континуальность → дискретность» с выходом в смысловую информацию на базе когнитивной рефлексии и коммуникативно-деятельностного подхода.

Литература

Потапова Р. К. Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 7–20.

Потапова Р. К. Речевое управление роботом: лингвистика и современные автоматизированные системы. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: URSS, 2005. 323 с.

Потапова Р. К., Блохина Л. П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М., 1986. 115 с.

Потапова Р. К., Долинский В. А., Хитина М. В. Смысловая делимитация устноречевого дискурса (с использованием специально преобразованного материала) // Сборник трудов XIX сессии Российского акустического общества. Т. 3: Акустика речи (Нижний Новгород). М., 2007. С. 15–19.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В. О двухканальном декодировании эмотивной информации в акте иноязычной коммуникации // Сборник трудов XIX сессии Российского акустического общества. Т.3: Акустика речи (Нижний Новгород). М., 2007. С. 8–11.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 602–616.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В., Яковлева Э. Б. Вариантность звучащего дискурса (с позиции эксперимента в языкознании) // Вавилонская башня — 4: Слово. Текст. Культура: Ежегодные международные чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого 2005 «Евразия на перекрестке языков и культур». М., 2006. С. 112–127.

Потапова Р. К., Хитина М. В. Выявление и изучение признаков, обусловливающих просодико-семантическое варьирование компонентов дискурса // Сборник трудов XVI сессии Российского акустического общества. Т. 3: Акустика речи. М., 2005. С. 78–80.

Потапова Р. К., Хитина М. В. Особенности перцептивно-слуховой сегментации специфического (дистантного, опосредованного) устно-речевого дискурса (на материале русской разговорной речи) // Материалы XVIII сессии Российского акустического общества. Т. 3: Акустика речи. М., 2006. С. 36–40.

Фейгенберг И. М. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям // Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга. 2-й симпозиум. XVIII Международный конгресс. М., 1966.

Хитина М. В. Делимитативные признаки устно-речевого дискурса. М., 2004. 160 с.

Хитина М. В. Особенности макросегментации звучащего дистантного дискурса // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2007. С. 935–943.

Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста: Экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей. Пермь, 2008. 395 с.

Яковлева Э. Б. Полилог как новый объект лингвистики // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2007. С. 184–199.

Dolinsky V. A. Quantitative model for word association data // Proceedings of the 12th Intern. conference “Speech and computer” (SPECOM’2007). Vol. II. Moscow, 2007. P. 858–866.

Potapova R. K., Dolinsky V. A., Khitina M. V. Perceptual reconstruction of semantic wholeness of utterances // Proceedings of the 9th International conference “Cognitive modeling in linguistics” (Sofia 2007). Kazan’, 2007. P. 248–257.

Potapova R. K., Dolinsky V. A., Khitina M. V., Yakovleva E. B. Description and Studying of Features regarding prosodic-semantic variability of discourse components // Proceedings of the 10th International conference “Speech and computer” (SPECOM’2005). Vol. II. Patras; Moscow, 2005. P. 733–736.

Potapova R. K., Khitina M. V., Dolinsky V. A. On Search of Basic Units of Semantic Decoding of Speech Utterance // Proceedings of the 12th International conference “Speech and computer” (SPECOM’2007). Vol. I. Moscow, 2007. P. 404–411.

Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verlag, 2011. 312 S.

Rodmonga K. Potapova
Moscow State Linguistic University
(Russia, Moscow)
rkpotapova@yandex.ru
Vsevolod V. Potapov
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
kedr@philol.msu.ru

FUNDAMENTAL RESEARCH OF THE SPEECH SEGMENTOLOGY PHENOMENON (CONSIDERING COGNITIVE REFLECTION AND COMMUNICATIVE ACTIVITIES APPROACH)

This paper considers implications of the semantic decoding process of Russian spoken and written texts on the basis of media-segmentation and macrosegmentation. We suggest some experimental approaches to analysis of verbal utterances regarding monologues and dialogues especially for distant mediated discourses (telephone conversations). The experimental corpus included specially adapted texts (quasitexts) where punctuation marks, capital letters, gaps, paragraph marks were eliminated.

There were also two types of experiments: perceptual-auditory and perceptual-visual ones.

To determine the role of the auditory canal for the semantic interpretation, two experiments were conducted; two groups of subjects (native speakers) analyzed quasitexts in two forms: spoken language and written language reproduction of the same special quasitexts with and without any distortion.

On the basis of quantitative probabilistic-frequency analysis it is concluded that the establishment of boundaries for quasitext semantic segments is probabilistic in nature. Localization of boundaries and ways of marking are determined by the choice of a particular marker type and semantic structure of the text.

It is assumed that the process of perception, cognitive analysis, interpretation and semantic "reconstruction" of a quasitext on media- and macro-segmentation levels activates various verbal and cogitative processes. The degree of media-segmentation variability when reconstructing texts is significantly lower than the degree of macro-segmentation variability.

The study of the written texts visual perception with special disorders and auditory perception of two kinds of these quasitexts is very important to the understanding of human cognitive mechanisms and cogitative activity especially in the field of semantic recognition on the basis of segmentation phenomenon.

Key words: decoding of semantic information, macrosegmentation and mediasegmetation, perceptual-auditory and perceptual-visual analysis, text, quasitext

References

Dolinsky V. A. Quantitative model for word association data. *Proceedings of the 12th Intern. conference "Speech and computer" (SPECOM'2007).* Vol. II. Moscow, 2007. P. 858–866.

Feigenberg I. M. [Probabilistic prognosis and presetting for action]. *Kiberneticheskie aspekty integral'noi deyatel'nosti mozga. 2-i simpozium. XVIII Mezhdunarodnyi congress* [Cybernetic aspects of the integrated activity of the brain. 2nd Symposium. 18th international Congress]. Moscow, 1966. (In Russ.)

Khitina M. V. *Delimitativnye priznaki ustno-rechevogo diskursa* [Delimitative signs of oral communication discourse]. Moscow, 2004. 160 p.

Khitina M. V. [Features of macro-segmentation of sounding distant discourse]. *Lingvisticheskaya polifoniya: Sbornik statei v chest' yubileya prof. R. K. Potapovoi* [Linguistic polyphony: Collection of articles in honor of the anniversary of prof. R. K. Potapova]. V. A. Vinogradov (ed.). Moscow, 2007. P. 935–943. (In Russ.)

Potapova R. K. [Theoretical and applied aspects of speech segmentally]. *Problemy fonetiki. II* [Issues of phonetics]. Iss. 2. L. L. Kasatkin (ed). Moscow, 1995. P. 7–20. (In Russ.)

Potapova R. K. *Rechevoe upravlenie robotom: lingvistika i sovremennye avtomatizirovannye sistemy* [Speech robot control: linguistics and modern automated systems]. 2nd ed. Moscow, URSS, 2005. 323 p.

Potapova R. K., Blokhina L. P. *Sredstva foneticheskogo chleneniya rechevogo potoka v nemetskom i russkom yazykakh* [Means of phonetic division of speech flow in German and Russian languages]. Moscow, 1986. 115 p.

Potapova R. K., Dolinsky V. A., Khitina M. V. Perceptual reconstruction of semantic wholeness of utterances. *Proceedings of the IXth International conference "Cognitive modeling in linguistics" (Sofia 2007).* Kazan', 2007. P. 248–257.

Potapova R. K., Dolinskii V. A., Khitina M. V. [Semantic delimitation of oral-speech discourse (using specially transformed material)]. *Sbornik trudov XIX sessii Rossiiskogo Akusticheskogo Obshchestva. T. 3: Akustika rechi* (Nizhnii Novgorod) [Proceedings of the 19th session of the Russian Acoustic Society. Vol. 3: Speech acoustics (Nizhny Novgorod)]. Moscow, 2007. P. 15–19. (In Russ.)

Potapova R. K., Dolinsky V. A., Khitina M. V., Yakovleva E. B. Description and Studying of Features regarding prosodic-semantic variability of discourse components. *Proceedings of the Xth International conference "Speech and computer" (SPECOM'2005).* Vol. II. Patras; Moscow, 2005. P. 733–736.

Potapova R. K., Khitina M. V. [Identification and study of features that cause prosodic-semantic variation of discourse components]. *Sbornik trudov XVI sessii Rossiiskogo akusticheskogo obshchestva. T. 3: Akustika rechi* [Proceedings of the 16th session of the Russian acoustic society. Vol. 3: the Acoustics of speech]. Moscow, 2005. P. 78–80. (In Russ.)

Potapova R. K., Khitina M. V. [Features of perceptual-auditory segmentation of specific (distant, mediated) oral-speech discourse (by the material of Russian colloquial

speech)]. *Materialy XVIII sessii Rossiiskogo akusticheskogo obshchestva. T. 3: Akustika rechi* [Proceedings of the 18th session of the Russian acoustic society. Vol. 3: Acoustics of speech]. Moscow, 2006. P. 36–40. (In Russ.)

Potapova R. K., Khitina M. V., Dolinsky V. A. On Search of Basic Units of Semantic Decoding of Speech Utterance. *Proceedings of the XIIth International conference "Speech and computer" (SPECOM'2007).* Vol. I. Moscow, 2007. P. 404–411.

Potapova R. K., Potapov V. V. *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006. 496 p.

Potapova R. K., Potapov V. V. [On two-channel decoding of emotive information in the act of foreign language communication]. *Sbornik trudov XIX sessii Rossiiskogo akusticheskogo obshchestva. T. 3: Akustika rechi (Nizhnii Novgorod)* [Proceedings of the 19th session of the Russian acoustic society. Vol. 3: Speech acoustics (Nizhny Novgorod)]. Moscow, 2007. P. 8–11. (In Russ.)

Potapova R. K., Potapov V. V. [Perception of the emotional behavior of foreign language communicants]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S. V. Kodzasova* [Phonetics and Non-phonetics. To the 70th anniversary of S. V. Kodzasov]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 602–616. (In Russ.)

Potapova R. K., Potapov V. V. *Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verlag, 2011. 312 S.

Potapova R. K., Potapov V. V. *Rechevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech communication: from sound to utterance]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 464 p.

Potapova R. K., Potapov V. V., Khitina M. V., Yakovleva E. B. [Variation of sounding discourse (from the position of experiment in linguistics)]. *Vavilonskaya bashnya — 4: Slovo. Tekst. Kul'tura: Ezhegodnye mezhdunarodnye chteniya pamyati kn. N. S. Trubetskogo 2005 "Evraziya na perekrestke yazykov i kul'tur"* [Tower of Babel — 4: Word. Text. Culture: annual international readings in memory of N. S. Trubetskoy 2005 "Eurasia at the crossroads of languages and cultures"]. Moscow, 2006. P. 112–127. (In Russ.)

Yagunova E. V. *Variativnost' strategii vospriyatiya zvuchashchego teksta: Eksperimental'noe issledovanie na materiale russkoyazychnykh tekstov raznykh funktsional'nykh stilei* [Variability of strategies of perception of the sounding text: Experimental research on the material of Russian texts of different functional styles]. Perm', 2008. 395 p.

Yakovleva E. B. [Polylogue as a new object of linguistics]. *Lingvisticheskaya polifoniya: Sbornik statei v chest' yubileya prof. R. K. Potapovoi* [Linguistic polyphony: Collection of articles in honor of the anniversary of prof. R. K. Potapova]. V. A. Vinogradov (ed.). Moscow, 2007. P. 184–199. (In Russ.)

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Н. Д. Светозарова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
ndsvetozar@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ: ОПИСАНИЕ С. К. БОЯНУСА

Статья посвящена малоизвестному в отечественной русистике описанию русской фразовой интонации, принадлежащему С. К. Боянусу и впервые представленному им на фонетическом конгрессе в 1935 г. Жизнь Семена Карловича Боянуса (1871–1952) была настолько разнообразной и плодотворной, что можно подумать, будто за этим именем скрываются несколько человек. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, а вслед за тем Драматические курсы, был актером и режиссером, автором работ по истории средневекового театра, работал в Институте истории искусств, учился фонетике у Л. В. Щербы и основал вместе с ним Фонетический институт и Фонетическую школу. В 1920-х гг. он изучал фонетику в Лондоне у Д. Джоунза и Л. Армстронг. Преподавал ряд предметов германского цикла в Ленинградском университете и издал в 1926 г. первый учебник английской фонетики для русских. В 1928–1930 гг. он вместе с В. К. Мюллером создал знаменитые англо-русский и русско-английский словари. В 1934 г. Боянус эмигрировал в Англию, где издал учебник русской фонетики для английских учащихся, обобщивший достижения русской и британской фонетической науки. Почти треть этой книги посвящена фразовой интонации. Боянус первым предложил описание русской интонации, основанное на ограниченном наборе абстрактных интонационных моделей, важнейшим элементом которого было количество и характер фразовых ударений. Используя разработанную для английского языка интонационную разметку, Боянус транскрибирует, опираясь на собственное произношение, не только фразы, но и целые тексты разных стилей. В конце жизни Боянус создал собственную «Школу русского языка», которая имела в Англии большую известность.

Ключевые слова: Семен Карлович Боянус, фонетический метод, фонетика английского языка, русская фонетика, фразовая интонация, фразовое ударение

Семен Карлович Боянус[1] родился в 1871 г. в Москве, в семье известного врача-гомеопата. Начальное образование он получил в Москве, но позднее учился в Петербурге. В 1898 г. он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще будучи студентом, он увлекся театром и по окончании университета поступил на Государственные курсы драматического искусства В. Н. Давыдова. В 1910-е гг. под псевдонимом Броневский он работал в Петербурге и в Москве, в том числе в Александринском и Малом театрах, был актером, режиссером и преподавателем актерского мастерства. В 1920-х гг. появляются публикации Боянуса по истории западноевропейского средневекового театра, в том числе глава «Средневековый театр» в сборнике «Очерки по истории европейского театра. Античность, Средние века и Возрождение», вышедшем в издательстве Academia в 1923 г. В это время С. К. Боянус преподает в Российском институте истории искусств на открытом там в 1920 г. Отделении истории театра. В 1920 г. он был избран профессором, а в 1921 г. — действительным членом по кафедре истории средневекового театра. Читал курс «Французские мистерии», вел просеминар «Английские мистерии», руководил группой по изучению сценической речи. В 1927 г. он был избран действительным членом Отдела истории словесных искусств РИИИ. Таким образом, в начале XX в. имя Боянуса (или Броневского-Боянуса) было связано преимущественно с режиссурой, историей и теорией театра. Однако в это же время он активно занимался изучением германской филологии и получил большую известность как блестящий преподаватель английского языка. В 1918 г. он сдал магистерский экзамен по английской филологии на историко-филологическом факультете Петроградского университета и стал преподавать там же. Кроме семинаров по фонетике английского языка Боянус вел занятия и по другим предметам германского цикла. Отвечая на анкетный вопрос о знании иностранных языков, он написал: *Английский, французский, немецкий, готский, англосаксонский, латинский, греческий и пр.*

Фонетике Боянус учился у Льва Владимировича Щербы. Работая на кафедре романо-германской филологии, он посещал занятия в Лаборатории экспериментальной фонетики. Там он осваивал «фонетический метод преподавания языков», который в тот период активно разрабатывал и внедрял в практику Щерба. В полной мере этот метод был воплощен в работе открытого в 1922 г. в Петрограде Фонетического института практического изучения иностранных языков, который стал, по существу, первым в стране институтом иностранных языков, выпускавшим высококвалифицированных специалистов. В его организации Боянус принимал настолько активное участие, что это уникальное учебное заведение нередко называли институтом Боянуса. Будучи штатным преподавателем университета, Боянус был в 1922–1924 гг. также сотрудником Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), при котором в 1927 г. под руководством Щербы и Боянуса была открыта

[1] Подробнее о жизни и творчестве С. К. Боянуса и судьбе его научного наследия см. в статье Н. Д. Светозаровой «Этот таинственный Боянус» [Павлова, Светозарова 464–486].

Фонетическая школа новых языков. Вскоре филиал Фонетической школы был образован в Москве, и Боянус регулярно ездил туда для проведения показательных занятий по фонетике, которые пользовались огромной популярностью. В 1926 г. выходит учебник С. К. Боянуса «Постановка английского произношения» с подзаголовком «Английская фонетика для русских». Это был первый учебник фонетики иностранного языка, написанный с учетом фонологических и методических идей Щербы и предназначенный для носителей определенного языка. Второе издание вышло в свет в 1932 г. Отличительной чертой этого практического пособия был список литературы, включавший теоретические труды Бодуэна де Куртене, Щербы, Богородицкого, Томсона и важнейшие исследования по общей и английской фонетике зарубежных авторов (Суита, Джоунза, Есперсена, Пасси, Пальмера), в том числе новейшие работы по английской интонации, вышедшие в свет буквально накануне появления учебника. Последнее объясняется особенностями биографии Боянуса.

Английский язык он знал с детства, его работы по истории средневекового театра были также связаны преимущественно с английским языком. Приступив в начале 1920-х гг. к преподаванию, Боянус прилагал большие усилия, чтобы совершенствовать свои знания языка в Англии. С 1923 по 1928 г. он несколько раз выезжал в Лондонский университет на стажировку у Д. Джоунза. Его практическими занятиями английской фонетикой руководила мисс Армстронг. Лилиас Эвелин Армстронг (1882–1937) была блестящим фонетистом, любимой ученицей Джоунза и его помощницей по отделению фонетики. К этому времени она была уже автором нескольких работ по фонетике английского и других языков, в том числе написанного совместно с Идой Уорд учебника «A handbook of English intonation». В сентябре 1926 г. она вышла замуж за своего русского ученика, который был старше ее на 11 лет.

После женитьбы Боянус был вынужден возвратиться в Ленинград и продолжить преподавание в университете. Он неоднократно запрашивал у советского правительства разрешение на выезд в Англию, которое ему удалось получить лишь в 1934 г. Период ожидания оказался чрезвычайно плодотворным в научном отношении. Помимо преподавания английской фонетики, Боянус обратился в это время к лексикографии и в фантастически короткий срок создал вместе с Владимиром Карловичем Мюллером (1880–1941), знаменитым лексикографом и шекспироведом, который также преподавал тогда в Ленинградском университете, принципиально новые, очень нужные и популярные словари. В 1928 г. в издательстве «Советская энциклопедия» вышел 40-тысячный англо-русский словарь и уже через два года — 50-тысячный русско-английский словарь. После отъезда Боянуса его имя постепенно исчезает с обложек многократно переиздававшихся словарей.

Получив официальное разрешение на выезд, Боянус поселяется в Лондоне, где получает должность лектора по русскому языку и фонетике в «Школе славянских и восточноевропейских исследований» при Лондонском университете. К сожалению, его брак был недолгим. Лилиас Армстронг скоропостижно скончалась в декабре 1937 г.

Переключившись на фонетику русского языка, Боянус не ограничивается практикой преподавания, но уже в 1935 г. издает собственный учебник русской фонетики «The Manual of Russian Pronunciation», адресованный носителям английского языка и воплотивший как основные принципы щербовского «фонетического метода», так и разработанные английскими фонетистами методы анализа звукового строя и транскрипции.

Особое место в этом пособии занимает описание русской фразовой интонации. Ему посвящена значительная часть книги (Types of Russian Intonation. P. 49–80; Texts. P. 94–124), и оно представляет собой первое в истории русистики детальное изложение правил русской интонации, основанное на ограниченном наборе абстрактных интонационных типов (моделей). Используя интонационную разметку Л. Армстронг и И. Уорд, Боянус транскрибирует, опираясь на собственное произношение, не только фразы, но и целые тексты разных стилей.

Интерес к фонетике родного языка и — особенно — его интонации восходит у Бояноуса к актерскому периоду его биографии. В предисловии к своему учебнику он пишет о том, что, будучи актером, режиссером и преподавателем, он удивлялся отсутствию какой-либо системы обучения актеров устной речи, неумению молодых актеров передать через интонацию смысл текста, отсутствию на сцене естественной живой интонации. Изучение английской интонации и системы, представленной в книге Армстронг–Уорд, дали ему ключ к пониманию особенностей интонации родного языка.

Различительные возможности русской интонации Боянус описывает при помощи четырех основных мелодических моделей, каждая из которых используется с определенными коммуникативными типами предложений. В этом он следует традициям британской школы, однако соотношение моделей и типов предложений выявляет специфику русского языка. Так, нисходящая мелодика первого типа (Type I) характерна для утверждений, восклицаний, вопросов с вопросительным словом и команд; высокий тон (Type II) оформляет в разговорной речи общие вопросы и неконечные части предложений; низкий восходящий тон (Type III) используется для общих вопросов и других коммуникативных типов, содержащих разного рода импликации, например сомнение; восходяще-нисходящий ядерный тон (Type IV) наиболее типичен, по мнению Бояноуса, для просьб. В соответствии с теорией британских фонетистов, Боянус начинает обучение русской интонации с однословных (ядерных) высказываний, а переходя к более сложным речевым единицам, обращает особое внимание на предударную и заударную части мелодического контура. Специфику русской интонации он видит не только в мелодике ударных слогов, восходящей при нисходящем ядерном тоне и нисходящей — при восходящем, но и в мелодическом уровне безударных слогов. Особенно ценным является наблюдение над количеством словесных ударений в разных интонационных типах: свои второй и четвертый типы Боянус описывает как содержащие обычно всего лишь одно сильное ударение, независимо от количества слов, в отличие от первого и третьего типов, особенность которых заключается в ярком мелодическом оформлении каждого из знаменательных слов

фразы[2]. Мысленное озвучивание отдельных фраз-примеров из учебника и связных текстов — отрывков из классической русской прозы, данных в приложении, убеждает в естественности выбранной автором интонации, представляющей собой образец интеллигентного, благородного, быть может, сейчас уже слегка старомодного русского произношения.

Боянус, несомненно, осознавал новизну и значение предложенного им описания русской фразовой интонации. Именно с основными положениями интонационного раздела своего учебника он выступил на состоявшемся в 1935 г. в Лондоне Втором конгрессе фонетических наук [Boyanus 1936]. Оттиск доклада он послал своему учителю, Л. В. Щербе, отметив в дарственной надписи, что «типы проверены экспериментально»[3].

В дальнейшем Боянус создал несколько пособий по разговорному русскому языку (в том числе и снабженных записями на граммофонных пластинках, например [Boyanus, Jopson 1939]), в которых уделял большое внимание фонетике.

В 1942 г. он выходит на пенсию и открывает (в возрасте более 70 лет) «Школу русского языка Бояноуса», которая имела в Англии широкую известность. Параллельно с работой в собственной школе Семен Карлович Боянус преподавал в Оксфорде, где умер от сердечного приступа во время лекции, 19 июля 1952 года.

За рубежом книги Бояноуса по фонетике русского языка пользовались известностью, упоминались как авторитетные источники наряду с работами Р. И. Аванесова. Можно обнаружить ссылки и на его интонационную теорию, например в работах Виктора Яссема и Милана Ромпортла. На родине же эта теория осталась почти неизвестной, за исключением, пожалуй, давней книги автора этой статьи [Светозарова 1982: 85; 89–90]. Между тем современные интонационные теории[4], признаю́щие большую роль в интонации фразового ударения, подтверждают прозорливость талантливого русского ученого и педагога, который на чужбине, сквозь призму английской интонации, доносил до своих учеников важнейшие ритмико-мелодические особенности интонации родной речи.

Литература

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах. М.: Флинта, Наука, 2017. 664 с.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 175 с.

[2] В исследованиях автора данной статьи эти контуры были охарактеризованы как, соответственно, децентрированные и (сильно) центрированные, см. [Светозарова 1982: 148–152], [Павлова, Светозарова 2017: 21–22, 28–29 и др.].

[3] Оттиск и подаренная автором Щербе книга «A Manual of Russian Pronunciation» хранятся на кафедре фонетики Санкт-Петербургского университета.

[4] Среди них хотелось бы особенно выделить противопоставление «нейтральной и ненейтральной» интонации в работе [Yokoyama 2001].

Armstrong L.E., Ward I.C. A handbook of English intonation. Cambridge: Heffer, 1926. 124 p.

Boyanus S.C. A Manual of Russian Pronunciation. London: Sidgwick and Jackson, 1935. 124 p. (2nd edition: London, 1944; 3rd edition: London, 1946).

Boyanus S.C. The main types of Russian intonation // Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences. London 22–26 Juni 1935. Cambridge, 1936. P. 110–113.

Boyanus S.C., Jopson N.B. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. London: Sidgwick and Jackson, 1939. 366 p. (2nd edition: London 1944).

Boyanus S.C. Russian Pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader: In 2 vols. London: Humphries, 1955. XI, 322 p.

Boyanus S.C. Russian Pronunciation and Russian Phonetic Reader. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1955.

Boyanus S.C. Russian pronunciation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.

Yokoyama O. Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // Die Welt der Slaven. 2001. Bd. XLVI. No. 1. S. 1–24.

Natalia D. Svetozarova
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
ndsvetozar@gmail.com

ON THE HISTORY OF THE STUDY OF RUSSIAN SENTENCE INTONATION: A DESCRIPTION BY S.K. BOYANUS

This article is devoted to a description of Russian Sentence Intonation, created and presented at the Congress of Phonetic Science, 1935 by S.K. Boyanus. It is by way of promoting this remarkable phonetic achievement to its due appreciation by Russian linguists that this article came about. The life of Semjon Karlovič Boyanus (1871–1952) was extremely varied and so fruitful that one is tempted to think of Boyanus as several authors' nom-de-plume. A graduate of St. Petersburg University (the Department of History and Philology), moving on to a Drama Course, Boyanus was an actor and a theatre director; he wrote articles on the history of theatre, taught students at the Arts History Institute; studied phonetics under Lev Vladimirovič Ščerba to continue as Ščerba's co-organizer of the Institute of Phonetics and the Phonetic School. In 1920s he studied phonetics in London, under Daniel Jones and Lilias Eveline Armstrong. Later on, working for Leningrad State University where he was a Reader of the Germanic cycle, Boyanus published his first manual of English phonetics for speakers of Russian (1926).

In 1928–1930 he co-authored famous English-Russian and Russian-English dictionaries with V. K. Mueller. In 1934 Boyanus emigrated to the UK where he published a manual of Russian phonetics for British learners, bringing together the achievements of Russian and British phonetic science. Nearly a third part of this book deals with sentence intonation. Boyanus was the first to suggest a description of Russian intonation in terms of a limited set of abstract intonation models with the nature and number of sentence stresses as its basic distinctive feature. Proceeding from the system of intonation transcription for English Boyanus succeeds in transcribing not just individual phrases but stylistically diverse Russian texts. Towards the end of his life Boyanus established his own "School of Russian", acknowledged throughout the UK.

Key words: Semjon Karlovič Boyanus, phonetic method, English phonetics, Russian phonetics, sentence intonation, sentence stress

References

Armstrong L. E., Ward I. C. *A handbook of English intonation*. Cambridge, Heffer, 1926. 124 p.

Boyanus S. C. *A Manual of Russian Pronunciation*. London, Sidgwick and Jackson, 1935. 124 p. (2nd edition: London, 1944; 3rd edition: London, 1946).

Boyanus S. C. The main types of Russian intonation. *Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences*. London 22–26 Juni 1935. Cambridge, 1936. P. 110–113.

Boyanus S. C., Jopson N. B. *Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary*. London, Sidgwick and Jackson, 1939. 366 p. (2nd edition: London, 1944).

Boyanus S. C. *Russian Pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader: In 2 vols*. London, Humphries, 1955. XI, 322 p.

Boyanus S. C. *Russian Pronunciation and Russian Phonetic Reader*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1955.

Boyanus S. C. *Russian pronunciation*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1967.

Pavlova A. V., Svetozarova N. D. *Frazovoye udarenie v foneticheskom, funkcionalnom i semanticheskom aspektakh* [Sentence stress: Phonetic, functional and semantic aspects]. Moskow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 664 p.

Svetozarova N. D. *Intonacionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of Russian]. Leningrad, Izd. Leningradskogo universiteta Publ., 1982. 175 p.

Yokoyama O. Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system. *Die Welt der Slaven*. 2001. Bd. XLVI. No. 1. S. 1–24.

И. Фужерон[1], Ж. Фужерон[2]
(Франция, Париж)
i.fougeron@orange.fr[1], gilles-marc.fougeron@orange.fr[2]

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ АРХИВЫ (ИЗ ПЕРЕПИСКИ С. И. КАРЦЕВСКОГО)

Карцевский, оказавшись как бы на перекрестке трех течений — женевской школы, Московского и Пражского лингвистических кружков, — долгое время считался лишь проводником идей этих течений, и в частности идей и учения Фердинанда де Соссюра. Его собственный вклад в лингвистическую науку оставался в тени. Одной из причин слабого распространения работ Карцевского явилось в России — то, что он был эмигрантом, а на Западе — то, что предметом его анализа был почти исключительно русский язык, а способом выражения своих мыслей он выбрал французский язык, язык Пражского кружка. Однако нельзя забывать, что русский язык является для Карцевского лишь первичной опорой, основой для развития и разработки проблем общего языкознания. Его труды, естественно вписываясь в лингвистические дебаты того времени, касаются таких фундаментальных вопросов, как понятие *системы*, минимальных единиц языка, как природа слова и его отношение к *фразе* и ее отличие от *предложения*.

В журнале «Русский язык в научном освещении» №1 за 2001 г. была опубликована наша статья «От библиотечной карточки к архиву Карцевского». В этой статье рассказывалось об архиве Карцевского, хранящемся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ф. 16). Знакомство с архивом и работа над ним, а также собирание однажды изданных и не переиздаваемых статей Карцевского позволили издать четыре сборника трудов ученого [Карцевский 2000; 2004; Karcevski 2000; 2004].

Все материалы фонда 16 в Институте русского языка написаны по-французски и можно предположить, что они представляют собой большую часть «Структурной грамматики русского языка» (для французов), над которой долгие годы работал Карцевский. Однако в том же фонде была обнаружена одна рукопись — статья «О залогах в русском языке», написанная по-русски. Наличие этой рукописи, первая страница рукописи «Среди вогул», присланная Игорем Сергеевичем Карцевским, сыном ученого, в период работы над первым томом «Из лингвистического наследия»[1],

[1] См. [Карцевский 2000: 342].

а также отсутствие прочих материалов на русском языке склоняли к мысли, что где-то должны быть и другие материалы, другие работы, возможно, хранящиеся у И. С. Карцевского.

В конце 2012 г. мы узнали о смерти И. С. Карцевского. К сожалению, вопрос о судьбе архива остался без ответа.

Мысль о возможности найти архив Карцевского не давала покоя. Зная, что с 1928 г. (после защиты докторской диссертации) Карцевский жил в Женеве, мы обратились с вопросом об архиве в Женевскую библиотеку. Архива Карцевского в библиотеке не было, но нам сообщили, что в фонде Ms. fr. 5002 архива профессора университета Шарля Балли имеется несколько писем Карцевского к Балли. Мы смогли ознакомиться с ними.

Первое письмо этой серии (f. 407) датировано 27/IV-1916. Это год выхода «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Вот это письмо:

Женева, 27/V-1916
7, ул. Джон Грассэ

Милостивый Государь,

Имея намерение перевести на русский язык книгу Ф. де Соссюра «Курс лингвистики», я прошу вас сообщить мне, при каких условиях я могу получить разрешение на перевод. Что касается редактирования моего перевода, я рассчитываю на сотрудничество г-на Ш. Балли и г-на Поржезинского, профессора по лингвистике Московского университета.

Примите, Милостивый Государь, заверения в моем уважении.

Сергей Карцевский
Лиценциат гуманитарных наук

В левом углу этого письма красным карандашом вкось неизвестной рукой сделана помета «De Serge Karcevski à Ch. Bally» (От Сергея Карцевского к Ш. Балли). Учитывая, что в письме о Шарле Балли говорится в третьем лице, письмо не могло быть адресовано непосредственно ему. Скорее всего, оно было адресовано издателю (Payot), выпустившему книгу Ф. де Соссюра, а копию письма Карцевский послал Балли.

Приведенное письмо на сегодняшний день является единственным и неоспоримым доказательством того, что всего через неделю после выхода «Курса общей лингвистики» в свет[2] Карцевский выражает намерение сделать перевод книги на русский язык[3].

Кроме этого есть еще девять писем, написанных по-французски от руки, в основном пражского периода жизни Карцевского 1921–1926 гг. Даты писем и пометы

[2] Точная дата выхода в свет «Курса общей лингвистики» — 19 мая 1916 г., была установлена Е. Софиа, см. *Cahiers Ferdinand de Saussure* (дальше CFS). 2016. No. 69. P. 9–16.

[3] См. *D'Ottavi G., Fougeron I.* Une lettre de Serge Karcevski de 1916 [Одно письмо Сергея Карцевского 1916 г.] // CFS. 2016. No. 69. P. 17–27.

Балли об ответах свидетельствуют о том, что между Карцевским и его учителем установились очень тесные контакты. В эти годы Карцевский находится в весьма тяжелом материальном положении, для улучшения его, как он пишет Балли (письмо от 7/VIII-1924), «ему необходимо получить диплом» — защитить диссертацию, но преподавание и работа над изданием и редактированием созданного им журнала «Русская школа за рубежом» оставляли мало времени на диссертацию[4]. Считая, что тема о системе глагола слишком объемная, он просит Балли помочь ему найти другую тему для диссертации в области современного русского языка[5].

Карцевский делится с Балли своими мыслями по поводу положения преподавания языка в школе и, в частности, родного языка. Эти проблемы беспокоят и Балли. По словам Карцевского, о них немало говорят как в российских педагогических кругах, так и в эмигрантской среде. И там, и там идеи Ф. де Соссюра и Балли постепенно прокладывают себе дорогу. Карцевский приглашает Балли приехать в Прагу, чтобы помочь «в деле изгнания схоластики из преподавания языков».

В этом же письме Карцевский сообщает, что только что закончил и сдал издателю «Грамматику для старших классов русского лицея». Он пишет, что «это не грамматика в традиционном смысле слова, а скорее маленькое введение в изучение языка». Обещает послать Балли экземпляр, как только книга выйдет[6].

Из письма от 19/XI-1924 узнаём, что он работает над диссертацией, когда находит свободное время (слово «свободное» написано рядом с зачеркнутым «необходимое»). В этом же письме он говорит, что в сентябре принимал участие в съезде славистов с докладом о кризисе школы Фортунатова и о посмертных работах Шахматова в области синтаксиса. Он сообщает Балли, что А. Мейе одобряет его работу, что в различных лингвистических журналах опубликованы положительные

[4] Карцевский начал работать над системой русского глагола, что позднее стало темой его диссертации, задолго до переезда в Прагу. Уже в феврале 1918 г., вернувшись после первой эмиграции из Женевы в Москву, Карцевский делает доклад не заседании Московского лингвистического кружка. В протоколе заседания записано, что доклад представляет собой резюме некоторых глав работы докладчика, написанных по-французски и озаглавленных «Система русского глагола». Д. Н. Ушаков, присутствовавший на заседаниях, охарактеризовал работу Карцевского как «опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского языка», и добавил, что в статическом изучении «в области морфологии опыт Карцевского если не безусловно первый, то один из первых». (ИРЯ РАН. Ф. 20. Папка 2. Л. 10–11; ИЛН. С. 331).

[5] Как известно, тема диссертации не изменилась, но Карцевский значительно сократил размеры своего исследования (с 450 до 167 страниц).

[6] Речь идет о книге «Русский язык. Ч. I. Грамматика» (Prague, 1925. 125 с.). В архиве MIT MC0072 box 123 Folder 66 сохранилась копия письма от 14/I-1926, написанного рукой Карцевского и адресованного Балли. Карцевский пишет, что получил лестные отзывы на свою книгу из Москвы от Дурново, от Бернекера, но что только Балли заметил и оценил сжатость и краткость формулировок. В 1926 г. в BSL опубликован отзыв А. Мейе о книге, где он также отмечает эту особенность стиля Карцевского: «Интересно, как известный представитель школы [де Соссюра] видит изложение краткое, но нацеленное на показ главного. <...> План оригинален <...>. Наблюдения изложены в сжатой форме, свойственной исключительно автору» (BSL 1926. V 26. P. 203).

отзывы славистов и русистов о его работах (Бернекер, Поливка, Якобсон, Мазон, Дурново, Сидоров и др.).

В письме от 17/IX-1925 Карцевский пишет, что «жизнь в эмиграции очень трудна», и что он хотел бы найти постоянное место преподавателя. Он спрашивает (Балли), нельзя ли создать в Женевском университете место лектора, которое он готов занять, если пока невозможно создать отдельную кафедру русского языка. Создание лектората позволило бы увидеть, в какой мере целесообразно открывать в Женеве кафедру.

Из письма от 20/X-1925 узнаём о переписке Карцевского с Пешковским[7], которому он посылает статью Балли «Грамматика и экспрессивность», в ответ на что Пешковский присылает свою статью «Объективная и нормативная точка зрения». И Карцевский находит определенную общность идей у обоих авторов. Сам он работает над статьей о структуре речи, в которой хочет определить отношения, существующие между различными лингвистическими дисциплинами.

Большой интерес представляет собой последнее в этой серии письмо, датированное 15/IV-1926; Карцевский, собираясь послать в московский журнал «Родной язык в школе» отзыв на недавно вышедшую книгу Балли «Механизм экспрессивности», пишет: «Ваше имя известно и пользуется большим уважением у русских филологов, и среди молодых много говорят о Ваших идеях. Что до старых лингвистов и филологов, они как везде». И как бы в доказательство Карцевский рассказывает, что в 1916 г., как только вышел «Курс» Ф. де Соссюра, он послал один экземпляр в Москву проф. В. К. Поржезинскому[8]. Приехав в 1918 г. в Москву, он увидел, что книга спокойно лежала у Поржезинского на книжной полке, и никто из его соотечественников не знал не только, что в Москве есть экземпляр книги, но даже то, что она вышла в свет.

В этом же письме Карцевский сообщает Балли, что он закончил вступительную главу своей диссертации, и что остальная рукопись почти полностью отредактирована. Прежде чем послать работу в университет в комиссию с просьбой принять к защите, Карцевский просит Балли прочитать вступление и определяет значение этого текста: «…необходимость уточнить мою точку зрения, а также методологию, которой я следую в своей книге, не могла не привести меня к формулировке некоторых принципов общего языкознания. Таким образом, вступительная глава стала чем-то вроде трактата по общему языкознанию. И я понимаю, что иначе и не могло быть. Мне кажется, что мне удалось сформулировать вещи по-новому, я также думаю, что я нашел метод надежный и правильный. Не скрою, что это не что иное, как развитие принципов синтагматики, которые я почерпнул из Ваших лекций[9]».

---

[7] Карцевский постоянно старался поддерживать связь с российскими лингвистами. Еще в 1911 г. он пишет Д. Н. Овсянико-Куликовскому, предлагая для публикации в России свои переводы произведений Ромена Роллана. А в 1913 г., стараясь пропагандировать идеи своего учителя, он посылает Овсянико-Куликовскому только что вышедшую книгу Балли «Язык и жизнь».

[8] См. выше, письмо к Ш. Балли.

[9] По выходе в 1927 г. книги С. Карцевского «Система русского глагола», в *Bulletin de la société de linguistique de Paris* (*BSL*) была напечатана рецензия А. Мейе: «Введение, с. 13–42,

Как правило, корреспонденция, находящаяся в каком-либо архиве, содержит письма, отправленные «в одну сторону». Редко случается, что тут же находятся и ответы. Письма, о которых шла речь, происходят из архива Шарля Балли, и там сохранился ответ Балли от 20/IV-1926 на письмо Карцевского от 15/IV-1926 (вероятно, копия, напечатанная на машинке).

Уже обращение «Cher Monsieur et ami» говорит о добром отношении учителя к студенту. Балли пишет, что с нетерпением ждет вступительную главу, советует отправить диссертацию в Женеву заблаговременно, чтобы у членов комиссии было время спокойно ее прочитать. В заключение шлет «искренние пожелания успехов».

Письма, о которых мы рассказали, проливают в какой-то мере свет на жизнь и работу ученого во время пребывания в Праге, в период написания его диссертации. В 1927 г. он защищает при Женевском университете диссертацию, получает место приват-доцента и обосновывается в Женеве.

Среди некоторых лингвистов на Западе бытовало предположение, что существует сделанный Карцевским, но не изданный перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. В поисках его мы обратились в рукописный отдел РГБ. Перевода там не оказалось, но в фонде Рубакина было обнаружено четыре папки с письмами — переписка Карцевского с Рубакиным[10].

Две папки содержат письма Карцевского Рубакину: одна (фонд Рб/358-238/27) письма 1934–1940 гг., другая (фонд Рб/358-238/28) письма периода 1941–1946 гг.; третья папка — письма Рубакина Карцевскому (фонд Рб/358-175/14) периода 1924–1946 гг. и четвертая папка — письма Карцевского Марии Артуровне Бетман, секретарю Рубакина (фонд Рб/358-238/29) 1927–1946 гг.[11]

Этот фонд интересен и ценен тем, что наличие писем и Карцевского, и Рубакина позволяет в некоторых местах почти восстановить эпистолярный «диалог» (Р → К 14/V-36, К → Р 15/V-36; Р → К 5/I-37, К → Р 6/I-37 и др.).

Н. А. Рубакин (1862–1946) — писатель, просветитель, известный библиограф, автор работ по библиопсихологии, науке об отношениях знатока книг с читающей публикой, о социальном и психологическом воздействии книги. Он родился в окрестностях Ораниенбаума. В 1875 г. его мать покупает на 200 руб. 600 книг и открывает библиотеку в Петербурге. Рубакин расширяет эту библиотеку, пишет работу «Среди книг», а в 1895 г. публикует «Этюды о русской читающей публике».

В 1907 г. Рубакин, член партии эсеров, чтобы избежать ареста, покидает Россию как политический эмигрант. Перед отъездом передает свою библиотеку (30 тыс. томов) Петербургской лиге образования. С 1922 г. он живет в Лозанне. Здесь он

в действительности является изложением принципов общей лингвистики, которых придерживается г. Карцевский. Это изложение наиболее систематичное, наиболее глубокое из всех существующих. Введение основывается на учении Ф. де Соссюра, продолженном г. Балли, но оно переосмыслено автором» (BSL. 1928. Vol. XXVIII. P. 42–44).

[10] Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Е. В. Исаевой за помощь в наших поисках.

[11] Все письма Карцевского написаны от руки, письма Рубакина напечатаны на машинке.

Участники Международной фонологической конференции (Прага, 18–21/XII-1930 г.) На заднем плане слева направо стоят: Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, Д. И. Чижевский, С. И. Карцевский (MIT MC0072 Box 139)

С. И. Карцевский и (спиной) Р. О. Якобсон (MIT MC0072 Box 139)

С. И. Карцевский в Женеве
в 30-х гг. XX в. (частное собрание)

С. И. Карцевский с Е. Е. Карцевской
и детьми Светланой и Игорем
в Праге в конце 20-х гг. XX в.
(частное собрание)

основывает Международный институт библиопсихологии, открывает библиотеку, и ведет активную деятельность по покупке, обмену, высылке книг во временное пользование. Благодаря этой деятельности у Рубакина возникают прочные связи со странами Европы, с Америкой и с Советским Союзом. Свою вторую библиотеку (100 тыс. томов) и архив Рубакин завещал Государственной библиотеке им. Ленина (где теперь существует богатый Рубакинский фонд).

Карцевский широко использует в своей преподавательской и научной работе возможность получать книги из библиотеки Рубакина. На этой почве между Карцевским и Рубакиным устанавливаются тесные, дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка.

Карцевский посылает Рубакину оттиски своих статей: «О междометиях», «Фраза и предложение» и др., дорожит его отзывом о «Грамматике» 1925 г.[12] Должность приват-доцента не дает постоянного и достаточного заработка, и именно Рубакин помогает устраивать для Карцевского в Лозанне платные лекции по русской литературе о Толстом, Достоевском, Гоголе.

Карцевский болезненно переживает судьбу своего «Повторительного курса русского языка», издание которого в Москве в 1928 г. было приостановлено после выхода 4 тыс. экземпляров (вместо 20 тыс. по договору). В письмах Рубакину он пишет, что выход книги важен для него особенно «по двум причинам: во-первых, она позволила бы в краткой форме изложить некоторые из его идей и пустить их в ход в России, а во-вторых, это был бы постоянный небольшой доход». Карцевский недоумевает, что при наличии таких положительных отзывов, как отзыв Мейе («образец того, что должно было бы быть сделано для каждого языка»)[13], Поливанова («это лучшее, что выходило по этому вопросу») «пресса советская замолчала мою книжку». Карцевский обращался и к Пешковскому с просьбой помочь продолжить издание. В ответ (см. П1, П4) Пешковский приводит ряд аргументов, объясняющих невозможность возобновления издания. Но аргументы Пешковского явно не убеждают Карцевского, он упорно не понимает обстановки в России и искренне думает, что вмешательство «авторитетного» лица (Горького, Рубакина) может помочь делу. С другой стороны, он не хотел бы издавать «Повторительный курс» в прежнем виде. По его мнению, теперь надо бы переработать «Курс». В письме от 20/II-1936 г. он сообщает Рубакину, как именно он думает это делать.

Что касается «Грамматики» Карцевского, последний абзац письма от 21 июня 1936 г. вызывает некоторые вопросы. Карцевский снова просит Рубакина поговорить в Москве о «Курсе», но «предварительно просмотреть [его] “Грамматику,

[12] В женевском архиве Карцевского (см. ниже) хранится его договор 1923 г. с издательством «Пламя» о выпуске книги «Русский язык». Книга вышла в 1925 г. В августе 1927 г. издательство сообщает, что согласно переиздать переработанную книгу под общим заглавием «Повторительный курс *родного* языка». Но в сентябре того же года Пешковский, находясь в отпуске в Хосте, уже читает гранки «Повторительного курса *русского* языка» (см. П1), который выйдет в Москве в 1928 г. Это, вероятно, повлияло на решение Карцевского не переиздавать «Грамматику».

[13] BSL. 1928–1929. Vol. XXIX. P. 217. См. также К1.

советское издание", так как между двумя редакциями [?] большая разница. <…> Если поднимать в Москве вопрос, то без новой редакции невозможно». Какие две редакции? Какая «новая»? Идет ли речь о сравнении пражского издания «Грамматики» 1925 г. и «Повторительного курса» (М., 1928), который в 1936 г. Карцевский называет «новой» редакцией? Или Карцевский уже переработал «Курс», что и стало «новой редакцией»? Тогда у Рубакина уже есть новый вариант? В каком виде? Сколько было экземпляров этой редакции?

До сих про ни в одном из архивов, с которыми мы смогли ознакомиться, кроме «Грамматики» 1925 г. и «Повторительного курса русского языка» (М., 1928) не было найдено никаких следов другой грамматики на русском языке. Но в женевском архиве (см. ниже) находится новый полностью переработанный вариант вступительной статьи к «Курсу» — «От автора», ориентированный в значительной мере на вопросы педагогики и организации преподавания, а также 15 страниц черновика I и II глав «Курса», не совпадающих с напечатанным текстом.

В среде российских лингвистов и преподавателей русского языка «Повторительный курс» имел большой успех, хотя некоторые считали (см. письма Пешковского, Боташева), что, учитывая состояние преподавания языка в школе, эта *слишком новаторская* книга трудна не только для учеников, но и для учителей.

В письме от 5/I-1937 Рубакин советует Карцевскому обратиться за помощью к французским славистам. В ответном письме от 6 января 1937 г. Карцевский наотрез отказывается, говоря, что Мазон и Буайе давно ведут войну против Пражского лингвистического кружка, замалчивая работы его членов или недобросовестно расценивая их в рецензиях. Об очень недружелюбном отношении французских лингвистов говорил и Трубецкой в письме Карцевскому о его статье «О реформе орфографии»: «<...> в *Revue des études slaves*, по-моему, принципиально ничего печатать нельзя. Мазон не только с Вами в свое время нахамил, он и продолжает хамить со всеми нами (особенно с Якобсоном). A Vaillant и Unbegaun от него не отстают. Так что, если по-французски, то только в *Bulletin de la Société Linguistique*».

В декабре 2015 г. стало известно, что весь архив Карцевского, хранившийся у его сына, после смерти последнего был передан семьей в Административный и персональный архив Женевского университета (AAP). С момента передачи архива в университет до февраля 2016 г. г-жа Энрикета Каллдремксиу-Барбэ провела колоссальную работу по его инвентаризации. В феврале 2016 г. мы смогли ознакомится с этим архивом[14].

Если архив ИРЯ представляет нам Карцевского как ученого-лингвиста, то переписка с Рубакиным приоткрывает завесу над личной жизнью Карцевского, над волновавшими его вопросами. После знакомства с Женевским архивом перед нами предстает многогранный образ человека с широким кругом интересов и способностей. Архив (шифр: 2012/16) — 4,1 линейных метров, 36 коробок, из которых 15 содержат семейную переписку.

[14] См. также: *Chidichimo A.* Le fonds Karcevski à Genève // Acta structuralica. 2016. Vol. 1. P. 27–62.

В архиве немало административных документов, в частности о записи Карцевского в Женевский университет. Из архивных материалов видно, что Карцевский посещал лекции Ф. де Соссюра по санскриту. Тут же документ от 11/VI-1946 о назначении Карцевского на место экстраординарного профессора.

В архиве сохранились первые литературные опыты Карцевского. Это и рукопись этнографического анализа «Среди вогул», написанная в период его работы учителем в селе Нахрачи, рассказ о первых днях пребывания в этом селе и др. Читая эти рассказы, вспоминаешь, что Горький положительно оценил его рассказ «Ямкарку» и в 1910 г. опубликовал его в своем сборнике «Знание»[15]. Рукопись значительной части этого рассказа вместе с другими рассказами хранится в архиве. Они написаны по-русски.

Большое место занимают работы, связанные с лекциями Карцевского по русской литературе, они написаны как по-русски, так и по-французски: анализ мировоззрения Толстого, «Крейцерова соната», варианты статьи «О криминальной литературе». Немало страниц посвящено Достоевскому. Рукопись статьи «О природе искусства», «Принципы лингвистической и психологической теории искусства» (по-французски).

В архиве хранятся материалы о рождении Женевского лингвистического общества, создателем и вице-председателем которого был Карцевский.

Безусловный интерес представляют рукописи по разным лингвистическим вопросам. Их можно разделить на две группы: первую составляют работы 1913–1914 гг., когда Карцевский посещал лекции Балли, которому он посылал свои работы. На некоторых из них, на полях — заметки Балли. В ответ на другие Балли писал отдельные письма, хранящиеся в архиве. Вторую группу составляют более поздние работы, в большинстве написанные по-французски. К ним относятся статьи «О синонимии и омонимии», «О различительном характере лингвистического знака», «По поводу фундаментальных проблем синхронии», «О падежах», «Фраза, синтагма, предложение» (последняя по-русски) и др.

В архиве хранится довольно большое количество писем. Это и письма А. М. Пешковского Карцевскому, письмо Н. Н. Дурново о смерти Пешковского. Среди прочих писем ученых-лингвистов наше внимание привлекли письма двух ученых, с которыми Карцевский был связан с момента своей жизни в Праге, с которыми он участвовал в создании Пражского лингвистического кружка. Речь идет о Р. О. Якобсоне и Н. С. Трубецком.

В архиве имеется двадцать писем Якобсона Карцевскому периода 1930–1938 гг. Больше половины из них приходится на 1930–1932 гг. Это годы, когда Якобсон работает в Праге в *Slavische Rundschau* (Славянском журнале) все письма напечатаны на машинке, по-русски, на бланках *Slavische Rundschau* и подписаны автором от руки. Письма 1933–1938 гг. из Брно написаны от руки. Информация, которая содержится в письмах, очень емкая. В нескольких письмах Якобсон сообщает, что

[15] Сборник товарищества «Знание». 1910. Т. xxxi. С. 1–61; рассказ переиздан Н. И. Богдановой: *Карцевский С.* Ямкарка. Конда, 2010. 68 с.

он добивается от чешского министерства перевода Карцевскому причитающихся ему денег[16], понимая важность этого, так как «сам находился в остром финансовом кризисе» (Я2). В январе 1931 г. Якобсон пишет также о том, что, судя по полученному им письму от Н. Н. Дурново, невозможно издавать в России «Учебник» Карцевского. Перечисленные им причины полностью совпадают с тем, что писал Пешковский еще в сентябре 1927 г. (см. П2).

Большое место в письмах занимает вопрос о создании коллективной работы: «Фонологическое описание русского языка». В 1929 г. на Конгрессе славистов в Праге был создан международный комитет по изучению фонологии славянских языков. Якобсону, Трубецкому и Карцевскому было поручено исследование фонологии русского языка. Они распределили работу: Якобсон должен был писать фонологию слова, Трубецкой — морфонологическую систему русского языка, Карцевский — фонологию синтаксиса. Эту коллективную работу Якобсон называет в своих письмах «Триптих». Работу предполагалось напечатать в *TCLP V*.

Если просмотреть публикации Карцевского до 1931 г., то очевидно, что вопросы фонологии не были в центре его внимания. Тем удивительнее звучит заглавие «Sur la phonologie de la phrase». Зарождение идеи «Триптиха» полностью объясняет появление этой статьи[17].

По письмам чувствуется, что отсутствие вестей от Карцевского хотя бы с его размышлениями, если не с результатами работы, беспокоит Якобсона. Можно думать, что Карцевский по ряду причин не хочет ни ехать на конференцию в Прагу, ни выступать там с докладом, так как Якобсон уговаривает, стимулирует его в своих письмах, заверяя, что кружок оплатит дорогу, что пребывание в Праге ему ничего не будет стоить (в это время у них всех остро стоит денежный вопрос). Неоднократно Якобсон подчеркивает, что никто лучше Карцевского не сможет написать синтаксическую фонологию русского языка, что только Карцевский может создать «четкое принципиальное построение» (Я1). Он старается преодолеть сомнения Карцевского в отношении «оппонентов», говоря, что эти сомнения «смешны, что [Карцевский] не один, что [их] трое, подписавших гаагское предложение», и надеется, что их блок нерасторжим (Я4).

Карцевский в Прагу поехал и выступил с докладом. Это рождение его работы «Sur la phonologie de la phrase».

Якобсон высоко оценил работу Карцевского: «Твоя работа чрезвычайно интересна. Кажется, тебе удалось осветить целую новую дисциплину» (Я8). В следующем письме читаем просто восторженный отзыв: «Твою фонологию фразы прочел. Она произвела на меня очень сильное впечатление. И не только ценностью мыслей, но и большой художественностью. Читаешь специальную статью, а испытываешь при этом подлинное волнение. <...> Местами, без преувеличений — гениально»

[16] Деньги, которые Чешский МИД должен Карцевскому за купленные 350 экземпляров «Системы русского глагола».

[17] *D'Ottavi G., Fougeron I.* Sur la phonologie de la phrase de Serge Karcevski. Essai de relecture [«О фонологии фразы» Сергея Карцевского. Опыт прочтения.] // CMLF. 2016. P. 10–14. URL: WWWconfernces.org/10.1051/SHSconf/2016 27 05001.

(Я9, Я11). Якобсон старается подтолкнуть Карцевского к дальнейшей работе над фонологией русского синтаксиса, уверяя, что на первых порах нужно всего лишь «сжатое описание с примерами» (Я6). «Главное дать четкую схему» (Я10). Однако Якобсон не может получить желаемого.

Стараясь добиться, чтобы Карцевский представил хотя бы элементы описания синтаксической фонологии, Якобсон попутно делится с ним своими мыслями о понимании фонологии синтаксиса. Для него синтаксическая фонология это прежде всего фонология синтагмы, которую Якобсон принимает в *бодуэновском смысле слова* — как наименьшую дробь синтаксического целого; ударение является, с одной стороны, элементом фонологии слова (отличает одно слово от другого: *ви́на* — *вина́*) с другой — это элемент фонологии синтагмы — позволяет выделить слово в словосочетании (*вина́ престу́пника* — «два ударения — две синтагмы»).

Во-вторых, синтаксическая фонология — это «выделение звуковых средств дифференцирующих значения словосочетаний в целом», например противопоставление вопросительной и утвердительной интонаций, или разные типы иерархии ударений» (Я2). Сюда входят интонации, паузы, «фразное» ударение. Якобсон несколько раз в своих письмах упоминает о паузе, считая ее одним из важных фонологических средств.

Может быть, за различием терминологии (Карцевский никогда не оперирует термином *словосочетание* в смысле *предложение,* и он признаёт синтагму только в соссюровском понимании) стояли и принципиальные различия. Не исключено, что это и было причиной нерешительности Карцевского, медлившего заняться описанием фонологии синтаксиса русского языка; может, было и что-то другое, но так или иначе, в письме Я12 от 6/IV-1932 г. Якобсон пишет: «Страшно жалею, что ты отказался участвовать в нашей работе по фонологии русского языка». Но вероятно, вопрос еще не решен окончательно, так как в следующем письме (от 22/IV-1932) Якобсон пишет: «<...> значительная часть моего задания сделана <...>! Напиши мне, можешь ли ты выполнить свою часть? Ты писал уклончиво, а между тем от этого многое зависит».

Колебания Карцевского могут объясняться тем, что он концентрирует свое внимание на вопросах интонации и ее роли в оформлении фразы, тогда как Якобсон в этот период расширяет поле фонологического анализа. Так, в письме Я12 Якобсон пишет, что он «набросал *фонологию* (курсив наш. — *И. Ф., Ж. Ф.*) русского стиха». И из этого же письма узнаём, что Карцевский до этого прислал ему письмо об *интонации* былинного стиха[18].

По письмам этих лет можно судить о том, каково социально-экономическое положение в Европе и в России. Уже Пешковский в конце 1920-х гг. пишет о том, что в Москве теперь для ученых получить книги бесплатно невозможно, «жмутся страшно». Печатать что-либо становится всё труднее. Положение ученых-эмигрантов

[18] Речь идет о письме Карцевского Якобсону от 27/XII-1931 (MIT MC0072. Box 123. Folder 66). Мы выражаем глубокую благодарность г. Giuseppe D'Ottavi за помощь в получении материалов из архива MIT.

крайне неустойчивое. Об этом писал Карцевский еще в сентябре 1925 г. В 1930 г. Якобсон объясняет свое молчание тем, что находился в «остром финансовом кризисе, из которого едва начинает выбираться». В 1931 г. снова пишет, что сидит без денег. Он неоднократно пишет, что в Праге «последовательно свертываются» научные издательства, что «вокруг грустно, безнадежно ухудшается положение, картина медленного вялого развала». У Лингвистического кружка «одни долги, книги печатают в долг». Положение в Вене, у Трубецкого, кажется, не лучше: он на съезд приедет — на это денег дадут, но просит найти ему комнату подешевле, добавляя, что денег на длительную поездку у него нет. Обострение экономических трудностей вызывает осложнение человеческих отношений: Трубецкой «всё время под угрозой новых ограничений для иностранцев». Назначение Якобсона на место профессора в Брно не состоялось. Он считает, что это «происки врагов, использовавших кризис». И он весьма нелестно отзывается о научных работниках: «Встречаю всё меньше ученых, способных работать, нежели таких, которые способны без устали интриговать и гадить» (Я9). В письме 1937 г. Якобсон сообщает о том, что Дурново в ссылке, Поливанов тоже, что «переписка с тамошними учеными в настоящих условиях почти невозможна», а в июле 1938 г. (Я20, последнее) он пишет, что «российские лингвисты за китайской стеной, ни слуху, ни духу».

Якобсон тяжело переживает смерть Трубецкого (Я20).

Письма Якобсона и их частотность позволяют думать, что Карцевского и Якобсона связывали теплые, дружеские отношения, не только личные, но и семейные.

Писем Трубецкого Карцевскому в архиве сохранилось гораздо меньше — всего шесть. Все они написаны от руки, пять на простой бумаге, а одно на почтовой открытке.

Письма Трубецкого очень отличаются по своей тональности: как правило, они носят чисто деловой характер (без лирических отступлений). Каждое из них является непосредственным ответом на вопросы, поставленные Карцевским в его письме (остается только пожалеть, что в архиве нет копий писем). Ответы очень подробные, пространные. Иногда они превращаются в какое-то подобие лекции или статьи. Трубецкой и сам это замечает, говоря, что раньше умел писать коротко, а теперь разучился, объясняя это отсутствием разговоров на научные темы: «…здесь не принято».

Ответы Трубецкого по вопросам фонологии представляют особый интерес, если учесть, что эти письма относятся к началу 1930-х гг., времени становления учения о фонологии. В это время Трубецкой работает над морфонологией русского языка, второй частью «Триптиха», развивает теорию о законах морфологического применения фонологических различий (Т1, Т5). По его мнению, различие в фонетических реализациях некоторых фонем может служить для обозначения границ словесной единицы (Т2). Это единственная часть «Триптиха», которая в 1934 г. увидит свет.

Трубецкой весьма критично относится к работам Карцевского. Тем ценнее и интереснее моменты, где их точки зрения совпадают, например, в вопросе о корреляции «редукция — отсутствие редукции» (см. Я3). При подготовке лекций о глаголе

Трубецкой перечитывает книгу Карцевского и, критикуя некоторые положения, считает, что книга «замечательная и ее нельзя не знать».

В письме 1933 г. (Т3), Трубецкой, как и Якобсон, отмечает, что экономическое положение таково, что «трудно ручаться за будущее».

В 1937 г. больной Трубецкой тяжело переживает «агонию Вены». Эти трагические события ускорили его конец. Он умер 25/VI-1938 г.

Проявляя живой интерес к научной жизни в России, Карцевский надеялся вернуться на родину. По его инициативе и под его председательством в Женеве создается «Объединение лиц родом из СССР».

Его стремление издать «Учебник» в Москве, несмотря на аргументы, приводимые в письмах его коллегами и друзьями, на опалу Пешковского и Дурново, о которой он пишет сам, свидетельствует о том, что он решительно не может или не хочет понять истинное положение вещей в СССР. В архиве Женевского университета 2012/16/26/1 сохранилось письмо в Президиум Академии наук, написанное в сентябре 1946 г. Письмо осталось без ответа. Под тем же шифром в архиве хранится письмо от 16/II-1947, написанное рукой Карцевского на обыкновенной бумаге с исправлениями. В начале обращение «Многоуважаемый коллега». Судя по тому, что Карцевский поздравляет адресата с недавним избранием в члены АН СССР, перед нами черновик письма В. В. Виноградову, который был избран в члены АН 30/IX-1946. Это еще одна попытка связаться с ученым миром России. И это письмо, как и письмо И. И. Мещанинову[19] от 6/VII-1947, осталось без ответа. В 1947 г. Карцевский подает прошение о визе для въезда в Россию и лишь случайное стечение обстоятельств, а потом смерть помешали этому.

Поиски архива С. И. Карцевского привели нас к трем различным архивам, что позволило познакомиться с документами различных периодов деятельности самого Карцевского и его окружения.

Женевский архив хранит немало интереснейших материалов, свидетельствующих о разносторонности интересов ученого. Они ждут своего изучения.

***

Настоящая публикация писем базируется на материале трех архивов: Административный и персональный архив Женевского университета (Université de Genève, Archives Administratives et Personnelles — AAP), Отдел рукописей РГБ (Рубакинский фонд) и Нью-Йоркский MIT. Мы постарались расположить письма по хронологическим периодам, учитывая по мере возможности тематическую общность.

Наиболее ранними (1927–1929 гг.) являются письма А. М. Пешковского С. И. Карцевскому. Сюда же включено письмо К. А. Боташева, совпадающее по дате (1928 г.) и по теме. Здесь же публикуется письмо Н. Н. Дурново о смерти А. М. Пешковского.

[19] СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. № 383. См. [Vlassov 2017].

Единственным материалом, предшествующим этим письмам, являются письма С. И. Карцевскому от издательства «Пламя». Они касаются издания и возможного переиздания «Грамматики» Карцевского. Вопрос об этой «Грамматике» неоднократно встречается в письмах, и эти документы предшествуют всем прочим письмам.

За письмами А. М. Пешковского следуют письма Р. О. Якобсона периода 1930–1938 гг.

В письме от 6 апреля 1932 г. Якобсон пишет, что получил от Карцевского «интересное письмо». В Нью-Йоркском архиве MIT это письмо от 27/XII-31 сохранилось, и мы публикуем его в хронологической цепи.

Затем следуют письма Н. С. Трубецкого Карцевскому, периода 1931–1937 гг.

Из весьма обширного Рубакинского фонда мы отобрали письма, наиболее связанные с вопросами языка, датированные 1936–1937 гг.

В заключение мы публикуем письма С. И. Карцевского в Президиум АН СССР и В. В. Виноградову.

В приложении помещено переработанное Карцевским предисловие к «Повторительному курсу русского языка»: «От автора».

Знаком * вводятся примечания авторов писем.

Арабскими цифрами отмечены наши комментарии.

Письма С. И. Карцевскому и от него[20]

От издательства «Пламя»

Источник: AAP/2012/16/9/5

[*И1*]

[На бланке издательства «ПЛАМЯ»]

14 июля 1923 года.

Многоуважаемый Сергей Иосифович,

Настоящим предлагаем Вам издать Вашу книгу «Русский язык» — справочная книга по грамматике для учащихся.

I. Вы уступаете издательству «ПЛАМЯ» авторское право на Вашу книгу. Право перевода книги на иностранные языки принадлежит издательству «ПЛАМЯ».

II. Издательство «ПЛАМЯ» обязуется уплатить Вам за книгу «Русский язык» гонорар в размере пятисот ч. к. (500 ч. к.) с листа (сорок тысяч типографических знаков) и 3 % с gros prix каждого проданного экземпляра.

[20] В подавляющем большинстве случаев в текстах писем авторская орфография и пунктуация сохранены.

III. Издательство «ПЛАМЯ» имеет право напечатать двести неоплаченных экземпляров, из коих 20 поступают в распоряжение автора, а 180 в распоряжение Издательства для рекламы и редакционных нужд.

IV. Продажная цена книги устанавливается Издательством.

V. Гонорар уплачивается в следующие сроки: две тысячи (2000 кр) крон чешских авансом при подписании настоящего условия, половина полистной платы при предоставлении всей рукописи в окончательном виде и половина при подписании последнего листа последней корректуры; расчёт по уплате процентов с каждого проданного экземпляра происходит один раз в год, в сроки, определяемые Издательством, по утверждении годового отчёта Издательства.

VI. Пересмотр и исправление текста для следующего издания совершается по взаимному соглашению и на особых, всякий раз выработанных, условиях.

VII. Вы обязуетесь предоставить рукопись в окончательном виде не позже 1-ого сентября 1923 года.

НАСТОЯЩИЕ УСЛОВИЯ ПРИНИМАЮ: (*подпись*)

Овальная печать Издательства «ПЛАМЯ»

[Чернилами:] Исправленному «сентября» верить (подпись)

[*И2*]

[На бланке издательства «ПЛАМЯ»]

Прага, 22 августа 1927 г.

Господину Д-ру С. И. Карцевскому,

Радошовице у Праги.

Милостивый Государь,

Мы своевременно получили Ваше письмо от 10-го с. м. и настоящим доводим до Вашего сведения, что, в силу действующего закона, Вы имели бы право переиздать выпущенную нами книгу «Русский язык. Часть I.» не ранее истечения 10 лет со дня выпуска книги в нашем издании.

Принимая во внимание, однако, Ваше заявление о том, что книга будет Вами выпущена в переработанном виде, под другим заглавием и на не зарубежном рынке, мы настоящим подтверждаем своё согласие на выпуск изданного Вами Вашего труда в новом издании под общим заглавием «Повторительный курс родного языка».

Желаем успеха Вашей новой книге и просим принять уверения в совершенном к Вам уважении.

[Печать: «Издательство / и книжная торговля / “ПЛАМЯ”»]

(*подпись*)

Письма от А. М. Пешковского

Источник: ААР/2012/16/15/1-1

[*П1*]

23/IX 27 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

I

Получил Ваше письмо в Хосте, Черноморской губернии (близ Сочи), где я лечусь и отдыхаю от переработки «Русского Синтаксиса». Закончил я эту работу только 24/VIII. Вышло около 32 печатных листов, из коих 27 (не подряд) написаны *заново*. К декабрю надеюсь иметь возможность послать книгу Вам и разослать другим специалистам (при чём приму во внимание и Ваши указания). Ваш «Повторительный курс»[21] сейчас передо мной в свёрстанном виде. Вышло это так. Гиз всё время почему-то считал само собой разумеющимся, что я оказываю Вам эту услугу, а я, дорабатывающий «Синтаксис», не имел времени справиться у Вас, понравится ли Вам эта услуга, и не имел мужества указать Гизу, что он должен посылать корректуру в Прагу. У них почему-то заграница отождествляется в представлении чуть ли не с «тем светом», и они не могли себе представить в данном случае обычного хода вещей. Но я всё время просил их скорее набрать, предупреждая, что 1/VIII уеду (таковы были надежды). И вот, 24/VIII, в день отъезда, когда я зашёл в Гиз, мне протягивают ваши гранки (весь текст сразу). Я заявил, что сегодня еду на отдых, что брать с собой гранки в состоянии крайнего переутомления категорически отказываюсь, и что рекомендую им послать их Вам в обычном порядке. Они же предпочли сверстать их и прислать опять-таки мне спешной посылкой. Что мне было делать? Я знаю, что редакционная сторона у Вас совершенна и больших изменений Вы в неё не внесли бы, по существу дела Ваши взгляды тоже не могли за этот период так измениться, чтобы это нашло отражение в кратком учебнике; с другой стороны, наискорейший выход книжки необходим для Вас (см. ниже) <...>

Сопоставив всё это, я решил взяться за корректуру. Как ни медленно (из-за ванн и утомления с ними связанного) веду я её, это всё же выйдет быстрее, чем если бы я отослал в Москву и оттуда (Бог знает через сколько времени!) послали бы к Вам. Три листа уже прокорректированы, и дня через четыре я надеюсь отправить готовую корректуру в Москву. Если же Вам паче чаяния необходима Ваша собственная корректура, пишите* Гизу об этом *немедленно.*

II

Теперь, почему Вам нужен скорейший выход книги? 1) По выходе Вы получите последние 30%. 2) Все мои хлопоты о «Мысль и язык»[22] и т. д. могут быть пло-

[21] Выйдет в 1928 г.

* Вспомнил волокиту ихнюю и решил, что и письмо не захватит набор до вкладки в машину.

[22] Можно предположить, что Карцевский думал с помощью Пешковского издать в СССР перевод или книги Ф. Брюно «La pensée et la langue» (Мысль и язык) (Paris: Masson, 1922), которую он цитирует в своей рецензии о работах Пешковского (см. [Карцевский 2000: 305]) или, более

дотворны только в том случае, если Вас здесь *больше будут знать*, а последнее может иметь место только по выходе Вашей книжки. К сожалению, я, как автор предисловия, не нахожу возможным рецензировать её, но я постараюсь, чтобы мои друзья сделали это как можно скорее. Не скрою от Вас того печального обстоятельства, что фонологическое пособие могут купить у нас только из рук *известного* автора. Ваша книжка была куплена, потому, что она — *учебник*, а не пособие (хотя, признаться Вам на ухо, в процессе корректуры я пришёл к выводу, что *нигде* она не сможет быть учебником, даже в нашей современной *высшей* школе, так она трудна). Филологические же труды, не являющиеся ни учебником, ни пособием, могут в настоящее время издаваться у нас *только за счёт автора* (выход «Синтаксиса» Шахматова обусловлен исключительно юбилеем Академии).

Как только вернусь в Москву (думаю быть там 7/X) поведу переговоры о Ваших книгах (теперь я не буду уже так каторжно занят, как это было последние четыре месяца из-за «Русского синтаксиса»), но по только что указанным причинам, крайне пессимистично смотрю на «Систему русского глагола» (буду говорить о ней краснея, как если бы предлагал порнографию, таков наш *дух* сейчас) и почти так же пока что на «Мысль и язык» (я предполагал, что она сперва пройдёт в журнале, это облегчило бы дело). Но в отношении последней, как уже сказано, условия могут измениться. Единственная тема, которая была бы принята безоговорочно от любого автора, это — социальная природа языка, особенно, если бы эта природа была освещена под марксистским углом зрения**.

Теперь о Лебедеве. Перед отъездом мне, наконец, удалось созвониться с ним, и я убеждал его послать Вам гонорар. Он говорил, что не знает путей превращения рублей в доллары. Я сказал ему, что он об этом может справиться в Гизе, откуда уже посылали Вам доллары. Но он, конечно, как человек жуликоватый, не станет *стараться* платить долги, когда есть законный повод не платить их. На него надо *нажать*, т. е. в данном случае узнать точно в Гизе порядок дела и сообщить ему, чтобы у него не было отговорок. Всё это я надеюсь сделать по приезде.

Вот всё, что я мог и смогу сделать. Мне от всей души хочется помочь Вам в критический момент, но до сих пор я был скован по рукам и ногам «Синтаксисом». Теперь, надеюсь, это будет иначе.

Вспомнил ещё одну тему, которая прошла бы. Это — конспект «Синтаксиса» Шахматова для учителей. Книга эта им не по зубам и не по силам (в смысле времени нужном для прочтения), а в то же время ею интересуются. Но работа эта материально очень неблагодарная, т. к. 1) требует детальнейшей проработки Шахматовского текста, 2) приводит к созданию *маленькой* книжки, 3) требует, пожалуй, дележа с наследниками Шахматова. Но работа очень *нужная,* и если Вы откажетесь, то рано или поздно её сделаю я (хотя мало в чём согласен с Шахматовым).

вероятно, вышедшей в 1922 г. в BSL (T. 23. С. 117–137) статьи, написанной Ш. Балли «La pensée et la langue» (Мысль и язык) по поводу одноимённой книги Ф. Брюно.

** Вспомнил о Нуаре и о происхождении языка. Эта тема тоже прошла бы и особенно популяризация взглядов Нуаре [Noiré L. (1829–1889) Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877].

Если захотите работать, я поделюсь с Вами мыслями о том, чем, собственно, эта книжка должна быть. Кстати, что думаете о «Синтаксисе» Шахматова Вы и Ваши французские друзья, а главное, *читали* ли Вы и они её? При данном состоянии связей наших с заграницей, вопрос этот ни для кого не может быть обидным.

Книг от Вашего знакомого (для перевода) я не получал и думаю теперь, что такого рода услуга требует *непосредственной* дружбы. Если *Прага* в этом отношении ничего не даст, то на деле надо поставить крест. Быть может, Женева будет для этого удобнее?

Письмо моё затянулось настолько, что я не могу уже ничего сообщить Вам о себе. Вы не должны на это сетовать, т. к. чем меньше будет моё письмо, тем скорее я закончу корректуру. Поэтому ставлю точку.

Будьте здоровы, пишите.

Ваш *А. Пешковский*

Привет Евгении Евгеньевне и детям.

[*П2*]

23/III[-1928]

Дорогой Сергей Иосифович!

Вчера выслал Вам «Молодого Толстого» и свои дублеты. Очень прошу Вас выслать в счёт долга *спешно* книгу Simon *Pédagogie expérimentale*[23]. Она мне крайне нужна. Рукопись В. выручил, и она пойдёт в *первом* номере[24], но плату нескоро удастся выручить. В конце апреля надеюсь выслать Вам свой «Синтаксис» — *37 печатных листов*! Вчера подписал к печати последний лист.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Пешковский*

P. S. Разрешите ли Вы поместить Вас в списке сотрудников этого номера?

[*П3*]

9/IV.28

Дорогой Сергей Иосифович!

Вчера корректировал для журнала Вашу статью[25] (о «нашем языке») и усомнился в правильности моего понимания одного места: говоря о категориях одушевлённости и неодушевлённости (разные замены вин. пад.), Вы пишете[26]: «сравн. “пуля ранила солдата” и “пулей ранило солдата”». Я выделил слова «пуля» и «пулей» и понял так, что первый оборот лежит здесь для Вас в плоскости одушевлённо-

[23] *Simon Th*. Pédagogie expérimentale: Écriture, Lecture, Orthographe. Paris: Armand Colin, 1924. 275 p.

[24] Вероятно, журнала «Родной язык и литература в трудовой школе» за 1928 г.

[25] Вероятно, речь идет о статье «Еще раз об учебниках А. М. Пешковского», опубликованной нами в [Карцевский 2000: 281–305].

[26] См. [Там же: 298–299].

сти, а второй в плоскости неодушевлённости. Так ли это? Если так, то Ваша ли это мысль, или Вы это вычитали, а если последнее, то где? Мысль очень смелая и очень интересная. Получили ли Вы книги («Молодой Толстой», Шор, Шахматова) и письмо (с просьбой о Симоне «Pédagogie expérimentale»)? Если да, то почему не отвечаете?

Жму руку,

Ваш *А. Пешковский*

[*П4*]

25/VIII.29 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

Получил от Вас целых три письма, два из которых, два (*sic*) разминулись с моим, а третье представляет ответ на моё. Буду отвечать, держа все три письма перед собой в порядке самих писем и их текста. Охотно сделаю всё, что смогу в деле снабжения Foyer русскими книгами, но боюсь, что смогу очень мало. Относительно каталогов Гиза и других издательств (поскольку у других издательств они есть, в чём сомневаюсь!) похлопочу и надеюсь на некоторый успех. Относительно «Книжной летописи», раз она так дорога, могу с уверенностью сказать, что дело гиблое: наличный расчёт и только. Д. Н. Ушакову Ваше письмо передам, как только он приедет из Кисловодска, и тут я уверен, Вы получите всё то немногое, что имеется. У него же справлюсь и о том, к кому лучше всего обратиться в Академии Наук, хотя, должен сказать, что получать оттуда бесплатно сейчас страшно трудно. Я сам получаю только те томы «Известий», в которых есть что-нибудь моё, и сам всё собираюсь урегулировать этот вопрос. Жмутся страшно. Текущий счёт открыть в магазине, я думаю, можно. На днях поговорю с тем магазином, который выслал Вам последнюю партию книг, и если сговорюсь, то положу там часть* имеющихся у меня Ваших денег (это мне даже будет очень приятно, потому что я очень мало по природе приспособлен для банковских операций). Только имейте в виду, что этот «текущий счёт» не будет допускать *ни копейки* перерасхода (говорю это по чутью, но с твёрдой уверенностью). Даля я Вам вышлю своего, так как Вы просите без переплёта, а я как раз страшно тягощусь «бесперeплётностью» своего Даля и хочу купить в переплёте. Я и решил: выслать Вам своего (на нём *ни одной* пометки), а затем приискать себе в переплёте и взыскать с Foyer то, что мне придётся заплатить за вычетом цены переплёта.

Я уже было приступил к делу, но оно оказалось мне *физически* не по силам, так как эти книжищи страшно тяжелы, а я больше 5 фунтов не поднимаю. Выручила жена, которая обещает *27-го утром* свезти их на Центральный Почтамт и отправить их посылкой** (бандеролью нельзя, так как нет картона, и они рассыпятся).

---

* Вычтя приблизительно стоимость Даля, см. ниже.

** В адрес Foyer, конечно.

Это всего на два дня позже, чем Вы пишете, и я надеюсь, что это не очень Вас обездолит. Напишите, на каком языке и в какой форме прислать Вам счёт для Foyer, я ни русских, ни тем менее французских счётов писать не умею. Или, может быть счёт от частного лица не годится? Я думаю, можно будет в этом случае достать счёт и от магазина, хотя, конечно, лучше бы обойтись без этой маленькой лжи. Что же касается счёта на последние книги, то напишите точный их список, и Вы получите счёт. Пославши книги, я выбросил список, и теперь не помню точно, что послал. Журнал наш выдаётся *только авторам статей* (и то не всем хватает). Получать можно будет только платно. Если Вы хотите участвовать, то Вам необходимо его просматривать, чтобы иметь представление о том, что для нас может подойти. Я бы Вам советовал купить для Foyer весь комплект за 1928–1929 гг. (через тот магазин, о котором выше). О литературных и критико-литературных журналах ничего не знаю (не успеваю смотреть), но при случае справлюсь у Е. Ф. Никитиной, которая вообще любит библиографию (я её *терпеть не могу*, т. е. библиографию, а не Никитину) и специализировалась по библиографии новейшей литературы (кстати сказать, любезнейшая женщина, и она, пожалуй, кое-что для Вас сделает). Относительно книг для Foyer должен ещё сказать, что *кроме Академии Наук* (да и то проблематично) ни от одного учреждения или издательства *ни одной книги бесплатно* получить нельзя будет. Это я *чувствую* твёрдо. От соавторов же кое-что будете получать, и об этом я постараюсь. Кстати, напишите, нужны ли Вам (т. е. Foyer) школьные *учебники* языка, правописания, стиля и т. д.? Эти книжки легче всего было бы Вам сосватать, так как при повторных изданиях авторские экземпляры выдаются Гизом, так что Д. Н.[27], например, (у которого тираж ушёл уже за миллион) прямо завален своими учебниками и очень страдает от них.

Ваших денег после высылки Даля будет около 35 руб., на них я закажу магазину всё, что Вы потребуете. Но теперешнему списку (в последней открытке) не доверяю, так как Вы ещё не видели, что я Вам выслал.

Рецензию на Боташёва[28] не пишите, пока я не поговорю с кем следует. Боюсь, что *место издания* в настоящий момент будет уж слишком одиозно. На мои книги пока некуда писать. Но Вы можете писать для нас *теоретические статьи* при условии, что будете в курсе того, что у нас пишется (см. выше).

Кажется, ответил на всё, и так как страшно спешу (сейчас еду на вокзал, в Кострому на 4 дня просвещать педагогов по части синтаксиса), ставлю точку.

Привет Е. Е. и детям.

Ваш *А. Пешковский*

[27] Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942).

[28] Константин Александрович Боташёв — автор учебника «Опыт системы обучения сочинению в средней и начальной школе», изданного в 1927 г. в Харбине. Одна статья Карцевского об этом учебнике была опубликована в №27 (1928 г.) журнала «Русская школа за рубежом», изданного Карцевским и другими в Праге (см. письмо от Боташёва [Б] от 25/VII-1928 г.).

[*П5*]

7/IX.29

Дорогой Сергей Иосифович!

На днях отправил в адрес Очага Даля, а ранее Вам большое письмо (по ошибке на *университет*). Оказалось, что для отсылки Даля, как книги дореволюционной, требуется специальное разрешение и этим объясняется задержка в высылке. Не скрою от Вас, что заняло это у меня три полудня (хлопоты о разрешении), кроме того взяло массу денег (21 р. одной *пошлины*, 2 р. гербовых сборов, упаковка и т. д.), но так как Вы писали: «за любую цену», то я перед этим не остановился. Теперь Ваших денег осталось у меня пустяк. *Очень жду рецензии Мейе*[29] (если можно в *двух* экземплярах).

Будьте здоровы,

Ваш *А. Пешковский*

***Письмо от К. А. Боташёва* [*Б*]**

Источник: AAP/2012/16/9/5

25 июля 1928 года

Глубокоуважаемый Сергей Иосифович

Очень благодарен Вам за Вашу книгу, которую я прочёл очень внимательно и с большим интересом. Вот какие мысли возникли у меня в связи с ней.

Вы называете её «повторительным» курсом. Но что же она «повторяет»? Ведь в школе и в советской и в эмигрантской до сих пор изучают язык по грамматикам Ананьина, Кульмана и пр. Я получаю много писем от приятелей педагогов из Советской России; я имею много знакомых учителей в советских школах, здесь, в Харбине; я хорошо знаю постановку преподавания русского языка. В здешних эмигрантских школах — всюду господствует старая практика грамматических вопросов. Ясно, что Ваша книга не может служить «повторительным курсом»: в ней нет ни одного элемента, напоминающего «старое»; она будет совершенно непонятна учащимся: у них нет для этого фундамента; они не имеют даже тех сведений, которые имели когда-то мы, учившиеся по-старинке.

Мало того. В настоящее время нет учителей (я говорю не об отдельных учителях, а о массе), которые смогли бы провести это повторение так, как Вы намечаете его: эта книга не доступна для понимания не только детей, но и учителей (в массе). Вы сами чувствуете это и работаете над книгой *для учителя.* Но беда в том, что и книга для учителя не поможет. Ваши взгляды, как, впрочем, и вообще научный взгляд на язык, настолько новы, настолько оторваны от всего старого, что ставят учителя в необычайно трудные условия усвоения знаний: у учителя нет основы, на которую можно было бы легко уложить новые знания; он вынужден усвоить

[29] По всей вероятности, речь идет о хвалебной рецензии на третье издание «Русского языка в научном освещении», опубликованной в BSL. 1929. Vol. XXIX. P. 206–207.

«верхи» науки без основных, элементарных знаний. Только сильный волей, умеющий себя «ломать», особым образом преданный науке и школе учитель может всё это преодолеть и уразуметь, остальные впадают «в уныние». Поверите ли, когда случается делиться с коллегами мыслями о том, к каким выводам приходят теперь наши грамматисты, для них (я говорю о лучших учителях с высшим образованием) это настолько ново и трудно, что они не хотят даже вникать в это, а иные считают это не выводами учёных, а затеями большевиков. Никто из них не читал ни Ваших статей и книг, ни статей и книг Пешковского, Дурново, Ушакова, Петерсона и др., хотя здесь легко всё это достать. Года два назад в советских школах заговорили о формальной грамматике. Так называемый «профессор» Кузнецов стал читать «лекции» о формальной грамматике «студентам» местного Педагогического Института. Волна докатилась до эмигрантских школ. Приходилось беседовать с коллегами. Одному из них я дал Вашу статью в «Русской школе»[30]. Он признался мне, что не смог одолеть её и не прочёл до конца.

И, знаете, я понимаю их. Средний образованный человек легко усваивает всякую науку (математику, химию, физику и пр.), но что же это за наука такая — наука о языке, — которую усваивают только избранные?! В своей статье об «Очерках синтаксиса» Петерсона Дурново пишет, что понятие о грамматической форме (а это ведь основной вопрос) настойчиво разъясняется «всякий раз, когда заходит где-нибудь грамматический разговор», — разъясняется Фортунатовым, Ушаковым, Пешковским и др., — а в результате оказывается, что этого не могут уразуметь не только рядовые учителя, но и «такие авторитетные профессора, как Будде и Державин». А я думаю, не отнести ли сюда и самого Дурново и многих других (вспомним полемику на страницах «Русский язык в школе» между Павловичем и Дурново, Абакумовым и Дурново и др.). Очевидно, неблагополучно не только с изучающими, но и с самой наукой.

И вот Дурново приходит к выводу по поводу «Очерков» Петерсона, что Петерсон делает ошибку, начиная со средины: он «предполагает известным то, что не известно». А «Очерки» ведь не учебник и рассчитан на подготовленную аудиторию! Мне кажется, что и Вы повинны в этой ошибке: Вы ломаете всё старое, строите всё заново, вводите массу новых понятий (не забудьте, что Вы занимаете особую позицию среди русских грамматистов) — всё это может быть по силам только *избранным* и только после *упорной* работы. И Вы называете это «повторительным» курсом!

Нет, Ваша книга не учебник и не «повторение». Она может стать учебником и «повторением» только тогда, когда будет создана стройная научная система, будут подготовлены новые учителя, будет в корне изменено преподавание языка в младших классах, будут созданы новые программы и учебники. В настоящее же время Ваша прекрасная книга доставит громадное удовольствие и будет весьма полезна только профессорам, немногим учителям, достаточно подготовленным студентам-филологам.

[30] Русская школа за рубежом / Под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского. Прага, 1923–1931.

Мне кажется, что Ваша позиция в науке наиболее приемлема и Ваша система наиболее стройна, и цельна и удобопонятна для массы учительства. Года два назад у меня настойчиво стучалась мысль обратиться к Вам и заявить о насущной нужде для нас, обычных учителей, иметь подробнейшее и *популярное* разъяснение выводов современной науки о языке, всех грамматических течений, понятий, терминов и критическую оценку формальной грамматики. Это можете сделать только Вы, никак не москвичи. Тогда и Ваш учебник для учителей будет «работать».

Доцент Н. А. Стрелков на днях сообщил мне, что Вы поместили сочувственный отзыв о моей книге[31] в №27 «Русской школы за рубежом». У него этот номер был в руках случайно от его личного знакомого, поэтому он не мог мне его дать. Обычно я покупаю «Русскую школу за рубежом» в магазине «Пламя», но там сказали, что книга ещё не получена. Таким образом я не смог ещё ознакомиться с столь интересным для меня и нужным отзывом. Во всяком случае я скоро буду его читать. Очень благодарен Вам за внимание к моей книге. В настоящее время я работаю над составлением «Систематического курса сочинения». Постараюсь использовать Ваши указания. Думаю также, что Ваш отзыв привлечёт внимание к моей книге. Уж очень плохо она расходится.

Между прочим, «Пламя» заявило мне, что №27 «Р. Ш.» придёт месяца через 2, так как книжки отсылаются морем, а не через Советскую Россию. В интересах Вашего журнала, вероятно, следует обратить на это внимание. Кто-то (вероятно, Христианский Союз) получает через Советскую Россию и таким образом, особенно «ярые» читатели уже оказываются с книгой, когда «Пламя» только что получит. Это приводит к тому, что журнал расходится не так хорошо, как это следует.

С искренним уважением

К. Боташев

Письмо от Н. Н. Дурново [Д]

Источник: ААР/2012/16/9/5

Москва, 28.III.1933

Многоуважаемый Сергей Осипович,

Так как Вы были близки с А. М. Пешковским, то считаю своим долгом сообщить Вам, что он скончался вчера утром. Ещё в ноябре он порвал себе сухожилие на ноге. Ногу заделали в лубки, а она не заросла, а образовалось нагноение. В конце концов получилось стрептококковое заражение, и, хотя ногу и ампутировали, стрептококки остались.

Здесь нет никого, кто бы мог написать некролог Пешковского с правильной оценкой его научных заслуг. Мог бы это сделать только Булаховский, но он писать не будет. Я тоже писать некролог его не возьмусь, потому что не сумею достаточно рельефно, как следует эти заслуги в своём некрологе представить. Между тем,

[31] *Боташев К.* Опыт системы обучения сочинению в средней и начальной школе. Харбин, 1927. С. IX+263.

написать некролог для «Славии» или «Revue des études slaves», надо. Я думал, что Вы могли бы это сделать. Нужные биографические справки я Вам пришлю на днях.

Мне Учпедгиз (Учебно-педагогическое издательство) заказал учебник для вузов по истории языка; кроме того, по заказу его же пишу отдел синтаксиса в учебнике для вузов по современному литературному языку.

Николай Дурново

Письма от Р. О. Якобсона

Источник: AAP/2012/16/14/1

[На бланке «SLAVISCHE RUNDSCHAU» со штампом «Ostslavisches Referat / R. JAKOBSON, / prag vii bělskėho 16.»; напечатаны на машинке]

[*Я1*]

2.IX.30

Дорогой Сергей Иосифович.

Если меня не обманывает чутьё, то, кажется, всё начинает налаживаться. Шаги твоих друзей не прошли зря. Отношение в Министерстве улучшается. На днях ты увидишь симптомы. Теперь ты в свою очередь должен приложить все усилия, чтобы окончательно рассеять сгустившиеся было тучи. Я знаю, что, когда нужно, у тебя есть достаточный такт для этого. Только не относись к этому легкомысленно.

Что мне донельзя обидно, это, что ты, с твоим исключительным научным талантом и лингвистическим темпераментом, судя по всему, из Бог весть каких заблуждений и слабостей, забрасываешь свою работу. Я не ожидал от тебя такого малодушия. Что за охота отказываться от этого лучшего оружия борьбы с собственным душевным омещаниванием. Ты даже не ответил мне на предложение, которое я тебе по поручению пражского Лингвистического Кружка, который тебя ценит и любит, передал[32]. Непременно возьмись за дело. Я убеждён, что ты можешь набросать основные принципы синтаксической фонологии, т. е. учения о звуковых средствах, дифференцирующих значения словосочетаний в целом. Набросай теорию интонаций, пауз, фразного ударения, т. е. иерархии ударений. Можешь ограничиться русским языковым материалом. И литература ведь невелика. Я убеждён, что ты можешь создать чёткое принципиальное построение, отталкиваясь от синтаксиса Пешковского, от его статьи «Интонация и грамматика» и от книги Всеволодцкого-Гернгросса — «Теория интонации». Если у тебя нет последних двух

[32] Можно предположить, что речь идет о предложении принять участие в редакции тезисов, о которых Н. С. Трубецкой 16/IV-1929 писал Р. Якобсону: «Кружок готовит тезисы по всем этим вопросам и постановил привлечь к участию в разработке тезисов нескольких русских лингвистов, как наиболее близких к взглядам кружка, в том числе Вас, Карцевского…» (письмо XLIV [Трубецкой 2004: 122]). См. TCLP. I. С. 5–29.

из названных работ, я тебе пришлю, ведь это очень увлекательная задача. Отчего ты не берёшься? Жду ответа.

Дружеский привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я2*]

14.XI.30
Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

Не писал тебе так долго по следующей причине: в течение энного количества недель я телефонировал почти каждый день, а то и ездил в министерство с одной целью: добиться, чтобы тебе, наконец, выслали деньги. Эта сумма — 6.000 кč — для тебя выписана уже давно, но нужны ещё какие-то подписи и формальности, чтобы она, наконец, фактически двинулась. Теперь мне обещали, наконец, что на днях будет послано. Усугублю напор. Во всяком случае, с получением этих денег ты можешь считаться.

У меня самого был острый финансовый кризис, из которого только сейчас медленно начинаю вылезать.

Я страшно рад, что ты, как сообщила мне Светлана, заканчиваешь статью. Какую именно? Принципы фонологии словосочетания вообще или же набросок русской фонологии словосочетания? И в том, и в другом случае мы рассчитываем, что ты и прочтёшь эту статью или, по крайней мере, 20-минутное извлечение из неё на нашей конференции, которая обещает быть очень содержательной. Уже обещало принять участие несколько интересных лингвистов Де Хроот[33], Улашин[34], Дорошевский[35], Соммерфельт[36], философ Бюллер[37], и др. Для IV выпуска «Траво»[38] было бы приятно получить от тебя две вещи: с одной стороны теоретическую статью о принципах фонологии словосочетания или синтаксической фонологии в целом, с другой стороны — главу о синтаксической фонологии современного русского литературного языка, которая составила бы заключительную часть к моей и Трубецкого работе — Фонология современного русского литературного языка.

Непременно приезжай. Строго между нами: пропотделом министерства иностранных дел теперь будет заведовать вместо Гаека, который, во-первых, тебя недолюбливал, во-вторых, очень мало интересовался наукой, человек, близко причастный к науке и очень дружелюбно относящийся к Лингвистическому кружку — Буттер. Я думаю, что с Матезиусом, когда ты будешь здесь, могли бы для

[33] Albert Willem de Groot (1892–1963) — голландский лингвист.

[34] Генрих Владимирович Улашин (1874–1956) — русский филолог.

[35] Witold Jan Doroszewski (1899–1976) — польский языковед, славист.

[36] Alfred Sommerfelt (1892–1965) — норвежский лингвист.

[37] Karl Bühler (1879–1963) — немецкий психолог и лингвист.

[38] TCLP.

тебя с ним что-нибудь сладить: субсидия на чтение в университете лекции по богемистике и т. п. Жизнь здесь тебе ничего не будет стоить: ты остановишься у меня. Сегодня в заседании президиума Кружка поставлю вопрос о том, чтобы тебе был заплачен гонорар за твою статью или статьи для «Траво», который бы покрыл полностью или хотя бы частично стоимость проезда.

Надеюсь, ты получил Гернгросса? Я с тобой согласен — вопрос труден, но я убеждён, что ты с ним справишься. Я себе представляю синтаксическую фонологию так: это, с одной стороны, фонология синтагмы. Этот термин я применяю в бодуэновском, а не в твоём смысле, т. е. синтагма — наименьшая дробь синтаксического целого, т. е. слово в его отношении к словосочетанию. Фонология синтагмы изучает те фонологические средства, которые позволяют выделить слово в словосочетании, например, русское ударение является, с одной стороны, фактом фонологии слова, т. е. отличает по значению одно слово от другого слова: ви́на — вина́. С другой стороны, это факт фонологии синтагмы, т. е. оно выделяет слово в словосочетании, например, вина преступника: два ударения — две синтагмы. Ударение в аспекте фонологии синтагмы есть одно из средств, отнюдь не единственное, характеристики «фонологической вершины синтагмы». На этом понятии я остановлюсь в своём докладе «Ударение и его роль в фонологии слова и синтагмы»[39]. Вторая часть синтаксической фонологии — это фонология словосочетания, т. е. рассмотрение тех фонологических средств, которые служат дифференциации значений словосочетаний как таковых, например противопоставление утвердительной интонации вопросительной интонации и т. д., или разные типы иерархии ударений синтагм, т. е. так называемое фразное ударение и т. д. Я согласен с Пешковским, что здесь нелегко провести границу между фонологическим и внефонологическим — экспрессивным; я согласен с ним и в том, что фонологические средства могут здесь быть заменены средствами иных планов: порядок слов, специальные слова и т. д., но всё-таки, какой-то фонологический минимум на лицо. Всё-таки есть вопросительная интонация, как фонологический факт. Если её совсем нет, это такой же случай замены, как, например, замены времён и наклонений, которые ты в своей работе превосходно охарактеризовал. Может-быть, сложнейший вопрос фонологии словосочетания — это не интонация и не фразное ударение, а паузы. Помнишь ли ты главу о паузах в труде Верье[40] об английском стихе? Если нет, непременно просмотри. Этот труд в Женеве, наверное, есть. Кажется, это в первом томе. Там много верного. Но всё-таки очень существен вопрос, что при анализе паузы считать основным, фонологическим признаком, и что сопутствующим фонетическим явлением. Ведь реализация паузы многообразна: тут и особая музыкальная каденция, и силовые отношения, и количественная каденция, т. е. продление конечного слога, как, например, в чешском, или, напротив, со-

[39] Это будет 13-й доклад «Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie» 19 декабря 1930 г. на Международной фонологической конференции (TCLP. IV. P. 164–182).

[40] Paul Verrier (1860–1938) — автор трехтомника «Essai sur la métrique anglaise» (Об английской метрике) (Paris, 1909–1910).

кращение, как в московском говоре. Сюда же относятся и разнообразные явления т. н. абсолютного конца и абсолютного начала слова.

С большим интересом жду твоей работы. Я убеждён, что, как и всегда, ты дашь новую, продуктивную постановку вопроса.

Ты просишь прислать тебе тезисы нашего описания фонологии русского слова, но я не думаю, чтобы это тебе много дало. Впрочем, конечно, прежде чем печатать мы все части описания — наши и твою — сличим и совместно постараемся унифицировать.

Я сейчас всецело в фонологических вопросах и хлопотах по подготовке конференции. Интерес к фонологии продолжает расти. Появился ряд новых статей по фонологическим вопросам, в частности ван Вейка[41], вскоре появится, по слухам, и статья Мейе[42]. Я очень рад, что Сешеэ в своей недавней статье принимает мою концепцию исторической фонологии. С другой стороны, Щерба принимает наши правки к Бодуэну.

Подробно обо всем поговорим, когда приедешь. Статью пришли мне, как только будет готова. Если бы обстоятельства сложились исключительно неблагоприятно, и ты не мог бы приехать, я прочту твой доклад за тебя, но это только на самый, худой конец.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Софья Николаевна в провинции заменяет окружного врача. Вернётся, вероятно, только недели через две. Светлана[43] очень усердно учится и преуспевает.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я3*]

21.XI.30

Дорогой Сергей Иосифович.

Сегодня снова ездил к Папоушку в министерство. Обещал на следующей неделе дело о шести тысячах уладить.

Несмотря на твои сомнения, я полагаю, что никто другой, кроме тебя, не может написать основ синтаксической фонологии. У тебя есть чёткое представление о сути синтаксиса, а это главное. Те твои выводы из этой области, которые ты приводишь в письме, интересны и, по-моему, убедительны. Что касается ударения в качестве факта фонологии слова, я останавливаюсь на разных подробностях этого вопроса в своём докладе для конференции — «Ударение и его роль в фонологии, слова и синтагмы»[44]. Я тебе пришлю этот доклад на днях, как только перепишу его. Твоя мысль о том, что в фонологии слова нет корреляции — «ударение — безударность», а есть корреляция — «редукция — отсутствие редукции» почти дословно

[41] Nicolaas van Wijk (1880–1941) — голландский лингвист, член-корреспондент АН СССР с 1928 г.

[42] RES x. Fasc. 1–2. P. 91–92.

[43] Дочь С. И. Карцевского.

[44] См. сноску 39 к предыдущему письму.

совпадает с мыслью Трубецкого, которую он сообщил мне в письме[45], пришедшем почти одновременно с твоим. Может быть, вы правы. Для меня до сих пор этот вопрос ещё не совсем прояснился. С большим интересом жду твоей работы, программа конференции будет разослана в понедельник. Твой доклад[46], включён уже. Комитет Кружка взялся оплатить твою дорогу. Можешь на это рассчитывать. К какому, примерно, числу ты приедешь? Конференция начинается 18-го. Здесь расходов не будет. Остановишься у нас, кормить членов конференции будет Кружок. С. Н. [София Николаевна] завтра возвращается в Прагу. Светлана процветает.

Дружеский привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я4*]

29.XI.30
Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

Схема твоей работы, по-моему, правильная, мне кажется, что ещё один важный факт — это фразные ударения: Положи́ книгу на стол, Положи кни́гу на стол, Положи книгу на сто́л. Это особенно ясно из сопоставления с французским, где градация ударений внешне обусловлена. Фразный такт я себе представляю как такой отрезок фразы, который без изменения смысла фразы может быть отделен паузами от прочих отрезков. Это есть, таким образом потенциальное явление синтаксической фонологии. Надеюсь, ты уже получил подробную программу конференции[47]. На днях получишь проект стандартизованной фонологической терминологии и тезисы о фонологической транскрипции[48].

Я полагаю, что приехать тебе непременно надо. Доводы? Во-первых, повидаешь Светлану. Во-вторых, конференция для тебя, как и для всех нас, будет несомненно большим импульсом для дальнейшей работы и т. д., несомненно, выплывет ряд новых мыслей. 3. Одно дело переговоры на расстоянии, другое дело, когда мы втроём — ты, я да Матезиус насядем на ведомства. Чего-нибудь да добьёмся. Вопрос о регулярной научной стипендии, конечно, легче поставить при таких условиях. Когда я говорю о тебе, а ты где-то в пространстве, к этому относятся куда теоретичнее. 4. Деньги, которые будут тебе ассигнованы на приезд, переассигновать на иной предмет невозможно, поездка тебе, повторяю, ничего не будет стоить. По вопросу о гонораре поговорим здесь. Твои опасения перед

[45] Подобного письма нет в [Трубецкой 2004], но об этом Н. С. Трубецкой напишет позже Карцевскому, см. **Т2** от 14/VI-1931.

[46] Это будет 15-й доклад «Sur la phonologie de la phrase» (О фонологии фразы) 19 декабря 1930 г. (TCLP. iv. С. 188–227).

[47] Réunion phonologique internationale (международная фонологическая конференция), которая состоится в Праге с 18 по 21 декабря 1930 г.

[48] Терминология и тезисы будут опубликованы в TCLP. IV. С. 309–326.

оппонентами — смешны. К тому же ты не один, а нас трое — трое подписавших гаагское предложение[49]. Надеюсь, блок не расторжим. Конференция означает начало большой коллективной работы, в которой, я уверен, и ты примешь немалое участие, вопрос об оплате труда, повторяю, поставим ребром.

С твоей немецкой грамматикой[50] дело снова стоит небезнадёжно. Пытаюсь заинтересовать в ней одно очень крупное издательство, где сейчас работает мой брат. Надеюсь на успех, ибо это издательство с широкими планами и большими средствами. Что касается твоей грамматики для Общества Духновича[51], то сорвал её Погорелов[52], который приезжал в Ужгород и уговаривал с тобой не договариваться, ибо ты-де жид и ненаучен.

Для доклада 25 страниц, конечно, слишком много, но для печатания дай нам статью в полном виде, жалко сокращать.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне от нас обоих. До скорого свидания.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я5*]

31.I.31
Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович,

Отчего не пишешь? Как твои дела? Сообщи подробно, потому что надо мне и Матезиусу начинать хлопотать по твоему вопросу, как мы условились в декабре. Что нового в твоих отношениях с Институтом, с министерствами, с местным университетом и т. д. Непременно пришли поскорее твой съездовский доклад[53]. Во-первых, уже пора сдавать в типографию, во-вторых, мне важен новый толчок для Матезиуса в твоём деле. Постарайся прислать возможно скорее. Что касается твоей главы для нашей общей работы по фонологии русского языка, то постарайся кончить не позднее конца марта.

Получил письмо от Дурново, где он между прочим сообщает следующее: Карцевский спрашивал меня о том, идёт ли его учебник. Кажется, он надеется на возможность второго издания. Но это дело почти невозможное. Во-первых, теперь

[49] Предложение № 22 «Quelles sont les méthodes les mieux appropriées à un exposé complet et pratique de la grammaire d'une langue quelconque?» (Каковы наиболее пригодные методы для полного и практического представления грамматики какого-либо языка?) на 1-м Международном конгрессе лингвистов (10–15/IV-1928) в Гааге было подписано Р. Якобсоном, С. Карцевским и Н. Трубецким; см. Actes du premier congrès international des linguistes. Leiden, 1930. P. 32–36.

[50] Вероятно, речь идет о попытке издания «Повторительного курса русского языка» на иностранном языке, в частности на немецком.

[51] Русское культурно-просветительное общество имени А. В. Духновича — карпато-русская организация русофильской направленности (1920–1945).

[52] В. Погорелов (1872–1955) — русский лингвист.

[53] «О фонологии фразы», см. **Я3**.

политположение изменилось, и ГИЗ вряд ли возьмётся издавать учебник эмигранта. Затем во главе отдела учебников стоит яфетидолог[54], а они враждебно относятся к женевской школе. Затем все [*учебники* <перечёркнуто карандашом, исправлено>] примеры должны быть агитационные. Наконец, отсюда за границу ГИЗ гонораров переводить не имеет права. Учебник Карцевского[55] не только разошёлся, но на него имеется большой спрос. Однако переиздавать его, по крайней мере с фамилией автора, не разрешают. В виду спроса на учебник мы с Пешковским нашли, что ГИЗ мог бы издать рабочую книгу по языку, в основу которой была бы положена схема Карцевского. Есть лица, которые могли бы такую книгу составить. На обложке в таком случае фамилии Карцевского не будет, но в предисловии она будет указана. Карцевский мог бы получить часть гонорара (книгами или обменом с живущими в СССР и получающими заграничные гонорары), но по негласному частному соглашению с авторами, что я берусь устроить. Грамматическая часть переработки до представления в ГИЗ может быть ему прислана для его санкции. Согласен ли он на такие условия?

У нас новостей мало. Мы оба сейчас много работаем. Надеюсь, что в августе удастся попасть в Женеву[56]. Я до сих пор не записался на съезд. Заяви, пожалуйста, что приеду, а официальное письмо я на днях напишу. Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Яб*]

10.II.31
Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

О твоём деле Матезиус в министерстве будет скоро говорить. Надо выждать сколько-нибудь благоприятного момента. Моё дело, кажется, в порядке, т. е. лежит, по слухам, уже в совете министров. Относительно Светланиной стипендии вы напрасно волновались. Это была просто бюрократическая задержка, всё в порядке.

Теперь что касается твоих работ. Дело обстоит так. Сейчас набирается сборник[57] докладов, прочитанных на конференции. Пришли до 1-го марта твой доклад. В каком хочешь виде, т. е. либо в той форме, как ты читал на конференции, либо в более развёрнутом виде. Что касается триптиха[58], то нужно только сжатое

[54] Т. е. маррист.

[55] «Повторительный курс русского языка» (М.–Л.: ГИЗ, 1928. с. 112); переиздан нами [Карцевский 2000: 97–204].

[56] На 2-й Международный конгресс лингвистов, который состоится с 25 по 29 августа 1931 г.

[57] TCLP. IV.

[58] Так Р. Якобсон называет спланированную общую работу — «Фонология современного русского литературного языка». Р. Якобсон должен был писать первую часть «Phonologie générale du mot» (Общая фонология слова), Н. Трубецкой — вторую: «Das morphonologische System der

описание с примерами и никаких принципиальных рассуждений и т. д., просто конкретная дескрипция. Это к концу марта. Сроки я тебе сообщаю подлинные, а не фиктивные, поэтому не опаздывай. Дело с твоей грамматикой постараюсь окончательно выяснить и оформить в течение ближайших дней. Я хворал и запустил дела.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Напишу Дурново о твоём согласии[59].

Твой *Р. Якобсон*

[*Я7*]

04.IV.31

Дорогой Сергей Иосифович,

Не писал тебе так долго, потому что выполнял всякие литературные недоимки: доклады для сборника, журнальные статьи и т. д. Твоя работа[60] чрезвычайно интересна: к сожалению, я мог только бегло прочесть её, потому что торопился сдать её заблаговременно в типографию.

Внимательнее прочту в корректуре. Кажется, тебе удалось осветить целую новую дисциплину. Сижу без денег, поэтому до сих пор не заплатил членский взнос в Женеву. На днях пошлю. Моё университетское дело, кажется, к осени оформится. Что касается твоих здешних дел, то сейчас самый что ни на есть пренеблагоприятнейший момент, острый финансовый кризис и т. д. Матезиус к тебе страшно благожелателен и при первой возможности, я убеждён, что-нибудь предпримет. Очень досадно, что Бутер[61] переведён в Париж. Готовишь ли описание фонологии русской фразы для нашего Триптиха[62]? Моя часть будет готова в июне. Дурново просит не писать ему прямо. Если что хочешь сообщить, пиши через меня.

Как только получу корректуру твоей работы, напишу тебе подробно свои замечания. Я лично был в типографии и подробно разъяснил касательно шрифтов. Мой доклад о принципах исторической фонологии[63] в переработанном виде, кажется, интересен. Основной вывод: в языке [нет] единой функции, нет тенденции ни к увеличению, ни к уменьшению репертуара фонологических различий, а только к преобразованию репертуара. Увеличение или уменьшение репертуара происходит путём взаимодействия языков различных функций[64] — путём переключения

---

russische Sprache» (Морфонологическая система русского языка), а С. Карцевский — третью: «Description phonologique de la phrase» (Описание фонологии русской фразы). Только вторая часть увидит свет (см. **Я16**).

[59] С условиями издания грамматики в СССР (см. **Я5**).

[60] «Sur la phonologie de la phrase» (О фонологии фразы) // TCLP. IV. С. 188–227 с добавленной главой; текст переиздан в [Карцевский 2004: 246–289].

[61] Глава пропотдела МИДа ЧР, см. **Я2**.

[62] Имеется в виду «Фонология современного русского литературного языка», см. сноску в **Я6**.

[63] «Prinzipien der historischen Phonologie» (TCLP. IV. С. 247–267).

[64] Очевидно, в оригинале ошибка, которую можно интерпретировать двояко: либо «различных функций языков», либо «различных языковых функций».

функций. С твоей запиской о месте фонологии я вполне согласен. Соня и Светлана кланяются.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я8*]

11.IV.31

Сергею Иосифовичу Карцевскому

Дорогой Сергей Иосифович.

Сборник быстро печатается и выйдет не позднее начала июня. В нём будет свыше 20-ти печатных листов, а наш Триптих — Фонология современного русского литературного языка — выйдет отдельной книжкой. Это будет первое издание Международного Фонологического Общества. Субсидию получим от Славянского Института. Печататься будет летом. От тебя требуется сжатое или подробное — как хочешь — описание фонологии русской фразы — тезисы, иллюстрируемые примерами. Вот и всё. Когда твоя грамматика будет готова, совершенно бесспорно протолкну её, — либо издаст Геземан[65], либо — есть возможности в Германии. Пожалуйста, выясни частным образом в комитете съезда, можно ли рассчитывать, что комитет у нас купит для съезда несколько экземпляров Фонологического сборника. Во-вторых, можем ли мы в течение мая получить список членов съезда с адресами, ибо кое-кому из членов съезда мы разошлём сборник бесплатно. Непременно выясни и ответь. С членским взносом не торопись. Привет Евгении Евгеньевне, о твоей записке напишу следующий раз.

Твой *Р. Якобсон*

[Я9]

19.V.31

Дорогой Сергей Иосифович.

Прости, что так долго не отвечал тебе

Твою фонологию фразы прочёл[66]. Она произвела на меня очень сильное впечатление. И не только ценностью мыслей, но и большой художественностью. Читаешь специальную статью, а испытываешь при этом подлинное волнение. За каждой фразой чувствуется яркость темперамента, беспокойство исканий, тревога мысли. Это я тебе передаю своё неподдельное впечатление. Схоже отзывались и некоторые другие кружковцы, читавшие корректуру. Очень жаль, что ты не хочешь сделать естественного и очевидного вывода из собственной теоретической работы, т. е. вкратце охарактеризовать основные фонологические элементы русской фразы. Это тебе нетрудно сделать. Нужна в данном случае не новая теория,

[65] Gerhard Gesemann (1888–1948) — немецкий славист, основатель Немецкого общества славянских исследований и издатель журнала «Slavische Rundschau» (Славянский журнал — издавался в Праге с 1929 по 1940 г.).

[66] «Sur la phonologie de la phrase» (TCLP. IV. C. 188–227).

не отвлечённые рассуждения, а конкретное приложение твоих принципов к описанию русского языкового материала. Приналяг и в течение ближайших месяцев постарайся сделать. Это не пропадёт зря. Характерно: помнишь, как разводили скептицизм по адресу фонологии поляки на конференции. Это одна декорация. На будущей неделе в Варшаве состоится съезд польских лингвистов, посвящённый одной цели: фонология польского языка. На эту тему уже напечатана — пока в 70-ти экземплярах и на правах рукописи — работа Шобера[67]. Она ляжет в основу обсуждения на съезде[68], в котором примут участие и Нич[69], и Лер[70], и Дорошевский, и Улашин. Неужели не выпустим к осени русской фонологии?

Перехожу к более грустной главе: твоим денежным делам. Пошёл сегодня же к Матезиусу, но не застал его. В самом ближайшем будущем буду с ним серьёзно говорить. Впрочем, надежд мало. Матезиус, конечно, приложит все усилия, но положение очень неблагоприятное. И в министерствах, и в хозяйстве и т. д. Всяческая помощь, поддержки, субсидии в спешном порядке свёртываются; не знаю, выгорит ли что. Во всяком случае, сообщи мне точные данные по следующим вопросам, ибо с чехами можно говорить только с цифрами в руках: 1) Получаешь ли ты в этом году что-либо от министерства просвещения и сколько; 2) Получаешь ли ты что-нибудь от Института, и если да, то из чьих это средств; 3) Сколько получаешь от университета; 4) Есть ли у тебя лично ещё какие-либо заработки; 5) Что делаешь для чешской пропаганды в Институте, и что в Университете в текущем году. Без данных по всем этим вопросам говорить успешно ни с кем невозможно.

Твои виды на Америку? Есть ли что-либо конкретное, и где? Сейпир[71] в переписке с Трубецким и Матезиусом. Может быть, на него подействовать? Он фонолог, структуралист и т. д. Пошли ему свои работы на европейских языках. Сборник фонологической конференции[72] выйдет в течение июня. Ведь это не шутка в такой короткий срок привести в надлежащий вид и отпечатать книгу в 400 страниц.

С[офья] Н[иколаевна] сейчас заменяет врача в Збраславе — до середины июня. Светлана учится, хочет перейти на архитектуру — внутреннее убранство квартир. И. Г.[73] уже месяц как в Мюнстере. Читает там русский язык и этнографию. Очень доволен, но с финансовой стороны положение всё ещё не оформилось. Расстраивает его и то, что семью снова отказались выпустить за границу.

Моё брненское дело всё ещё на точке замерзания. Авось к осени будет оттепель. К сожалению, встречаю куда меньше учёных, способных работать, нежели таких, которые способны без устали интриговать и гадить.

Две просьбы, которые, пожалуйста, не забудь исполнить. Во-первых, необходимо послать приглашение на женевский съезд Поливанову. Он просит: это, может

---

[67] Stanisław Szober (1879–1938) — польский лингвист.

[68] На 2-м Международном конгрессе лингвистов в Женеве с 25 по 29 августа 1931 г.

[69] Kazimierz Nitsch (1874–1958) — польский славист.

[70] Tadeusz Lehr-Spławiński (1891–1965) — польский славист.

[71] Edward Sapir (1884–1939) — американский лингвист и этнолог.

[72] TCLP. IV.

[73] Кто скрывается за инициалами И. Г., установить не удалось.

быть, даст ему возможность попасть за границу. Его сейчас очень теснят. Адрес: Самарканд Узбекский Гос. Научно-исследовательский Институт, Зерабулакская, 4. Проф. Евгению Дмитриевичу Поливанову.

Во-вторых, рекомендуй послать дополнительно приглашение авторитетнейшей словацкой культурно-просветительной организации — *Matica Slovenská, Turčiansky sv. Martin*.

Матица руководит работой по составлению словацкого словаря, по реформе орфографии и по подготовке словацкого языкового атласа. Она имеет в виду, если получит приглашение, делегировать д-ра Станислава, молодого словацкого диалектолога, ученика Вейнгарта[74].

Не забудь.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я10*]

04.07.31

Дорогой Сергей Иосифович.

Несколько раз подробно говорил о тебе с Матезиусом. Здесь сейчас положение таково, что добиться ничего невозможно. Например, моё дело основательно село на мель. Матезиус приветствует ориентацию на Америку и написал о тебе так называемому Сейпиру, который на деле зовёт себя, оказывается, Сапир, и ещё каким-то американским профессорам. Я дал ему биографические материалы.

Оттиски и сборник на днях получишь. Твоё исправление уже трудно было внести, но, по-моему, это не так существенно, и коротким исправлением ты бы только запутал дело. В триптихе оговорим всё это. Я снова перечитал твою статью, по-моему, дать краткое описание фонологии русской фразы тебе совсем нетрудно. Несколько описательных тезисов с примерами. Главное — дать чёткую схему, вот и всё. Кстати: не думаешь ли ты, что немецкое эпидемическое «нихт?», французское «нэс па», чешское «же йо», и т. п. отражают характерную тенденцию диалогической речи к подчёркнутой установке на диалогичность. То-есть, говорящий стремится избежать каденций, в твоём смысле слова, напоминает, что «продолжение следует». Это занятное явление. Не помню, писал ли я тебе, что, по-моему, твоя работа в приложении к анализу стиха открывает очень широкие и совершенно неожиданные горизонты. Когда приеду в Женеву, поговорим об этом. Постарайся к этому времени хотя бы набросать вчерне твою часть триптиха. Уговариваю Н. С.[75] приехать в Женеву дня за два до конгресса: мы бы втроём прочли и обсудили весь триптих в его основных чертах. Посылаю тебе мои заметки по словацкой фонологии. Вышла фонология польского языка Шобера, печатается фонология кельтских говоров Сомерфельта, вообще фонология стала социальным фактом.

[74] Miloš Weingart (1890–1939) — чешский славист.

[75] Трубецкого.

Строго конфиденциально: Доминуа[76] пишет рецензию на переработанную чешскую грамматику Мазона[77]. Мы дали ему кой-какие материалы. Разумеется, анонимно. Не мог ли бы и ты прислать мне, а я ему передам твои замечания о недостатках в учении Мазона о глаголе? Если нетрудно, непременно сделай это, хотя бы в нескольких словах.

С[офия] Н[иколаевна] уже в деревне. Я тоже сегодня еду. Светлана пока остаётся в Праге. Она всё ещё не может решить вопрос, куда переходить, если переходить. В школе ею очень довольны. Она школой менее.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я11*]

1.VIII.31.

Дорогой Сергей Иосифович.

Спасибо за приглашение. Воспользуемся. Приедем с Софьей Николаевной дня за 3–4 до съезда. Написал ли ты Трубецкому о его устройстве в Женеве?

Продолжаю работать над русской фонологией. Кажется, основные черты выясняются. В связи с этой работой перечитываю твою французскую книгу и русский учебник[78], и всё более и более восхищаюсь. Местами, без преувеличений — гениально. Если бы ты развернул мысли, заключённые во вступительной статье французской книги[79]. Твой этюд о словопроизводстве[80], по-моему, следует отпечатать отдельно в качестве V выпуска «Траво». Ведь будет в нём меньше 50–60 страниц, а на большой выпуск у нас сейчас и денег не будет. Я решительно за это, Гавранек[81] тоже, остальных нет в Праге, но думаю, что возражений, конечно, не будет. Уговариваю Трубецкого приехать дня за два, за три до съезда в Женеву, чтобы мы могли втроём на досуге обсудить триптих. Твоя фонология фразы там непременно нужна. Напиши, брать ли с собой смокинг, ужасно не хочется тащить. Я надеюсь, что нам удастся после конгресса съездить во Францию, хотя денег всё ещё нет.

Мы в деревне. Я приехал только по паспортным делам. Светлана загорела и расцвела.

---

[76] Fuscien Dominois (1888–1938) — французский специалист по Чехословакии.

[77] André Mazon (1881–1967) — французский славист, автор «Grammaire tchèque» (Грамматика чешского языка).

[78] «Système du verbe russe — Essai de linguistique synchronique» (Prague, 1927) (книга переиздана, см. [Karcevski 2004] и переведена на русский, см. [Карцевский 2004: 31–205]) и «Повторительный курс русского языка» (М., 1928) (переизданный, см. [Карцевский 2000: 97–204]).

[79] См. [Карцевский 2004: 39–69].

[80] «De la structure du substantif russe» (О структуре русского существительного) (Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. P. 65–73) (издано в переводе, см. [Карцевский 2000: 59–69]).

[81] Bohuslav Havránek (1893–1978) — чешский лингвист, славист, один из основателей Пражского лингвистического кружка.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Ещё раз спасибо обоим за приглашение. Не забудь написать насчёт смокинга, подумай о фонологии фразы, чтобы мы могли на заседании славистической комиссии в Женеве вкратце, совсем вкратце, изложить план нашей совместной работы.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

С. Карцевский — Р. Якобсону [*К1*]

Источник: MIT MC0072, box 123, Folder 66[82]

[на бланке: Institut d'études slaves / Directeur: M. S. Karcevski / Chargé de Cours à l'Université / 11, rue Émile-Yung, 11 / Genève, написанное от руки]

27 декабря 1931 г.

Дорогой Роман Иосифович,

Ты занимался былинным стихом, а сверх того слыхал и сказителей. Скажи мне, чего стоят следующие соображения, которые только что пришли мне в голову. Вот они —

Каждая былинная строка = *интонационно фразе.* Она распадается на «ascendante» и «descendante», в каждой из которых имеется ещё *вторичное* ударение, потенциально свойственное каждому membre de phrase. Особенно интересно вторичное ударение в descendante: оно на последнем слоге, т. е. использует cadence как ритмическую границу, а не как доподлинный «finis». — Ascendante имеет вторичное ударение в начале (2-й–3-й слог) и таким образом косвенно отмечается и начало «строки-фразы» (тогда как разговорная фраза возникает ex nihilo). Вершиной обе строки-фразы сближены, насколько возможно (расстояние 1–2 слога). — Таким образом для ритмической структуры строки использована фразовая интонационная структура. Установка на фразу как интонационное целое. Каждая строка = строфе, т. е. строф нет, «моностих». Можно нанизывать таких строк сколько угодно. Подлинная cadence будет связана со *смысловой* концовкой: «Тут ему и славу поют», etc. — Сравни напротив в Песне о купце Калашникове, там строки не образуют фраз, т. к. грамматически-смысловое единство больше строки: «фраза» заключает несколько строк. Но enjambements всё так же невозможны, т. к. получилось бы нарушение речевой интонации, на которую делается установка. — Как рассказывают сказители? Где делают они полную cadence? — Длина стиха, т. е. строки, зависит от этих четырёх ударений. Чистый тип: четы*ре полнозначных слова.* Наиболее частный: в ascendante два слова, в descendante — одно с двумя ударениями. На неполнозначных словах обыкновенно ударений нет, и их я здесь в счёт не принимаю. Стих может раздвигаться как гармоника. —

Вот и всё, что мелькнуло у меня в голове. Что ты об этом думаешь? Мне кажется, что мысль об использовании структуры фразы для структуры стиха может

[82] Это письмо было частично опубликовано, см. [Трубецкой 2004: 267].

пригодиться. Укладывание стиха в четыре полнозначных слова (в идеале!) тоже не плохо, т. к. ведёт к некоторым размышлениям и насчёт *выбора* слов и их *размещения*, и разных clichés, etc, etc*. *Преодоление* фразной cadence в каждой строке делает строки ритмически *однозначными* (моностих); стало быть, необходимо дать концовку смысловую и, может быть, и зачин смысловой. Архитектоника каждой песни тем предопределяется в своих общих, грубых чертах.

Что́ у тебя нового? Светлана пишет, что переезжаете Вы в Брно? Счастливый путь! Пиши.

Шлём всем поздравления с Новым Годом. Почему Богатырёв[83] никогда не напишет мне? Я же не знаю его адрес.

Жму руку

СК.

[Другим почерком:]

Дай Бог Вам здоровья и успеха в Новом Году.

[*Я12*]

6.IV.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Страшно долго не писал тебе, потому что был всё время в бивуачном состоянии: переезд в Брно, хлопотня по бесчисленным делам и т. д. Переезд закончился, безнадёжность моих дел стабилизовалась, у Софьи Николаевны как будто налаживается работа, словом можно перейти к очередным делам. Вчера видел Светлану, она довольна жизнью у Матезиовой, увлечена работой, надеется по окончании школы устроиться, настроена бодро, выглядит хорошо.

Ты прислал мне очень интересное письмо об интонациях былинного стиха. В течение осенних месяцев я набросал фонологию русского стиха, где, исходя из твоей работы о фонологии фразы, анализирую соотношения структуры стиха с фразной фонологией. Я надеюсь ещё весною закончить эти наброски и переписать их, пошлю их тогда тебе, ты найдёшь там ответ на вопросы, поставленные в письме.

Сейчас посылаю тебе заметку о структуре русского глагола, которую в сокращённом виде рассчитываю напечатать в сборнике в честь Матезиуса. Очень жду твоих замечаний. Вопросы структурной морфологии меня сейчас особенно интересуют. Это трудная область. Пожалуйста, напиши не откладывая.

Ты не ответил на приглашение принять участие в сборнике в честь пятидесятилетия Матезиуса[84]. Непременно пришли статью — не больше пяти страниц — лучше

---

* Грамматически тоже: подчинение невозможно, так как нарушает автономность строки-строфы, отсюда «reprise», параллелизм, etc.

[83] П. Г. Богатырев тогда работал сотрудником советского полпредства в Чехословакии.

[84] Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. 147 с.

всего по-французски, не позднее начала мая. Сообщи мне, на какую тему будет статья[85].

Страшно жалею, что ты отказался участвовать в нашей работе по фонологии русского языка.

Вокруг грустно. Всюду безнадёжно ухудшается положение, картина нудного разложения, медленного вялого развала. Положение науки всё ухудшается, медленно сходит на нет научно-издательская работа и т. д.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я13*]

22.IV.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Не сердись на меня, что я стал таким неаккуратным корреспондентом. У меня сейчас столько всяких мелких, средних и крупных неприятностей и хлопот, и столько всяческих мелких, средних и крупных обязательств, что просто не остаётся времени. Спешу ответить на твои вопросы. Все здешние научные издательства, предприятия и т. д. последовательно свёртываются. У Лингвистического кружка есть только долги: весь его капитал. Сборник в честь Матезиуса мы печатаем в долг в государственной типографии. Кто будет его оплачивать, неизвестно. Приучаю чешских лингвистов к авантюризму. Удастся ли мне убедить на таких же началах напечатать V выпуск «Траво», т. е. наш «триптих», не знаю, Николай Сергеевич собирался в течение весны свою часть окончательно доработать. Но он заболел — сперва была грудная жаба, теперь видимо воспаление лёгких, боюсь за него, но надеюсь, всё обойдётся хорошо. Я, поскольку вообще работал, отвлёкся немного в сторону — занимался морфологией, вопросами культуры чешского языка, сербским стихом и т. п. Но всё-таки значительная часть моего задания в русской фонологии сделана и в течение лета кончу остальное. Напиши мне, можешь ли ты выполнить свою часть? Ты писал уклончиво, а между тем от этого многое зависит. Если ответишь да, обязуюсь, во-первых, послать тебе обещанные номера русского языка в совшколе, со статьями об интерпункции; во-вторых, обязуюсь обстоятельно отвечать на все твои фонологические вопросы. Пришли поскорее статью для сборника Матезиуса — по-французски. Жду с интересом твоей грамматики, но с трудом представляю себе, где её сейчас можно напечатать.

Славянскому Институту страшно урезали ассигновку, так что много экземпляров он бы у тебя не взял, думаю, максимум 20, да и то не уверен. Выбран ты в Институт на основании предложения, поданного Гавранком и мною. Вообще здесь в связи с кризисом сильное уныние, особенно среди русских. Туго приходится

[85] Это будет «De la structure du substantif russe» (О структуре русского существительного), см. **Я11**.

Гессену[86]. Кружковцы стараются не унывать, но что-то хворать стали. Серьёзные сердечные осложнения у Вейнгарта и у Матезиуса. Но об этом не болтай. Журнал План[87] проглядываю с любопытством. Спасибо за замечания к моей статье[88]. Воспользуюсь. Я уже её сильно переделал. Когда будет в мае сдана в набор окончательная редакция, я пошлю тебе копию. О структуре слов сорви-голова и т. д. не могу тебе написать ничего определённого. Видел об этом замечания в синтаксисе Шахматова?

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Светлану в этот короткий пражский приезд я не видал, но говорят, что она в прекрасном настроении, успешно и энергично работает и т. д.

Твой *Р. Якобсон*

[*Я14*]

17.XI.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Не сердись, что не пишу тебе. Я совсем замотался и страшно запустил корреспонденцию. Кризис здесь всё обостряется. С ним растут интриги. Надежд на подтверждение профессором очень мало. Вообще академических перспектив, собственно говоря, нет. Это касается не только меня. Практика у С. Н.[89] развивается, но всё время под угрозой новых ограничений для иностранцев. Стараюсь, наряду с халтурой, делать научную работу. Сейчас пишу для сборника Милетича[90] статью о болгарском стихе. Послал в Голландию статью о сербском эпическом стихе и собираюсь заканчивать мою часть триптиха. Каких указаний ты ждёшь от нас? Если у тебя есть время и некоторая возможность, набросай фразную фонологию, а потом постараемся координировать. Я убеждён, что серьёзных расхождений не будет. Если всё же хочешь от меня и Трубецкого указаний, то напиши точно, по каким вопросам. Надеюсь, ты уже получил сборник в честь Матезиуса, а также наш чешский сборник — Культура языка. Твои оттиски я оплатил и посылаю тебе одновременно с этим письмом. Как тебе нравится моя статья о глаголе? Матезиус очень болен (воспаление позвоночника) и надолго вычеркнут из научной жизни. Гвоздь сезона: наш поход против пуристов. Вокруг этой кампании много споров и шуму. Что касается твоих вопросов о возможностях печатания здесь (книга Бальи и т. д.), то ты себе не представляешь размеров кризиса и катастрофы научно-издательского дела. Лингвистический кружок просил меня обратить твоё внимание на то обстоятельство, что на международном лингвистическом съезде, который

[86] Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — русский философ, публицист. Соиздатель с Карцевским журнала «Русская школа за рубежом» с 1923 по 1928 г.

[87] Не удалось установить, о каком именно журнале идет речь.

[88] «Zur Struktur des russischen Verbums» выйдет в сборнике Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. P. 74–84.

[89] Трубецкого.

[90] Любомир Милетич (1863–1937) — болгарский филолог.

состоится в Риме в сентябре, будет рассматриваться вопрос о знаках препинания и возможностях унификации принципов интерпункции в культурных языках. Если бы ты мог прислать кружку твои соображения по этому вопросу, мы обсудили бы их и уполномочили бы тебя выступить с соответствующим докладом на съезде от имени кружка. Ты наиболее компетентный языковед по вопросам о соотношении между интерпункцией с одной стороны и, примерно, немецкой, французской, английской, русской, пожалуй, чешской фонологией, синтаксисом, а также логикой с другой. Я постараюсь раздобыть в славянской библиотеке номера русского языка в совшколе, где трактуется вопрос о реформе интерпункции. Берёшься?

Светлану видел третьего дня. Она много и успешно работает. Твои статьи в Эвей[91] прочёл с живейшим интересом. Евгении Евгеньевне сердечный привет и пожелание полного выздоровления.

Твой *Р. Якобсон*

[Далее следуют письма на обыкновенной бумаге, написанные от руки]

[*Я15*]

12.VIII[.33]

Дорогой Сергей Иосифович,

Отвечаю с опозданием, потому что у меня была сумасшедше занятая весна: двойная порция лекций, срочные статьи, халтура для покрытия долгов, лекции в софийском университете (в июне) и т. д. Теперь отдыхаю в болгарской деревне. В Брно вернусь в конце июля.

Отвечаю по порядку.

Дурново в ссылке, Поливанов также. Вообще переписка с тамошними учёными в настоящих условиях почти невозможна. Ты наивно себе представляешь причины травли против Пешковского. Твоя книга сейчас вовсе не к двору, там просто и в грамматике, и в других научных областях откровенный консерватизм, тяга к старинке, требования правоверного историзма, ненависть к теории; «есть» — глагол 3 лица, — синхрония отвергается и т. д. Наконец не приняли бы книгу заграничника, а если бы и приняли, гонорар за границу ни под каким видом не посылают.

Решительно не согласен ни с твоим атомистическим толкованием генитива, ни с обвинением моей работы о падежах[92] в «механистическом уклоне». Думаю, что это наоборот подступ к диалектической интерпретации языка, равно как и фонология. А твоей статьи о падежах жду, разумеется с живейшим интересом. Жаль, что время для научной работы мало приспособлено. Сейчас, поскольку есть время, вгрызаюсь в систему глагольных и местоимённых категорий.

[91] Не удалось точно установить, о каком журнале (или сборнике статей) упоминает Р. О. Якобсон. Не исключено, что имеется в виду французский журнал *L'Éveil* (название которого может быть переведено как «Пробуждение» или «Рассвет»).

[92] Вероятно, речь идет о статье «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, Gesamtbedeutungen der russischen Kasus», которая выйдет в 1936 г. (TCLP. VI. C. 240–288).

Сердечный привет Евгении Евгеньевне и, если будешь писать, Светлане. Жалею, что не удалось нам в своё время убедить остаться в Чехословакии. Крепко жму руку.
Твой *Р. Якобсон*

[*Я16*]

12.XI.33

Дорогой Сергей Иосифович,

Не сердись, друг мой, что так долго не писал тебе. Я свёл было на нет всю свою переписку. Настроение было неэпистолярное. Судьба моя терпела (если суждено нам с тобой v dohledné době[93] встретиться, расскажу, писать об этих делах нет охоты), моё назначение так и не состоялось, и читаю курс в качестве бесплатного приват-доцента. Происки врагов, умело использовавших кризис, — детективный роман, да нет — в 100 раз гаже, а кризис усиливается, доходы сокращаются, а тут ещё в связи с немецкими событиями все родные растеряли заработки, родители переехали ко мне, один брат силится найти заработок в Лондоне и т. д. Как видишь, весёлого мало. Бросим об этом.

Прежде всего, Вас обоих поздравляю; думаю, что всё, что делает Светлана, к лучшему. В одиночестве ей бы было психологически слишком тяжело. Она очень повзрослела, встала на ноги, проще смотрит на жизнь, — от всей души желаю им обоим устроиться в Америке.

Твои вопросы, можно ли здесь продать грамматику и т. д., показывают мне, что ты не совсем ясно себе представляешь или — точнее — совсем не представляешь, насколько ухудшилось экономическое положение в Средней Европе. Здесь сейчас ни на какие научные предприятия денег получить нельзя.

Лингвистический кружок печатает в долг и т. д. Сейчас печатается 2ая часть нашей коллективной *Description phonologique du russe moderne* — Морфонология Трубецкого[94]. Он послал тебе корректуру, почему ты не откликнулся, не послал замечаний?? Заканчивается моя часть — общая фонология слова. Весной надо сдать в печать 3[ью] часть — синтаксическую фонологию (твоя работа — фонология русской фразы и статья Трубецкого о фонологии синтагмы, т. е. о фонологических средствах, выделяющих слово в словосочетании). Твоя часть (пиши как хочешь — по-русски или по-французски) будет, по-моему, не так уж велика и не может отнять у тебя много времени. Она должна трактовать о паузах, cadence, mi-cadence, anti-cadence, inclusive[95], и т. д., о фразном ударении, т. е. иерархии ударений, разлагающейся на пары déterminant — déterminé[96], и об отношении русской интерпункции и фонологии фразы. В связи с последним отделом я готов послать тебе, как только мне напишешь, 3 номера Русского языка в советской школе с дискуссией

[93] Скоро (*чешск.*)

[94] Выйдет в 1934 г.: TCLP v_2 — Description phonologique du russe moderne — Deuxième partie — N. Trubetzkoy: Das morphonologische System der russische Sprache (Морфонологическая система русского языка). Prague, 1934. P. 94.

[95] Каденция, полу-каденция, анти-каденция, включение (*франц.*).

[96] Определяющее — определяемое (*франц.*).

о знаках препинания и принципиальную брошюру, несколько напутавшего шведа Линдрота[97] об интерпункции. Срочно напиши о себе, об Евгении Евгеньевне, которой сердечно кланяюсь, и о том, когда рассчитываешь сдать нам эту работу, которая немедленно пойдёт в набор. Не подводи! Крепко жму руку и обнимаю.

Твой *Р. Якобсон*

Brno, Wawirova 67

P. S. О Риме[98] ты наверное уже слышал подробно от Сешеэ. Приветы ему и Bally. Конгресс был жидковат, а Италия замечательна и отдохновенна.

[*Я17*]

[1935 г.]

Дорогой Сергей Иосифович,

Пришли, пожалуйста, *короткую* заметку о чествовании Bally[99] и твоём выступлении для журнала Slovo a slovestnost, который ты уже, наверное, получил, а если АЧ(?)[100] не получил, черкни Prof. Havránhovi, Brno Universiteta (fil. fak?). Равно пришли мне для печатных протоколов Кружка *краткое* резюме твоего доклада о реформе русской орфографии[101]. Что с твоей русской грамматикой? И вообще, что делаешь? В кружке работа оживлённая, много докладов и много возни с журналом, опытом практической и плановой постановки вопросов языковой культуры. У меня лично мало нового. Хотелось бы попасть на лондонский школьный фонетический и фонологический съезд[102]. Удастся ли, ещё не знаю. Пишу главным образом на местные темы, но задумываюсь и о темах <…>

[*Я18*]

(Brno, 2.VII.36)

Дорогой Сергей [Сергеевич <зачеркнуто>] Иосифович,

Бессовестно долго не писал тебе и Евгении Евгеньевне, хотя вспоминаю вас обоих очень часто и при встречах почти ежедневных с Софией Николаевной, с которой у нас по-прежнему крепкая дружба, и при недавних беседах с Николаем Сергеевичем[103], который приезжал в гости. Я не писал в этом году никому, исключительно потому что затянула многослойная работа, преподавание, к которому я только теперь стал привыкать, я ведь никогда не учил, и разнотемная своя на-

[97] Lindroth — финский лингвист.

[98] В Риме состоялся 3-й Международный конгресс лингвистов (с 19 по 26 сентября 1933 г.).

[99] На 70-летие Шарля Балли (1865–1947).

[100] В рукописи не вполне очевидно, написано АЧ или АУ. Также не удалось установить, о ком идет речь.

[101] Это выступление — «Réforme de l'orthographe russe» (О реформе русской орфографии) состоялось 6/X-1934 (см. **Т5**).

[102] 2-й Международный конгресс по фонетическим наукам (Лондон, 22–26 июля 1935 г.)

[103] Трубецким.

учная работа, и наконец всяческая организационная работа, приходилось спасать Кружок и жестоко отбиваться от махровых мракобесов à la Weingart. Но, не сглазить, жаловаться не могу, Кружок крепок и готовится к празднованию (осенью) 10-ой годовщины (помнишь организацию собрания у Матезиуса — ты, Трнка, Гавранек, я — 10 лет т. н.!); университетскими учениками я доволен, они кажется мною, а о своих работах напишу тебе особо, скоро, сейчас бьюсь, кажется успешно, над общими значениями русских падежей. Личная жизнь тоже сложилась хорошо. Очень хотелось бы с Вами обоими повидаться, но где, когда? Напишите о себе, Светлане, Игоре, планах, готовом и задуманном. Я бы в Рим заглянул, если бы не связывало по рукам и ногам безденежье, всё лето будем в Брне, только, может быть, поеду на лингвистический съезд в Копенгаген[104], если дадут на это денег.

Сейчас у меня к тебе срочное дело: обстоятельства сложились так, что можно *на выгодных условиях* издать твою русскую грамматику *по-чешски* в чешском государственном издательстве. Срочно сообщи, когда можешь прислать рукопись для перевода и приспособления к чешским языковым навыкам. Есть у Гавранека и у меня ученик, который с этой работой справится, прилично владеет и русским и французским и превосходно знает твои работы. Пришли мне доверенность для ведения переговоров и заключения договора с издательством. Надо ковать железо, пока горячо (здешняя дружба с Москвой, и моя со здешним государственным издательством).

Обоих Вас крепко обнимаю.

Ваш *Роман Якобсон*
Brno, Barviče 27

P. S. Соня всё собирается написать, на днях напишет, она очень счастлива, но здорово устала от работы и собирается на 3 недели в Югославию.

[*Я19*]

27 IV 37

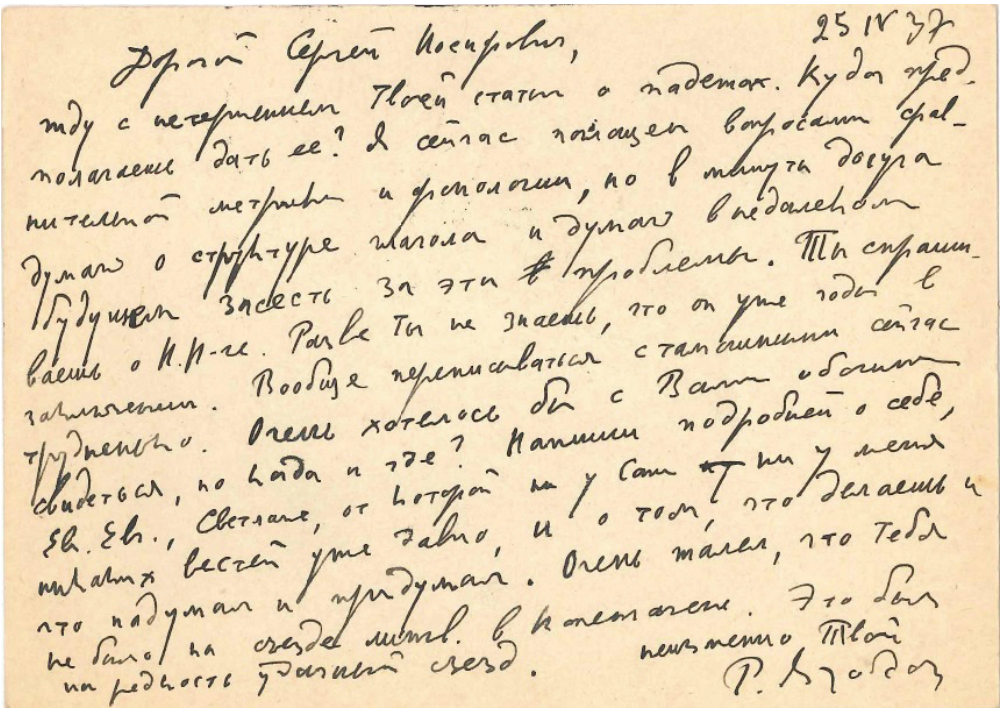
Дорогой Сергей Иосифович,

Жду с нетерпением твоей статьи о падежах. Куда предполагаешь дать её? Я сейчас поглощён вопросами сравнительной метрики и фонологии, но в минуты досуга думаю о структуре глагола и думаю в недалёком будущем засесть за эти проблемы. Ты спрашиваешь о Н. Н-че[105]. Разве ты не знаешь, что он уже годы в заключении. Вообще переписываться с тамошними сейчас трудненько. Очень хотелось бы с Вами обоими свидеться, но когда и где? Напиши подробней о себе, Евгении Евгеньевне, Светлане, от которой ни у Сони, ни у меня никаких вестей уже давно, и о том, что делаешь и что подумал и придумал. Очень жалел, что тебя не было на съезде лингвистов в Копенгагене. Это был на редкость удачный съезд.

Неизменно твой *Р. Якобсон*

[104] 4-й Международный конгресс лингвистов проходил в Копенгагене 25 августа — 1 сентября 1936 г.

[105] Н. Н. Дурново.



Я19 — открытка от Р. О. Якобсона от 27/IV–1937 г. (AAP/2012/16/14/1)

[*Я20*]

Дорогой Сергей Иосифович,

Всё не могу принять к сведению утрату Николая Сергеевича[106] навсегда. Я привык писать для него, придумывать для него. Невероятная тоска и одиночество. Ты где-то в недоступной дали, российские лингвисты за китайской стеной, ни слуху, ни духу. Ещё в дни Гааги и Женевы[107] казалось, как блестяще может развернуться русская лингвистика, такая спаянная единой закваской и ударная. Враждебность обстановки оказалась сильнее нас. Николай Сергеевич в могиле, Поливанов и Дурново в тюрьме. Дорогой друг, есть ещё порох в пороховнице: пока мы не сломлены и живы, мы должны работать до потери сил над фундаментом структуральной лингвистики, который западным работникам не по силам. Николай Сергеевич в нас обоих верил.

О его последних месяцах строго доверительно, чтоб не повредить семье и не лишить её и без того тощей пенсии. При его болезни (грудная жаба) ему нужно было прежде всего спокойствие, а он тяжело переживал агонию Австрии; как раз в дни этой агонии слёг в больницу, в страшном угнетённом состоянии наблюдал

[106] Н. С. Трубецкой скончался 25 июня 1938 г.

[107] 1-й и 2-й Международные конгрессы лингвистов в 1928 (Гаага) и 1931 гг. (Женева).

оттуда за той свистопляской варварства, которая охватила Вену. Он ещё недавно открыто говорил, да и писал против идеологии нацизма, режим это помнил, в день его возвращения домой из больницы гестапо провело у него дома суровый обыск и допрос, отобрало его переписку, список адресов его друзей, архив фонологической ассоциации и т. д. Результатом было два тяжёлых сердечных припадка. Лечение пошло на смарку. Начавшийся разгром университета, перспектива увольнения на пенсию и плачевное положение детей его мучили. Он вернулся в больницу, всё слабел и скончался внезапно от разрыва сердца, как в 1905 г. его отец, ужаснувшийся перед упрямой слепотой режима.

Первый объёмистый том Основ фонологии почти дописан (оставалось страниц 20), и Кружок его осенью издаст[108]. Рукописное наследие Николая Сергеевича очень богато, и, если удастся своевременно и с толком издать его, научный свет впервые увидит Трубецкого во весь рост. Хлопот в связи с этим много при нынешней стене между нами и Веной, сам понимаешь! Фонологический том Travaux[109], о котором я тебе писал будет посвящён памяти Николая Сергеевича. Надеюсь на твою статью[110]. Пришли до середины сентября. Думаю, что по материалу для тебя будет интересна работа Травничка, ставящая при всём своём атомизме именно вопрос о связи междометий и союзов (*Trávníček F.* Neslovesné věty v češtině. I, Věty interjekční // Spisy fil. fak. Masarykovy univ. v Brně. 1930. Č. 1).

Если её нет в Женеве, черкни — я раздобуду её для тебя в нашем университете. О своих ты написал сбивчиво мимоходом. Что было со Светланой? Почему она в Женеве? Где её муж? Как здоровье Евгении Евгеньевны, которой (равно как и Светлане) горячо жму руку? Что Игорь?

Я обещал Николаю Сергеевичу не сдрейфить нынешний фонетический съезд в Генте[111]. В воскресенье лечу туда (ехать не могу). На днях вернусь. Пиши! Вспоминаю безмятежные дни, точнее ночи пражского этнографического съезда, когда ты, Николай Сергеевич и я бродили сонным городом, и слёзы навёртываются на глаза. Злое и бессмысленное время!

Показал тебе Séchehaye мою статью[112] для сборника Bally? Как он к ней отнёсся? *А у тебя нет ли замечаний*? В Генте читаю доклад о фонологической систематике согласных[113], конспект большой, ещё только скроенной работы, кото-

[108] «Grundzüge der Phonologie» (TCLP. VII. Prague, 1939. 271 c.).

[109] Études phonologiques dédiées à la mémoire de M. le Prince N. S. Trubetzkoy. Publiées avec l`appui de l'Instituttet for sammenlignende kulturforskning et du Ministère de l'instruction publique à Prague // TCLP. VIII, Prague, 1939. 345 c.

[110] Среди авторов тома фамилии Карцевского нет. Но в архиве, хранящемся в ИРЯ (фонд 16), найдена рукопись статьи, посвященной памяти Н. С. Трубецкого, и датированной IX.40: «Les Quatre plans sémiologiques de la phrase» (Четыре семиологических плана языка), см. [Karcevski 2000: 256–259].

[111] 3-й Международный Конгресс по фонетическим наукам состоялся в Генте с 18 по 22 июля 1938 г.

[112] «Signe zéro» (Нулевой знак). С. 143–152.

[113] «Observations sur le classement phonologique des consonnes» (Заметки о фонологической классификации согласных) // Proceedings of the 3rd International Congress of Phonetic Sciences. Gand, 1939.

рую считаю своею лучшей. Основная мысль — последовательно дихотомическое строение фонологической системы, которая *целиком* сводится к нескольким дифференциальным свойствам, образующим бинарные противопоставления. Словом, до логического конца додуманное соссюрианство.

Обнимаю.

Твой *Р. Якобсон*
14 VII [- 38[114]]

Письма от Н. С. Трубецкого

Источник: AAP/2012/16/15/1-2

[*T1*]

7 апреля 1931

Дорогой Сергей Осипович!

Относительно доклада о евразийстве мне пока трудно дать определённый ответ. Признаться, я на эту тему сейчас мало думаю. Впрочем, времени ещё очень много, и загадывать ещё рано. Так что позвольте окончательно ответить на этот вопрос по позже.

Свидеться до конгресса[115] нам будет трудно. Мои финансы не позволяют думать о далёкой поездке. На конгресс я приеду. На это я надеюсь получить деньги из своего министерства. Но на то, чтобы провести несколько недель заграницей, у меня денег не хватит.

Ваш ответ на 3-й пункт анкеты[116] я прочёл внимательно (во второй редакции) и расхождения никакого не нашёл. Вы признаёте правомерность фонологии морфологического плана, — а это и есть морфонология. Работая над русской морфонологией, я пришёл к выводу, что существуют определённые законы морфологического применения фонологических различий. Я делю альтернации на коррелятивные (когда чередуются коррелятивно-различные фонемы), дизъюнктивные (когда чередуются фонемы дизъюнктно-различные) и альтернации выпадения (когда чередуются фонема и её отсутствие), при чём все три типа имеются как в вокализме, так и в консонантизме. Так вот оказывается, что альтернации дизъюнктивные (например, чередование *o~a*, *e~o*, *t~č*, *g~ž*, и т. д.) в русском языке допускаются только для последнего элемента морфемы (т. е. для конечной согласной или для гласной последнего слога многосложной морфемы), альтернации же коррелятивные (например, чередо-

[114] Добавлено (кем?) красным карандашом.

[115] Речь идет о 2-м Международном конгрессе лингвистов, который состоялся в Женеве с 25 по 29 августа 1931 г.

[116] Вопрос был «Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue» (Фонологические системы, рассматриваемые сами по себе и в их отношении к общей структуре языка), ответ Карцевского опубликован в «Actes du IIe congrès international des Linguistes» (Paris, 1933. P. 114–116); текст переиздан нами, см. [Karcevski 2000, p. 9–11].

вание ударяемой и безударной гласной, твёрдой и мягкой согласной) — допускаются как для последнего, так и для первого элемента морфемы (например, начальной согласной или для гласной первого слога многосложной морфемы). К какой части грамматики или учения о русском языке этот закон относится? Ни к чистой фонологии, ни к чистой морфологии. Вот для таких-то явлений и нужна морфонология.

Что касается до русского ударения, то моя точка зрения — следующая. Корреляция интенсивности в русском языке существует, но «ударяемые» гласные являются не признаковыми, а беспризнаковыми членами этой корреляции. Поэтому, приходится говорить не о «ударяемых» и «неударяемых», а о «редуцированных» и «нередуцированных» слогах. В контексте речи нередуцированные гласные могут реализоваться как долгие и ударяемые, но это — вторичный, а не первичный признак. Между прочим, такое понимание русских просодических отношений хорошо объясняет русскую метрику, тот факт, что русские метрические схемы указывают только место неударяемых (= редуцированных) гласных: например, ямб — «стих, в котором все нечётные слоги редуцированы» (— почему, например, стих «и демоны глухонемы» может быть и четырёхстопным ямбом, и трёхстопным амфибрахием). Это конечно только в том случае, если признать, что «безударность» (точнее «редуцированность») для русского языкового сознания не отрицательный, а положительный признак.

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[*T2*]

14.VI. 1931

Дорогой Сергей Осипович!

Мне ужасно совестно, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Хотелось ответить подробно по тем научным вопросам, которые Вы затронули. А времени не было. Вот я всё и откладывал. А теперь с ужасом вижу, что прошло уже больше месяца…

Лекцию о евразийстве прочту. Мне удобнее читать по-немецки, если позволите. Напишите, на сколько времени я могу рассчитывать. Тема обширная. Пожалуй, в один час не уложишь. Впрочем, постараюсь. Сообразите также, когда именно читать лекцию. Имейте в виду, что кроме заседаний конгресса, в Женеве придётся принять участие ещё в заседании нашего фонологического союза, далее славянской комиссии по обследованию «структуральной грамматики» славянских языков и в комиссии по составлению лингвистического атласа славянского мира (последнее предполагается устроить до начала конгресса).

Если я предпочитаю термины «редуцированные» и «нередуцированные» терминам «неударяемые» и «ударяемые», то исключительно потому, что для русского языкового сознания нормальным, «беспризнаковым» членом корреляции является ударяемая гласная: желая представить себе «гласную вообще» мы непременно представляем себе гласную ударяемую. А, раз она для нас нормальная, беспризнаковая, то и надо назвать её каким-то отрицательным термином. Психологическое содержание

этих понятий мне представляется таковым: нередуцированная гласная, это гласная «полная» обладающая всеми акустическими и артикуляционными признаками гласной (количеством, силой, качественной точностью и определённостью, звучностью) во всей их полноте; редуцированная же гласная это гласная неполная, приглушённая, обладающая теми же акустическими и артикуляционными признаками гласной лишь в урезанном виде. Степень этой урезанности, конечно, может быть различна (во-первых, в зависимости от положения по отношению к ударению, во-вторых в зависимости от темпа, эмоциональной окраски и проч.), но это явления внефонологические. Фонологическим остаётся только основное противуположение гласных «неурезанного свойства» гласным «урезанного свойства». Гласных фонем неурезанного свойства в русском языке пять. Гласных же фонем урезанного свойства — три, всего три. Все остальные фонетические варианты. Так *ă* встречается только в начале слова, после гласной и в непосредственно предударном слоге после парнотвёрдых согласных (и после *ц*), а *ъ̆* («ъ») как раз в этих положениях не встречается, зато встречается во всех других: следовательно *ə* и *a* комбинаторные (обусловленные положением) варианты одной фонемы и т.д. Такие случаи, как *štă**n**a**m* ~ *štъ̆ n**a**m* («штанам ~ что нам»), где *ă* и *ъ̆* как будто оказываются в одном и том же положении, конечно, не противоречат правилу, ибо правила фонетической реализации безударных фонем действуют только в пределах словесных единиц, союзы же в русском языке являются хотя и безударными, но всё же всегда автономными словесными единицами. Точно также обстоит дело в случаях вроде *ĭzъ̆brăz'**i**t'* ~ *ĭzăbrăz**o**f* («изобразить ~ из образов»). Во всех этих случаях различие фонетической реализации фонемы *ă* то в виде *a*, то в виде *ə* служит средством для обозначения границ словесной единицы. Иначе говоря, различие между *ə* и *a* в таких случаях (т.е. в таких как «что нам» ~ «штанам», «изобра[зить]» ~ «из обра[зов]») внешне обусловлено положением словесной границы, а, следовательно, это есть различие не двух фонем, а двух комбинаторных вариантов одной фонемы. — Что касается до взаимоотношений между системой ударяемых и неударяемых гласных, то, мне кажется, здесь надо различать две точки зрения: просто-фонологическую и морфонологическую. С просто-фонологической точки зрения имеются три пары фонем u~ŭ, a~ă, i~ĭ объединяемые в архифонемы *U, A, I*, и, кроме того две одиночные фонемы o, e известные лишь в ударяемом виде и не имеющие при себе неударяемых эквивалентов. С точки же зрения морфонологической существуют альтернации, а) чисто динамические (силовые) *a~ă*, *u~ŭ*, *i~ĭ* и б) качественно-силовые *o~ă*, *e~ĭ* (а после мягких также *o~ĭ, a~ĭ*), объединяемые в морфонемы *U, O, A, E, I*. Что же касается до чередования *ъ̆~ă* (pă**d**-[d**u**bъ̆m] ~ pъ̆**d**-[dŭb**a**m'ĭ]), то оно ни фонологическое, ни морфонологическое, а просто фонетическое.

В нынешнем семестре я читаю русский глагол (сначала историческое, потом статическое описание). По этому случаю внимательно проработал Ваше Système du verbe russe. Мне кажется, что Ваше изложение не вполне эмансипировано от графики. Многие «неправильности» в системе глагола существуют только на письме. Так, многие глаголы, относимые Вами к непродуктивным типам, в живом произношении относятся к типам продуктивным: например, глаголы *сеять, веять,*

лаять, маять[117] и т. д. произносятся фактически *s'ejĭt', v'ejĭt', lajĭt', majĭt'*, т. е. относятся к четвёртому продуктивному типу (как *сто́ить*); то же относится к глаголам *видеть, обидеть, зависеть, слышать* (ср. *ладить, повысить, нарушить*). Глаголы *держать, дышать*[118] отличаются от типа *тягаться* (*тяжутся*), *пахать* (*пашут*) только согласными альтернациями, глагол *мяукать* ничем не отличается от типа *плакать* и т. д. Если всё это принять во внимание и, кроме того, вычеркнуть из Вашего списка целый ряд совершенно неупотребительных в литературном языке глаголов (вроде *жёлкнуть*, *шепетать* и пр.) то окажется, что глаголов, принадлежащих к непродуктивным типам, в русском языке гораздо меньше, чем считаете Вы, и, во-вторых, что самые границы между отдельными непродуктивными типами надо передвинуть.

Но, в общем, несмотря на такие частичные промахи, Ваша книга замечательна, и чем дольше и внимательнее её изучаешь, тем больше в этом убеждаешься. Ce livre gagne à être connu[119].

Я приеду в Женеву дня на два раньше начала конгресса. Денег у меня будет мало. Поэтому, очень прошу Вас подъискать для меня комнату как можно подешевле. Удобств не нужно никаких (разумеется, за исключением клозета). Главное, чтобы подешевле.

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[*T3*]

6.VII.1933

Дорогой Сергей Осипович!

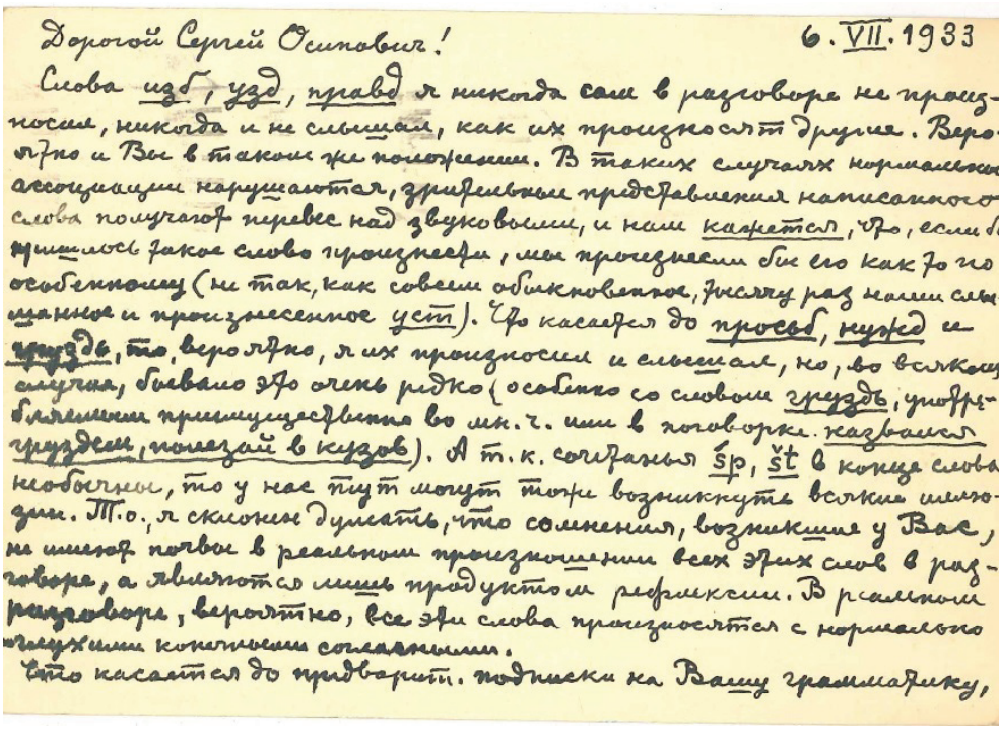
Слова *изб*, *узд*, *правд* я никогда сам в разговоре не произносил, никогда и не слышал, как их произносят другие. Вероятно, и Вы в таком же положении. В таких случаях нормальные ассоциации нарушаются, зрительные представления написанного слова получают перевес над звуковым, и нам *кажется*, что, если бы пришлось такое слово произнести, мы произнесли бы его как-то по-особенному (не так, как совсем обыкновенное, тысячу раз нами слышанное и произнесённое *уст*). Что касается до *просьб*, *нужд* и *груздь*, то, вероятно я их произносил и слышал, но, во всяком случае, бывало это очень редко (особенно со словом *груздь*, употребляемым преимущественно во мн. ч. или в поговорке *назвался груздем, полезай в кузов*). А т. к. сочетания *s'p*, *št* в конце слова необычны, то у нас тут могут тоже возникнуть всякие иллюзии. Таким образом я склонен думать, что сомнения, возникшие у Вас, не имеют почвы в реальном произношении всех этих слов в разговоре, а являются лишь продуктом рефлексии. В реальном разговоре, вероятно, все эти слова произносятся с нормально глухими конечными согласными.

---

[117] Эти глаголы С. Карцевский относит к группе A (-at'/-ut) непродуктивных глаголов (§ 8) (Из лингвистического наследия-2. С. 89–91).

[118] Группа B (-at'/-at) у Карцевского, там же (Из лингвистического наследия-2. С. 93).

[119] Эта книга заслуживает того, чтобы ее читали (*франц.*).



Дорогой Сергей Осипович! 6.VII.1933

Слова изб, уздá, правд я никогда сам в разговоре не произношу, никогда и не слышал, как их произносят другие. Вероятно и Вы в таком же положении. В таких случаях нормальные ассоциации нарушаются, зрительные представления написанного слова получают перевес над звуковыми, и нам кажется, что, если бы пришлось такое слово произнести, мы произнесли бы его как-то по особенному (не так, как совсем обыкновенное, тысячу раз нами слышанное и произнесенное уст). Что касается до просьб, нужд и груздь, то, вероятно, я их произношу и слышал, но, во всяком случае, бывало это очень редко (особенно со словом груздь, употребляемым преимущественно во мн. ч. или в поговорке. назвался груздем, полезай в кузов). А т.к. сочетания šp, št в конце слова необычны, то у нас тут могут тоже возникнуть всякие затруднения. Т.о., я склонен думать, что сомнения, возникшие у Вас, не имеют почвы в реальном произношении всех этих слов в разговоре, а являются лишь продуктом рефлексии. В реальном разговоре, вероятно, все эти слова произносятся с нормально звучащим конечным согласным.

Что касается до предварительной подписки на Вашу грамматику,

Т3 — открытка от Н. С. Трубецкого от 6/VII–1937 г. (AAP/2012/16/15/1-2)

Что касается до предварительной подписки на Вашу грамматику, то при современном хозяйственном состоянии Европы трудно ручаться за будущее. Сейчас в Вене ещё можно найти несколько подписчиков, для которых 6 фр. не составили затруднения. Но дела идут всё хуже и хуже, и положительно нельзя знать, найдутся ли подписчики, скажем, через три месяца…

Искренне уважающий Вас

Н. С. Трубецкой

[*T4*]

9.IX.1933

Дорогой Сергей Осипович!

Моя часть нашей коллективной работы[120] сдана в типографию и начала набираться. Мы с Романом Осиповичем решили[121] для бóльшей согласованности просматривать корректуры втроём. Править корректуру буду я, но по одному эк-

[120] Description phonologique du russe moderne, deuxième partie — N. Trubetzkoy: Das morphonologische System der russischen Sprache (Фонологическое описание современного русского языка, часть вторая — Н. Трубецкой: Морфонологическая система русского языка) // TCLP. ii. Prague, 1934. 94 p.

[121] Наверное, когда встречались в Вене в апреле 1933 г.

земпляру будете получать и Р. О. и Вы, при чём я очень прошу Вас немедленно сообщать мне все замечания, которые возникнут у Вас при просмотре текста. Если таких замечаний наберётся много, и они окажутся существенными, я учту их в послесловии к своей работе[122].

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[*T5*]

Вена, 24 мая 1936 г.

Дорогой Сергей Осипович!

Вашу рукопись[123] я прочёл с большим интересом. Замечания к ней имею следующие:

1) Непонятно, зачем вводить в русскую азбуку буквы *i, j* в замен уже существующих *и, й.* «Интернациональность» *і* не есть аргумент, поскольку сама кириллица сохраняется. Если взять одни только азбуки, основанные на кириллице, то окажется, что, как раз, наоборот, *и* гораздо «интернациональнее» чем *і*, ибо оно имеется как единственное обозначение фонемы [*i*] не только в русской, но и в болгарской, в сербской, в мордовской, в марийской (черемисской), удмурской (вотской), в комийской (зыряжской) и в чувашской кириллице (а до перехода румын на латинский алфавит существовало и у них; если не ошибаюсь оно и сейчас существует в молдавской кириллице); в украинской кириллице *и* существует, хотя, правда, с иным звуковым значением. Единственной кириллицей, в которой фонема [*i*] обозначается исключительно буквой *і*, а буква *и* совсем не существует, является кириллица белорусская. При таких условиях, с точки зрения кириллицы, *і* никак нельзя считать более интернациональной буквой чем *и*. Что касается до *j*, то буква эта обозначает «*й*» только в алфавитах «средней» Европы: в скандинавских (включая и финский), в балтийских, западных и восточных славянских, в немецком, венгерском и албанском. Во всех этих алфавитах буква *y* либо вовсе не существует, либо означает гласную верхнего образования (лабиализованную — в скандинавских алфавитах, нелабиализованную — в славянских), либо, наконец, служит простым орфографическим знаком. Напротив, в алфавитах западной Европы звук

[122] Об этой работе Н. С. Трубецкой 10/V-1933 писал Р. Якобсону: «Имеющаяся у Вас рукопись моей морфонологии представляет из себя уже третью переработку. Четвёртый раз я её перерабатывать положительно отказываюсь» (письмо CXV) [Трубецкой 2004: 274].

[123] Вероятно, первый вариант статьи «Sur la rationalisation de l'orthographe russe» (О рационализации русской орфографии), опубликованный в 1937 г. в сборнике «Белићев Зборник» (Београд. С. 31–38). До этого по этой же проблеме С. Карцевский выступил в Пражском лингвистическом кружке 6/X-1934 с докладом «Réforme de l'orthographe russe» (Реформа русской орфографии). Относительно этого письма Н. С. Трубецкой писал Р. Якобсону: «Карцевский мне прислал на просмотр рукопись своей статьи о реформе русской орфографии (по-французски): немного лучше, чем то, что он читал в Праге, но всё-таки очень слабо. Я подробно разобрал его теории на целых шести страницах и отослал ему обратно» (письмо CLV) [Трубецкой 2004: 358].

«*й*» обозначается буквой *y*, а буква *j* обозначает «*ж*» (во французском), «*дж*» (в английском, португальском) или «*х*» (в испанском). Эта западноевропейская трактовка букв *j* и *y* постепенно ширится и распространяется по всему миру. Она проникла не только к румынам (*j* = *ж*, *y* = *й*), но и к туркам, и к японцам, и является в настоящее время нормальной при транскрипции разных азиатских алфавитов. В СССР в настоящее время латинский алфавит утвердился у всех тюрков (кроме чуваш), у калмыков, у всех племён Северного Кавказа, у народов крайнего севера Сибири и у цыган, — при чём повсюду фонема «*й*» передаётся через *y*, а буква *j* обозначает, смотря по языку, «*ж*» или «*дж*». Таким образом, для СССР употребление *j* в значении «*й*» совсем неестественно. Положение тут совсем не то, что в Сербии при Вуке Караджиче. — Что касается до других аргументов в пользу *i* и *j*, то они ещё менее состоятельны. Минимальная экономия места аннулируется стоимостью отливки новых букв и переделки пишущих машин. Кроме того, точка над *i* представляет неудобство при писании, а при печатании быстро стирается, вызывая необходимость более частой по сравнению с другими буквами отливки соответствующего типографского знака. Все эти соображения учитывались в своё время комиссией Академии Наук и склонили её в конце концов к тому, чтобы выбрать не *i*, а *и*.

2) Вы совершенно правильно отмечаете, что, тогда как для фонем [U], [O] и [A] основными буквами являются *у, о, а*, а буквы *ю, ё, я* только «графическими вариантами», для фонемы [I], наоборот, основной буквой является *и*, а *ы* только «графическим вариантом». Но, если так, то зачем же писать «*жыр, шыло, цырк*» с одной стороны и «*чяс, чюдо, чёрт*» и т. д. с другой? «Графические варианты» имеют смысл только там, где невозможно употребление «основных букв», т. е. там, где написание основной буквы вызвало бы неправильное произношение. Графика должна считаться не с фонетикой, а с фонологией и морфологией. С фонологической точки зрения *ж*, *ш* и *ч, щ* совершенно равноценные: всё это фонемы, не знающие «мягкостной корреляции», т. е. противопоставления «твёрдость : мягкость». С морфологической же точки зрения все эти согласные тоже однородны, ибо все они, не участвуя в мягкостной корреляции, тем не менее трактуются как мягкие согласные. Вводя написание «*лежыт, слышыт*», Вы нарушаете принцип оптического единства морфемы (один из основных принципов русского правописания) без достаточного на то основания.

3) Фонема «j» принадлежит к такому же классу фонем, что *ш, ж, ч, щ* и *ц*. Фонетически она мягка и действует на соседние звуки совсем так, как прочие мягкие согласные (ср. закрытое произношение *е* перед *j*, произношение *а* как *ä* в таких случаях как *яйца, чай, ящик*). Морфологически она ничуть не более «нейтральна» чем *ч* и *щ*, Вы приводите род. мн. *имений*, но сравните с этим род. мн. *женщин*, *плеч*. «j» выступает в таких положениях и формах, в которых настоящие твёрдые согласные немыслимы, например, перед мягкими окончаниями II и III ед. и I, II мн. ч. (*даёшь, даёт, даём, даёте; стоишь, стоит, стоим, стоите*). Тип *стою — стоишь — стоять* допускает в конце основы только *j, č, ž, š* и т. д. Словом, Вам не удалось доказать, что *j* должно трактоваться иначе, чем *ч* и *щ*, и доказать этого вообще нельзя.

А если так, и если после *ч* и *щ* Вы предлагаете писать *ё*, *ю*, *я* (*плечё, плечю, плечя*; *плащ — плащя, плащём*), то также следует трактовать и «*j*», т. е. писать *jёлка, jюла, jяма, mojё, mojю, mojя*. Но, в таком случае, ясно, что написание без *j* гораздо целесообразнее, особенно, если перед *i* по-Вашему всё равно не надо писать *j* — по крайней мере не после согласных. Выходит, что, приняв Вашу реформу написания гласных после *ж, ш, ч, щ, ц*, мы последовательно должны отказаться от писания *й* (*j*) в начале слова и между гласными. Остаётся положение после согласной: но писать ли *вйюга, разйяснени*е, или *вьюга, разьяснение* (с ь, конечно, не с ъ и не с апострофом) — это в общем совершенно безразлично.

Спасти *j* (*й*) можно, таким образом, лишь установив принцип, что «графические варианты» гласных (а также и ь) пишутся только там, где мягкость или твёрдость предшествующей согласной должна быть указана; после же букв, обозначающих согласные всегда твёрдые (*ж, ш, ц*) или всегда мягкие (*ч, щ, й*) пишутся исключительно «основные» гласные буквы: *йуг, йолка, йама, йехать, йих, чудо, чолка, час, жир, шить, цирк*, и т. д.

4) Введение одного обозначения для *i* (*й*), как Вы совершенно правильно указываете упраздняет необходимость буквы э. Выкинуть букву из алфавита всегда легко, это не вызывает никаких экономических и технических затруднений. Но вводить новую букву всегда труднее и сложнее. Между тем даже если Ваши *i, j* заменить через *и, й*, в Вашей реформе имеется ещё одна новая буква, именно *ё*. Буква эта, правда, уже не нова. Но практически она существует только в учебниках для начальной школы. Не только в провинциальных типографиях, но и в большинстве столичных соответствующей буквы просто нет. Таким образом, практически, надо отливать новую букву, и соответственно переделывать пишущие машинки. А раз так, возникает вопрос: почему вводить именно *ё*, а не какую-нибудь другую более удобную букву, без двух точек, столь неудобных и для письма и для типографии? В разных «латинизованных» алфавитах СССР, очень распространена «ѳ», — обычно со значением ö. Гораздо лучше было бы ввести в русскую азбуку именно её, — в значении «графического варианта» буквы *о* в положении после мягких согласных. Старую «фиту» все давно забыли, так что ассоциация с ней больше не опасна.

5) Как бы то ни было, введение новой буквы (*ё* или *ѳ*) необходимо только в силу того обстоятельства, что фонема [О] в русском языке может стоять и после твёрдых и после мягких согласных, а, следовательно, должна иметь два обозначения, одно — основное, другое «графический вариант», по аналогии других гласных фонем, допускаемых после твёрдых и после мягких. Это вытекает из основных принципов русской системы письма. Но если уж держаться этих принципов, то держаться до конца и последовательно. Между тем Вы хотите нарушить один из этих принципов, именно, принцип, что различия, обусловленные ударяемостью и безударностью, в письме не обозначаются. Принцип этот совершенно так же важен, как и принцип обозначения мягкости согласных при помощи ь и особых графических вариантов гласных. Оба принципа логически вытекают из одного ещё более основного, именно, — из принципа сохранения графического единства

морфемы. Дело[124] в том, что (как я постарался показать это в своей русской морфологии) чередование мягких и твёрдых согласных в конце морфемы и чередование ударяемых и безударных гласных являются двумя единственными живыми и продуктивными «коррелятивными альтернациями» русского языка. Почти всякий корень, заключающий в себе гласную и кончающийся на согласную, участвует в обеих этих живых альтернациях(*). И если бы ударяемые гласные обозначались не теми же буквами, как безударные, а мягкие согласные — не теми же буквами, как твёрдые, то исчезло бы графическое единство морфемы. От принципа сохранения единства морфемы поневоле приходится отступать там, где имеются «некоррелятивные альтернации» (например, *виж-у, вид-ишь* или *слух — слышать*), но большинство таких альтернаций не продуктивно, а продуктивные среди них ограничены очень небольшой сферой применения. Таким образом, неразличение на письме ударяемых и неударных гласных вытекает из основных принципов русской графической системы и должно строго соблюдаться. Академическая реформа совершенно правильно устранила одно из отступлений от этого принципа (различие между *-ого* и *-аго*), но не имела смелости устранить и другие отступления (*-ой* и *-ый*), — о чём можно только пожалеть. Вы же хотите ввести новое отступление, охватывающее, как видно из § 6 Вашей статьи очень большое число грамматических категорий. Здесь нельзя ссылаться на то, что буква *ё* и раньше применялась только в ударяемых слогах. Ведь применялась она тогда, когда ещё существовало *ѣ*, и применялась только факультативно, в таком же порядке, как *о́* (*что́*, и пр.). Теперь же после удаления *ѣ*, букву *ё* (*ѳ*) ввести необходимо не как факультативный, а как обязательный графический вариант *о*, — однако, с тем, чтобы она не нарушала основных принципов русской графической системы, т. е. чтобы она писалась как в ударяемых, так и в безударных слогах. Правило для этой буквы должно быть то же, что и для *а, я, о*: в ударяемых слогах она должна писаться согласно произношению, а в неударяемых — в тех случаях, когда данная морфема под ударением содержит эту гласную. Таким образом, если писать *землёй, рублём*, — то и *вишнёй, локтём*, если писать *сёстры*, — то и *сёстра́* и т. д. Если мы находим нужным различать на письме им. пад. *ружьё* [rŭžjo] от предложного падежа *ружье* [rŭžje], то должны различать и им. пад. *море* [morʼə̆] от пред. пад. *море* [morʼĭ], например, фразы [pŕĭvʼot v morʼə̆] «Schwimmen ins Meer» и [pŕĭvʼot v morʼĭ] «Schwimmen im Meer» имеют разные значения и произносятся по-разному, а, следовательно, должны и писаться по-разному.

Таким образом, введение обязательного графического варианта для *о* после мягких согласных влечёт за собой очень радикальные изменения, без которых оно оказывается в противоречии с основными принципами русской графической системы, а, следовательно, и нежизнеспособным в рамках этой системы. Полагаю, что это и было главной причиной, почему *ё* так никогда и не привилось. Дальше факультативного применения *ё* для избежания недоразумений (*все — всё*, *сел — сёл*, *мел — мёл* и т. п.) вряд ли можно идти.

[124] Фрагмент до (*) отмечен на полях синим карандашом [С. Карцевским?].

Теперь несколько более мелких замечаний:

6) В открытом конце слова неударяемое этимологического *а* звучит скорее как *ə̆* чем как *ă* : если писать *ăp'at', dərăvat'*, то нельзя писать *n'an'ă, jĭmskajă, babă*, а уж лучше *n'an'ə̆, jĭmskajə̆, babə̆*; по-моему это тот же звук, что и в заударных слогах внутри слова (*izdə̆mŭ*).

7) На стр. 2 (вторая строчка снизу) у Вас, вероятно, описка *і* вместо *е*[125].

8) Не понимаю, что́ Вы хотите сказать фразой [не под ударением и не в непосредственно предударном слоге] «il faut distinguer entre la syllabe ouverte et la syllabe fermée»[126]. Такого различия, по-моему, нет в русском языке. В заударных *конечных* слогах «я» и этимологическое *е* произносятся после мягких как *ə̆* в *некоторых окончаниях*, — но не обязательно в открытом слоге (например, *душам = dušə̆m, дыням = dyn'ə̆m, морем = mor'ə̆m*.) [Стр. 2 и стр. 5, строчка 15 снизу].

9) То, что Вы пишете о слове *вожжи*, по-моему, лучше вычеркнуть. В Москве в этом слове (как и в *приезжать, мозжевельник, дождик* и т. д.) произносится звонкий эквивалент *щ*. Если в таких случаях после *ж* писать «мягкие» графические варианты гласных, то тем самым *ж* признаётся «парной согласной», а в таком случае надо признать то же самое и относительно *ш* и писать *шшіт*, *шшявель* (или даже просто *шіт*, *шявель* и т. д.) вместо *щит, щавель*. Но тогда нельзя будет обойтись без «э»: если род. мн. от *вожжи, мощи* писать *вожжей, мощей*, то такие слова как *разжечь, расшей*, надо писать *разжэчь, расшэй*! Словом, тут опять скользкое место.

Ну вот, кажется, и всё. Как видите, целая диссертация. Ничего не поделаешь, такая уж у меня привычка: статьи пишу короткие, а письма (научные) — длинные. Может быть от того, что разговаривать о науке мне никогда не приходится (здесь не принято).

Печатать Вашу статью по-французски в *Славии* — нелегко. С другой стороны, в Revue des études slaves, по-моему, принципиально ничего печатать нельзя. Мазон не только с Вами в своё время нахамил, но продолжает хамить и со всеми нами (особенно с Якобсоном), а Vaillant и Unbegaun, от него не отстают. Таким образом, если по-французски, то только в Bulletin de la Société [de] Linguisique.

С сердечным приветом искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[*Тб*]

Вена, 16 декабря 1937 г.

Дорогой Сергей Осипович!

Спасибо за интересное письмо. Простите, что долго не отвечал. Я сейчас пишу книгу, Введение в общую фонологию (по-немецки). Выйдет седьмым томом Travaux, и я обещал к январю сдать рукопись. А сейчас у меня готова

[125] Эта строчка также отмечена синим карандашом.

[126] Надо отличать открытый слог от закрытого (*франц.*).

только половина (200 страниц!). Прежде я как-то умел писать кратко, были у меня даже шедёвры в этом отношении (например, статья в сборнике в честь Матезиуса[127]). Но теперь разучился. По-видимому, с годами такие свойства теряются, — отсюда «старческая» болтливость. — Для сборника в честь Bally[128] я тоже никак не могу придумать темы. По фонологии не хочется больше ничего писать: всё будет в моей книге, да к тому же, на 10 страниц у меня фонологической темы и нет. Хотел написать на тему «déterminant et défini»[129]. Исходным пунктом для меня были два вопроса: 1) почему в праславянском (и в сербском) поссессивные прилагательные не знают противопоставления определённого (сложного) и неопределённого (именного) склонения? 2) почему в русском и в западнославянских языках единственный случай противопоставления определённости и неопределённости это — противопоставление поссессивного прилагательного родительному падежу (*мельникова дочь* «la fille *du* meunier» ~ *дочь мельника* «la fille *d'un* meunier»)? Это привело меня к сравнению с языками совершенно иных типов и к целому ряду любопытных выводов. Впрочем, выводами я дорожу всего менее, а хотел бы только поставить самые проблемы. Попробовал сделать это на десяти страницах, — не вышло. Впрочем, я не отчаиваюсь, буду пробовать ещё.

Рукопись Вашу[130] я прочту с большим интересом, хотя предупреждаю, что *a priori* Ваша теория мне кажется несколько искусственной. Главный её недостаток, что она применима лишь к русскому языку. Но и к русскому языку эта теория применима лишь с большой натяжкой. С синхронической точки зрения союз *но* и междометие *но*, употребляемое при понукании лошадей и коров, — явно не имеют ничего общего. Междометие *о!* чисто литературное и в непринуждённом разговорном языке вряд ли употребляется; напротив *у!* лежит «под порогом», ниже уровня нормального языка интеллигенции, употребляясь только в сочетании с довольно грубыми ругательствами (*у, сволочь!*); пожалуй, междометие *и!* (*и, батенька!*) тоже подчёркнуто нелитературное. Таким образом только *а!* и *э!* лежат действительно в одном плане (при чём вопросительное *а?* явный вульгаризм). С союзом *а* междометие *а!* опять таки ничего общего не имеет, это — «омонимы», не более. Из всех приводимых Вами словечек, пожалуй, только *ну* до известной степени подходит под Вашу теорию, — но ведь это не союз! Вы говорите, что все эти словечки не подчиняются изменениям, требуемым правилами ударения. Это правильно лишь по отношению к таким союзам, которые являются

[127] Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932.

[128] «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally…» со статьей Н. С. Трубецкого «Les rapports entre le déterminé, le déterminant et le défini» (Взаимоотношения между определяемым, определяющим и определенным), выйдет в Женеве в 1939 г.

[129] Определяющего и определенного (*франц.*).

[130] Вероятно, первоначальный вариант статьи «Introduction à l'étude de l'interjection» (Введение к изучению междометия), которая будет опубликована в 1941 г. в CFS. I. P. 57–75 (текст переиздан нами с вариантами см. [Karcevski 2000: 175–193]).

самостоятельными словами (ибо самостоятельные односложные слова даже при фразной безударности сохраняют качество гласной без перемен: *дом-ò̀тдыха*, фонетически *dŏmòddўxə̆ ~ дам отдых* фонетически *damòddўx*). Так *но* сохраняет своё *о*, потому что это самостоятельное слово, после которого может быть сделана пауза, и на которое может падать логическое ударение. Но союз *да*, всегда безударный (в отличие от утверждения *да!* всегда ударяемого) произносится *də̆* и неотделим от соседних слов. Таким образом, я думаю, что с точки зрения синхронической Вашу теорию доказать нельзя. С точки же зрения диахронической между союзами и междометиями существует постоянный обмен, — это не подлежит сомнению, но об этом уже много писалось, и исследуя вопрос диахронически приходится выходить за пределы русского языка и привлекать к сравнению языки не только славянские и балтийские, но и прочие индоевропейские (а, может быть, и неиндоевропейские). Вопрос об отрицаниях *не* и *ни* с синхронической точки зрения осложнён тем, что в безударном положении обе частицы в современном московском (да, кажется, и ленинградском) произношении совпадают друг с другом, а в ударяемом положении *не*, по-видимому, не встречается (за исключением случаев вроде *нéчего, нéкому, нéскем* или *донéльзя*). Мне кажется, что «логическое» ударение на *не* («*Нет! Я этого нé сделаю.*») такое же искусственное, книжное явление как произношение *čto* вместо *što*. Впрочем, я в этом не вполне уверен. Я вообще часто ловлю себя на том, что чувство русского языка во мне уже сильно притупилось. Это — неизбежное следствие эмигрантского быта. Именно поэтому так опасно нам полагаться на интроспекцию.

Статьи Hermann'а[131] о транскрипции междометий я не знаю. Над фонологией русских междометий я думал. За немногими исключениями это всё нормальные фонемы. Coup de glotte[132] не фонема, а стилистический вариант, выступающий не только у междометий, но и вообще у всякого слова, начинающегося с ударяемой гласной и эмоционально выдвинутого: «Аня! Это ты?» и т. д. Зато, может быть, интонации имеют у некоторых междометий фонологическое (т. е. словоразличительное) значение: вопросительное *а?* и восклицательное *а!* сознаются как разные слова, но различаются только интонацией. Особые фонемы заключаются только в междометиях «с закрытым ртом»: *ħ̃*[133] (глухое назализованное *h*, — в письме передаётся через *гм!*), *m̥̆* (краткое слоговое *m*, обычно с coup de glotte, — отрицание), *m̥ĥm̥* (где *m̥* слоговое *m*, а *ĥ* — звонкое *h*: — утвердительный ответ). Словечки, обращённые к животным (губное *ч*, прищёлкивание и т. д.) не являются междометиями. Их функция — обыкновенная императивная: «*тпру*» (губное *ч*) = *стой!* прищёлкивание = *пошёл!* Отличие их от обыкновенных императивов только в том, что они обращены не к людям, а к животным, приученным реагировать именно на эти звуки: иначе говоря, это — слова другого «иностранного» языка, языка животных

[131] E. Hermann (1869–1950) — немецкий лингвист.

[132] Гортанная смычка (*франц.*).

[133] В изданной статье С. И. Карцевский пишет, что он употребляет «назализованный знак *ĥ̃* по совету покойного Н. С. Трубецкого» [Karcevski 2000: 191].

(особенностью которого является то, что говорящий и слушающий не могут меняться ролями).

Пересмотрел несколько годов Славии, но статьи о русских приставках не нашёл. Я такой статьи не помню, хотя обычно прочитываю с начала до конца. Вероятно, если такая статья и была, то ничего особенного не представляла, — иначе она мне запомнилась бы. Не смешиваете ли Вы её со статьями Слонского[134] о приставках в церковнославянском языке? Эти статьи совсем неинтересные и по-видимому являются только использованием чёрной работы, начатой автором для составления староцерковнославянского словаря, но так и не доведённой до конца.

С сердечным приветом искренне преданный Вам

Н. С. Трубецкой

Переписка С. И. Карцевского с Н. А. Рубакиным

Источники: РГБ / Рб 358/238/27 (рукописные письма от Карцевского) — РГБ / Рб 358/238/14 (машинописные копии писем от Рубакина, без подписи)

[*K2*]

Женева, 20/II-1936
2, r. St Victor

Дорогой Николай Александрович,

Разрешите обеспокоить Вас двумя просьбами. Первая насчёт книг. Не будете ли Вы так добры прислать мне по прилагаемому списку. Не задержу. Через месяц возвращу. Не позже.

Второе же дело очень сложное.

Если Вы поедете в СССР, то не окажете ли мне следующую огромную услугу?

В 1928 г. в Москве в Государственном Издательстве вышла моя книжка Повторительный курс русского языка. Договор был подписан в Праге на 20 000 экземпляров. Первый тираж был в 4000 экз. Он моментально разошёлся. По отзывам, которые дошли до меня, книга была встречена учительством с восторгом. (Между прочим, Meillet писал о ней в Bulletin de la Société de Linguistique определяя её как modèle de ce qui devrait être fait pour chaque langue[135]). Вы эту книжку знаете, и говорили, что её цените.

Теперь, книжка разошлась в несколько месяцев и больше не переиздавалась.

Как раз сейчас очень много пишут и говорят о том, что преподавание языка очень отстало. Моя книжка очень бы пригодилась. Она предназначена для 9-ого — 10-ого годов обучения и для педтехникумов. Нельзя ли было бы её двинуть?

Переиздавать книгу без переделок не следует. Вот что я предлагаю.

---

[134] Stanisław Słoński (1879–1959) — польский лингвист, славист.

[135] *Франц.*: «образец того, что могло бы быть в любом языке <…> и принесло бы большую пользу» (Meillet A. // BSL. Vol. XXIX. P. 217).

Дополнить книгу изложением морфологии (склонение, спряжение и т. д., краткое изложение законов ударения), внести ряд исправлений, освежить примеры. В общем, увеличить книгу страниц на 60–70 (теперь в ней 112 страниц)*.

Надеюсь, подобное предложение может подойти, если его сделает авторитетное лицо, например, Вы, так как в подобной книге огромная нужда.

Теперь «но».

Напечатана книга была по рекомендации покойного А. М. Пешковского. Теперь на него очень нападают. Я всегда был очень несогласен с ним, и несмотря на приятельские отношения, критиковал его (см. мою статью в журнале Родной язык и литература в трудовой школе[136] 1928 г., №1, 1928, Москва, изд. «Работник просвещения»).

Если бы моё эмигрантское положение оказалось препятствием, то нетрудно показать, каковы мои взгляды на СССР, сославшись хотя бы на мои статьи в «Essor»[137], которые я Вам послал в своё время.

Могли ли бы Вы оказать мне подобную услугу?

Вначале марта я постараюсь посетить Вас, а пока шлю привет Вам и всем Вашим.

Искренне преданный

С. Карцевский

[*P1*]

14.V.1936

Дорогой Сергей Иосифович,

Самое сердечное вам спасибушко за Ваше милое письмо. Мне особенно радостно было получить его, что я то и дело Вас вспоминаю, уж больно мне по душе Ваша маленькая, но удаленькая грамматика[138]. Мы теперь с полным убеждением считаем её одной из самых лучших и трубим о ней урби ет орби[139]. Жаль, что издание уже разошлось. Надо бы Вам о себе напомнить в Гиз, — там теперь ведь новые веяния. Если мне придётся быть в июне в Москве, я, наверное, поведу о ней разговор в Гизе: там таких грамматик нет. С нашей точки зрения очень важно, что Вы ставите на такое почётное место интонацию. Но отчего же не идёте и дальше по той же линии, в сторону закона В. Гумбольдта — Потебни[140]. Я уверен, что нам с Вами ещё придётся сообща доработать, приближая и язык

---

[136] Статья переиздана, см. [Карцевский 2000: 281–305].

[137] «L'Essor» — независимый швейцарский журнал, издаваемый с 1905 г., главным редактором которого с 1933 г. являлся А. Сешеэ.

[138] Русский язык. Ч. I. Грамматика. Прага: Пламя, 1925. 125 с.

[139] Urbi et orbi (*лат.*) — буквально, «к городу (Риму) и к миру», т. е. повсюду.

[140] Закон Гумбольдта–Потебни в формулировке Н. А. Рубакина имеет следующий вид: «Человеческая речь, как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова или даже звука, или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнемы, в какой они возбуждаются, а не орудия переноса или передачи переживаний».

грамматик к психологии не господ педагогов, а читателей, для которых каждое отвлечённое и общее слово — ничто, если в голове читателя содержание понятия есть, а объёма его — нема. Не пора ли перестать гнаться за дефинициями понятий, которые людьми с конкретным складом ума совершенно не понимаются, а побольше гнаться за объёмами: среди читателей массовых, как и среди детей и подростков до 16 лет, по нашим исследованиям, оказывается до 67% людей с конкретным складом ума. Дефиниции и вообще общие слова в такие головы не влезают, а держатся там лишь как слова, звуки слов и начертания слов. А на такой почве развивается пситтакизм. Впрочем, всё это Вы, разумеется, знаете куда лучше меня. Но наши работы подтверждают это и экспериментально, и статистически.

(Мы, по нашим методам исследовали всех учеников Нормальной школы[141] в Нанси)

Если будете в Лозанне, заходите попить чайку.

Привет Вашей жене.

Уважающий

[*К3*]

Женева, 15.V.36

Дорогой Николай Александрович,

Очень большое Вам спасибо за Ваше столь милое письмо. Спасибо также за Ваши лестные строки о моей грамматике[142]. Спешу поговорить с Вами именно о ней. Договор с ГИЗом был у меня подписан на 20.000 экземпляров. Выпустили лишь первый тираж в 4.000 экземпляров. Как мне писали, он разошёлся в течение нескольких месяцев. Профессор Н. Н. Дурново (сейчас он, кажется, на плохом счету в СССР, как и покойный А. Пешковский, но первый политически, а второй как педагог) писал, что учителя были в восторге, а профессор Поливанов (выдающийся лингвист) писал, что это лучшее, что выходило по этому вопросу. Пресса советская замолчала мою книжку. Почему же её не переиздали? Из письма Пешковского было видно, что главнейшая причина была в том, что автор её эмигрант. Но теперь и времена изменились, а во многом и я изменился.

Нужно добиться, чтобы книжку переиздать к осени, но в переработанном виде (со склонениями, спряжениями и т. п.). Я вот, что сделал: я написал об этом Горькому, приложил *предпоследний* имевшийся у меня экземпляр. Письмо и книжки пошли через Р. Роллана три дня тому назад. Хорошо было бы, если бы, как психолог и педагог, тоже бы написали о ней Горькому. Время не терпит. Нужно за лето переработать и выпустить. Можно ли Вас просить об этой услуге?

Искренне преданный и благодарю

С. Карцевский

[141] Т. е. пединститута.

[142] Русский язык.Ч. I. Грамматика. Прага: Пламя, 1925. 125 с.

[*К4*]

21.VI.1936

Дорогой Николай Александрович,

У меня к Вам целая куча просьб.

Предполагается вечер памяти Горького. Если Вы были в личном знакомстве с ним и если у Вас сохранилось что-нибудь интересное в памяти, то не согласитесь ли Вы поделиться с нами, написать страничку-другую, которую мы прочли бы на вечере? — Когда это будет, не знаем. Хотели бы поскорее. Во всяком случае я заранее Вас извещу.

Для вечера мне нужно было бы биографию Горького, получше и поновее. Может быть, Мария Артуровна отыщет что-нибудь. Заранее благодарю её.

В университете читаю о Смутном времени. Но мои пособия — Платонов, Ключевский, Кизеветтер[143] — меня не удовлетворяют. Нужно бы анализ социальных отношений. Нет ли у Вас какого-нибудь марксистского труда, может быть в курсе истории Покровского. Если есть, пришлите поскорее, ибо лекция у меня в четверг.

А теперь ещё: пришлите Фурманова о Чапаеве. А может быть и ещё что-нибудь, если о нём есть. Видел два раза фильм. Прекрасно! Хотел почитать.

Как у Вас с поездкой в Москву? Если поедете, пробегите мою грамматику[144] советское издание. Это займёт у Вас час-два времени. А без этого Вы не сможете ничего сказать в Москве. Между обеими редакциями большая разница. Может быть у Вас найдётся минутка. Тогда я бы выслал Вам свой *последний* экземпляр на несколько дней. Знаю, что утруждаю Вас очень. Но только если подымать об этом вопрос, то без знакомства с новой редакцией невозможно. А?

Искренний привет Вам и Марии Артуровне и всем Вашим.

С. Карцевский

P. S. Очень рад, что среди книг, которые я Вам переслал, хоть что-нибудь пригодилось.

Здоров ли Р. Роллан?

[*Р2*]

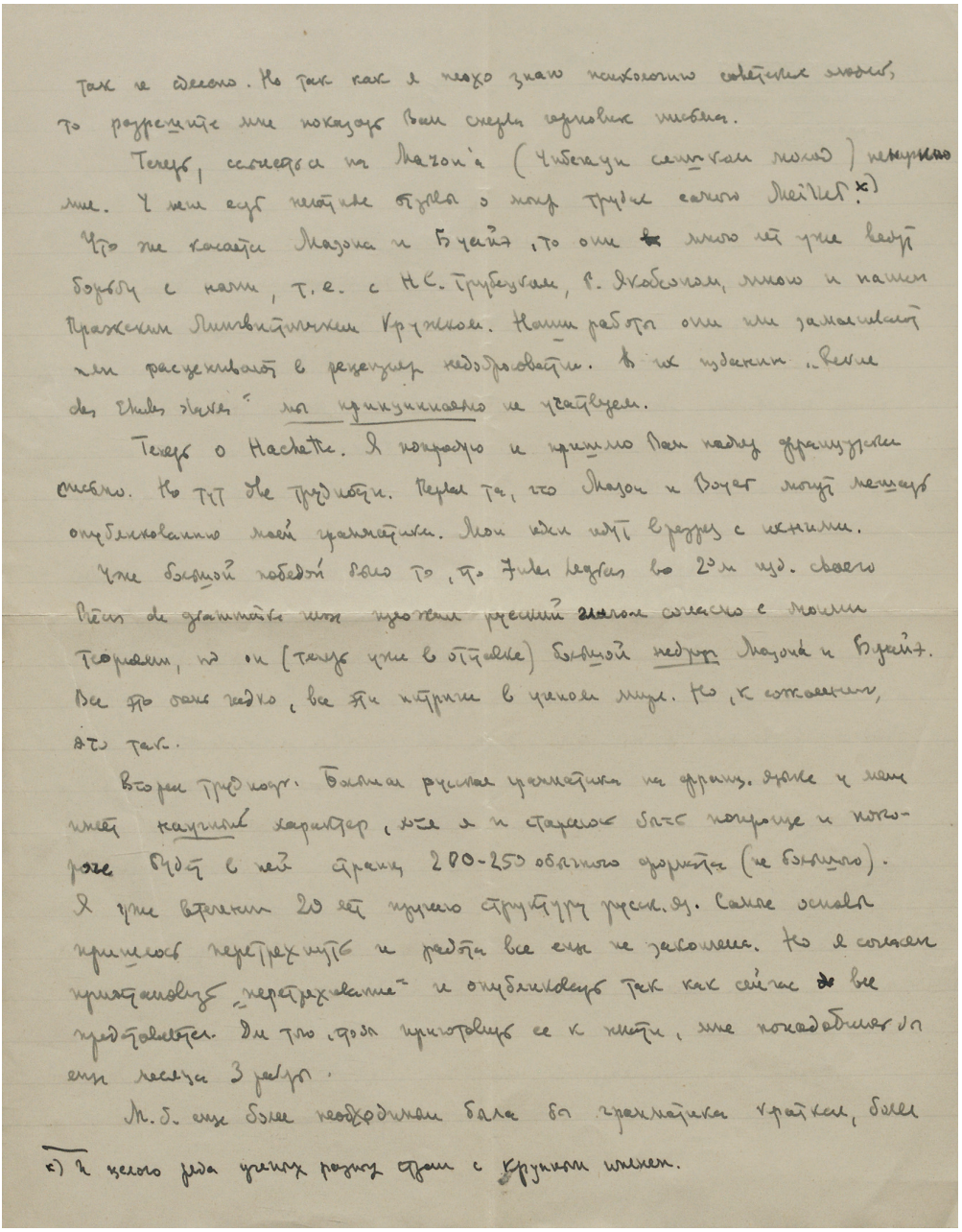
5.1.1937

Дорогой Сергей Осипович,

Одновременно с этим письмом посылаем Вам все те книжки о Пушкине, какие требуются для Вашей работы. Но так как на «Пушкиниану» ныне спрос огромный, то принуждены поставить Вам такое условие: не держите эти книги дольше двух недель, а какие Вами будут уже использованы до этого срока, присылайте их одна

[143] Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк, профессор Московского университета, член кадетского ЦК, по постановлению Коллегии ГПУ от 25/VIII-1922 г. он был выслан за границу.

[144] Здесь речь идет о «Повторительном курсе русского языка», Москва: ГИЗ, 1928.



так не сделано. Но так как я плохо знаю психологию советских людей, то разрешите мне показать Вам сперва черновик письма.

Теперь, ссылаться на Mazon'a (Чибегаци сеньком молод) ненужно мне. У меня есть печатные отзывы о моих трудах самого Meillet.x)

Что же касается Мазона и Буайэ, то они много лет уже ведут борьбу с нами, т.е. с Н.С. Трубецким, Р. Якобсоном, мною и нашим Пражским Лингвистическим Кружком. Наши работы они или замалчивают или расценивают в рецензиях недобросовестно. В их изданиях „Revue des Études Slaves" мы принципиально не участвуем.

Теперь о Hachette. Я попрошу и пришлю Вам подлеж французскому письмо. Но тут две трудности. Первая та, что Мазон и Боуэр могут мешать опубликованию моей грамматики. Мои идеи идут вразрез с ихними.

Уже большой победой было то, что Jules Legras во 2-м изд. своего Précis de grammaire изложил русский глагол согласно с моими теориями, но он (теперь уже в отставке) большой недруг Мазона и Буайэ. Все это очень гадко, все эти интриги в ученом мире. Но, к сожалению, это так.

Вторая трудность. Большая русская грамматика на франц. языке у меня имеет научный характер, хотя я и старалось быть попроще и покороче будет в ней страниц 200-250 обычного формата (не большого). Я уже в течении 20 лет изучаю структуру русск. яз. Самые основы пришлось перетрехнуть и работа все еще не закончена. Но я согласен приостановить „перетрехивание" и опубликовать так как сейчас все представляется. Для того, чтобы приготовить ее к печати, мне понадобилось бы еще месяца 3 работы.

М.б. еще более необходимым была бы грамматика краткая, более

x) И целого ряда ученых разных стран с крупным именем.

К4 — письмо С. И. Карцевского Н. А. Рубакину от 21/VI–1936 г. (РГБ/Рб 358/238/27)

за другою, враздробь. Если какая книга потребуется Вам на большее время, черкните. Оставьте ещё за нами право потребовать от Вас ту или иную книгу, если кто из читателей окажется особенно настойчивым и станет к нам архи-приставать. Относительно Вашей Грамматики и других Ваших работ, которые мы ценим, как Вы знаете, очень высоко и всем рекомендуем. В Москву ехать нам не удалось. Из Москвы ни один педагог к нам в этом году не заезжал. Я ведь далёк от педагогии. Лишь только буду у Ромен Роллана, непременно поговорю о Ваших книгах, хотя из его рекомендации, как и из моей нет прока. Я ведь не авторитет по лингвистике и грамматике. Центр тяжести Вашего дела — в тех интригах, о которых Вы нам говорили. Нельзя ли подорвать их в корне. Но эта проблема — для нас неразрешимая. Я не знаю, как Вам тут помочь. Не списаться ли Вам с Римским издателем Гудковым. Но дело в том, что он сам составил и разбазаривает собственную грамматику. Не написать ли Вам самому прямо Крупской и Бубнову[145]. Сошлитесь на Мазона и т. п. Обратитесь от моего имени к профессору Славянского Института (Париж) Борису Генриховичу Унбегауну, — сошлитесь на меня, что я тоже прошу сделать для Вас всё возможное с его стороны и посоветовать, что делать, с Вашими трудами. Нам гораздо легче поискать Вам какого-нибудь другого заработка, и об этом я уж никак не забываю, потому что ценю Ваши работы очень высоко и надеюсь в ближайшем будущем сотрудничать с Вами (пока что, — только надеюсь). На днях будет у нас одна дама, имеющая дела с Гашетто и я обещаю Вам поговорить о русской грамматике для иностранцев и горяченько порекомендую Вас. Напишите скоро, какого размера эта Ваша грамматика, характеризуйте её в письме ко мне, напишите письмо это по-французски, я его или сам передам этой даме, или перешлю его в Париж через одного нашего сотрудника. А пока что, будьте уверены, что я не упускаю и не упускал случая говорить о Вашей грамматике с кем только можно. О ходе дел уведомлю.

Сердечно Ваш

Интриги против Вас, быть может объясняются тем, что Вы, под горячую и возбуждённую руку, не удержались и поговорили с кем-нибудь не очень осторожно. Но так ли это, — Вы знаете лучше меня. Надо нам выяснить дело. Ведь теперь спрос на хорошие учебники в СССР большой.

[*К5*]

6 января 19[37[146]].

Дорогой Николай Александрович.

Очень благодарю Вас за Ваше столь милое письмо. Оно очень ободрило меня. Я страшно подавлен уже целый ряд лет и главным образом из-за... моего учебника[147]. У меня много своих собственных идей в области лингвистики (особенно

[145] Андрей Сергеевич Бубнов — народный комиссар просвещения РСФСР (с сентября 1929 по октябрь 1937). 17 октября 1937 г. был арестован. 1 августа 1938 г. был приговорен к смертной казни и в этот же день расстрелян.

[146] А не 36, как прибавлено карандашом.

[147] «Повторительный курс русского языка».

грамматики). Мировые лингвисты интересуются моими работами. Месяца два тому назад заседание лингвистического общества в Копенгагене было посвящено «Лингвистическим идеям Карцевского». Мне много заказывают лингвистических статей. Вот и сейчас я пишу одну статью для Jac. van Ginneken[148] и другую для сборника Matica Slovenska! Но всё бесплатно. А дела мои очень слабы. Мой учебник давал мне возможность в краткой форме изложить некоторые из этих идей и пустить их в ход в России. А кроме того если бы он пошёл (в чём у меня нет сомнений), это было бы для меня постоянный небольшой доход. И вот почти 9 лет, как книжку не пускают.

Пешковский в 1929 г. писал мне, что не хотят переиздавать книжку потому, что автор эмигрант, затем он сотрудничает в эмигрантской прессе (с 27 г. я только написал некролог Бирюкова[149] в «Последних Новостях»[150]) и что, наконец, нельзя пересылать валюту (гонорар) заграницу.

Если Д.[151] интриговал, (что я почти наверное знаю), то теперь казалось бы меня нельзя уж никак считать врагом СССР. Конфликт с Д. у меня был, но в 1915 году!

Идея Ваша написать Крупской или Бубнову мне нравится. Я, пожалуй, так и сделаю. Но так как я плохо знаю психологию советских людей, то разрешите мне показать Вам сперва черновик письма.

Теперь, ссылаться на Mazon'a (Унбегаун слишком молод) ненужно мне. У меня есть печатные отзывы о моих трудах самого Meillet*[152].

Что же касается Мазона и Буайэ[153], то они много лет уже ведут борьбу с нами, т. е. с Н. С. Трубецким, Р. Якобсоном, мною и нашим Пражским Лингвистическим Кружком. Наши работы они или замалчивают, или расценивают в рецензиях недобросовестно. В их издании «Revue des Études slaves» *мы принципиально* не участвуем.

Теперь о Hachette[154]. Я попробую и пришлю Вам на днях французское письмо. Но тут две трудности. Первая та, что Mazon и Boyer могут мешать опубликованию моей грамматики. Мои идеи идут вразрез с ихними. Уже большой победой было то, что Jules Legras[155] во 2-ом издании[156] своего «Précis de grammaire russe» изложил русский глагол согласно с моими теориями, но он (теперь уже в отставке) большой

---

[148] «Phrase et proposition» (Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jac. van Ginneken, à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance. Paris: Klincksieck, 1937) (переиздано нами, см. [Karcevski 2000: 127–134]).

[149] Павел Иванович Бирюков (1860–1931) — биограф Л. Н. Толстого, с 1908 г. жил в Женеве (где и умер).

[150] Ежедневная газета, издавалась в Париже с 1920 по 1940 г.

[151] Не удалось установить, о ком идет речь.

* И целого ряда учёных разных стран с крупными именами.

[152] Об отзывах Мейе (BSL. XXVI, XXVIII, XXIX, XXXII) см. вступительную статью.

[153] Paul Boyer (1864–1949) — французский славист, профессор первой созданной во Франции кафедры русского языка (1891 г.), один из создателей «Revue des études slaves».

[154] Крупное издательство в Париже.

[155] Jules Legras (186–1939) — французский русист.

[156] Вышло в 1934 г.

недруг Мазона и Буайэ. Всё это очень гадко, все эти интриги в учёном мире. Но, к сожалению, это так.

Вторая трудность. Большая русская грамматика на французском языке у меня имеет научный характер, хотя я и стараюсь быть попроще и покороче. Будет в ней страниц 200–250 обычного формата (не больше). Я уже в течение 20 лет изучаю структуру русского языка. Самые основы пришлось перетряхнуть, и работа ещё не закончена. Но я согласен приостановить «перетряхивание» и опубликовать так как сейчас всё представляется для того, чтобы приготовить её к печати мне понадобилось бы месяца три работы.

Может быть, ещё более необходимой была бы грамматика краткая, более maniable[157] и затем хрестоматия. В моих замыслах маленькая грамматика должна была бы пойти вслед за большой, когда все научные базы были бы установлены. Что же касается хрестоматии, то сколько я ни думаю, ничего не могу придумать. Какие брать тексты, которые были бы (хотя бы некоторые из них) современные? Вот у меня даже классиков нет на русском языке (кое-что есть в публичной библиотеке, но мало и разрознено), а комментарии к тексту и glossaire[158] я дал бы совершенно оригинальные. Я ведь много размышлял и над тем, какие грамматические указания должны сопровождать слова в лексиконах. И тут у меня много нового, что пригодится составителям словарей, но, конечно, опираясь на мои грамматические концепции. А эти концепции не моя фантазия, не произвольная классификация, а доподлинная структура морфологии языка. Нечто *объективно* существующее.

Ну вот. Ещё раз большое, большое спасибо.

Книжки только что получил, большое спасибо. Выполню все Ваши условия. К концу месяца всё будет возвращено по частям. Далее мне понадобится Вересаев, последний том или два.

P. S. Унбегаун — ученик и protégé Мазона. У меня с ним отношения приличные. Но, как я уже писал, мне искать его поддержки и протекции никак не приходится. Я ценю его работы, хотя оригинальных идей в них нет. Но они добросовестны и полезны.

Привет Марии Артуровне и всем Вашим.

Искренне преданный

С. Карцевский

А Вы напрасно пишете Kar**č**evski. Просто Kar**c**evski. Фамилия моя польская (Karczewski, Карчевски), но её обрусили Кар*ц*евский.

28/I-1937 г.

Целый ряд обстоятельств помешал мне отправить это письмо раньше. Думаю, что писать письмо для Hachette теперь поздновато. Как только закончу свои

[157] Практическая (*франц.*).

[158] Словарь (*франц.*).

текущие научные работы, приступлю к хлопотам. За это время в СССР произошло столько событий, что не знаешь можно ли даже обращаться к Н. К. Крупской.

На днях напишу.

Большой привет.
СК

Письма С. И. Карцевского в Академию наук СССР

Источник: ААР/2012/16/9/5

[*Кб*]

[машинописная копия на тонкой бумаге, без подписи]

[без даты — сентябрь[159] 1946 г.]

ПРЕЗИДИУМ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва.

Позволяю себе обратиться к Высокой Учёной Коллегии по следующему поводу.

Работая над проблемами, которые ставит перед лингвистом изучение современного русского языка, а также над некоторыми вопросами русского литературоведения, я давно уже испытываю крайнюю потребность находиться в русской учёной среде и быть окружённым стихией русского языка. Живя в течение долгих лет в Женеве, где я состою в Университете профессором русского языка и литературы, а также преподавателем русского языка в школе толмачей и переводчиков при Университете, я лишён возможности обмениваться мыслями с коллегами по специальности, — за отсутствием таковых, не имею возможности быть в курсе работ советских учёных, — за отсутствием советской литературы, и, сверх того, с тревогой замечаю, что начинаю терять чувство родного языка, особенно в области ударений.

Я был бы счастлив, если бы мне была дана возможность работать над вопросами, которые меня интересуют в соответствующих научно-исследовательских институтах при Академии Наук. Речь идёт о возможности закончить некоторые уже далеко подвинутые труды или осуществить некоторые научные замыслы. В этом я вижу свой нравственный долг перед наукой и оправдание своего существования. Мне уже 63 года.

Вот краткие сведения о некоторых из этих трудов.

1. Уже с давних лет я готовлю на французском языке научное описание современного русского языка под заглавием «Système de la langue russe». Самые важные

[159] Дата установлена по письму, адресованному 16/VII-1947 С. И. Карцевским И. И. Мещанинову: «В конце сентября прошлого года, посредством нашей Миссии в Берне, я обратился в Президиум Академии Наук с просьбой…» (это письмо — СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. № 383 — опубликовано с переводом на французский С. Власовым).

главы книги, в частности фонология и фонетика, существительное, глагол, числительное, местоимение и др. почти закончены, но потребовалась бы их переработка, так как я хотел бы с французской редакции перейти на русскую. Весь труд составил бы том около 500 страниц. Мне нужна была бы коллективная помощь нескольких сотрудников для собирания материалов. Я провёл бы с ними нечто вроде семинария, излагая попутно и свои взгляды по вопросам методологии.

2. Мною почти закончен Manuel de la langue russe. Он распадается на следующие части: I. Orthographe et prononciation (упрощённая фонетическая транскрипция: много упражнений). II. Leçons: 80 уроков. III. Abrégé de grammaire; IV. Glossaire russe-français (*2.000* слов). Мне был бы необходим сотрудник-педагог с некоторой лингвистической подготовкой, хорошо знающий оба языка, для составления упражнений для перевода с французского на русский и для составления франко-русского словаря. Такового я здесь не нашёл. Учебник рассчитан на публику, обладающую образованием близким к среднему и на студентов. На усвоение его потребовалось бы семестра три. Его объем составил бы 300–400 страниц. — Упражнения первых 40 уроков я размножил и ими пользуются преподающие русский язык в лозаннском, и страсбургском университетах, равно как и в женевской школе переводчиков.

3. К первым двум частям, моей русской хрестоматии (230 стр.) выпущенной в Женеве в 1944 году Школой переводчиков, составлен дополнительный том, который заключает около 250 комментариев к особенно трудным местам и словарь (около 2.000 слов) на французском, немецком и английском языках. Остаётся лишь в последний раз просмотреть текст. — Если Школа, по отсутствию средств, не сможет издать этого тома, то, может быть, это оказалось бы возможным осуществить в СССР.

4. О своих работах, касающихся литературоведения, могу сказать следующее. — Говоря в своих университетских курсах о некоторых больших русских писателях, я стремился установить для каждого своего рода психологические константы, прослеживая их как в творчестве, так и в жизни писателя. Пользуясь с известной осторожностью методами и данными аналитической психологии, я смог прийти к некоторым заключениям и зачастую даже к серьёзным обобщениям, которые представляются мне не лишёнными научного значения. Я был бы рад поделиться этими выводами, как в устной, так и в письменной форме. Что касается последней, то я предполагал бы в первую очередь приготовить томы литературно-психологических очерков, посвящённые Л. Толстому, Гоголю и Достоевскому.

Я должен сказать, что не стремлюсь к преподаванию. Систематическое преподавание помешало бы мне осуществить мои научные замыслы. Тем более, что оно потребовало бы превышающей мои силы углублённой и долгой подготовки, так как здешние условия жизни и работы лишили меня возможности быть в курсе советской науки.

Лучше всего было бы, конечно, побывать самому в Москве для личных переговоров. Но материальных средств на подобную поездку у меня нет. Кроме того, мой

Женева, сентября 1946 г.

ПРЕЗИДИУМ
АКАДЕМИИ НАУК СССР.
Москва.

Позволяю себе обратиться к Высокой Ученой Коллегии по следующему поводу.

Работая над проблемами, которые ставит перед лингвистом изучение современного русского языка, а также над некоторыми вопросами русского литературоведения, я давно уже испытываю крайнюю потребность находиться в русской ученой среде и быть окруженным стихией русского языка. Живя втечение долгих лет в Женеве, где я состою в Университете профессором русского языка и литературы, а также преподавателем русского языка в школе толмачей и переводчиков при Университете, я лишен возможности обмениваться мыслями с коллегами по специальности,-за отсутствием таковых, не имею возможности быть в курсе работ советских ученых,-за отсутствием советской литературы ,и, сверх того, с тревогой замечаю, что начинаю терять чувство родного языка, особенно в области ударений.

Я был бы счастлив, если бы мне была дана возможность работать над вопросами, которые меня интересуют, в соответствующих научно-исследовательских институтах при Академии Наук. Речь идет о возможности закончить некоторые уже далеко подвинутые труды или осуществить некоторые научные замыслы. В этом я вижу свой нравственный долг перед наукой и оправдание своего существования. Мне уже 63 года.

Вот краткие сведения о некоторых из этих трудов.

I. Уже с давних лет я готовлю на французском языке научное описание современного русского языка под заглавием „Système de la langue russe." . Самые важные главы книги, в частности фонология и фонетика, существительное, глагол, числительное, место-

К6 — письмо С. И. Карцевского в АН СССР от сентября 1946 г. (ААР/2012/16/9/5)

советский вид на жительство, выданный мне на основе Указа Верховного Совета от 14-го июня 1946 г., для въезда в Советский Союз недостаточен.

С глубоким уважением

Профессор Сергей Иосифович Карцевский
Вице-председатель женевского лингвистического общества.
Председатель Объединения лиц родом из СССР в Швейцарии

К вышеизложенному я должен добавить, что я женат. Моя жена — доктор медицины Женевского Университета, работавшая врачом в 1916–17 г. на Фронте. У нас есть сын, по специальности геолог, окончивший Женевский Университет по минералогическо-геологическому отделению естественного факультета. И жена и сын тоже желали бы работать на Родине.

[*К7*]
В. В. Виноградову

[рукопись]

16.II.47

Многоуважаемый Коллега,

Если память не изменяет, мы с Вами встречались в начале 1918 г. на заседаниях Московской диалектической [*sic*] Комиссии, где я выступал с докладом о русском глаголе[160].

В моей библиотеке имеются некоторые из Ваших трудов, и мне было чрезвычайно приятно и даже несколько неловко, что Вы уделили там столько лестного внимания моим работам, особенно по русскому глаголу[161].

На днях из советских газет я узнал, что Вы избраны членом Академии Наук СССР[162], очень порадовался этому и приношу Вам свои искренние поздравления и наилучшие пожелания.

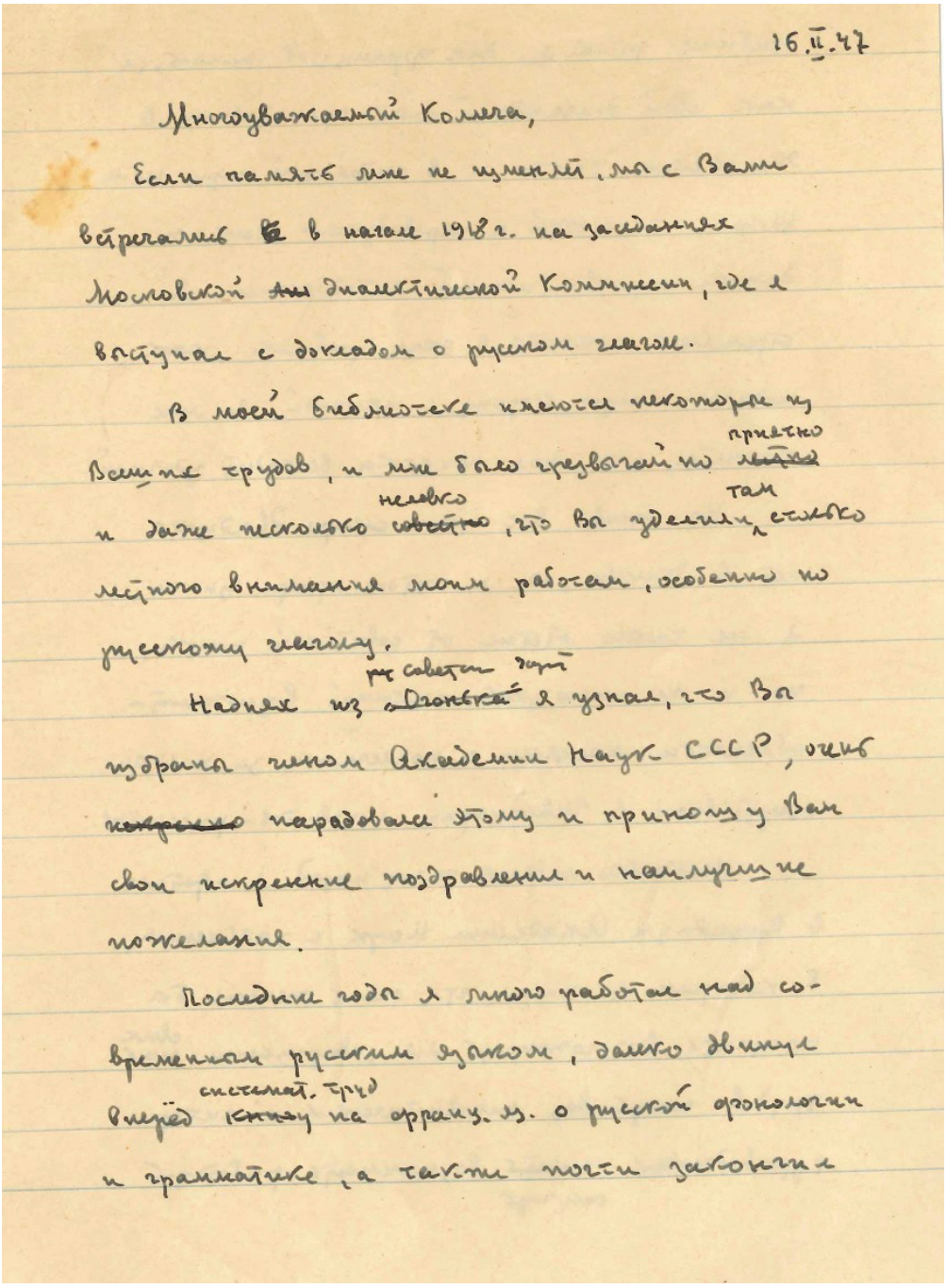
Последние годы я много работал над современным русским языком, далеко двинул вперёд систематический труд на французском языке о русской фонологии и грамматике, а также почти закончил учебник русского языка для французов, используя как свой долголетний опыт преподавания в женевском университете и в состоящей при нём школе толмачей и переводчиков, так и данные лингвистической методологии. Я стремлюсь сочетать в этом учебнике педагогическую сторону с научной. И мне кажется, что моя попытка выходит удачной.

Но живя вот уже двадцать лет в Женеве, где состою профессором университета, я не только отстал от советской науки, но и не имею здесь никакой возможности

[160] Эти заседания Московской диалектологической Комиссии состоялись 7 февраля и 17 мая 1918 г., но фамилии Виноградова нет в списке присутствовавших (см. [Карцевский 2000: 325–337]).

[161] См. [Виноградов 1947: 443]: «…наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой “женевской лингвистической школе”. См. книгу С. Карцевского “Système du verbe russe” (Prague 1927)».

[162] В. В. Виноградова избрали в члены Академии наук СССР 30 ноября 1946 г.



16.II.47

Многоуважаемый Коллега,

Если память мне не изменяет, мы с Вами встречались в начале 1918 г. на заседаниях Московской диалектической Коммиссии, где я выступал с докладом о русском глаголе.

В моей библиотеке имеются некоторые из Ваших трудов, и мне было чрезвычайно приятно и даже несколько неловко, что Вы уделили там столько лестного внимания моим работам, особенно по русскому глаголу.

Надиях из советск. журн. я узнал, что Вы избраны членом Академии Наук СССР, очень нарадовался этому и приношу Вам свои искренние поздравления и наилучшие пожелания.

Последние годы я много работал над современным русским языком, далеко двинул вперёд системат. труд на франц. яз. о русской фонологии и грамматике, а также почти закончил

К7 — письмо С. И. Карцевского В. В. Виноградову от 16/II–1947 г. (ААР/2012/16/9/5)

обменяться мыслями с коллегами, за полным отсутствием в Швейцарии лингвистов-русистов.

Несколько месяцев тому назад я обратился в Президиум Академии Наук с заявлением, в котором я писал, что очень желал бы для завершения своих трудов лингвистических и литературоведческих получить возможность работать при соответствующих научно-исследовательских институтах. Мне уже 63-ий год, нужно торопиться, и мне тяжело было бы думать, что я не смогу закончить своих работ.

Я думаю, что Вам нетрудно познакомиться с моим заявлением и увидеть, в чём заключаются мои desiderata[163].

Для меня было бы большим счастьем войти в семью советских русистов. О многом хотелось бы переговорить и с Вами лично в связи с проблемами русского языка.

Я позволяю себе надеяться, что Вы не откажетесь поддержать моё заявление. Может быть профессор Д. Н. Ушаков, о котором я сохранил лучшие воспоминания, тоже поддержал бы меня. Я был бы очень благодарен Вам и ему.

Если бы вопрос разрешился благоприятно, мне потребовалось бы, конечно, несколько месяцев, чтобы полюбовно отменить свой контракт с университетом, приготовиться к переезду и попасть на Родину до наступления холодов, для защиты от которых ни у меня, ни у жены нет подходящего гардероба. Летние университетские вакации здесь длятся с начала июля по начало октября.

Кроме преподавательской деятельности я состою здесь вице-председателем Женевского лингвистического Общества и вице-администратором Славянского института при университете, учреждений, возникших по моей инициативе. Сверх того, я являюсь председателем Союза Советских Граждан в Швейцарии.

Вот сведения о себе, которые я могу вкратце сообщить Вам.

Очень прошу Вас, многоуважаемый Коллега, принять мои наилучшие пожелания.

P. S. Я думаю, что сноситься с мной было бы всего проще через посредство Миссии[164], которой моё место пребывания всегда хорошо известно.

[*Ко второму изданию «Повторительного курса русского языка» (?)*]

Источник: ААР/2012/16/9/5

[4 страницы без даты, аккуратно написанные и пронумерованные автором]

От автора

Мысль о необходимости старшего курса родного языка встречает в педагогических кругах всеобщее признание (достаточно сослаться хотя бы на съезд словесников в Петрограде в 1921 г.). Однако, о самом характере этого курса твёрдо установившегося мнения пока ещё нет. Обычно предполагают, (например, Д. Н. Ушаков), что подобный курс будет посвящён истории русского языка и элементарному ознакомлению с его

[163] Пожелания (*лат.*).

[164] Дипломатическая миссия СССР в Швейцарии (так как тогда не было посольства).

диалектами. Мы этого мнения не разделяем и позволяем себе познакомить читателя-преподавателя с нашим взглядом на характер старшего курса родного языка.

Предварительно — несколько соображений общепедагогических.

Педология постоянно обращает внимание педагогов на то, что ребёнок 12–13 лет переживает чрезвычайно сильные изменения в своей физической и психической природе, и в последующем периоде, до 15–16 лет (цифры, конечно, приблизительно), он представляет собою психологический тип, резко разнящийся от типа предыдущего периода. Постепенно и полубессознательно школа во всех странах начинает перестраиваться так, чтобы характер каждой из двух её ступеней соответствовал особенностям данного возраста. Место прямолинейного поступательного развёртывания преподавания и нарастания знаний в механической последовательности всё более заступает организация преподавания кольцевая, концентрами, и всё более обозначается водораздел между школой 1-ой ступени и школой 2-ой ступени. Мы думаем, что со временем, как успехи педагогики, так и практика школьной политики приведут к сознанию необходимости разгрузить школу 2-ой ступени от «программ» и предоставить ей возможный максимум индивидуализации работы ученика и учителя. Подобная школа смогла бы широко использовать и Дальтон-план. Тогда сама собою создалась бы ещё 3-ья ступень, нечто вроде «нулевых семестров» или курсов для подготовки к высшей школе или к практическим специальностям, опять-таки отличных от первых двух ступеней по своим заданиям, а потому и по своим методам работы.

Преподавание родного языка на 2-ой ступени не может не отличаться коренным образом от преподавания на 1-ой ступени, не только по своему объёму, но по самой сущности своего характера.

Первый концентр обучения родному языку имеет перед собой ряд практических заданий: необходимо научить ребёнка читать, писать грамотно и грамотно же пользоваться устной *литературной* (но вовсе не книжной) речью. Эти достижения далеко не легки и их вполне достаточно, чтобы занять и преподавателя, и ученика на 1-ой ступени, несмотря на то, что усвоению так же практических умений и знаний способствуют и уроки арифметики, и уроки естествознания и жизнь школьных кружков и собраний и т. д., и т. д. Достижениями не утилитарного характера, которые сопутствуют осуществлению практических заданий, явятся постепенное развитие у ученика языкового «вкуса», нормы и постепенное пробуждение языковой «рефлексии», т. е. всё более сознательное отношение к простейшим явлениям языка. Преподавать *науку* детям этого возраста невозможно и нежелательно. Но это, конечно, не значит, что практическая установка деятельности преподавателя может быть антинаучной. Методика предмета теснейшим образом связана с методологией науки, и напр[имер] А. М. Пешковский в своих учебниках решает педагогическую задачу в строгом соответствии с характером науки. Но ребёнку этого возраста научные интересы недоступны, ему нужны *твёрдые* истины, ясные нормы деятельности и «почему» или «зачем» не находящие немедленного ответа его могут только обескуражить.

Во 2-ом концентре перед преподавателем родного языка можно и должно поставить цели иные. Приобретение и углубление практических умений и знаний, конечно, будет всё время продолжаться. Но наряду с этим и всё более независимо от этого будут

выдвигаться задания характера теоретического. Спешим оговориться: школа 2-ой ступени не собирается готовить специалистов-филологов, ни энциклопедистов равно готовых к поступлению в высшую школу любой специальности или к любой практической деятельности. Глубоко ненормально положение, когда все высшие школы зараз требуют от кончающего 2-ю ступень равную подготовленность к любой из них. От перегруженности и пестроты программ страдают школы во всех странах. Никакие фуркации здесь не помогут. Нужно просто раз на всегда отказать высшей школе в праве предъявлять к школе 2-ой ступени какие бы то ни было требования, но создать между среднею и высшею школою особые курсы по подготовке уже по специальности. Таким образом разгруженная, школа 2-ой ступени может отдаться целиком общеобразовательным задачам и осуществить их в полном согласии с требованиями педагогики. Но даже и в настоящих условиях 2-ой концентр преподавания родного языка должен носить определённо общеобразовательный характер. Вот что под этим мы понимаем.

Сквозь свой родной язык учащийся должен научиться понимать жизнь *языка* как такового. Наш курс должен быть, собственно говоря, элементарным курсом введения в языкознание, несколько своеобразно организованного. Всякому понятно, что в школе 2-ой ступени ученик должен приобрести некоторые, элементарные, конечно, знания из математики, биологии, химии и физики, социологии (понимая под этим обществоведение, историю, политическую и экономическую географию и т. п.), литературы и т. д. Но как-то мало задумываются над тем, что всякому не абсолютному невежде необходимы также сведения и о языке, этом сложнейшем и важнейшем социально-психическом явлении, проводящем резкую грань между человеком и животным, этом основном условии общественной жизни и всякого творчества даже в его наиболее индивидуальных проявлениях! Хорошо поставленный подобный курс, требуя от ученика всё большей языковой рефлексии, самонаблюдения (интроспекции), а также и наблюдения за речью других, способен служить и той «умственной гимнастикой», которая особенно необходима для людей умственного труда, и которую, совершенно ошибочно, многие думали достичь преподаванием древних языков. Мы склонны полагать, что подобная работа над языком и его функционированием прекрасно подготовит к слушанию в дальнейшем (на «3-й ступени») пропедевтических курсов по психологии и логике и в то же время позволит школе 2-ой ступени обойтись совершенно без этих двух предметов.

Но составление курса родного языка для 2-го концентра встречает на своём пути массу затруднений, многие из которых пока ещё и не могут быть преодолены.

Самым главным затруднением является современное состояние науки о языке. Мы, конечно, не можем распространяться здесь на эту тему и ограничимся самым существенным (а кое-какие дополнения читатель найдёт в заключительной главе).

Дело в том, что вот уже около двух десятков лет как в языкознании наблюдается реорганизация всей дисциплины, вызванная происходящим перенесением ее центра тяжести. Современная лингвистика совершенно не интересуется, можно сказать, такими проблемами, как, напр[имер], происхождение языка. В центре её внимания всё более стремится встать вопрос функционирования языка, в связи с чем, наряду с эволютивной лингвистикой, или диахронией, начинает завоёвывать себе равное же признание

статическая или синхроническая лингвистика, фактически возможная только при изучении живых языков и, главным образом, своего родного языка. Конституирование этой синхронической или «общей», как ее называет A. Meillet, лингвистики и является современной важнейшей задачей науки. Её база заложена F. De Saussure'ом и его продолжателями, среди которых, кроме Ch. Bally и Alb. Séchehaye, нужно ставить также и A. Meillet. — В виду всего сказанного в настоящее время нет и ещё не может быть написано такого «*Курса языковедения*», в котором было бы обрисовано всё здание лингвистики и зарегистрированы её достижения.

Понятно, в каком безвыходном положении оказывается тот, кто захотел бы написать учебник по этому предмету. Автору приходится мысленно создавать как бы идеальный план здания лингвистики, при чём, конечно, оказывается, что далеко не все контуры он может себе представить, а многие помещения не знает, чем заполнить. Вот почему ещё долгое время все учебники, равно как и научные введения в языкознание будут неизбежно давать неполное и даже несколько искажённое* представление о своей науке. — Мы не упомянули ещё об одной особенности науки о языке, делающей изложение предмета неизбежно сложным и трудным. Дело в том, что язык такое сложное явление, что как упрощённо и популярно его ни излагай, предмет продолжает оставаться сложным, и требует большого напряжения внимания со стороны воспринимающего.

Первый опыт такого изложения, очень упрощённого и оставлявшего в тени целый ряд вопросов, мы сделали в нашем учебнике *Русский язык,* I *Грамматика* (Прага, 1925). Приём, который он встретил в учёном мире, даёт нам смелость опыт этот повторить, раздвинув несколько рамки изложения и проделав заново весь ход наших мыслей. Кроме того, каждый § учебника сопровождается особыми примечаниями в конце книги, которые углубляют трактуемый вопрос. Книга всё-таки остаётся неполной, как размеры, которые были нам предложены, так и в ещё большей степени самая трудность и невыясненость вопроса не позволили нам изложить причины и ход эволюции языка; подобным же образом нам пришлось, надеемся временно, отказаться от нашего первоначального намерения показать как используют в своих целях средства, предлагаемые языком, поэты, мастера слова (устного письменного), как для разных заданий (канцелярская бумага, телеграмма, газетная статья и т. д.) производится выбор языковых средств, и таким образом глава «*Практической лингвистики*», по меткому выражению Г. Винокура, осталась ненаписанною.

Будущее покажет, каким изменениям должен будет подвергнуться настоящий учебник, чтобы достичь своей цели — дать ученику представление о механизме языка и его функционировании.

В заключение считаю своим долгом выразить нашу благодарность тем лицам, которые своими советами, замечаниями, оценкою наших работ и т. д. содействовали появлению настоящей книги. Эти лица: Ch. Bally, I. Baudouin de Courtenay, E. Berneker, Н. Н. Дурново, A. Meillet, А. М. Пешковский, Р. И. Якобсон.

* Обычно в таких введениях, сплошь почти исторического характера, большую часть занимает учение о звуках.

Индекс

I. По порядку настоящей публикации

Письмо	Автор / Адресат	Число	Письмо	Автор / Адресат	Число
И1	От издательства «Пламя»	14.07.1923	Я13	От Р. О. Якобсона	22.04.1932
И2	От издательства «Пламя»	22.08.1927	Я14	От Р. О. Якобсона	17.11.1932
П1	От А. М. Пешковского	23.09.1927	Я15	От Р. О. Якобсона	12.07.1933
П2	От А. М. Пешковского	23.03.1928	Я16	От Р. О. Якобсона	12.11.1933
П3	От А. М. Пешковского	09.04.1928	Я17	От Р. О. Якобсона	1935
П4	От А. М. Пешковского	25.08.1929	Я18	От Р. О. Якобсона	02.07.1936
П5	От А. М. Пешковского	07.11.1929	Я19	От Р. О. Якобсона	27.04.1937
Б	От К. А. Боташёва	25.07.1928	Я20	От Р. О. Якобсона	14.07.1938
Д	От Н. Н. Дурново	28.03.1933	Т1	От Н. С. Трубецкого	07.04.1931
Я1	От Р. О. Якобсона	02.09.1930	Т2	От Н. С. Трубецкого	14.06.1931
Я2	От Р. О. Якобсона	14.11.1930	Т3	От Н. С. Трубецкого	06.07.1933
Я3	От Р. О. Якобсона	21.11.1930	Т4	От Н. С. Трубецкого	09.09.1933
Я4	От Р. О. Якобсона	29.11.1930	Т5	От Н. С. Трубецкого	24.05.1936
Я5	От Р. О. Якобсона	31.01.1931	Т6	От Н. С. Трубецкого	16.12.1937
Я6	От Р. О. Якобсона	10.02.1931	К2	Н. А. Рубакину	20.02.1936
Я7	От Р. О. Якобсона	04.04.1931	Р1	От Н. А. Рубакина	14.05.1936
Я8	От Р. О. Якобсона	11.04.1931	К3	Н. А. Рубакину	15.05.1936
Я9	От Р. О. Якобсона	19.05.1931	К4	Н. А. Рубакину	21.06.1936
Я10	От Р. О. Якобсона	04.07.1931	Р2	От Н. А. Рубакина	05.01.1937
Я11	От Р. О. Якобсона	01.08.1931	К5	Н. А. Рубакину	06.01.1937
К1	Р. О. Якобсону	27.12.1931	К6	В Академию наук СССР	09.1946
Я12	От Р. О. Якобсона	06.04.1932	К7	В. В. Виноградову	16.02.1947

II. По датам

Число	Автор / Адресат	Письмо	Число	Автор / Адресат	Письмо
14.07.1923	От издательства «Пламя»	И1	14.06.1931	От Н. С. Трубецкого	Т2
22.08.1927	От издательства «Пламя»	И2	04.07.1931	От Р. О. Якобсона	Я10
23.09.1927	От А. М. Пешковского	П1	01.08.1931	От Р. О. Якобсона	Я11
23.03.1928	От А. М. Пешковского	П2	27.12.1931	Р. О. Якобсону	К1
09.04.1928	От А. М. Пешковского	П3	06.04.1932	От Р. О. Якобсона	Я12
25.07.1928	От К. А. Боташёва	Б	22.04.1932	От Р. О. Якобсона	Я13
25.08.1929	От А. М. Пешковского	П4	17.11.1932	От Р. О. Якобсона	Я14
07.11.1929	От А. М. Пешковского	П5	28.03.1933	От Н. Н. Дурново	Д
02.09.1930	От Р. О. Якобсона	Я1	06.07.1933	От Н. С. Трубецкого	Т3
14.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я2	12.07.1933	От Р. О. Якобсона	Я15
21.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я3	09.09.1933	От Н. С. Трубецкого	Т4
29.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я4	12.11.1933	От Р. О. Якобсона	Я16
31.01.1931	От Р. О. Якобсона	Я5	1935	От Р. О. Якобсона	Я17
10.02.1931	От Р. О. Якобсона	Я6	20.02.1936	Н. А. Рубакину	К2
04.04.1931	От Р. О. Якобсона	Я7	14.05.1936	От Н. А. Рубакина	Р1
07.04.1931	От Н. С. Трубецкого	Т1	15.05.1936	Н. А. Рубакину	К3
11.04.1931	От Р. О. Якобсона	Я8	24.05.1936	От Н. С. Трубецкого	Т5
19.05.1931	От Р. О. Якобсона	Я9	21.06.1936	Н. А. Рубакину	К4

Число	Автор / Адресат	Письмо	Число	Автор / Адресат	Письмо
02.07.1936	От Р. О. Якобсона	Я18	16.12.1937	От Н. С. Трубецкого	Т6
05.01.1937	От Н. А. Рубакина	Р2	14.07.1938	От Р. О. Якобсона	Я20
06.01.1937	Н. А. Рубакину	К5	09.1946	В Академию наук СССР	К6
27.04.1937	От Р. О. Якобсона	Я19	16.02.1947	В. В. Виноградову	К7

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947. 784 с.

Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / Сост. И. И. Фужерон. М.: Языки русской культуры, 2000. 344 с.

Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. II. / Сост. И. И. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.

Трубецкой Н. С. Письма и заметки. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Фужерон И. И. От библиотечной карточки к архиву С. И. Карцевского // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 246–252.

Якобсон Р. Тексты, документы, исследования /Отв. ред. Х. Баран. М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 1999. С. 175–191.

D'ottavi G., Fougeron I. «Sur la phonologie de la phrase» de Serge Karccevski — Essai de relecture («О фонологии фразы» Сергея Карцевского — Опыт прочтения) // Congrès mondial de linguistique française, CMLF 2016. P. 1–14. SHS Web conferences 27, 05001 (2016).

D'ottavi G., Fougeron I. Une lettre de Serge Karcevski de 1916 (Одно письмо Сергея Карцевского 1916 г.) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 69. Genève, 2016. P. 17–27.

Fougeron I. Serge Karcevski (1884–1955). URL: http://www.item.ens.fr/index.php?id=200861.

Fougeron I., Breuillard J. Serge Karcevski // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1999. T. XCIV. Fasc. 1. P. 31–66.

Fougeron I. Serge Karcevski et la syntaxe (Сергей Карцевский и синтаксис) // Modèles linguistiques. 2002. T. XXII. Fasc. 1. P. 137–150.

Karcevski S. Inédits et introuvables (Неизданное и недоступное). Paris–Leuven: Peters, 2000. 266 p.

Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique (Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания). Paris: Institut d'études slaves, 2004. 184 p.

Vlassov S. Lettres de Serge Karcevski au professeur Lev Chtcherba et à l'académicien Ivan Mechtchaninov (Письма Сергея Карцевского профессору Льву Щербе и академику Ивану Мещанинову) // La correspondance entre linguistes/ Bruxelles: éditions Academia, 2017. P. 179–191.